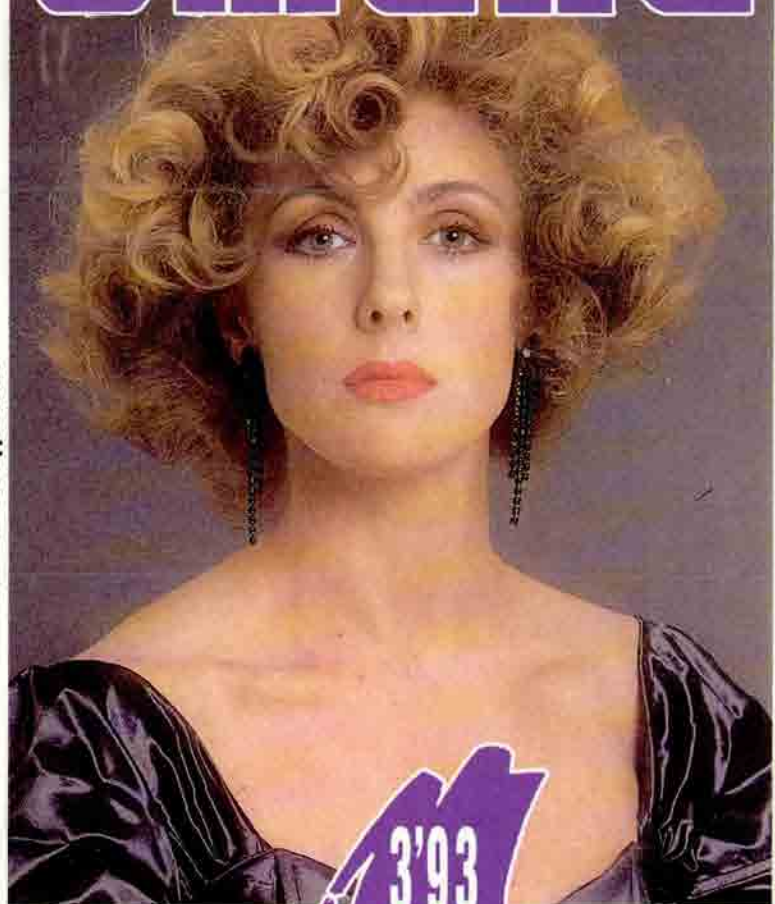

ISSN 0131-6656

СМЕРНА

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

3'93

• РУССКИЙ ПОГРЕБОК

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН • ЗАСТАВА • ТАТЬЯНА ШАШКОВА • ЖЕНЩИНА-БЛЮЗ

(Читайте стр. 4.)

БЕЖЕНЦЫ

3'93 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
Художественно-
технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.12.92.

Подписано к печати 22.01.93.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 421200 экз.

Заказ № 9.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем

257-33-79 — отдел молодежных
проблем

251-04-10 — отдел литературы
и искусства

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

3 (1541) МАРТ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке:
актриса
ЕЛЕНА
ЯКОВЛЕВА.
Фото
ЮРИЯ
ЖЕЛУДЕВА
(Читайте
стр. 196.)

проза

58

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН. ЗАСТАВА
Мистический роман

поэзия

28

НАТАЛИЯ АНИКИНА, АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

173

**ЕЛЕНА НАУМОВА, НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ,
АННА ГЕДЫМИН**

человек и общество

4

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. БЕЖЕНЦЫ

50

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ПОЛЬЗА ОТ МИНУСОВОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ

166

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. КРАСНОДАРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

186

ЛЕОНИД ПЛЕШАКОВ. ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

200

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

217

БОРИС МОСКВИЧЕВ. ГОД В ГОСТЯХ

культура, музыка, искусство

32

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ -ДА!
ФОТОВЕРНИСАЖ ВЛАДИМИРА СЕМИНА

178

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ
КОНКУРС ЗНАТOKОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

196

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА: «НЕ СТЕСНЯЮСЬ БЫТЬ
СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ»

220

ТАТЬЯНА ШАШКОВА. ЖЕНЩИНА-БЛЮЗ

228

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. «Я ИЗ ТЕХ, КТО СПРЯТАЛСЯ
ЗА ДВЕРЬЮ»

232

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА. РУССКИЙ ПОГРЕБОК

284

ЗОРЕМА МЗОКОВА. СКУЛЬПТОР АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

48, 164

ВАШИ ПИСЬМА

278

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

4•93

3

■ **НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ.** «УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИКИ!»

В новой детективной повести Николая Леонова: главный герой полковник Лев Иванович Гуров продолжает опасную борьбу с мафией и коррумпированной властью...

■ **ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ.** «НОМЕР С ВАННОЙ»

Властимил Шубрт — инженер-электрик по профессии. Но он очень популярен в Чехии и Словакии как киносценарист и автор криминальных повестей и рассказов. «Номер с ванной» — детектив, в центре которого загадочное убийство девушки. Читателям «Смены» уже знакомы его герои по первой повести этого цикла «Конец королевы», опубликованной в № 4 за 1991 г.

■ **ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНЗ.** «ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ
ОТДАЕШЬ»

Отрывки из книги известных английских журналистов, посвященной жизни и творчеству столь популярной и сегодня группы «Битлз». В одном из интервью Стивен Гейнз сказал: «Мы решили, что это не будет ни скучной хроникой, ни биографией каждого отдельного музыканта, ни музыкальным анализом, а трагическим повествованием человека, посвященного в тайну, сагой о жизни «Битлз».

АНОНС:

БОЖО

НУЛЫ

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

Сейчас в России полтора миллиона переселенцев и беженцев из бывших республик бывшей страны.

Никто не знает, сколько их будет завтра, успокоится ли жизнь в сопредельных государствах или же политические и национальные конфликты будут рождать все новых и новых людей, лишенных крова.

Мы, занятые своими нелегкими житейскими заботами, зачастую и не задумываемся над их судьбой, не знаем, что они пережили там, как их встретили здесь, как складывается их жизнь уже в российских пределах.

Липецкая земля — глубинная черноземная Россия. Деревни и села Липецкой области приняли около десяти тысяч переселенцев.

Страшно было за детей

НИКОЛАЙ ОНИЩУК, 39 лет, столляр-краснодеревщик,
г. Узгень, Кыргызстан — с. Конь-Колодезь, Липецкий район

Сам я тернопольский, служил в Германии, после армии побыл в Москве и оттуда — в Киргизию. Обосновался там, обжился, женился. Народ тамошний, киргизы и узбеки, — очень душевные люди. И вдруг в один день началась меж ними война. И не поймешь, что случилось, из-за чего. Всю жизнь вместе жили, лепешки и плов кушали — и вдруг пролилась кровь. Вы, конечно, слышали о событиях в Ошской области, в Узгене. Мы как раз оттуда.

Утром жена ушла на работу, а я остался в сарае работать, три дня от отпуска оставалось. Счастье нам привалило громадное: получили трехкомнатную квартиру, пятнадцать лет я за нее работал! Всю ее отделил — игрушка! Значит, работаю я в сарае. И вдруг слышу: тр-р-р-р! Тр-р-р-р! Выскакиваю на улицу, а мне говорят: автоматы... И где-то уже дым поднялся, где-то уже горит. Собрал сразу документы, детей в охапку — и к матери, она ближе к центру, к райкому живет, безопаснее. Да где там! По всем улицам киргизы пошли с ружьями, с палками, с пиками! Помню, кричали тогда все: русских не трогать! Русских не трогать! Мол, это только между нами, киргизами и узбеками. Да разве так бывает, что в стороне останешься! Сразу к нам отношение изменилось. Работаю я на киргизской стороне города, а живу на узбекской. И там и там ко мне пристают: ты за кого? Я объясняю: никого я не трогал, какие у вас ко мне претензии? А они, киргизы: мол, надо по-киргизски разговаривать. Да не умею я, не учился! Разве можно так резко? Нет, говорят, не хочешь язык учить, уезжай в свою Россию. Ну сколько можно терпеть такое? А тут еще про квартиру стали говорить: мол, еще разберемся, чья это квартира. И тут я понял, что мне там не жить.

Поймите, я на ту сторону не злой, но я никак в толк не возьму: почему они нас погнали? А если так, то пусть возместят ущерб. Мы ведь все там оставили: у нас трехкомнатная квартира, у тещи двухкомнатная, у сестры жены — двухкомнатная, все, что нажито за жизнь! И хорошо, что еще три года назад уехали, сейчас бы на контейнеры даже денег не хватило.

Поселили нас в совхозе, в заброшенном этом общежитии — и вот уже три года так живем, чай себе варим электрокипятильником. Был я краснодеревщиком — стал слесарем-сантехником, то есть по-деревенски — ассенизатором. Жена — дамский мастер, а стала уборщицей. Получаем

по тысяча триста рублей в месяц, третий год ждем квартиру. Вот и все. Так я говорю: если б не дети, разве стал бы я терпеть такое? За детей страшно было — вот и уехали и живем теперь здесь на положении последних людей.

**ТАТЬЯНА ОНИЩУК, 39 лет, парикмахер,
г. Узгень, Кыргызстан — с. Конь-Колодезь**

Что там было, в Узгене, — страшно вспомнить. Окна нашего быткомбината выходят на площадь, на базар. И вдруг видим: с базара, с площади люди бегут, лица перекошенные, детей за руки волочат, дети падают, спотыкаются. Тут парень, он с нами работает, пришел с улицы, говорит: девки, война! Мы ему: ты что, с ума сошел? А люди бегут, кричат что-то, раздались автоматные очереди, мы поняли: и правда, война! Выпроводили клиентов, побежали по домам, в детсады, детей брать, а на улице встречает нас директор быткомбината и кричит: идите работать! Кстати, некоторых женщин он задержал, заставил их шить красные повязки. Их на лоб, на рукава повязывали боевики, чтобы отличать друг друга в толпе.

Взяли мы детей, спрятались у мамы, в центре. А по центральной улице лавой идут киргизы с оружием, кричат что-то!

Ночью начались пожары, взрывы. Утром просыпаемся мы, а в городе тихо-тихо, так тихо, что страшнее не бывает. На улице — никого, только догорает перевернутый грузовик и собаки бродят...

Потом, когда порядок восстановили, буквально ко всем русским пришла одна и та же мысль: а что если узбеки опомнятся от этого шока и пойдут войной на киргизов? Уцелеем ли мы тогда, останемся ли в стороне? Ведь киргизы уже начали поговаривать: мол, почему вы, русские, не пошли вместе с нами бить узбеков, вы же на нашей земле живете? И вообще началось... Мою подружку, например, одна киргизка все время спрашивала, продала она мебель или нет? Да зачем, говорит, нам мебель продавать? Она отвечает: а все равно вам здесь не жить...

В первой же группе нас сразу восемьсот семей из Узгения уехало. Все бросили! И правильно сделали. Недавно я от подруги письмо получила. Там уже никого из русских почти не осталось. Подруга пишет: какая ты счастливая, что уехала и теперь спишь спокойно. А мы... Идем с дочкой на базар, дочке четырнадцать лет, а вдоль тротуара стоят киргизские парни и громко так говорят: «О, какая девочка, ее уже можно...» Представляете, девочке и родителям в глаза такое говорить! Ведь они не говорят то же самое киргизским девочкам и киргизским родителям! А русским — можно, русские беззащитные. Нет, пусть здесь тяжело жить, холодно, бедно, даже унижительно, но мы здесь спим спокойно. Мы здесь спокойны за детей. А это главное в жизни.

Вода и мельница

**ГЕННАДИЙ ЖЕРЕБИЛОВ, управление внешних сношений
липецкой областной администрации**

Не буду характеризовать то, что происходит сейчас в бывших союзных республиках, дабы не накалять страсти. Но хочу, чтобы там обратили внимание на неопровержимый факт: мы взаимосвязаны, любое событие там отражается эхом в России, и наоборот.

Например, и в России, и в республиках, ныне независимых государствах, обеспокоены ростом национального экстремизма, говорят о русском фашизме и прочее и прочее. Но почему же тамошние политики не думают и не говорят о том, что своим бездействием они как раз поощряют, провоцируют эти настроения в России?! Неужто они не понимают, что когда русских изгоняют из Литвы или Эстонии, это не улучшает наши отношения? А ведь нам и дальше быть соседями, никуда мы не денемся, и Литва не сможет поменяться местами с Кубой! Зачем же портить наши отношения с первых дней независимости?

Если политики в республиках всерьез обеспокоены экстремистскими настроениями в России, то лучший способ повлиять на наше общественное мнение — самым жестким образом пресечь антирусские выходки в своих государствах. Сами посудите, ведь беженцы, приезжающие в Россию, — это не с курортов отдыхающие. Все, что нажито было трудом семьи, десятилетиями, в один миг пошло прахом. Неужто не ясно, с каким настроением они приезжают?! Они ведь рассказывают, как их изгоняли оттуда, что говорили. Все видят, в каком состоянии они приехали. Вокруг них создается соответствующая атмосфера, хочешь или не хочешь, а возникают враждебные чувства, накаляются страсти. И вот уже в деревнях, где обосновались переселенцы, народ к сопредельным государствам начинает относиться с предубеждением. Мало того, он и своему российскому правительству, и президенту вправе предъявить самые серьезные обвинения: как же так, русских оскорбляют, а вы их не можете защитить?! А ведь это все наши избиратели, люди, определяющие будущую политику государства. Представим на минуту, что подобные не самые дружелюбные настроения овладели очень многими людьми, а тут выходит на сцену политик, который заявляет: голосуйте за меня, и я не позволю обижать русских! Я буду говорить с сопредельными государствами языком силы, я предъявлю им ультиматум, я подниму тамошнее русскоязычное население! И представим себе, что большинство избирателей голосует за него...

Хотят ли соседние государства появления такого политика на российской политической сцене? Конечно, нет. Тогда почему же они то ли прямым действием, то ли бездействием как будто нарочно создают атмосферу для его возникновения? Как говорится, льют воду на его мельницу.

И это относится не только к молодым государствам и их молодым в политическом отношении руководителям, но и к такой стране, как Япония. Казалось бы, мудрый Восток, мудрая, взвешенная политика. Но ведь и они выбрали далеко не лучший момент для переговоров о дальневосточных островах. Зачем именно сейчас, когда наше национальное самосознание задето, уязвлено, когда нас чуть ли не официально называют Верхней Вольтой, но только с ракетами, зачем именно сейчас вставлять в наши раны еще и эти иголочки?! Нет, такой путь заведомо в худшую сторону повлияет на общественную атмосферу и в России, и в сопредельных государствах. По-моему, это очевидно.

На старости лет без дома...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ЛЕЖАЧЕВА, пенсионерка,
г. Узгень, Кыргызстан — с. Конь-Колодезь

Жили мы в деревне Горьковской области. Трудно было после войны,

несытно. А тут к нам приехала из Киргизии двоюродная сестра отца, он и говорит ей: взяла бы ты с собой Катюшу...

Прижилась я там сразу. Киргизы очень простые, добродушные люди. Узбеки — трудолюбивые, старательные. Не было между нами ссор. Я тридцать четыре года в канцелярии прокуратуры отработала, дочек выдала замуж. Отца мы нашего похоронили, ветерана войны, дважды награжденного орденом Красного Знамени. Дочки на ноги встали, получили квартиры, внуки растут. Чего еще желать мне, бабушке?

И тут началось кровопролитие между киргизами и узбеками. А посердке оказались мы, русские. Приходят ко мне дочери, говорят: собирайся, будем уезжать. «Как же так? — говорю. — Бросать все? У вас же квартиры, у меня двухкомнатная, не возьмем ведь с собой!» А что делать? Не останусь же я там одна-одинешенька на старости лет, без дочек, без внуков и внучек. Не хочу, а еду. И знала ведь, что здесь будет плохо, говорила, что нас никто не ждет. Так и оказалось. Три года живем в сарае, и мне в том сарае выделен уголок. Наша семья имела три отдельные квартиры, а теперь все гуртуемся одним общежитием. А ну как я не буду нужна ни тому зятю, ни этому? Куда старухе податься? На старости лет осталась бездомной.

А за что?

Замысел

**ГЕННАДИЙ РАЧИЛОВ, исполнительная дирекция
областной программы «Переселение»**

Можно говорить только о начале работы, о планах, поскольку дирекция недавно создана. Но вот программа «Переселение» — давно. Так или иначе над ней стали задумываться еще с девяностого года, когда в России появились первые беженцы. А законченный вид она приобрела недавно, получив утверждение в правительстве. Нам под эту программу выделили деньги из бюджета. На обустройство сел, на строительство школ, больниц, дорог, газопроводов, на все то, что называется социальной инфраструктурой. Деньги пойдут в деревни, которые уже приняли и еще примут у себя переселенцев.

Но главный момент программы — развитие фермерства в области. Именно переселенцы могут стать мощной движущей силой, способной преобразовать российское село. Им в некотором отношении легче, потому что всегда проще начинать с чистого листа. Но для этого нужны и соответствующие условия. Правительство выделяет под фермерское движение огромные льготные кредиты. Однако одни деньги погоды не сделают. Наша задача — дать необходимое направление. Новый фермер должен сразу же начинать с передовой технологии, а не проходить заново путь от сохи до трактора. Человек, привыкший к сохе, может не захотеть трактора... Помимо рублевых кредитов, нам выделяется валюта, тоже в кредит, разумеется. Для будущих фермерских хозяйств надо создать систему перерабатывающих малых предприятий. Если у нас нет аналогичных — закупить их на Западе. То есть создать высокорентабельное и высокопродуктивное хозяйство.

Конечно, даже на бумаге не все гладко. А уж в жизни... Например, мы считаем, что при нынешних ценах у фермера никаких кредитов не хватит, что закупить необходимую технику. Наш же липецкий тракторный завод

затоварен машинами, никому не по силам их купить. Поэтому прорабатываем идею создания машинно-тракторных станций на коммерческой основе.

Другая проблема — неравенство между переселенцами и местным населением. Ведь льготный кредит на фермерское хозяйство дают пока только переселенцам. Что, разумеется, несправедливо.

Все мы знаем, что российская деревня просто-напросто обезлюдела. Но вот наша область уже сейчас приняла две тысячи переселенческих семей из республик бывшего Союза. И это все люди инициативные, уверенные в себе. Мы верим, что новые люди помогут возрождению черноземных деревень.

«Мы будем решать, кто достоин...»

Нынче только ленивый не ругает правительство. И правда, есть за что. В том числе и за беженцев. И забыло оно, правительство, своих соотечественников, и не помогает, и денег не дает...

Но, как мы видим в случае с Липецком, правительство деньги дает. И немалые. Более того, Липецку отдана львиная доля общероссийских переселенческих средств. За что же такое благоволение? Это не благоволение — трезвый расчет. То ли мы не помним, как уходили в песок, в распыл сотни миллиардов рублей, выделенные просто так, на развитие села. Они развеивались по ветру вместе с ненужными горами удобрений, ржавели на пустырях в тысячах закупленных и угробленных тракторов. Если и сейчас подпустить к деньгам совхозы, колхозы, заводы и стройки, то можно быть уверенным: переселенцам не достанется ничего.

Липецкие же власти не просто разработали программу «Переселение», но и предусмотрели механизм ее реализации, уже начали дело. И в постановлении правительства, и в программе местным властям, колхозам и совхозам поставлено условие: обустроите переселенцев — получите деньги на строительство дорог, газопроводов, школ. А цербером над этими деньгами поставлена специальная дирекция.

Слух о том, что на ее счета идут большие деньги из Москвы, пронесся по всем городам и весям. Самые шустрые хозяйственники заготовили бумаги со стандартным «просим выделить...». И в этих бумагах интересы переселенцев, разумеется, поставлены на первое место. Но мы же знаем, что бумаги — одно, а реальность — совсем другое.

Понятно, все хотят получить деньги, чтобы довершить начатые, но так и брошенные из-за нехватки средств дороги, школы, больницы... А тут появился шанс, да еще какой! И казалось бы, одно другому не мешает, наоборот, первоочередная забота о переселенцах напрямую связана со всеми другими интересами хозяйств и властей.

Но разговоры... разговоры... Только в одном совхозе я слышал твердое: уже построили столько-то домов, обязуемся еще столько-то... В других же конторах в речах то и дело мелькало: можем поселить, планируем построить, впоследствии можем выделить фермерские участки (километров за десять до деревни)...

Надо ли говорить, чем обернется нынешнее чиновничье «можем». Можем дать, а можем не дать...

Хрестоматийный пример великодержавного начальственного мышле-

ния явил молодой (совсем молодой — вот что удивительно!) представитель администрации одного из районов. Завершая разговор с ним, Рачилов сказал: самое главное — уже сейчас определить земли, которые отойдут будущим фермерам.

Представитель радостно согласился: да, да! Мы людей расселим, они поработают, зарекомендуют себя, а мы потом будем решать, кто достоин...

И тут я не выдержал, рассмеялся. Помилуйте, говорю, выходит, вы возьмете их деньги, вложите их деньги в общее строительство, а потом вы же будете решать, давать им что-то или не давать?

Представитель не понял.

Я повторил: поймите, это не ваши деньги, это — их деньги, их, доля в будущей общей жизни, и им решать, как этой долей распорядиться.

И снова представитель не понял. Искренне не понял. Это ведь с молоком матери впитано: если я власть, то все принадлежит мне, только я могу брать, использовать человека как угодно, а потом решать, кто «достойн», а кто «не достоин».

Конец беспредметному разговору положил Рачилов. Не надо дискутировать, сказал он. В программе «Переселение» записано: выбор мест жительства и выбор рода и вида занятия является исключительным правом переселенца!

Хорошо записано! Только опять же, простите, это бумага. Впереди, уверен, непрерывные изматывающие конфликты за землю и за волю. Так что с этой точки зрения должность у Рачилова действительно церберская.

Мать и дочь

**НАДЕЖДА ПЕТРОВНА БОРОНЕЦ, пенсионерка,
г. Чаренцаван, Армения — с. Конь-Колодезь**

Когда едешь на Севан, там на высокой горе стоит красивая-красивая церковь. И у нас, в Чаренцаване, нашелся человек, который за бутылку водки сделал мне макет этой церкви. Видите, красота какая! Это моя память об Армении. Там, в армянской земле, все мои предки лежат, начиная с прадеда.

Мой прадед был молоканин, и я молоканка. Нас еще Екатерина II за нашу веру выселила из России, отправила в Армению. Там мы и жили отдельными селами.

Жили мы в Чаренцаване, муж и я, по тридцать лет на литейном заводе отработали. Двое сыновей у меня, одна дочь. Жили вроде нормально, никто меня не обижал. Но как началась война в Карабахе, так и у нас плохо стало. Начали азербайджанцев в деревнях притеснять, изгонять, ну мы и решили, что могут и нас так, как азербайджанцев. Все заговорили: поедem, поедem! И я тоже со всеми. Как говорится, все дураки, и я дурак. И вот живем здесь, в сарае, в доме брошенном. В одной комнате — я, сын с дочерью, дочка Наташа с мужем да еще маленький их ребенок, внучек мой. Ходили сегодня к директору насчет квартиры в готовом доме, а он: не обещаю, не обещаю, сам не знаю, кому достанется.

Дочка моя с пятнадцати лет здесь училась, в Липецке, на портного-модельера, а работу нашла в деревне, телятницей.

Там, в Армении, очень было тяжело: газа нет, света нет, школы и больницы не работают, хлеб по карточкам. Мы и поехали. А так нас никто не гнал, могли бы и жить, наверно. Только дочка моя, Наташа, там не хотела оставаться, она с детства не любила Чаренцаван...

**НАТАЛЬЯ АКСЕНОВА, 23 года, модельер-закройщик,
г. Чаренцаван, Армения — с. Конь-Колодезь**

Мало сказать, что не любила, я там жить и дышать не могла! Мама-то детство провела в русском селе, да и с армянами раньше были другие отношения. А меня там с детства за человека не считали, с детства мы там все обиды претерпевали. У нас школа русская была, но русских нас всего человек пять, а остальные армяне. И постоянные тычки, оскорбления, а то и побои...

Нет, все детство и отрочество были цепью унижений. Мама этого не видела и не понимает...

Да знала я язык, знала! В нашем доме жили армяне, приехавшие из Америки и Сирии, у меня с ними были очень хорошие отношения. Я всех детей в этом доме перенячила, на своих руках выносила. А как пойдешь в город — там сразу начинается. Вы понимаете, странность — это очень гостеприимный народ, щедрый, и в то же время жестокий. Не могла я там...

А с другой стороны — родина. Мне наши горы снятся. Здесь как увидят обрыв, так сразу кричат: «Гора! Гора!» Я смеюсь: вот у нас горы... И подснежники совсем другие, не такие, как здесь. Тоскую я по родине, по Армении, а ехать туда не хочу. А надо ехать — там могила отца...

...Видите, какие у меня руки? Маленькие, но твердые, как рашпиль. Телят откармливать, чаны с кормом таскать, вилами и лопатами навоз выгребать — это ведь не платья моделировать.

Но честно скажу: мне очень нравится. Я прежнюю свою профессию, модельера-закройщика, терпеть не могу. Училась-училась, а потом вдруг поняла, что не хочу этим делом заниматься.

А телята — это сплошная радость! У них такие мордочки — умереть можно. Всю жизнь согласна телятницей работать. Есть у меня Роза и есть Лизун, так они при виде меня аж из себя выскакивают, тянут-тянут ко мне мордочки, прямо все вытянутся!

Правда, деревню я не люблю, все-таки городской человек, хотя и Чаренцаван не город вовсе, а так — городишко. Вот если б можно было в городе жить и с телятами работать, телят там выхаживать — тогда бы было здорово!

И там плохо, и здесь тяжело

**ЛЮБОВЬ ГРУШЕВАЯ, 30 лет,
Бишкек — д. Кирова, Хлевенский район**

Приехали, а здесь тоже немногим лучше. Еще и обидней, что свой же вроде бы, русский, в грудь себя бьет и говорит: я здесь с таких лет живу, а ты кто? Я в Бишкеке с соседями жила — никто никому и слова плохого не сказал. А здесь...

Завели мы гусей, а они теряются, с соседскими гусями уходят. Ну, пошла я к ним, мне старик хозяин говорит: конечно, посмотри в заго-

родке. А у них во дворе гулянка, поросенка*они зарезали. (Тут тоже надо привыкать. Мы же азиаты, у нас как: проходит мимо человек — позовешь его на пиалу чая. И тебя в другом доме всегда первым делом за стол сажают. Здесь не так.) Ну ладно, мне какое дело, смотрю я в загородке своих гусей, и вдруг выскакивает из дома молодой хозяин да как понес матом: да ты, да что здесь делаешь, да понаехали!.. Боже мой! Я стою, ничего не понимаю, а потом думаю: что я, ответить не могу? И ответила. А он: да я здесь живу! Я ему: и я здесь буду жить! Вот и все, поговорили. И с тех пор мне здесь все не в радость. Нам ведь даже гусей не продавали, гусят. Говорят так: я тебе продам, а потом у меня самого водиться не будут... Вот такие нравы. Как мне друзья говорили: не продавайте дом в Бишкеке, мали ли что. А я: нет уж, концы надо все обрубить, чтобы потом не метаться. Сейчас бы пешком пошла назад, да не получится. А Валера снова против, говорит, что квартиру, глядишь, дадут, и обустроимся, привыкнем.

Пробуем привыкать. Но трудно. И самое тяжкое здесь — отношение к людям, к детям особенно. Для меня лично — поразительное. В деревне только начальная школа. В восьмилетку ходят за несколько километров в село Стебаево. Сейчас пешком идти — час, а что зимой будет, в метели — не знаю. Машина когда есть, когда нет. И все спокойны. Когда я возмущаюсь, мне говорят: ничего, мы ходили в школу пешком, пусть и они походят. Да зачем же на худшее равняться, что было в прошлом, — вот чего я не пойму!

Доходит до самого страшного. У золовки, у старшей дочки свекрови моей, убило ребенка. На улице. Родители на работе, а дети бегают на улице, потому что детский садик закрыли. А тут провод электрический свисает, оборванный...

И никому из начальства ничего не докажешь. Когда люди пошли жаловаться, им сказали: да пусть вас хоть всех поубивает! А садика не будет!

Строительство наших квартир остановилось. Значит, на зиму остаемся во временках. Мы-то ладно, мы в старой конторе живем, ее отапливают. А вот свекровь моя с дочкой и внучатами ютятся в заброшенном доме, где всюду гниль и сырость. Простите, но ведь помыться негде: в деревне бани нет. Значит, надо ходить в соседний совхоз. А свекровь моя немка, она чистоплотная до невозможности. Представляете, как она страдает от всего этого, от грязи, сырости и гнили в доме. Она уж говорила, что пешком бы назад пошла, да все это — слова. Она ведь в Киргизии в деревне жила, а там во много раз обстановка тяжелей. Со стариками — душа в душу, а вот молодежь там сейчас такая злобная на русских, что назад дороги нет. Да и денег нет ни у кого ни копейки. Все отдано на переезд.

Подошла я недавно к директору: может, какую-нибудь денежную помощь окажет совхоз, а он мне заявляет: мы вас не звали! И правда: не звали... Звали наших родичей-трактористов Давыда Штопеля и Витю Захарова. А мой Валера сам приехал, как раз к уборке им нужен был электрик, как говорится, дорога ложка к обеду. А специально его звать не звали. Теперь же он, техник-электрик со средним специальным образованием, вынужден работать где придется и кем придется, то есть оказался в полной зависимости. Вот разговариваю с вами, а сама боюсь, придет какой-нибудь местный начальник и скажет: чего ты там наговорила, убирайся отсюда в двадцать четыре часа.

В общем, вы меня поняли, да? Не легла, не лежит у меня душа к этой жизни. Не тепло мне здесь. Одна опора — Валера. Он такой спокойный, терпеливый, говорит: все образуется. И, конечно, семья. Мы здесь не одни. И вторая моя мама-свекровь рядом, и сестры, и братья Валеры, и дети наши. Жалко, что моя мама уехала к сестре в Воронежскую область, не выдержала, тяжело ей здесь было очень. А так — держимся одной большой семьей. Вот вы сказали, что те, кто весной приехал, подпадают под переселенческие льготы, деньги им из фонда выделяют. А мы ведь и не знали, никто нам ничего не говорил...

Заложники

До 1934 года само слово «русский» у большевиков было едва ли не под запретом. Все «русское» коммунистические идеологи тотчас же связывали с «проклятым царизмом», «великодержавным шовинизмом», «русским держимордой» и прочее и прочее. Вся пропаганда работала, как водится, в одном направлении. И вполне в «нужном духе» была выдержана очередная поэма Демьяна Бедного, повествующая о «прошлой проклятой жизни», о том, что все дореволюционное житье-бытье русского народа есть только рабство, сплошной мрак, грязь, пьянь и рвань...

Но вдруг в газете «Правда» выходит резко критическая статья, в которой говорится, что товарищ Бедный ошибается, что не все в прошлом русского народа было однозначно плохо...

Эта статья в то время прозвучала как удар грома, как залп сигнальной пушки, означающий новый резкий поворот. Поворот к чему? К тому, что нельзя топтать прошлое, глумиться над национальными чувствами?

Да нет же, все «национальное» для коммунистических идеологов было равнозначно слову «реакционный», «махровый» и прочим подобным терминам из партийного лексикона.

Поворот был к другому. Именно тогда, в 1934 году, Сталин и его ближайшие соратники-идеологи пришли к выводу, что для удержания в руках громадной страны мало только «ордена меченосцев» — коммунистической партии. Нужна и другая, более массовая сила, нужен еще и другой «цемент». Этим «цементом» решено было сделать русский народ — основу прежней империи.

И тогда же, с 1934 года, началось постепенное, а к концу сороковых безудержное заигрывание со словом «русский». Тотальная пропаганда результативна, за неимением других фактов и мнений что-то да остается в ушах. А уж если она льстит национальному самолюбию, примитивно и понятно играет на национальных чувствах масс — ее можно считать обреченной на успех. Много ли надо, чтобы вскружить головы людям. При этом неважно, что русских тем самым лишали собственно национальных черт, превращая в «советских», не важно, что русский человек в самом центре страны живет зачастую хуже, чем подданные на окраинах. Зато он как бы главный, «старший брат», несущий идею, свет, цивилизацию и культуру. И как же не поверить, что главный, если учебник истории СССР на девяносто пять процентов состоит из собственной русской истории, если сам «вождь всех времен и народов» поднимает отдельный тост за вклад русского народа в победу над врагом, если

«вдруг» выясняется, что «на самом деле» все великие открытия в науке и технике первыми совершили русские ученые... Попробуй тут удержаться, не поддаться, если тебя так воспитывают с детства, если где бы ты ни родился, в таджикском кишлаке или белорусском городке, кругом русская речь, русские книги, русская история.

Я знаю одного очень доброго, светлого человека, слесаря машиностроительного завода в далеком казахстанском городе. Он боготворит Назарбаева. Вырезает из газет все его выступления, статьи, интервью с ним, не пропускает ни одной телепередачи. Словом, знает о своем президенте все. И я слышал, как, созывая к телевизору многочисленных детей и племянников, он говорил взволнованно: «Смотрите, дети, это наш президент, великий человек. Он хоть и казах, но великий человек...»

Это называется — святая простота. Но она ведь внушалась сверху. Вплоть до последних дней, когда в выступлении министра обороны СССР на торжественном заседании в 1990-м или 1991 году в прямой трансляции на всю страну и на весь мир прозвучали слова о «победе русского народа в Великой Отечественной войне». Правда, потом, в газетных изложениях, уже поправили: «советского народа». Но важны, как мы знаем, не столько официальные декларации, сколько проговорки. Никакого умысла скорее всего не было, святая простота...

Подобные проговорки потому и проговорки, что они уже не замечались. Явление, стоящее за ними, было уже нормой. Никому ведь и в голову не приходило, что ненароком, походя больно задеваются чьи-то национальные чувства. Никому и в голову не приходило, что чудовищно оскорбительны вполне официальные формулировки о «развитии культуры национальных окраин», из чего естественным образом следовало, что данная национальная культура даже для ее носителей есть не центр самосознания, а некое «окраинное» явление, которое к тому же «поднимали» и «развивали».

Легко представить, чем оборачивались подобные формулировки в массовом сознании, в массовом обиходе. Хорошо, если только святой простотой проговорок... В конторе одного из липецких совхозов мы слушали, как распаленная женщина, при полном — надо сказать обязательно — молчании сослуживиц, в одиночестве, без поддержки гневно восклицала: «А я бы сказала этим татарам: убирайтесь туда, откуда пришли! Ведь в самой середине России живут и хотят еще отделяться!»

Она ж не виновата. В том, что недомолвками, перемолвками, прямым искажением истории ее сознательно держали в невежестве. А невежество всегда порождает экстремизм. И теперь надо долго и терпеливо объяснять, что «эти татары» никуда не могут «убраться» хотя бы потому, что живут на своей земле с пятого-шестого веков нашей эры.

Но не в этом суть, а в том, что страшно представить, сколько же понатворили в прошлом ей подобные люди, с подобными же искаженными представлениями об истории, об отношениях народов, о человеческом общежитии.

Такие, как она, в святой простоте или в раздражении говорили тем же таджикам, потомкам Фирдоуси: «Мы вам заводы построили, культуру принесли, а вы...» Потом таджикский мальчишка шел служить в армию, где его в обиходе называли не иначе как «чуркой», а его родину — «Чуркистаном». Потом он включал телевизор и слышал проговорку министра обороны, и таким образом, получалось, что его деда,

погибшего под Вязьмой, как бы и не существовало в природе...

Ой-ей-ей-ей, сколько же злых семян было понасеяно за семьдесят лет построения и цементирования самого большого в мире государства.

И когда оно рухнуло, больше всего под его обломками пострадали — и продолжают страдать — русские. Они оказались заложниками. И никому теперь нет дела, что их использовали как строительный материал. Правда, как главный материал — цемент.

Крушение громадного государства больно ударило по русскому национальному самосознанию, в массе своей привыкшему к покровительственной роли «старшего брата». А при таких обстоятельствах зачастую самое естественное проявление киргизского, украинского или любого другого национального самосознания сразу же воспринимается не иначе как «национализм» и «экстремизм».

В моем родном городе, тихом и спокойном, в газете, которую выпускают достойные молодые люди, вдруг появилась такая статья, что я глазам своим не поверил. Некий деятель, почему-то называющий себя демократом, пишет об ущемлении прав русскоязычного населения — потому, в частности, что в городе приостановлено строительство русской школы, зато форсируется строительство школы казахской. Досадно, конечно, что на все сразу денег не хватает. Но ведь надо учесть: русских-то школ в области девятьсот девяносто девять или больше, а казахская школа-интернат была и есть одна-единственная на всю Северо-Казахстанскую область!

Если такое воспринимается или же выдается уязвленным сознанием за притеснение и ущемление русского языка и русского населения, то легко представить, каким обвалом обрушиваются на сознание русского человека люмпенские вопли: «Русские, убирайтесь домой!» Можно и надо тысячу раз повторять и повторять: братья-русские, это не народ говорит, это люмпены, уголовники, быдло... Но человек, один раз услышавший «Убирайся!» на земле, где живет и родился, уже не сможет смотреть на мир спокойно, он уже получил глубокую, быть может, незаживающую рану. И обязательно, с другой стороны, найдутся такие, кто эту рану будет растравливать, призывать к автономиям, к пересмотру границ — или преступно сознательно, или преступно не понимая, что звать к пересмотру границ не что иное, как звать к убийству, войне, кровопролитию.

А власть молчит. Бойтся применить силу. Хотя делать это надо незамедлительно. Как говорит мой друг, директор совхоза Жоламан Жусупов, посадить парочку крикунов с двух сторон, устроить открытый суд и показывать каждый день по телевизору, чтоб никому неповадно было. Жоламан, по-моему, абсолютно прав...

Ни власть, ни мы сами, наше личное и общественное мнение еще не доросли до простой истины: нерушимый фундамент общества — права каждого отдельного человека; ни один человек не может быть обижен, оскорблен; любое посягательство на его честь и достоинство должны немедленно и беспощадно караться всей силой закона. Но если мы не доросли до демократии и защиты прав человека, то давайте хотя бы осознаем, что не только русские, но все мы — заложники рухнувшей сверхдержавы.

Более того, все мы — заложники друг у друга.

Любой выкрик известной татарской экстремистки эхом отзовется на отношении к миллионам татар вне пределов Татарстана. Любая обида,

причиненная кому-либо из некоренных на Кавказе, аукнется на кавказах, живущих во всех бывших республиках. Любой всплеск антирусских настроений в Чимкенте или Джамбуле отразится на казахах, исконно обитающих в Астраханской, Омской, Тюменской, Свердловской, Челябинской областях...

Уже не до демократии, не до прав человека. Осознать хотя бы, что все мы — заложники.

Зов

**ВЛАДИМИР АБРАМОВ, исполнительная дирекция
областной программы «Переселение»**

У нас есть община... Самая настоящая община, как в стародавние времена. Создали ее в позапрошлом году переселенцы из Алма-Аты. Они объединились еще там, в Казахстане, сорок пять семей, решивших вернуться в Россию. Вместе ведь легче заниматься таким неодолимым делом, как переезд. А здесь, в России, уже хотели стать фермерами. Но столкнулись с такими рогатками, что поняли: и дальше надо быть вместе, только сплоченной массой можно пробить бюрократические заграждения. И они создали товарищество с ограниченной ответственностью «Зов», которое в своем обиходе называют просто общиной.

Вначале сюда приехал передовой их отряд, в основном мужчины. Дали им несколько участков по пятьдесят гектаров, поселили в заброшенных домах. С горем пополам засеяли первую картошку, убрали, получили деньги. Потом взяли кредит в 20 миллионов, купили тракторы, пашут и сеют, убрали урожай, есть у них грузовик с алма-тинскими номерами: один из них выменял его на свою квартиру. Заказали они генплан, заложили фундаменты, закупили строительные материалы. Ожидают приезда еще тридцати семей. Будет семьдесят домов, большая деревня!

Народ в общине исключительно городской: врачи, учителя, художники, слесари, шоферы, есть физик-теоретик, ядерщик. С сельским трудом знакомы только по дачным участкам. Однако работают не хуже местных. Во многом даже лучше, поскольку работают на себя. Скажем, в сильный дождь в совхозе свеклу не идут выкапывать, а они пластаются в поле. Им — надо...

Конечно, отношение к ним было сложное. И начальство косилось, и селяне ревновали: мол, приехали невесть откуда — и сразу им землю дали... Но потом все наладилось. С начальством всегда трудно, его настроение зависит от... Москвы. Да, да! Там, в общине, заметили необычную, но точную закономерность. Как только в Верховном Совете усиливаются требования «не давать землю», «призвать к порядку», так местное начальство надувается и смотрит на общинников едва ли не волком. Как только Ельцин где-нибудь стукнет кулаком и скажет: «Даешь землю и волю, не чинить препятствий фермерам!» — райончики тут же мягчают, улыбаются при встрече и откликаются на деловые предложения.

Как-то к переселенцам в поселок пришли тамошние старушки и сказали: взяли бы вы нас к себе, всю деревню нашу, а то молодых жалко, совсем сливаются. Да, в общине закон: если нанимают на какую-то операцию местного механизатора, то расчет только деньгами, никаких бутылок. Конечно, им странно и больно смотреть на наши деревни. У них самих такого «завода» нет, чтобы пить и не работать. Понятно, что

это в основном интеллигенция. Но и вообще, на приезжих глядя, могу с уверенностью сказать: это немножко другие люди, сильные, трезвые.

Конечно, эта община — магнит не только для окрестного населения, но и пример другим переселенцам, как можно строить жизнь, это опыт бесценный. И мы, как только придут обещанные деньги из госбюджета, в первую очередь окажем помощь «Зову».

Если перевернуть ситуацию...

Меняется ли сумма от перемены мест слагаемых? Сложный вопрос. Скорее всего нет. Но для более полного осознания происходящего хорошо бы поточнее определить эти слагаемые.

Мы как найдем одно слово, так других уже и знать не хотим. Талдычим и талдычим: национальные конфликты, национальные конфликты. Но ведь во многих конфликтах собственно национальная неприязнь не является главной, определяющей чертой, да не покажется это парадоксом. Просто мы не задумывались, что эти распри можно еще квалифицировать как напряженные отношения между приезжими и коренными. Исторический опыт показывает, что жизнь налаживается, если приезжие хотя бы адаптируются, осваивают язык, обычаи, так или иначе подлаживаются под местный уклад, под законы местной жизни. И, уж во всяком случае, не демонстрируют превосходства, а то и пренебрежения местными порядками.

Так что нынешние наши беды были заложены давно, в первые годы существования советского государства. Оно, переустраивая жизнь подданных по своему разумению или самодурству, срывая с насиженных мест и перебрасывая в другие края сотни тысяч людей, заранее отводило им как бы главенствующую роль, давало им, приезжим, как бы мандат власти на переустройство местной жизни. Отсюда в лучшем случае снисходительное, а по сути, оскорбительное отношение приезжих переустроителей к местным, коренным.

Вспомним, как приезжали в Нечерноземье отряды строителей и мелиораторов из других республик. Особенно много было их в Новгородской области из Узбекистана, который тогда над областью шефствовал. За ними, за приезжими, было особое право на переустройство тамошних порядков и уклада жизни. И они, узбекские строители, механизаторы тотчас же начали к местным, деревенским, относиться снисходительно-покровительно: «Ну и живут же здесь, как дикари, честное слово. Мы им тут новую жизнь строим, а они еще и возмущаются!..»

Виктор Астафьев не раз говорил, что книгу «Последний поклон» он написал исключительно из чувства протеста. В пятидесятые—шестидесятые годы, когда в Сибирь хлынул поток «освоителей новых земель», официально и неофициально установилось, что до их прихода в Сибири ничего не было, пустое место и сплошная дикость. Это и возмущало Астафьева больше всего, и он взялся за книгу, в которой воссоздал уклад прежней сибирской жизни, которая была здесь задолго до потока комсомольцев-добровольцев...

Пройдет время — и ныне бедствующие переселенцы встанут на ноги, окрепнут, глядишь, отстроятся в фермерских усадьбах. На них рассчитывают, надеются, что они вдохнут новую жизнь в угасающие русские деревни. То есть так или иначе, а от них ждут переустройства, дадут под

то немалые авансы. И авансы в общественном мнении, и чисто денежные.

Я не хочу мрачно пророчить и утверждать, что у новых приезжих, нынешних переселенцев и беженцев, когда-нибудь тоже возникнет некий комплекс превосходства. Но может возникнуть. Ведь он присутствует в тех, кто задолго до нынешних событий, в силу, скажем, семейных обстоятельств, переехал в черноземные или нечерноземные области с Дона, Кубани, Сибири или Казахстана. Сколько раз в поездках по России я слышал от них (как правило, людей городских) рассуждения о том, что здесь, мол, все убогие и нищие, как были лапотными, так и остались, даже крыльца не могут сделать перед домом, не говоря уж о цветах и палисадниках, а вот у нас!..

И как-то не думают при этом, что срединная Россия из века в век обескровливая себя, отправляла своих детей на стройки, заводы, в шахты, отдавала их в солдаты и землепроходцы, что их предки тоже родились здесь, на этой земле, и уже отсюда отправились строить вольную и богатую жизнь в других пределах. Да, наверно, в псковских и новгородских, липецких и тамбовских деревнях могли жить и получше, если бы приложили к тому побольше усилий. Ведь давно уже не запрещают держать хозяйство, продавать и покупать, обустраиваться как хочется. Никто не хочет жить бедно, все хотят быть богатыми, а если где-то не прилагают к тому усилий, значит, организм обескровлен, значит, сил уже нет, ушли, порастратились за долгие-долгие десятилетия.

И грех вам, выходцам с вольных просторов Сибири, Дона или Кубани, судить своих братьев из срединной России. Пожили бы вы под таким прессом...

На распутье

**СЕРГЕЙ СОЛОДОВНИКОВ, 37 лет, фрезеровщик,
Ташкент — д. Кирово**

Я заявление написал об увольнении, отнес директору. Только он не подписывает, говорит: подожди, может, раздумаешь.

А я решил возвращаться в Ташкент. Жена здесь остается со старшим сыном. А я младшего забираю — и на поезд.

Как-то не задалась у меня здесь жизнь и в личном плане тоже, и вообще. Я-то родился в Ташкенте, язык знаю неплохо. Матушка моя знает в совершенстве и узбекский язык, и татарский. Она в детсаде работала, всех детишек в квартале воспитывала, ее там все почитают. Брат у меня тоже узбекский хорошо знает. У него жена наполовину узбечка, наполовину русская. Вообще если языком владеешь хотя бы чуть-чуть, то везде свой, никто на тебя не то что косо не посмотрит, даже плохо не подумает. У нас в цехе больше половины ребят узбеки, и я никогда не замечал какого-нибудь недоброжелательства, честное слово. Ну как можно друг другу зла желать, если вместе выросли, вместе в футбол играли, в парк ходили, за девушками ухаживали.

Может, с кем другим и обращались плохо, чего там говорить, настроение общее было тревожное, беспокойное, но со мной лично — никогда.

А вот жена настроена по-другому. Хоть она там с четырех лет, ее совсем маленькой туда привезли, а своей она там так и не стала. Языка совсем не знает, и вообще ей там все чужое. А у меня — жизнь пополам.

Вы знаете, что такое друзья в жизни мужчины? А у меня все друзья там остались. Брат родной — там. Мать — там.

Главная причина отъезда была в чем? Жена все время говорила: ради детей, ради детей, там у них никаких перспектив не будет, потому что все на узбекский переводится, при поступлении в институт начнут смотреть, узбек ты или не узбек. Что говорить, были и есть причины опасаться. Но сейчас, считаю, и панику поднимать не надо чересчур. Ну не могут же все русские школы закрыть и все перевести на узбекский! Это просто глупость, это значит, нарочно русских людей обозлить, чтобы они уехали. Никто из начальства на это не пойдет хотя бы потому, что специалисты везде нужны, если все русские уедут, там промышленность остановится.

Перспективы здесь для детей тоже не очень. В деревне школа только начальная, старший сын в восьмилетку ходит в соседний совхоз, какая это учеба? Да и качество... Одно дело — знания, которые он получит в Ташкенте, в городской школе, а другое — в здешней. Боюсь, после здешней учебы у него особых перспектив поступить в институт тоже не будет.

И взрослый тоже о будущем думает. У городского человека есть свои, городские перспективы. Квартиру получить (она у нас была). Дальше — дачный участок взять, ягоду-малину разбить, чтобы было куда в выходные выехать, шашлычок пожарить. Мы и собирались уже дачу завести. А насчет шашлыка, так мы почти каждое воскресенье за город выезжали, отдыхали, рыбачили. А здесь куда выедешь? Тут с дороги не сойдешь... Потом городской человек о машине думает, раз есть дача, туда ведь пешком не находишься. Я уж не говорю о том, что работаю не по специальности, а куда пошлют. Тоже нерадостное дело. Вот вы меня фотографируете, а я боюсь — ребята с завода увидят, удивятся моему обличью, смеяться будут.

Мне здесь хорошо...

**ОЛЬГА СТОЛБЫРЬ, 32 года, стенографистка,
Тбилиси — с. Чечёры, Добровский район**

В Тбилиси я жила в одном поселке с Гамсахурдиа, с бывшим президентом, на Мтацминде — это знаменитая гора, национальная грузинская святыня. Ну, поселочек, сами понимаете, особенный. Там у нас был свой дом. Если в Тбилиси у семьи свой дом, то это — дом! Проще сказать, усадьба. Двор — четыреста квадратных метров, виноградник — четыреста квадратных метров. И три квартиры в одном доме: мамы с папой, сестры и моя. У сестры было три комнаты, большой балкон, огромный. И у меня две комнаты. А мы еще закупили разных материалов, чтобы сделать пристройки, у меня два сына все-таки растут. Кто ж знал, что придется бросить. И каких денег это стоило — сказать трудно. И как они зарабатывались... Я официально работала в трех местах, а еще неофициально — в двух. И печатала, и стенографировала, и переводила: я в совершенстве знаю грузинский язык.

Отец плакал, не хотел уезжать. Говорит: пусть уж погибну здесь, но дом не брошу. И я каждый день плачу, когда вспоминаю.

А что делать? Или жизнь — или дом. Этот прекрасный поселок Семеновский стал развалинами, ни одного здания там не осталось не простреленного, не пробитого снарядами. Только наш дом уцелел.

потому что на возвышенности, а перестрелка как бы внизу прошла, под ним. Вот как было...

А когда я сюда приехала, меня не хотели принимать. Директор говорит: не нужен нам такой работник. Да я, говорю, пойду дояркой! Он: ты, стенографисточка и машинисточка — дояркой? Не смеши. А я ему: пойду! Дояркой! И пошла! Спасибо свекрови, научила.

Помню, приехала я сюда восьмого марта. Тут народ гуляет, гармошка вовсю наяривает. Ну, я сразу плясать пошла! А люди кругом как обрадовались: о, кто к нам приехал, молодежь теперь у нас будет, деревня возродится. Так я и пляшу по сегодня, завтра в район поедem на концерт. Меня туда от доярок как бы выбрали.

А как мы в этот дом вселялись — смешно вспомнить. Привезли меня: вот, говорят, временно здесь будешь обитать. Ну, вы сами видите, что это такое. Ее зовут одноглазой избушкой, все окна заколочены, кроме одного. А я думаю: решаться так решаться, чего тянуть. И согласилась. А когда переехали, когда муж увидел, он сказал: такое только ты могла сотворить.

А ничего ведь живем! Вот рядом строится для нас совсем новый дом, кирпичный. Сейчас у меня деньги есть, может, я еще и эту хибару выкуплю, ее можно отстроить для детей, чтобы у них уже было обеспечено будущее, чтобы с детства был свой дом.

А пока живем так: тут и зерно свалено, которое мы после уборки получили, пять центнеров, сюда и корову завезли, и телушку, а еще у меня и куры-гуси, и поросенок — да все хозяйство! А сараев нет, двора же нет. Муж, правда, иногда расстраивается, что все у нас так тяжело, неухожено. Но это же временно!

А так я вообще человек, который не расстраивается от трудностей. Наоборот, больше азарта появляется.

Мама с папой живут не с нами, они в Белгородской области обосновались. Папа приезжал, помогал нам, говорил: может, к нам переедете? А я не хочу отсюда никуда уезжать! Я вообще человек привязчивый, уже привыкла. Понимаете, здесь у меня все свое! Вот коровы мои, моя группа. Вы знаете, каким трудом они мне достались? Я ведь взяла чужую группу, другие люди их вырастили, у них свой характер. А эти телушки — они мои, я их выкормила, подняла, я их всех знаю. Нет, их я уже не брошу!

И вообще — коллектив такой, что только мечтать. Нет человека на ферме, который бы мне не помог, не подсказал, каждый старался, чтоб мне полегче было. Я ведь сюда приехала без денег, дом еще мы не продали, коровы мои были в запуске, то есть молока почти не давали, в первый месяц получила я шестьсот рублей — смешно говорить... Так мне и займы дали, и ссуду, и корову с телушкой по каким-то немислимым льготным ценам. Ну, потом мы дом продали, я разработалась, за прошлый месяц зарплата у меня двенадцать тысяч. Дай Бог здоровья директору Василию Николаевичу, зоотехнику нашему Юлии Ивановне, ветврачу Ивану Кирилловичу, очень они поддерживали меня. Вообще люди здесь бесподобные, отличные люди! Только мы приехали — сразу все к нам пошло, кто с хлебом, кто с картошкой, все соседи, совсем незнакомые, помогали чем могли. Нет, отсюда я уже ни ногой. И планы у меня уже такие, с размахом! Я говорила, что дом бы этот хорошо выкупить, огород большой разбить, земля тут рядом. Картошка в этом году шикарная уродилась, и капуста, и морковка, и бурак — все

свое. Ну а что еще надо? Грибов в этом году набрали мы летом — наелись от души. Ведь там, в Грузии, грибы — большая редкость, деликатес. И климат здесь мне больше нравится, чем в Грузии, природа такая красивая. Шуба у меня есть, сапоги меховые есть, морозец ударил, идешь утром по снежку, дышишь...

Полчетвертого поднимешься — бегом на ферму, пока с коровами управишься, придешь домой — надо и поесть приготовить, и постирать, и рубашки каждый день гладить, детей в школу собирать. Старший уже женихается, девушка тут у него появилась! Не успеваю! Потому что кругом беспорядок, живем, как на складе или как на вокзале. Но переедем в новый дом, будут у нас сараи, двор, каждая скотина на своем месте, тогда, конечно, все наладится.

Я смеюсь: приезжала в деревню к свекрови и сразу же рвалась к хозяйству, к корове, к поросенку. Свекровь надо мной подшучивала: мол, тебе бы не в городе родиться, а в селе, тогда бы ты так не бежала к скотине, а проклинала бы. Вот и сбылось, живу в деревне. И все хорошо у нас будет, я уже знаю все про нашу будущую жизнь.

Греков

От Семеновки остались обвалившиеся фундаменты да яблоневые сады. «Какие здесь сады! — восторгается директор совхоза Греков. — Какие сады! До сих пор яблоки отсюда мешками и тележками везут!»

Греков — человек в Чечерах приезжий, недавно назначенный. Из районной номенклатуры. И вот поди ж ты, действительно, душе не прикажешь — тянет и тянет его на это заброшенное людьми место, где была некогда уютная маленькая деревня, сплошь в яблоневых садах. «Стены, дома я разрешил разбирать, — говорит он. — А фундаменты трогать запретил. Мы еще поставим на них новые дома, еще сделаем из Семеновки не деревню, а игрушку!»

Переселенцы, переселенческие деньги для Грекова — как нельзя кстати. Он вцепился в главного специалиста переселенческой дирекции Александра Семеновича Бурмистрова и все рассказывает, возит, показывает. Первые его слова были, конечно, о Семеновке. Вот бы ее сразу, комплексно отстроить, восстановить полностью! Но потом, поразмыслив, Василий Николаевич поостыл: нет, сначала надо браться за Чечеры, обустроить как следует центральную усадьбу, превратить Чечеры в цивилизованную красивую деревню. А потом уже, вторым этапом, браться за Семеновку.

Чечеры приняли сорок пять семей переселенцев из Грузии и Таджикистана. Считай, треть работников. И почти все они живут уже в новых кирпичных домах. Остальные несколько квартир вот-вот достроят. Все переселенцы практически бесплатно получили по корове на каждую семью, другое домашнее обзаведение. По льготным, непредставимым сейчас ценам выписаны им с запасом на зиму крупы, масло, сахар. Заложено еще двадцать домов — то есть Греков обязуется принять еще двадцать семей. А уж если под это дело ему дадут деньги на социальную инфраструктуру, на дороги, школы, больницы, детские ясли...

Планы у Грекова простираются до того, чтобы в Чечерах поставить производственные мастерские разного профиля, занять на них десятки женщин, разбить унылую сельскую безальтернативность: или контора, или ферма. И все у него, Грекова, уже рассчитано. Все руководители

цементных, кирпичных и прочих заводов ему лично знакомы, и с ними у него заключен договор: он им — продукты, они ему — стройматериал.

Да, за Грековым уже стоит конкретное дело, весомый аргумент — десятки построенных домов только за два года его директорства. Но даже если б их не было, если б он только-только начинал, я бы все равно был уверен: здесь переселенческие деньги не пропадут, заработают в полную силу. Человека ж видно сразу.

В одной из деревень, где директор смотрит на переселенцев только лишь как на рабочую силу и одновременно как на обузу, и местные жители как-то не очень идут с ними на сближение. Здесь же, в Чечерах, в дома беженцев с первого же часа соседи понесли хлеб и картошку, огурцы и муку — кто что мог.

Конечно, вполне возможно, что это просто случайное совпадение.

А избы горят и горят...

Наверно, нам трудно представить себя на месте Наташи Аксеновой. Какой-никакой Чаренцаван, а все же город, город. Тем более Липецк, в котором она жила и училась. И профессия модельера-закройщика, портного, пусть и нелюбимая, все же далека от работы телятницы, пусть она и любит их, телят, беззаветно.

Хорошо, Наташе было двадцать лет, когда круто изменилась жизнь семьи. Можно предположить, что двадцатилетний человек легче переносит невзгоды, легче приспосабливается.

А каково Татьяне Онищук? Она старше Наташи на пятнадцать лет. И в благодатном городе Узгене дамский мастер-парикмахер — это, знаете ли, далеко не последняя профессия, далеко не последний человек в местной иерархии. Конечно, труд уборщицы в общежитии села Конь-Колодезь тоже почетен, но неужто в том селе не нужен дамский мастер, неужто тамошние женщины не хотят иметь красивых причесок?

В Тбилиси я бывал не раз и потому в той или иной степени могу представить прошлую жизнь Ольги Столбырь. Вот выходит она из своего дома-усады на Мтацминде, шествует тихими-тихими проулочками высокопрестижного и высокодержавного микропоселочка, спускается на фуникулере под восторженные охи и ахи и щелканье фотоаппаратов иностранных туристов, с высоты птичьего полета восторгающихся панорамой Тбилиси, — и она уже плывет по нарядно-праздничному проспекту Руставели, молодая, стройная, одетая по последней тбилисской моде... Как далека оттуда деревня Чечеры с ее непролазными улицами, резиновыми сапогами, утренними и вечерними дойками и раздачей силоса...

И ведь не жалуется! Поет и пляшет, на концерты деревенской самодеятельности ездит, на ферме чувствует себя так же уверенно, как и ранее в тбилисском офисе. За полгода стала в ряд с лучшими доярками. Мало ей совхозных коров, так и свое хозяйство завела, кур, кабанчика, кроликов, индюшек собираются разводить. И вообще строит твердые, большие планы на жизнь в Чечерах.

Да, женщины первыми «поднимают панику», как снисходительно говорим о них мы, мужчины. Практически во всех случаях они первыми начинают настаивать на отъезде, переселении, бегстве. Потому что ими руководит материнский инстинкт, страх за своих детей. При малейшей

опасности для детей они способны на все. В том числе и на то, чтобы снять с насиженных мест народы...

Однако и в новых краях судьба готовит им другие, но тоже тяжкие испытания. Помимо трудностей житейских, бесквартирья, холода, антисанитарии, на переселенца обрушивается страшный психологический удар. Особенно тяжело переносят его мужчины. Еще вчера он был персоной значительной: врачом, слесарем-наладчиком, инженером, — а сегодня — никто. Не знаешь комбайна, не умеешь на тракторе — значит, иди куда пошлют, ствинтить-завинтить, подать-принести. Там с тобой директор за руку здоровался, а здесь кладовщик при виде тебя строит кислую рожу, чтобы не попросил рукавиц или резиновых сапог...

И женщины вновь взваливают на свои плечи главную тяжесть. Опять же руководит ими инстинкт, который диктует: нельзя падать духом, надо все преодолеть и снова наладить жизнь ради детей... Словом, все как сказано Некрасовым полтора века назад: коня на скаку остановит... А через сто лет, в 1941 году, другой поэт, продолжая ту же тему, написал, что ничего не изменилось, что ей, женщине, конечно, хотелось бы иначе: носить драгоценный наряд, но кони все скачут и скачут, а избы горят и горят...

Ну хорошо, Наташа Аксенова — сильная, жизнелюбивая, оптимистичная женщина, она в двадцать три года считает себя главой большой семьи и первой встречает и отражает невзгоды жизни.

Хорошо, Ольга Столбырь поет и пляшет, она обрела другую ипостась в незнакомом мире и сейчас твердо смотрит в будущее.

Но кто знает, сколько женщин-беженек плачут ночами оттого, что тяжело и страшно, оттого, что рухнула прежняя налаженная жизнь и неизвестно, что впереди.

И нам, мужикам, а особенно мужикам-политикам, обязательно должны отлиться эти горькие слезы. Обязательно!

Иначе нет и не будет в мире справедливости.

Они стреляют друг в друга

**ГАЛИНА ПЕШЕХОНОВА, 43 года, бухгалтер,
Душанбе — Чечеры**

Наши дети не хотели уезжать. Выросли там, привыкли к той жизни, друзья детства там. Да и если бы в город, а то ведь сразу ясно было, что предложат работу только в селе. Но и сын мой, и зять показали себя как настоящие мужчины, сразу взялись за работу, какая была. И на тракторе, и на комбайне трудились здесь. Ну да они молодые, сильные. Тяжелей всех, конечно, пришлось Володе, мужу. Он связист, здесь ему нет работы по специальности, пошел механиком на ферму...

Только уехать-то мы решили не вдруг. Началось там, в Душанбе, как вы знаете, еще в 1990 году. Известные события. А что нам пришлось пережить, трудно передать. Жили-жили, и вдруг стрельба, танки по улицам, самолеты над домами. Я тогда в декретном отпуске была, сидела дома с маленькой Анечкой. Валера, сын, приехал в отпуск с флота. Его же дома не удержишь, надо друзей навестить, он считает, как все молодые, что с ним ничего не произойдет. А каково матери?

Нам соседи-таджики говорили, что все обойдется, после февраля 1990 года власти наведут порядок, что тревожиться не надо. Но жизнь показала, что ничего не образовалось, обстановка все время накаля-

лась. Пока мы не поняли: надо уезжать, пока не поздно. Уж как нас уговаривали друзья Валеры и Инны: подождите, все наладится. Но ведь бал там правили не они, не наши соседи и не их дети, друзья наших детей. Там, в городе, распоряжалась приезжая молодежь, которую созвали в столицу те, кто боролся за власть. А раз драка за власть, все средства хороши. Эти приезжие начали на всех углах кричать, что, мол, в трудной жизни виноваты исключительно русские. На улицу стало просто опасно выходить, дочку Инну в автобусах оскорбляли, приставали... Нет, невозможно рассказать, как мы там жили в постоянном страхе.

Ну хорошо, русские стали уезжать оттуда, а что, им лучше стало, таджикам? Считалось, что они сплоченная, дружная нация. Теперь стреляют друг в друга, никто не разберет, что там творится.

Это какое-то безумие, честное слово, неужели борьба за власть доводит людей до такого состояния?

А Таджикистану мы благодарны. Там мы прожили хорошую жизнь, там остались могилы наших дедушек и бабушек...

Железный саног

В любой стране, особенно если она объединяет народы различных национальностей и вероисповеданий, были, есть и, наверно, долго еще будут конфликты. Но ведь счет им идет уже на столетия, они длятся веками, и за века как-то утихали страсти, перемалывались и притирались шестеренки совместного круговорота жизни. Но вот пришли железные колонны несгибаемых большевиков со словами о дружбе на устах и с четкой политикой разделения на практике на классы, партии, прослойки, революционные и контрреволюционные нации. Они принесли с собой самое страшное зло — насилие, которое ломает естественное течение жизни. Судьбы миллионов людей, целых народов, таких разных и по развитию, и по историческим корням, по вере, по типу сознания, загонялись в единую, придуманную теоретиками умозрительную схему. Безусловно, и в прошлые времена хватало насилия, но, кажется, только коммунистическое учение провозгласило насилие законом жизни, «повивальной бабкой истории».

Семьдесят лет насилия над жизнью, над здравым смыслом, национальными интересами с невиданной силой изуродовали сознание миллионов людей, в неразрешимый клубок запутали отношения народов и нынешние споры о границах.

Постараемся представить, что чувствуют и чувствовали чеченцы и ингуши, кабардинцы и балкарцы, армяне и азербайджанцы, крымские татары и калмыки, грузины и абхазы, аварцы и лезгины, карачаевцы и черкесы, когда одних власти объявили как бы лояльными, «хорошими», а других — врагами и предателями, выселили в 24 часа, отправили в ссылку, а потом, через десятилетия, как-то сквозь зубы оправдали и уже не чинили препятствий к возвращению в родные места, на которых поселились другие люди.

Постараемся понять, представить, как жили они там, в ссылке, где коренное население, обманутое, настроенное властями, тоже считало их врагами и предателями. Пришлые как бы претендовали на землю, воду и воздух, принадлежащие исключительно коренным!

Вот как разделяла нас и властвовала над нами система, вот как плодились и размножались на нашей земле злоба и ненависть. Вот

отчего до сих пор бурлит Кавказ.

И по далекому от нас Таджикистану власть хорошенько прошла кованным сапогом, когда изничтожались культура и язык малочисленных памирских и других народов, когда горцев насильно сгоняли с насиженных мест и заставляли обустраиваться в чуждых им краях, вызывая опять же недовольство местных, коренных. Я уж не говорю о возникших там советско-партийных кланах и их междоусобицах...

Но везде между двух огней оказывались русские...

Прогноз

Сколько голов — столько умов. Особенно когда речь заходит о том, что мы ныне называем межнациональными отношениями.

Потому и мнение автора этих строк — всего лишь его сугубо личное мнение.

На мой взгляд, представляется вполне очевидным, что отъезд миллионов этнических русских из пределов сопредельных государств станет катастрофой.

Катастрофой для России, которая не может их принять.

Катастрофой для самих переселенцев, так как для них переезд трагичен вдвойне еще и потому, что им, в основном городским людям, придется резко менять городские профессии на сельские, городской образ жизни на деревенский.

И, наконец, это будет катастрофа для экономики сопредельных государств. Останутся заводы Харькова и Ташкента, Тирасполя и Бишкека, шахты Донецка и Караганды, рудники Кустаная и Кривого Рога, прервется вся система электроэнергетики Таджикистана... И так далее, и так далее...

Но мне представляется также вполне очевидным, что подобная картина — всего лишь плод художественного мрачного воображения и не имеет ничего общего ни с настоящим, ни тем более с будущим. Потому что поток переселенцев, опять же по моему разумению, в ближайшие годы если не войдет в обычное русло миграции, какая была, есть и будет во все времена, то, во всяком случае, резко сократится. То есть через несколько лет все образуется.

Какие у меня основания предполагать столь благополучный исход смутных ныне событий?

Разумеется, правительства сопредельных государств сделают все, чтобы приостановить поток уезжающих. Это первоочередной аргумент, лежащий на поверхности.

Но потребности, интересы экономики — всего лишь часть общих интересов, общих законов жизни.

Стремление народов к самоопределению вполне естественно и закономерно. Но на поверку оказалось, что во многих краях на волне демократических реформ и лозунгов о суверенитете верх взяли и подобрались к власти просто-напросто национал-экстремисты. Инстинкты люмпенов на улицах и замыслы политиканов в кабинетах совпали с абсолютной точностью.

Пока еще люди находятся в шоке от стремительности и ошеломляющей неожиданности грянувших событий и перемен.

Но вот-вот они из него выйдут, из шока.

С каждым днем становится очевидным, что жизнь людей в городах

и странах стала картой в незамысловатой, но подлой игре люмпенов и политиканов. Более того, она, жизнь нормальных людей, приносится в жертву.

А этого не потерпит никто.

В людское сознание, ошеломленное шоком, все настойчивее наконец-то пробивается элементарнейшая мысль: от того, что кто-то куда-то вынужден был уехать, ничья жизнь не стала лучше. И не станет.

Зато урон и боль очевидны. Я еще не встречал киргиза в Бишкеке или таджика в Душанбе, которые не горевали бы о тех, кто уехал. Причем жалели не столько их, сколько себя. А секрет же здесь в том, что жизнь человека состоит и из людей, его окружающих. И если кто-то выпадает из круга моей жизни, то это значит, что выпал кусок моей, моей жизни!

А если он не просто сосед, приятель, знакомый, а мой друг, единственный и заветный, половина меня? Тогда значит, что меня лишили половины моей жизни.

Отъезд любой семьи — разрыв корней, которые закладывались десятилетиями и столетиями в прошлом. Это разрыв ветвей, которые связывают, соединяют сотни и тысячи людей в настоящем. Страдают все: и тот, кто уехал, и тот, кто остался.

Но зачем же страдать неизвестно из-за кого? Вернее известно...

И потому вынужденное переселение резко пойдет на убыль в ближайшие годы, как только мы, нормальные люди, выйдем из шока и наладим нормальную жизнь, установим порядок вокруг своих домов. Это неизбежно, потому что законы жизни возьмут свое...

Крах ждет наш новоявленный национализм. Потому что он против нормального мирсуществования и нормального сознания всех нормальных людей.

Потому что он поперек жизни.

*Я обернулась каплей дождевой,
Слезою по щеке твоей сбежала.
Узнай меня, как я тебя узнала
Из тысячи других, — и стань судьбой...*

ПОЖЕЛАНИЕ

*Ты смотришь и робко, и нежно.
А мне так легко, что смеюсь.
Прости, если слишком небрежно
Я первой к тебе прикоснусь.*

*Не нужно давать обещанья!
Ты молод, и я молода.
Всегда неизбежно прощанье,
Как встреча случайна всегда.*

*Люби меня просто и смело,
Мгновенья любви — не года.
Таким мое юное тело
Не будет уже никогда.*

*Целуй, удовольствия ради,
Пока не сгустилась гроза,
Волос золотистые пряди
И серые эти глаза.*

*Вдруг поняла — уже на грани
Отчаянья, мертвит озноб.
Пойти ж скорей к тому,
кто манит
Под свой спасительный покров.*

*Пойти, и плакать, и молиться:
«...все упование мое...»
Господь мой!
Чувствую десницу
На недостойной голове.*

*Теперь себя к страданиям приготовь.
Теперь не грезы — грех в часы ночные.
Ты разменяла Вечную Любовь
На маленькие радости земные.*

Они не вечны. Даже не года,
Не месяцы им отмеряют сроки.
Они мгновенны...
Мы же, как всегда,
По-детски беззащитно-одиноким.

Ради чего поругана мечта?
Что ей взамен?
Обиды, ревность, слезы?
Гармония двух тел и красота
Мгновения непринужденной позы?

≡
Я ощущаю липкую угрозу —
Тону в банальностях своих стихов.
Мне хочется писать «большую прозу»,
Но на большое не хватает слов.

Недостает богатства впечатлений
К созданию эпических картин.
К тому же я прекрасно знаю — гений
Всегда был привилегией мужчин.

Поэтому пишу простые строки.
Мне рифмы — как стрекозы на ладонь —
Садятся сами.
Но проходят сроки —
Родник волшебный сковывает льдом.

5-е МАРТА

Сказать, о чем сегодня плакала?
Нет, милый, ты не виноват.
Да просто... умерла Ахматова,
Лет двадцать пять тому назад.

Не нужно взгляда удивленного,
Ты вспомни, как она жила,
Какою царственной, влюбленною,
Какою гордою была...

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

≡
Не уследил я тень, застыв в полночной дреме,
слетевшего ко мне предвестника потерь.
Его багряный плащ мелькнул в дверном проеме,
и жутко за окном завыл какой-то зверь.
И пробежала дрожь волною ледяницей,

в искристый колкий лед

кровь смерзлась на бегу,
зашевелился мрак, и я, ненастоящий,
вдруг осознал, что жить я больше не могу.
И понял также я с прозреньем запоздалым,
что был мне подан знак, а я не уследил,
а значит, не успел. И разумом усталым,
вплетаясь в связь времен, себя освободил.

Незагаданный шаг переходит в полет,
и дома уменьшаются вместе с приподом.
Заходящего солнца кривой переплет
распрямляется заживо этим полетом.
Замирает душа, ощутив пустоту
под собою

и мизерность стравленных далей,
и вбирают отважно глаза красоту
как одну из проекций смертельной печали.
Вздох: «Люблю!»

Выдох: «Нет!!!»

И мерцанье лампад.

Зов дверей, матерей и купюрные речи
остаются не «вниз», превращаются в «над»,
обретая трехмерное тело предтечи.
Вспоминая обманчиво верный большак,
упиравшийся в скалы под первой горюю,
понимаю, зачем незагаданный шаг
и зачем эту истину я не открою.

Мне впрок не пойдет задубелое мясо
безвременно нависшего в скачке коня,
из темных глубин поднимается раса,
которая кровью вскормила меня.

Их лица встают предо мною стеною,
их песни по жилам мне гонят мороз,
и бредят сердца их большою войною,
и бродят их кони по зеркалу рос.

Костры поднимаются в небо зловеще,
оно выгорает над ними дотла.

Луна закрывает лицо и трепещет,
но грудь ей пронзает навывлет стрела.
Я смят и растоптан смертельной стихией,
пульсирует кровью оживший рубин.

Душа заблудилась в небесном архиве,
и раса другая встает из глубин.

И снова костры полыхают, и снова

навьлет стрелою пронзает Луну.
Раскраска на бронзовой коже, как слово,
выводит на тропы большую войну.
По силам бы стало не трогать века мне,
свою первокровь бесконечно храня,
но сердце застыло на жертвенном камне,
и новая раса впустила меня...

Промчался гром над городом, как «скорый»,
стегая плетью молнии леса,
и в страшном ливне растворился город,
фундаментом втекая в небеса.
И сузилось, раздвинувшись, пространство,
стихию люди пили, как вино,
и потому не возбранялось пьянство,
что стало рюмкой каждое окно.
Квартир гондолы плыли в океане,
смешавшем синь и зелень под волной.
Не свет в глаза, но молния в стакане,
не Космосом, но истиной земной.
Прошла гроза и нас не затопила
сквозь двери, окна, прорези фрамуг.
Прошла гроза и небо уступила
не только мне, возможно, одному.

Не все ли равно,
как закончится завтрашний день
и солнце уйдет восвояси каким переулком,
коль четки свои ты собрал
не из этих недель
и бросил небрежно,
но ловко не в эту шкатулку?
Ее увезли за моря на галере чужой,
и кто-то купил на базаре шкатулку от скуки,
и ты каждый раз ощущаешь больною душой,
как четки ласкают чужие нечистые руки.
Из новых недель ты похожую нить сотворишь
в надежде напрасной,
что это творенье зачтется.
Но боль не пройдет, и,
возможно, поэтому лишь
не все ли равно,
как закончится день и начнется?

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ "ДА!"

Фото ВЛАДИМИРА СЕМИНА

Владимир Семин... Фотокнижки с его работами выходят и раскупаются в Швейцарии, Норвегии, Финляндии, США, Франции, Швеции. Его фотовыставки в Нью-Йорке, Лондоне и Вашингтоне собирают тысячи почитателей. Здесь, в России, в Москве, он почти неизвестен.

— Фотоаппарат «Любитель» мне подарил старший брат, Леонид, сорок четыре года назад. Жили мы тогда в Ясной Поляне, под Тулой. Места дивные, а время жесткое, голодное... Я смотрел в видоискатель и не мог оторваться: там был иной мир — упругий, яркий, весь осязаемый до прожилки на дубовом листе. И знакомые лица, движения людей становились как-то по-особому значимыми, красивыми. Это меня потрясло! У Достоевского я прочел: все лучшее уже сделано в жизни. Зацепилось в памяти... Потом в письмах Ван Гога отметил такую мысль: главное — суметь перенести увиденное на чистый лист бумаги. А непревзойденный Капа (американский фотохудожник. — В. Г.) говорил: все снимки сделаны в душе моей, я ищу отклик... Замечаешь, любопытная цепочка образуется. Это — в пояснение к тому, что движет мной как фотографом... Меня здорово помотало по жизни. После техникума — завод, армия, в «районке» работал. С фотокамерой нигде не расставался. В университете на филологическом учился — ушел фотографией уже «отравлен» был...

Быть может, именно этот «сладкий яд» помог Семину, преодолевая житейские неурядицы (малые деньги, жизнь

на вокзалах и по «углам» — прописку в Москве и крышу над головой обрел лишь в зрелом возрасте), выработать в душе стойкость и независимость, столь необходимые для свободного творчества. И элитная служба в АПН, которая многим фотокорам грезилась заветной дверцей с золотым ключиком, для Семина стала лишь «моментом биографии», но повернув его судьбу в иное русло.

Он был и остается в одиночном плавании — сам себе пилот и капитан.

— На меня частенько смотрели как на чудака. Я и не думал, что успею дожить до своего времени. Счастлив, что дожил.

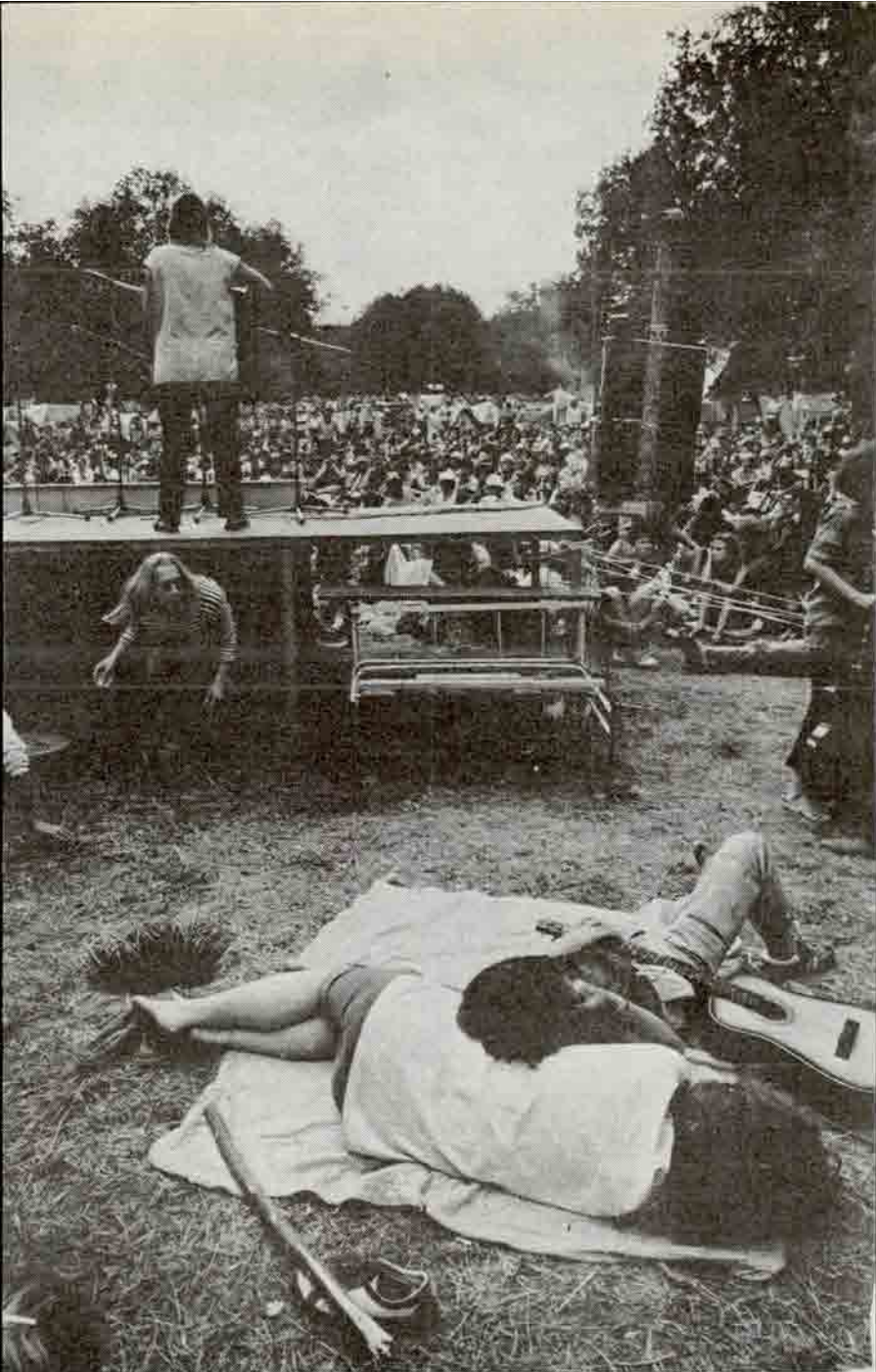
Действительно — успел...

Владимир Семин на цвет почти не снимает. Предпочитает черно-белую фотографию. Печаль, страсть, жизнестойкость бытия нашего полно и ярко проступают в его работах. И чем больше вглядываешься в них, тем сильнее ощущаешь свет, воздух — снимки «дышат». Сочетание репортерского острого взгляда и художнического глубокого подхода к теме, по-моему, во многом определяет творческое своеобразие Семина. И еще мне запомнилось вот что из нашего разговора в редакционном кабинете:

— Я долго размышляю, выбираю тему, объект съемки. Но говорю окончательно «да!», когда нажимаю на спуск фотокамеры...

«Да!» — самому себе, «да!» — нашим сомнениям и надеждам, «да!» — жизни, которая ломала, крутила его, но сделала в конце концов Художником.

В. ГУРИНОВИЧ

Долгий путь (Рязань, Солотча).

Подмосковье. На конкурсе студенческой песни.

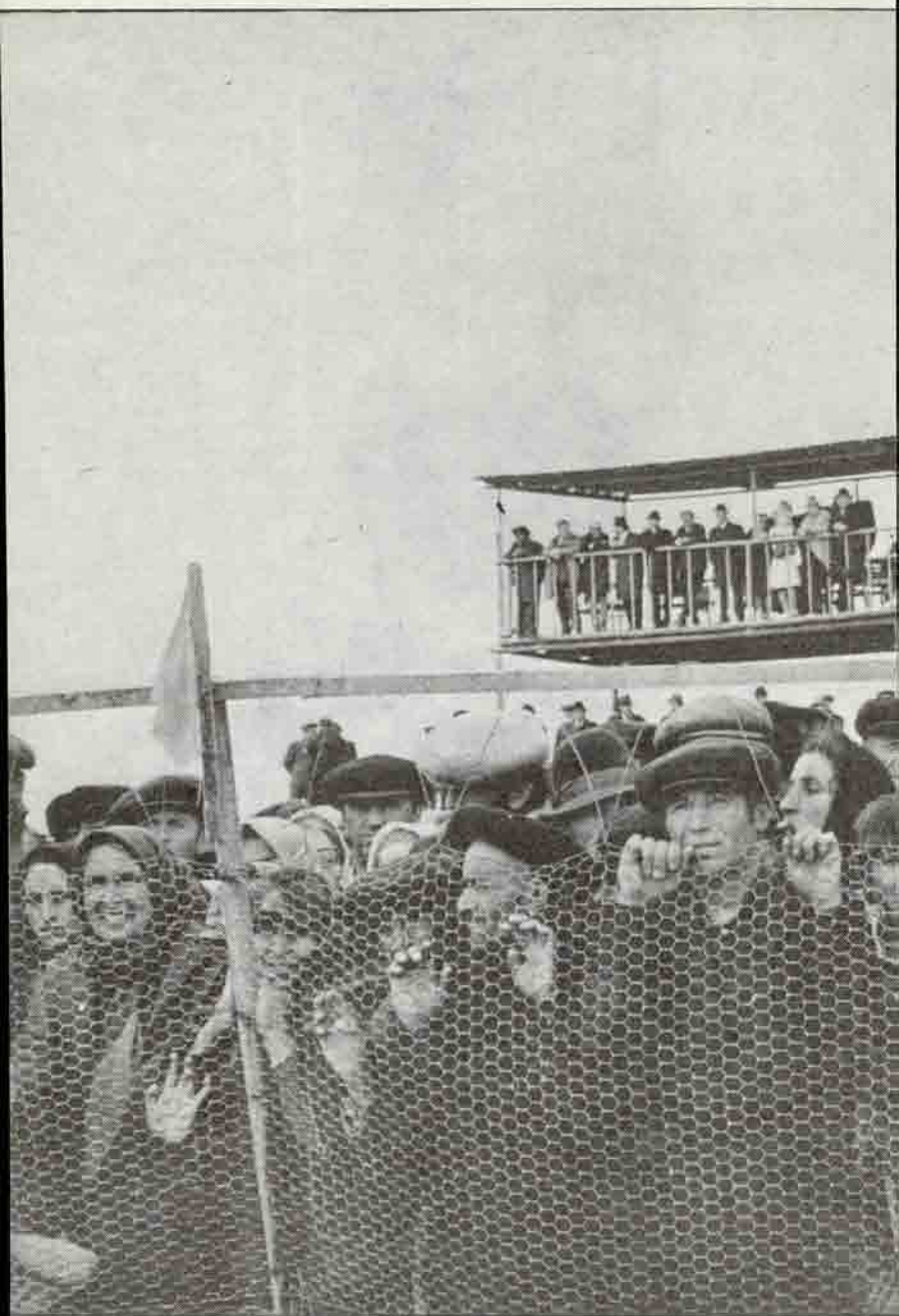

Бабушка и внучка (Алтай).

День за днем... (Алтай).

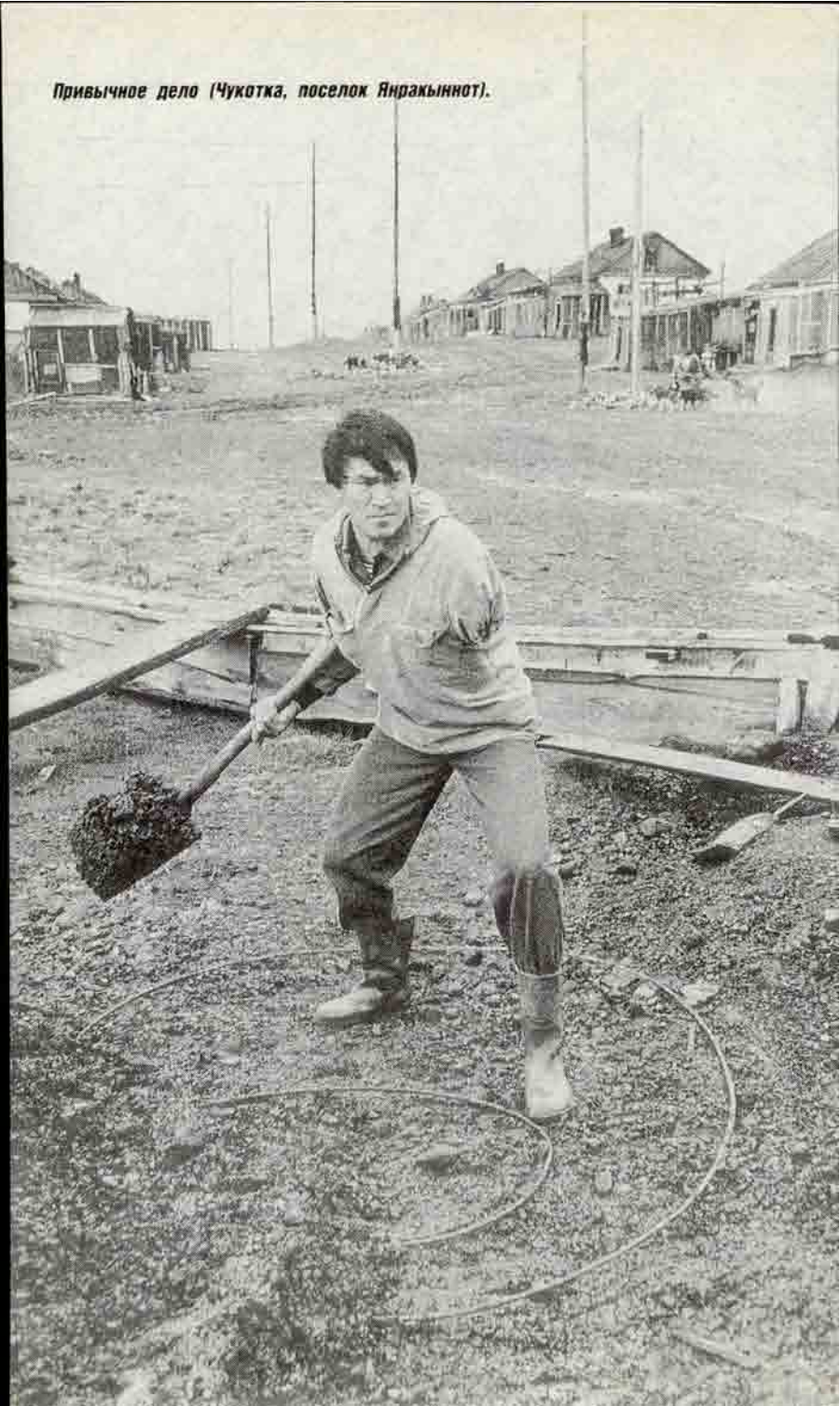

Партер и ложа (Карабогаз-Гол).

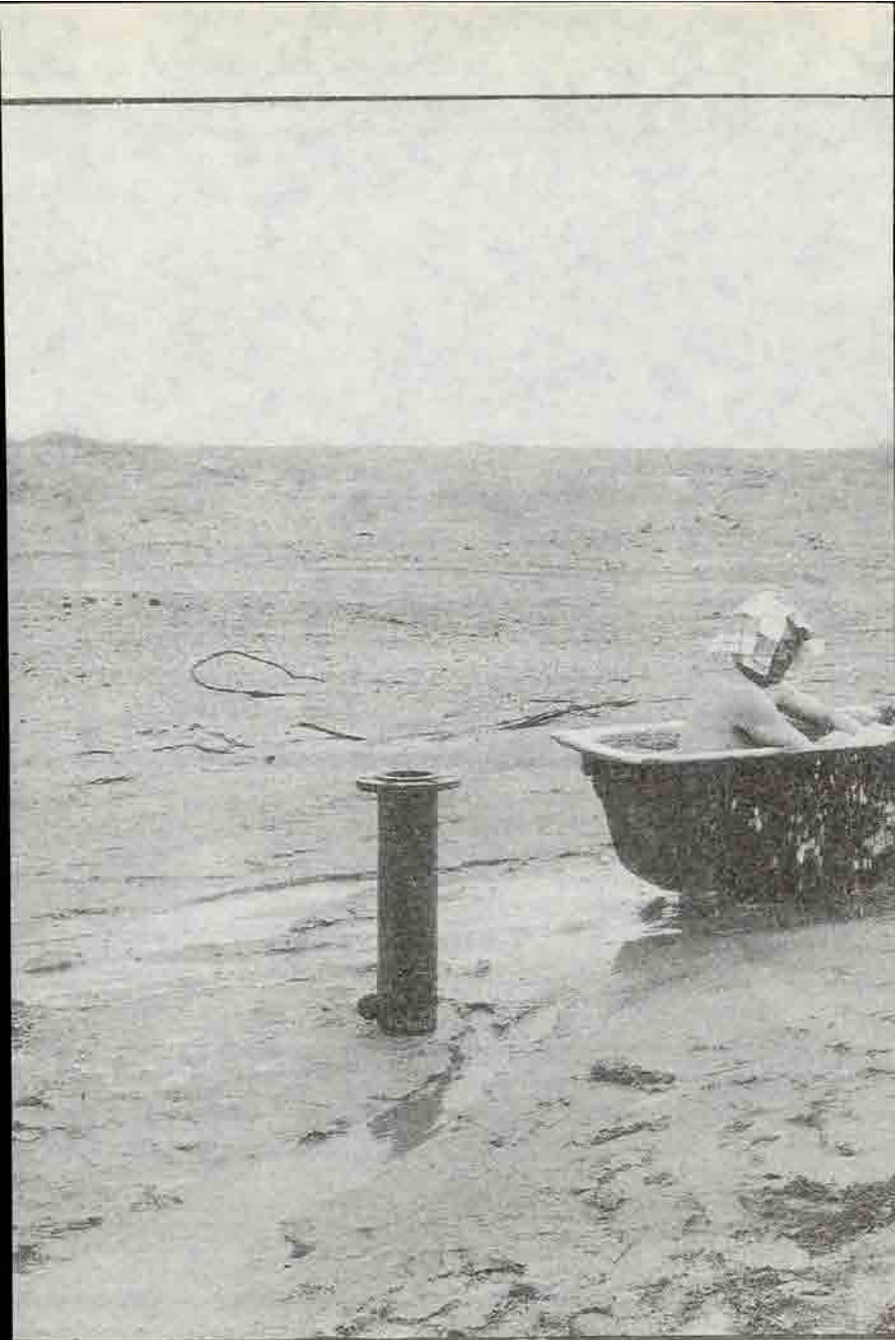

Привычное дело (Чукотка, поселок Янракийнот).

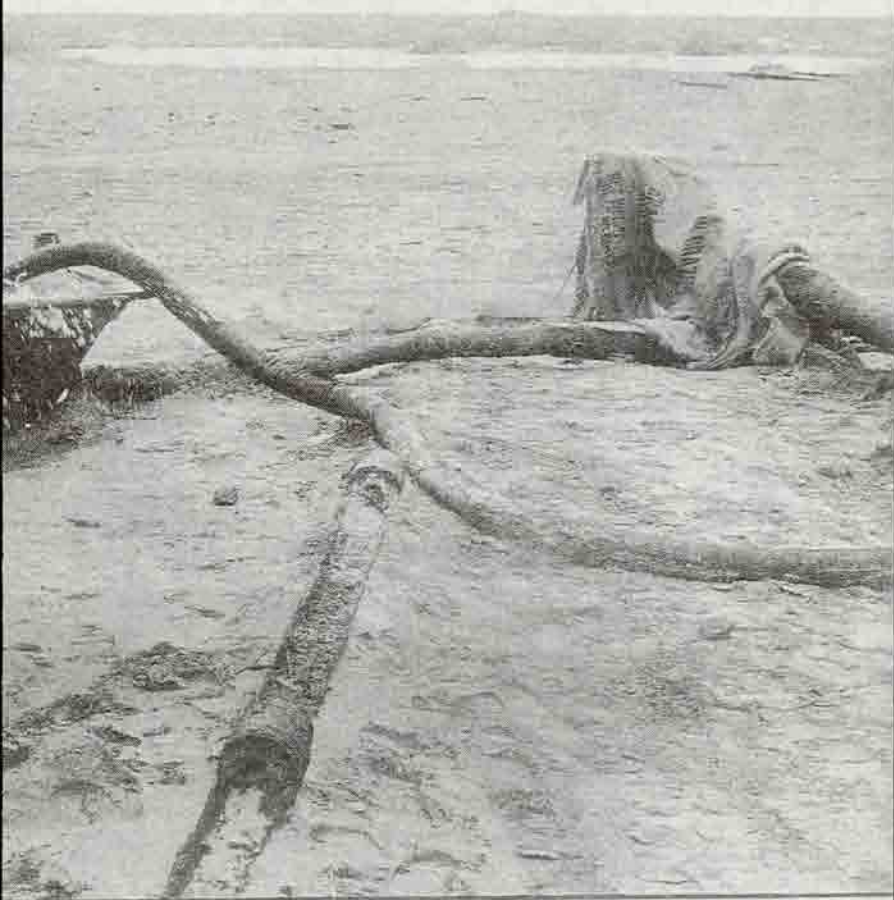

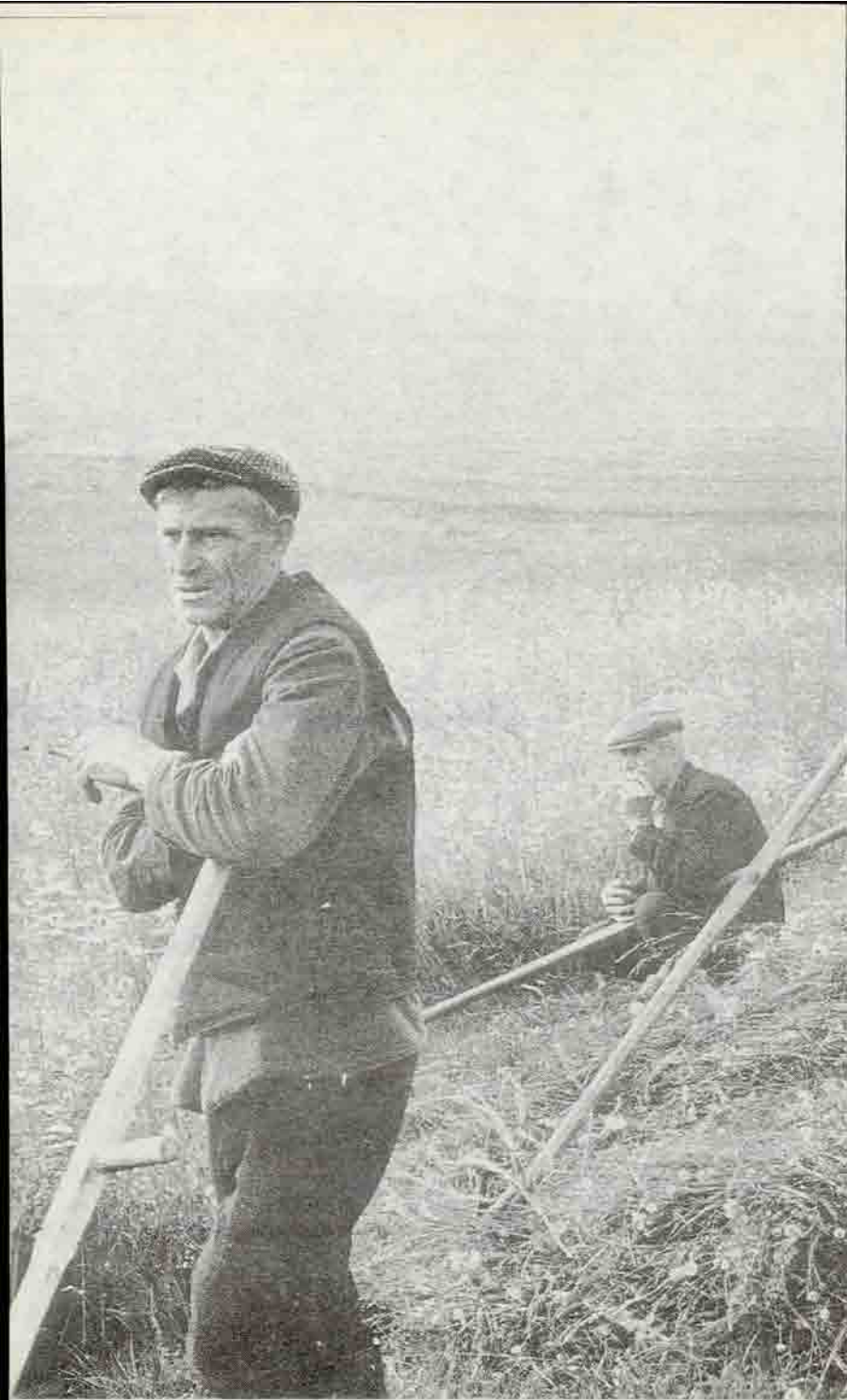

В день возвращения мощей Серафима Саровского (Арзамас-14).

Ногайские степи.

Время покоса... (Тульская область, Лазарево).

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г ...Если не потеряна совесть

Г «В женщинах есть потребность предавать»

Г Я так переживаю, так мучаюсь, что решил обратиться за советом к незнакомым людям.

После окончания 8-го класса я поступил учиться в ПТУ. Учился три года. Было трудно — жил я тогда с одной матерью (отец от нас ушел, когда мне было шесть лет), денег постоянно не хватало, так что я, сами понимаете, в отличие от своих обеспеченных товарищей не мог щегольнуть всякими там джинсами и магнитофонами. Но потом, правда, научился не обращать внимания на вопросы типа «А у тебя чего, нет мафона?» и на шутки по поводу материального положения. Это было довольно тяжело и больно, но ничего — стерпел, выжил. С ребятами-ровесниками я почти не общался все по той же причине. Знаете, как завидно было: у них — компания, дискотеки, девчонки красивые, а иногда и вино, а я все один да один. И эта зависть заставляла меня замыкаться все глубже и глубже. Но вот наконец, видимо, в награду за все страдания, мелькнул луч света, как говорится, «в темном царстве» моей жизни. Да даже не мелькнул, а ярко-ярко вспыхнул — у меня появилась девчонка. Любовь к ней была во мне так сильна, что мне все время казалось, будто я горю. Я не мог дня провести без нее: когда мы вечером

расставались, до утра места себе не находил — метался по квартире, не мог ни есть, ни читать, ни спать. Но после ужасной ночи наступало утро, я мчался к ее дому, выкрикивал ее имя, и вскоре она сбегала вниз. Какое счастье — впереди у нас был целый день. Через два месяца после нашего знакомства меня призвали на военную службу. Это было как удар. Я метался, не знал, что делать, хотел даже уклониться от призыва, но Саша уговорила меня не делать глупостей, говорила, что будем писать друг другу каждый день.

Настал день нашего расставания. Последние слова любви, обещания ждать. Едва не зарыдал, когда наша колонна двинулась, а провожающие остались позади. Помню, она стояла, улыбаясь, и махала рукой. Как мне было тяжело в разлуке! Будто сердце выдрали из груди, хотелось бежать из части или покончить с собой. Но я выдержал и это. Плакал по ночам в подушку, пытался улыбаться, жить как все, а это было так трудно, что до сих пор не понимаю, как я не сошел с ума. Но выстоял. Писал я Саше по нескольку раз в день, а от нее получал одно письмо в неделю, а то и реже. Да и письма были такие, что после них мне становилось плохо. Тон, которым они были написаны,

фразы — все говорило о том, что ей нечего мне писать, да, видимо, и лень. Но я перенес и это. Не знаю, сколько лет жизни мне это стоило. Месяца через два ручеек писем, и до того не широко, высох совсем.

Я продолжал писать, ответов же не было. Но и тогда я не убил себя и не умер. Выдержал, стерпел.

Потом наступила демобилизация. Вернулся. Узнал от соседей, что та, кому я готов был отдать свою жизнь, вышла замуж и уехала, а куда — неизвестно. Целый год я жил как в лихорадке, везде видел ее лицо — и наяву, и во сне, не мог ни смеяться, ни шутить. Но постепенно все улеглось, успокоилось. Знаете, как при болевом шоке: человеку больно, больно, еще больней, еще, а потом все — он ничего не чувствует. Так и у меня — как будто выгорело все внутри.

Я много думал после этого о любви, о женщинах. Смотрел, как живут другие, и, знаете, наконец понял. Понял я, что женщины — это лживые, жалкие создания. Они не способны ни любить, ни быть верными, ни ценить дружбу. Мне даже порой кажется, что в них просто есть какая-то потребность предавать, предавать, предавать! Им нужны только вещи, тряпки, дети — все что угодно, но не любовь.

Им не нужно ничего большого, единственного, светлого. Все это любая из них с радостью променяет на кучу маленьких, но ярких вещичек.

Но мне-то что делать? Как жить дальше? Смириться или умереть? Я не вижу смысла своей жизни. Ну, будет у меня денежная работа, которая прине-

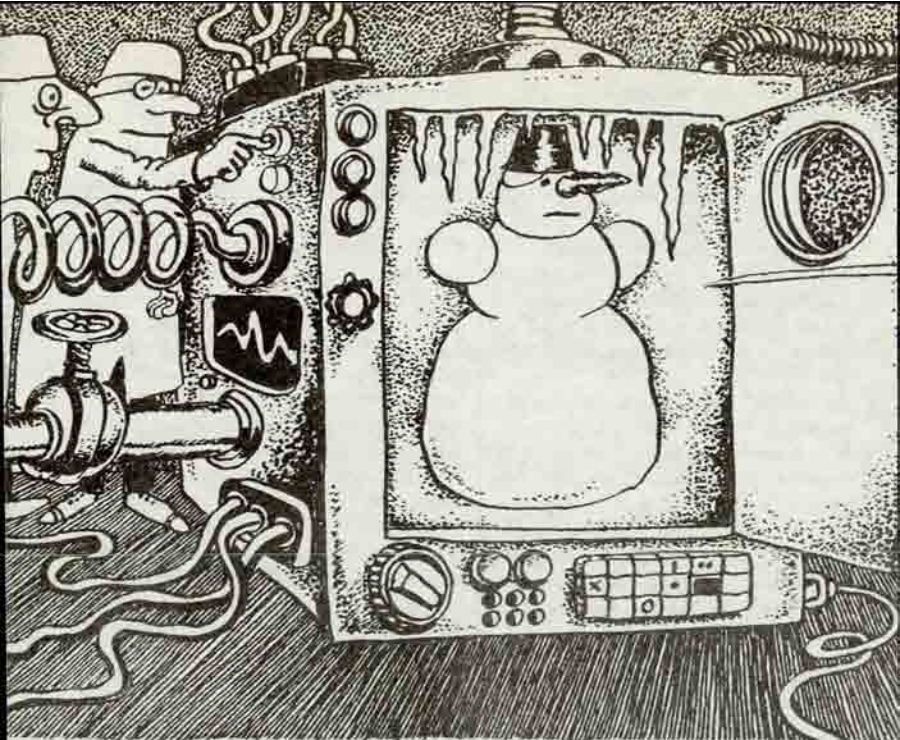
сет мне какие-то радости... Но отчего мне так больно? Отчего?

**ЯРОСЛАВ,
Санкт-Петербург**

« Не написать вам не мог, — слишком много боли в письмах читателей «Смены». Хотя я и осужденный, нахожусь за колючей проволокой, свои человеческие чувства еще не растерял. Трудно читать письма одиноких матерей, которые не знают, как им жить дальше, когда на их иждивении находятся дети. Мы начинаем забывать о стариках, нам безразличны судьбы людей, которые нас окружают. Не каждый задает себе вопрос: откуда берется бесчеловечность, кто ее порождает. В действительности же все начинается с нас самих. Давайте подумаем, как же помочь тем, кто нуждается в помощи. У многих заключенных на лицезвом счету имеются какие-то сбережения, многие из нас готовы помочь больным и немощным. Только как это лучше сделать — мы не знаем. Может, создать какой-нибудь фонд помощи «заключенные — свободным»?

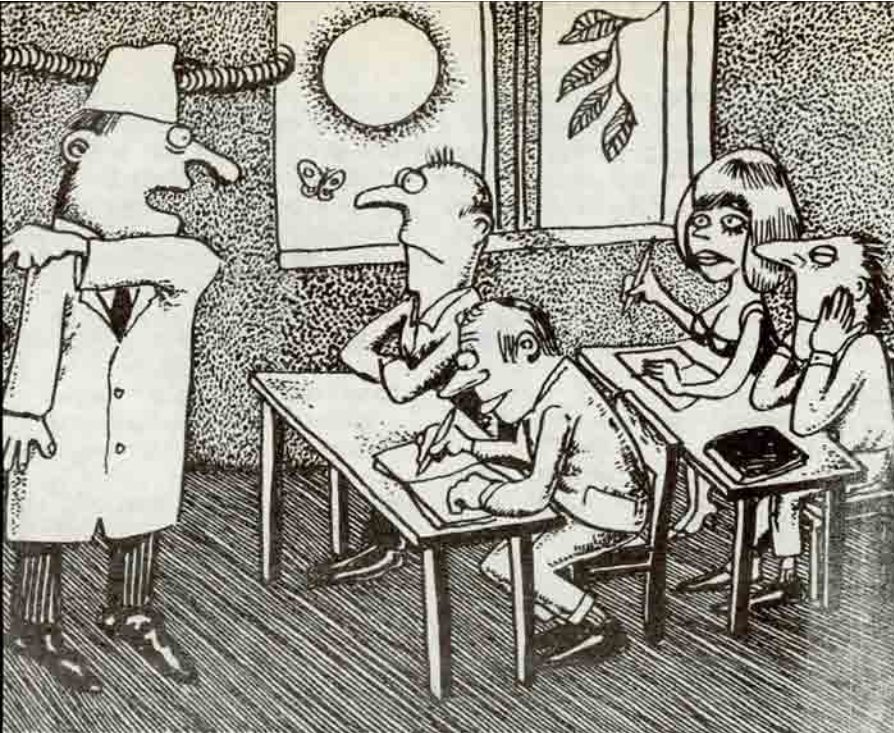
169140, Республика Коми, Усть-Вымский р-н, Вежайка, КЛ-400/15-7.

В. А. ПИЧУГИН

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Польза от минусовой температуры

Говорят, высшая школа в глубоким кризисе. Сообщают, что студенты порой падают в голодные обмороки. Утверждают, что те из профессоров, кто еще не уехал в поисках лучшей доли за океан, притерговывают пуховиками, а то и пивом. Верно ли все это?

Чтобы ответить на этот вопрос исчерпывающе, надо посетить многие вузы России, что не под силу корреспонденту. Поэтому мы выбрали один институт: не гигантский, но и не маленький, не столичный (но и провинциальным его не назовешь), не имеющий всемирной славы, но и далеко небезызвестный; словом, институт, каких много по городам России — Санкт-Петербургский технологический институт холодильной промышленности (СПбТИХП).

...По коридорам «Холодильки» (именно так небрежно-ласково зовут в Питере этот вуз) сновали студенты, красивые и хорошо одетые. И хотя институт, конечно, существует ради них, истинное лицо любого вуза определяют не учащиеся, а те, кто их учит. И когда речь заходит, скажем, о МГУ, Физтехе или «Бауманском», мы вспоминаем не о студентах — вспоминаем о блестящих академиках и профессорах, что преподавали и преподают в этих вузах и которые столь много сделали для развития отечественной и мировой науки. Есть свои научные школы и в СПбТИХП, работают здесь ученые, имена которых известны специалистам отрасли во всем мире.

Поэтому сначала слово им.
ЗДУАРД ИОСИФОВИЧ ГУЙГО,
профессор:

— Говорить о том, что мы

здесь изобрели паровоз или отыскали бронтозавра, не приходится, хотя какие-то детали, частности (что в науке тоже немало) изучили первыми в мире. Процесс, что наиболее интересен для меня и которым я давно занимаюсь, — сублимация. Космонавты берут в полет сублимированные продукты, — они — находка для альпинистов и туристов... Без этого процесса просто не было бы многих лекарств, скажем, пенициллина. А как легко транспортировать сублимированные продукты, например, из Европы в Заполярье!.. Сколько дегустаций провели мы для высоких чинов!.. Десятилетиями бьемся, чтобы организовать серийное машиностроение. Нет, действует в России всего пара экспериментальных заводиков... Потенциал нашей науки всегда был очень велик, и он пока никуда не делся. Но он не востребуется...

ГЕОРГИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГОЛОВКО, профессор, зав. кафедрой криогенной техники:

— Многие плохо представляют себе, какую роль в современной промышленности играют газы. Например, аргон. Без него ни электролампочку не сделаешь, ни корпус подводной лодки не сварить... И шапка Мономаха тоже, между прочим, в аргоне хранится: чтобы не окислялась. И чем этот газ чище, тем лучше. Мы создали установку, которая производит самый чистый в мире аргон... Однажды приехали французы, привезли хроматограф, предложили исследовать наш аргон. Два часа искали в нем примеси. Потом говорят: что-то, видимо, случилось с прибором, не угодно ли подъехать завтра? Какая у него разрешающая способность, спрашиваю. Десять

в минус шестой, отвечают. Господа, говорю, газ-то наш — чище!.. Можно считать, что мне повезло: установка, принцип которой придумал я, работает на многих заводах. Однако на каждые пять лет творчества я отдал пятнадцать лет изматывающего организационного труда. Вот как российские ученые растрачивают свой интеллект!.. На нашей кафедре, например, мы применяем пока единственную в республике криомедицинскую камеру. Пациента на сорок секунд охлаждают до минус ста восьмидесяти градусов. Эффект потрясающий! Исчезает полиартрит, экзема, растет шевелюра, повышается потенция... И у здорового человека повышается тонус: словно хорошенько в баньке попарился. Японцы таким образом лечат уже давно. Однако их установка, смею утверждать, менее совершенна, чем наша. Не можем же мы лечить в учебном институте! Здесь не клиника, больных принимать невозможно... Ленинградские врачи одобрили применение установки, и мы надеемся развернуться в санатории в Архипо-Осиповке (Краснодарский край)... Дай Бог удастся, однако разве должен ученый, что-то придумавший, организовывать — в данном случае лечение? Это дело менеджера, предпринимателя, но их что-то рядом с нами не видно... Сколько же есть интересных областей, где можно применить свои знания! Например, с помощью холода можно вырезать саркому печени, удалять без боли железы, делать бескровные и безболезненные аборты... Как много можно было бы сделать, если только не тратить массу сил и изобретательности на внедрение!..

ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ ИВАНОВ, про-

фессор, зав. кафедрой машин, аппаратов и систем кондиционирования:

— Каким своим научным достижением я мог бы гордиться? Пожалуй, первым в мире аммиачным конденсатором пластинчатого типа. Что это — объяснять сложно, скажу только, что его применение уменьшает размеры холодильных машин в четыре-пять раз. В Петербургском морском порту он работает. В единственном экземпляре. Почему в единственном? Нашим заводам невыгодно было производить легкие аппараты: план шел на тонны... Ну, а сейчас в промышленности вообще хаос...

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЫШЕВ, начальник научно-исследовательского сектора, кандидат технических наук:

— Помню, двадцать лет назад я, молодой инженер, начал работать в институте. Создавали мы теплообменный аппарат. По тридцать рублей премии получим — отдадим сварщику, спирт лабораторный — ему же... Но никому этот аппарат в конце концов оказался не нужен... А западная фирма сегодня подобные широко выпускает... Занимались у нас в институте, например, рецептом молочного питания, которое было бы приближено к материнскому молоку. Ведь сегодня даже самые лучшие смеси содержат в семь раз больше соляной кислоты, чем молоко матери. Были успехи, но никто из власти имущих этим направлением так и не интересовался. Оно, можно считать, заглохло... Однако наступил рынок, и постепенно отношения науки и практики меняются. К примеру, в СПбТИХП ведется исследование: как хранить продукты в больших количе-

ствах — картофель, мясо, рыбу? Каким должно быть оборудование, режимы заморозки, хранения? Ведь до сорока процентов продукции портится! Государственным базам ни к чему было хранить оптимально — легче было воровать. Базы попадают в частные руки — растет внимание к исследованиям. Или, скажем, вовсю идут в институте работы над созданием рельсошлифовального вагона — он «выправляет» рельсы, благодаря чему подвижной состав меньше изнашивается. Раньше вагоны были дешевы, легче было купить новый. Теперь железнодорожники стали бережливей... Создаются в нашем вузе и хладостойкие стали, и заменители фреона в холодильных машинах (ведь это он разрушает озоновый слой), и способы уничтожения судовых отходов непосредственно на кораблях... Выпускники СПбТИХП нужны и на мясокомбинате, и в «космическом» КБ... А в последнее время институт начали атаковать представители «оборонки»: у нас, говорят, огромные возможности, разработайте нам установку, которая станет пользоваться спросом, мы ее будем выпускать. Еще год назад никто с подобными предложениями не обращался...

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ ТИМОФЕЕВСКИЙ, профессор, зав. кафедрой холодильных машин и низкопотенциальной энергетики:

— Вот название работы, которой я до сих пор горжусь: термодинамические и технические основы абсорбционной бромистолитиевой холодильной машины. Как объяснить популярно? Ваш домашний холодильник работает на электричестве, а эта машина применяет теплую воду, скажем, или

теплый воздух. И энергия экономится, и теплота используется, которую иначе бы «выбросили». Такие машины ныне и на многих наших шахтах трудятся, и на химических предприятиях, и, кстати, в концертном зале «Октябрьский». Когда мы ее запустили в серию, немецкий ученый Рудольф Планк с горечью писал на страницах специального журнала: «Как же мы, родоначальники этой отрасли, пропустили вперед русских!..» Есть неплохие разработки и сегодня, но российской промышленности сейчас не до них: она не то что плохо на ногах держится, она уже лежит...

А теперь на вопрос о том, как используется обществом творческий и интеллектуальный потенциал ученых института, отвечает **ректор СПбТИХП, заслуженный деятель науки и техники России, профессор ИГОРЬ ИГНАТЬЕВИЧ ОРЕХОВ:**

— Высокий творческий потенциал наших ученых, конечно, востребован абсолютно недостаточно. Мы этим очень разочарованы. К тому же теперь нет в России органа, который координировал бы работу холодильной промышленности. Предприятия предоставлены сами себе, и многие не заинтересованы в научных разработках. Ждать, когда начнется конкуренция? Сколько лет? Пока все держится на энтузиазме ученого. Он, исследователь, должен и разрабатывать, и внедрить. Это, конечно, неправильно.

Остроумные идеи, пионерские разработки, блестящие умы... Как же оценивает общество труд ученых? Деньги, что они получают, не просто мизерные — издевательски крошечные. Судите сами: в октябре прошлого года зарплата

профессора составляла 5670 рублей, доцента — 4000 рублей, старшего преподавателя — 3600; старшего научного сотрудника — 2280... К чему же приводит подобное обнищание ученых?

Профессор ГОЛОВКО:

— Из тринадцати моих аспирантов четверо — причем лучшие! — ушли в коммерческие структуры...

Профессор ТИМОФЕЕВСКИЙ:

— Мой аспирант написал диссертацию, взял ее под мышку — и... трудится теперь в каком-то малом предприятии. А что делать ему? Маленький ребенок, жена не работает... Это трагедия высшей школы: нет смены, за нами никто не идет. Если цепочка «учитель — ученик» разорвется, это будет невосполнимо. Ученым нельзя стать, читая книги. Необходимо живое общение со старшими товарищами.

Профессор ИВАНОВ:

— Слишком сильно профессор отстает в зарплате от проститутки. Да и от водителя трамвая... У меня всегда было шесть-семь аспирантов одновременно. Сейчас четверо, и один из них кореец, другой — сириец. Так мы растеряем кадры высшей школы. На это много времени не надо. Хватит одного-двух лет. И нам придется посылать учиться в развитые страны и платить валютой...

Профессор ОЛЕГ БОРИСОВИЧ ЦВЕТКОВ, проректор института по научной работе:

— Был у нас профессор из научного центра в Карлсруэ. Разговаривались. Он рассказал: да, и у них в центре тоже есть вакансии, потому что у немецких ученых зарплата ниже, чем в целом по промышленности. Ну и правильно — в науку должны идти одержимые, малость «чокнутые»... И к нам в институт такие фанатики

продолжают приходить. Конечно, их стало меньше, но, думаю, ситуация с оплатой выправится, и снова в аспирантуру будет конкурс...

Профессор ОРЕХОВ:

— Только что опубликовано положение об оплате «госбюджетников». Согласно ему профессор может получить вплоть до семнадцатого разряда, а самый квалифицированный рабочий — не выше двенадцатого. Мне кажется, когда эту систему введут, все встанет на свои места. Пройдет, думаю, не больше года, и преподаватели высшей школы начнут получать неплохо. У меня скорее оптимистический взгляд на будущее.

Однако ситуация выправится неизвестно когда, а пока все больше и больше «конкурентоспособных» умов с надеждой поглядывают за рубеж...

«Утечка мозгов» большинству из нас представляется так: получает умный человек разрешение на постоянное жительство за кордоном, и вот в России на одну светлую голову становится меньше, у «них» — на одну больше... Однако, как показали беседы с учеными Института холодильной промышленности, процесс этот сложнее.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ БАХАРЕВ, начальник учебной части, кандидат технических наук:

— Уезжал несколько лет назад один наш завлаб в Израиль. Не хотелось ему ехать, да там и дочка, и внуки... А недавно читаю проспект: он выиграл конкурс по очистке грязных вод методом замораживания. Получил деньги на разработку, открыл свою фирму... Обидно, идеи-то все наши, российские...

Профессор ТИМОФЕЕВСКИЙ:

— У нас существует положение: прежде чем защитить диссертацию, надо до шестидесяти процентов результатов опубликовать в научных журналах. Из-за этого мы западным фирмам отдали бесплатно десятки, сотни идей... А сейчас на наших специалистов идет настоящая охота. Предлагают нам и немцы, и американцы, и даже китайцы: гражданство менять не надо, работайте на нас, будут гостиницы, питание, переводчики, оплата в валюте — и, главное, вы увидите ваши разработки в серийном производстве...

Профессор ГОЛОВКО:

— Я вынужден работать на иностранные фирмы! Мне 62 года, четыре года назад у меня был инфаркт... Выходить на пенсию на две тысячи в месяц? Чтобы, как иной блестящий профессор, продавать свою старую одежду?... Слава Богу, «западникам» я нужен: хотя я написал три монографии, два учебника, две диссертации, но нигде не раскрыл свое «ноу-хау»... А вообще необходим в стране какой-то орган, что сделал бы инвентаризацию российских идей, которые можно было продать. Но не такой, как «Лицензионторг». Я провел пять лет в его коридорах. Этих чиновников не приоритет державы интересовал, а как бы съездить за рубеж...

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ ФЕДOTOV, старший научный сотрудник, кандидат технических наук:

— По-моему, Чехов говорил: национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения. В общем-то мировая наука от «утечки мозгов» выигрывает. Но за державу обидно. И страшно, что наши разработки, порой не имеющие аналогов в мире, заглухнут...

Ни один из моих собеседников не исключил возможности своей работы на западную фирму...

Разработки разработками, однако главное дело вузовского ученого — вырастить из вчерашнего школьника специалиста, подготовить профессионала. Высокий уровень исследований способствует этому: хороший ученый, как правило, и преподаватель блестящий.

Очень многим студентам я задавал весьма неопределенный вопрос «что вам нравится в институте?», — и около трети ответили на него: «Преподаватели».

А вот противоположное мнение — ректора о студентах.

Профессор ОРЕХОВ:

— То, что конкурс в наш институт — один из самых высоких среди технических вузов Петербурга, говорит само за себя. Когда конкурс выше двух — а у нас такой всегда, — мы имеем возможность выбирать. И из других вузов — например, военно-механического — пачками приносят заявления; просятся к нам учиться. Я не думаю, чтобы у нас учились случайные люди. Не думаю!

Интересно, а почему институт холодильной промышленности выбирают абитуриенты?

Вот некоторые ответы: «Здесь есть военная кафедра, а в армию идти не хотелось...»; «Вуз в центре города, близко от дома...»; «Специалисты такого профиля нужны везде, от нефтяной промышленности до пищевой. Никогда без работы не останешься...»; «Сюда пришел по родительским стопам — они институт хвалили»; «Профессия, к продуктам близкая. Всегда сыт будешь. А может, и директором мясокомбината станешь...»

...В коридоре института — по-

стамент, на котором раньше стоял гипсовый Ленин. Бюст убрали, а обитую бархатом подставку — почему-то нет. Зато теперь вокруг нее можно сидеть, готовясь к следующей «паре» или читая газетку...

Разговорился с одним из таких «сидельцев». «Подрабатываешь ли в свободное время?» — «Конечно». — «Кем?» — «Страховым агентом». — «А что, родители не кормят?» — «Мне двадцать лет, стыдно у мамы на шее сидеть! Да у нас в группе почти все парни подрабатывают...»

Не было такого «трудового энтузиазма» еще лет десять назад. Тогда разве что один студент из ста работал...

А чем еще отличаются нынешние студенты от тех, что заполняли аудитории десять — пятнадцать — двадцать лет назад?

Общее мнение всех преподавателей, с которыми довелось беседовать, — уровень школьной подготовки за это время упал. «Представляете, я спрашиваю четверокурсников: почему зимой окна обмерзают? — не знают, а ведь это их будущая специальность...» (Бахарев).

Однако и плюсы у «племени молодого» появились... «Иногда я поражаюсь, как нынешние студенты точно, ясно формулируют свои мысли, как свободно держатся» (Тимофеевский). «Еще лет пять назад первокурсники к компьютеру даже подойти боялись — теперь большинство с ним на «ты» (Иванов).

Теперь у выпускников нет распределения: устраивайся как можешь. Одного из четверокурсников, с которым мы разговаривали в коридоре, это не пугает: «И прекрасно, что нет распределения!

А то еще попадешь в какую-нибудь контору, будешь три года штаны просиживать!» Другой ответил: «Устроюсь! Все-таки единственный вуз такого профиля во всей России...» Кого-то перспектива самому искать работу угнетает, а «среднестатистическое мнение» один парень выразил так: «Надежд я не теряю, хотя в наше время, по-моему, никто не может быть спокоен за свое будущее».

Непросто живется сегодня учебному институту. Но вот на что обращаешь внимание при беседах и с преподавателями, и со студентами СПбТИХП: даже когда говорят они о проблемах, о бедах, нет в их голосе надрыва и безнадежности.

Трудно, тяжело, но профессора продолжают учить, студенты — учиться. Спокойно делать свое дело.

«Альма-матер» — много веков называют так университеты — «мать-кормилица». Сегодня Институт холодильной промышленности остается «матерью», растит своих студентов и пестует, однако «кормилицей» им быть не может.

Счастье, что у «альма-матер» очень много детей. Многие давно уж выросли, встали на ноги. И вот они, выпускники «Холодилки», создают товарищество, цель которого — чистая благотворительность: помочь в нынешнее трудное время своей «матери» и тем своим «младшим братьям», что заполняют сейчас аудитории. Товарищество и названо символично: «Альма-матер».

ФРЭНСИС ПОЛ ВИЛЬСОН

ЗАСТАВА

Рисунки ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Застава
Четверг, 1 мая
Время: 06.40

Уже две ночи подряд смерть обходит перевал стороной! Поправляя начищенную до блеска пряжку ремня, Ворманн с удовольствием отметил, что настроение его повышается с каждой минутой. Однако сам замок не показался ему веселее и жизнерадостнее. В воздухе по-прежнему висело все то же тягостное предчувствие беды, ощущение близости чего-то зловещего. Нет, замок оставался прежним; перемены произошли в самом Ворманне. Ему почему-то стало казаться, что он все-таки уедет отсюда живым. Хотя в последнее время капитан сильно сомневался в этом. Но после плотного завтрака и здорового сна многие, даже очень сомнительные вещи могут показаться вполне реальными. Например, раз уж и сегодня никого не убили, то есть надежда, что скоро Кэмпфер уберется отсюда вместе со своим зменным выводком.

И даже собственная картина перестала раздражать Ворманна. Правда, загадочная тень на холсте продолжала напоминать силуэт повешенного, но теперь это уже не имело большого значения. И он не смог сдержать улыбки, вспомнив, как расстроился в тот момент, когда майор заметил эту деталь.

Неторопливо спустившись на первый этаж, он столкнулся с Кэмпфером, который с таким решительным видом спешил в комнату профессора, что капитану стало немного не по себе.

— Доброе утро, штурмбанфюрер! — улыбнулся он, чувствуя, что сегодня может и улыбаться, и терпеть возле себя этого эсэсовца, понимая, что скоро тот навсегда исчезнет из его жизни. — Вижу, у нас с вами желания совпадают — прямо телепатия! Я ведь тоже иду поблагодарить профессора Кузу за спасение немецких солдат.

— У вас нет никаких доказательств, что он хоть чем-то поспособствовал их безопасности! Мало ли, что он сам заявляет об этом!

Все благодушие Ворманна куда-то разом исчезло.

— И тем не менее я считаю, что прекращение убийств и его приезд сюда можно как-то разумно сопоставить и сделать вполне определенные предварительные выводы. Вы так не думаете?

— Совпадение, и ничего больше!

— Тогда почему же вы здесь?

Кэмпфер на секунду задумался, не зная, как лучше ответить.

— Разумеется, чтобы выяснить, что ему стало известно из книг.

— А-а, понимаю.

Первым к профессору вошел Кэмпфер, капитан следом за ним. Куза стоял на коленях на расстеленной возле камина шинели. Но он не молился, а пытался самостоятельно забраться

в высокое инвалидное кресло. Молча взглянув на вошедших, он продолжал свое занятие с прежним рвением и упорством.

Первым желанием Ворманна было подскочить к несчастному калеке и помочь ему — казалось, мышцы старика настолько слабы, что без посторонней помощи ему никогда не взгромоздиться в свою коляску. Хотя, приглядевшись получше, капитан понял, что недооценивает возможности старика. Не обращая на вошедших никакого внимания, Куза продолжал отчаянно карабкаться к своей цели, прислонив спинку кресла к камину. Ворманну хорошо было видно, как искажается от боли лицо профессора, пока он всеми силами пытается одолеть подъем, с трудом заставляя сгибаться непослушные суставы. Но вот наконец ему это удалось, и, издав мучительный стон, старик опустился на клеенчатую подушку. По лицу его ползли крупные капли пота, он в изнеможении откинулся на высокую спинку кресла и тяжело задышал.

— Что вам от меня угодно? — спросил он, с трудом переводя дыхание.

От былой степенности профессора не осталось и следа — он больше не обращался к ним так вежливо, как поначалу, когда все немцы были для него не иначе как «господами». Сейчас старик испытывал нечеловеческие муки, и у него не было ни сил, ни желания изображать из себя сверхвежливого гостя.

— Так что ты, еврей, вычитал прошлой ночью? — с ходу приступил к делу Кэмпфер.

Куза слегка приподнялся на локтях и пододвинулся ближе к спинке. На секунду он стиснул зубы и закрыл глаза, но потом снова открыл их и, прищурившись, посмотрел на майора. Казалось, что без очков он почти ничего вокруг себя не видит.

— Пока не так уж много. Но у меня уже есть доказательства, что замок выстроен известным боярином пятнадцатого века, современником самого Влада Тепеша.

— И все? Ты уже два дня сидишь над этими книжками!

— Один день, если быть более точным, — возразил Куза, и Ворманн понял, что гордый старик не даст так просто над собой издеваться. — Один день и две ночи. А это не слишком великий срок, если учесть, что все представленные вами книги написаны не на моем родном языке.

— Мне не нужны твои жидовские извинения! — взорвался эсэсовец. — Мне нужны результаты!

— А разве их у вас еще нет? — спросил профессор. Казалось, его очень интересует ответ майора.

Кэмпфер весь напрягся и сжал кулаки.

— Да, две ночи на заставе не было происшествий, но я сильно сомневаюсь, что в этом есть твоя личная заслуга. — Он сделал полуоборот в сторону Ворманна и высокомерно добавил: — Как мне кажется, на этом моя миссия завершена. Но только ради закрепления результатов я, пожалуй, останусь здесь еще на одну ночь.

— Вот это да! Провести еще одну ночь, зная, что где-то рядом — еврей! — вполголоса буркнул капитан, чувствуя, что

настроение его продолжает улучшаться. Теперь он мог запросто снести все спесивые выходки Кэмпфера и перетерпеть его еще одну ночь.

— Я думаю, вам уже нет необходимости задерживаться здесь, господин майор, даже на одну ночь, — возразил Куза. — Наверное, вы гораздо нужнее сейчас в других странах.

Но Кэмпфер только криво усмехнулся.

— Нет, еврей, тут ты как раз ошибаешься. Твою замечательную страну я оставляю не так скоро, как тебе хотелось бы. Отсюда я направляюсь непосредственно в Плоешти.

— В Плоешти? Почему именно в Плоешти?

— Об этом ты узнаешь в самом скором времени. — Майор повернулся к Ворманну: — Я уезжаю завтра в шесть тридцать.

— Ну, ради такого случая я встану пораньше и лично открою вам ворота.

Кэмпфер бросил на него недовольный взгляд, отвернулся и вышел из комнаты. Капитан с улыбкой наблюдал за ним. Он почти не сомневался, что убийства прекратились по никому не известной причине и могут возобновиться в любой момент. Просто кто-то дал им время для передышки, своего рода тайм-аут. Сами же они ничего так и не выяснили и ничего не сделали. Но он не стал делиться с Кэмпфером своими сомнениями. Ведь он не меньше самого майора мечтал о том, чтобы тот поскорее покинул чертову крепость. И ему очень не хотелось лишними разговорами мешать отбытию Кэмпфера с заставы.

— Что он имел в виду, говоря о Плоешти? — спросил Куза, как только дверь за майором захлопнулась.

— Не надо вам знать об этом, — с грустью покачал головой Ворманн и перевел взгляд с лица профессора на стол. Там он сразу же заметил небольшой серебряный крест, который вчера одолжила у него Магда. Крест лежал среди книг рядом с профессорскими очками.

— Я прошу вас, капитан, скажите мне всю правду. Зачем этот человек едет в Плоешти?

Но Ворманн притворился, что не слышит его. У профессора и без того хватало сейчас проблем. Зачем ему знать еще и о том, что Гитлер готовит в Румынии для евреев второй Освенцим?

— Если хотите, можете провести сегодня свою дочь. Но только сама она сюда не сможет прийти. Так что придется путешествовать вам. — Ворманн как бы невзначай подошел к столу и взял в руки маленький крестик. — Эта штука не оказалась для вас полезной?

Куза быстро взглянул на крест и тут же отвел глаза в сторону.

— Нет. К сожалению, нет.

— Тогда я его заберу.

— Нет, ни в коем случае! Может быть, он мне еще понадобится. Оставьте его, пожалуйста, на столе.

Неожиданное волнение профессора удивило Ворманна. Все-таки что-то изменилось в поведении старика. Казалось, он потерял свою прежнюю уверенность. Но так это было на самом деле или нет — капитан не мог сказать точно.

Он положил крестик назад и вышел из комнаты. Закрывая за

собой дверь, он заметил, что Куза подкатил кресло ближе к столу, взял в руки крест и начал внимательно разглядывать его.

Слава Богу, что он остался жив!

Магда с нетерпением ждала, когда один из часовых, охранявших ворота крепости, привезет отца. С восходом солнца она бросилась к замку и начала стучаться, но никто не реагировал на ее стук. После бессонной ночи Магда чувствовала себя совершенно разбитой и подавленной. Но теперь она была спокойна: отец жив.

Девушка бегло осмотрела двор. Все, кажется, тихо. В глубине двора лежал небрежно разбросанный щебень, но вокруг никого не было. Видимо, в это время солдаты завтракали в своих казармах. Но почему же так долго задерживается часовой? И почему ей не разрешили самой войти в замок и вывезти сюда отца?..

Наконец профессор появился. Его вез один из часовых, по выражению лица которого было видно, что солдату очень неловко от того, что он выполняет такое задание. Встретив тревожный взгляд отца, девушка поняла, что в замке снова что-то случилось.

Ей сразу же захотелось броситься ему навстречу, но Магда прекрасно понимала, что такого безрассудства здесь никто не допустит и не простит. Солдат подвез кресло к воротам и с силой оттолкнул от себя. Магда ловко перехватила его на мосту и почти бегом покатила к деревне. Они не проехали и половины пути, как Магда почувствовала, что больше не может терпеть — ей нужно было узнать сейчас только одно. И поэтому, даже не поздоровавшись, она с волнением спросила:

— Папа, что там случилось?

— И все, и ничего.

— Он опять приходил?

— Подожди немного. Довези меня до гостиницы, и там я расскажу тебе все по порядку. Здесь нас могут подслушать.

Сгорая от любопытства, девушка ускорила шаг и через минуту вкатила кресло на задний дворик гостиницы. Она повернула его к северу, чтобы солнце не слепило глаза отцу, а потом встала рядом на колени и аккуратно взяла его руки в свои. Сегодня профессор выглядел на редкость плохо, и от этого сердце Магды болезненно сжалось. Он должен быть сейчас дома, в Бухаресте! Он может не выдержать такого напряжения!

— Так что же случилось? Только расскажи мне все до конца. Он ведь приходил снова, да?

Когда отец заговорил, голос его стал каким-то чужим и далеким, а взгляд был устремлен на замок:

— Как здесь тепло! Тепло не только моему телу, но и душе. А у тех, кто долго остается там, внутри, душа может навсегда замерзнуть...

— Отец...

— Его имя — Моласар. Он утверждает, что был одним из соратников Влада Тепеша.

Магда ахнула.

— Так, значит, сейчас ему никак не меньше пятисот лет!

— Нет, я уверен, что он значительно старше, но он не позволяет мне спрашивать обо всем, о чем хочется. Наверное, у него есть какие-то свои интересы, но главное, что он хочет, — избавиться свой замок от незваных гостей.

— Значит, и от тебя тоже?

— Нет, дочка, это не совсем так. Он имеет в виду только иностранных захватчиков, а меня считает своим земляком, румыном. Вернее валахом, как он говорит; и как раз мое-то присутствие его не слишком смущает. Дело именно в немцах. Ты бы видела, как он гневается при одном даже упоминании о них!

— Так это его замок?

— Да. И он выстроил его, чтобы спрятаться здесь после того, как убили Влада.

Магда немного помолчала, а потом спросила, не скрывая сомнения:

— И он вампир?

— Да. По крайней мере мне так начинает казаться. — Профессор многозначительно кивнул. — Он — именно то создание, которое мы привыкли называть вампиром. Но при этом я думаю, что многие наши представления о вампирах, сложившиеся на основе старинных легенд и преданий, могут оказаться в корне неверными. И скорее всего нам придется называть его как-нибудь по-другому; причем я имею в виду не старые, уже известные нам слова, а именно новые, появление которых будет зависеть от того, что нам расскажет сам Моласар. — Профессор закрыл глаза. — Мне кажется, что теперь и на многие другие вещи мы будем смотреть совсем иначе.

— Значит, ты говоришь, боярин, приближенный Влада Тепеша? Я думаю, нам несложно будет навести о нем исторические справки.

Отец не сводил глаз с замка.

— Трудно сказать. Ты ведь знаешь, что Влад был трижды у власти, и каждый раз у него находилось много новых сподвижников. А это сотни имен... Но среди них были не только дружелюбно настроенные бояре, появлялось и множество недоброжелателей. И именно их — почти всех — Влад имел удовольствие посадить на кол. Ты же сама помнишь: о том периоде сохранилось слишком мало летописей, и большинство из них очень противоречивы. Ведь даже в те времена, когда турки оставляли Валахию в покое, обязательно находились какие-то новые враги. Даже если нам удастся подтвердить существование человека по имени Моласар, то что это докажет?

— Наверное, ничего. — Самой Магде Влад всегда казался позорным пятном в румынской истории.

Сын человека по имени Влад Дракул, что означало «дракон», князь Влад был известен как Влад Дракула, то есть «сын дракона». И, кроме этого, носил прозвище Тепеш, что значит «насаждающий на кол». Его он получил из-за своего любимого способа умерщлять пленных солдат, провинившихся подданных и предателей-бояр, а также всех, кто самому Владу не смог в чем-либо

угодить. Магде вспомнились гравюры, иллюстрирующие его массовые убийства в городе Амлас, которые сам Влад назвал «Варфоломеевским днем»: тридцать тысяч непокорных жителей этого города были посажены на длинные деревянные колья и оставлены на медленную и мучительную смерть под палящим солнцем.

Жертву связывали, клали на землю и пронзали колом от промежности до подбородка, причем считалось особым «искусством» сделать так, чтобы острое вышло из рта несчастного. Затем кол поднимали и ставили вертикально в заранее выкопанную лунку. Чтобы тело не сползло до самой земли, на высоте двух-трех футов прибавалась небольшая поперечная перекладина, и со стороны могло показаться, что казненные сидят на окровавленных перевернутых крестах. Если человек сразу не умирал, его обливали холодной водой, чтобы по возможности привести в чувство, и оставляли агонизировать на глазах остальных приговоренных, ожидающих своей очереди. Такая участь ждала любого, кто вызывал у Влада хоть малейшее сомнение в полной преданности и послушании.

Хотя иногда это делалось и в чисто стратегических целях: в 1460 году вид двадцати тысяч пронзенных трупов военнопленных, гниющих на колах на высоком северном берегу Яломицы близ Тырговиште, вызвал панику среди турецкой армии, готовившейся к вторжению в Валахию, и турки на несколько лет прекратили свои агрессивные поползновения.

— Представляю себе, — в задумчивости проговорила Магда, — что может значить «приближенный Влада Тепеша».

— Магда, мы с тобой не вправе судить его. Это можно позволить только тем, кто будет равным ему. А кто может сравниться с ним? Ты представляешь себе, что значит само его существование?! Ты понимаешь, как многое оно меняет? И сколько наших убеждений разобьется в результате этого? Предстоит узнать очень многое, а у нас так мало времени!.. Он живет, питается кровью людей, — это легко понять по трупам солдат, которые мне показали. У них глубокие раны на шее, и эти трупы обескровлены. А сегодня я выяснил еще кое-что: Моласар не отражается в зеркале! То есть в этом все легенды о вампирах оказались правы. Но то, что они боятся чеснока и серебра, — это ложь. Похоже также, что они действительно являются ночными существами; во всяком случае, Моласар и нападает, и появляется только ночью. Тем не менее я не уверен, что днем он проводит время так, как утверждают легенды, — едва ли он отсыпается в гробу. Сейчас он где-то там, в своем доме, — задумчиво продолжал Куза. — Ждет, когда наступит ночь. И мне нужно снова с ним встретиться.

— Неужели он и в самом деле вампир, и при этом пятьсот лет назад был обычным румынским дворянином? Может быть, он просто обманывает тебя? У него есть какие-нибудь доказательства?

— Доказательства? — изумился профессор. — А почему он обязан нам что-либо доказывать? Ему не важно, что ты или я будем думать о нем и за кого мы его принимаем. У него,

вероятно, есть какие-то свои планы, и он считает, что я могу быть ему чем-то полезным. «Союзник в борьбе с иноземцами» — таковы были его слова.

— Но ты не должен позволять использовать себя!

— А почему бы и нет? Если ему и впрямь нужен союзник, чтобы избавиться от захватчиков, то я с радостью готов помочь в этом деле. Правда, мне трудно пока представить себе, что может сделать для него старый больной человек. Но все же я ничего не стал рассказывать немцам о нашей встрече.

Магда почувствовала, что отец скрывает не только с немцами. Ей показалось, что он и сейчас чего-то недоговаривает. А это было на него совсем не похоже.

— Папа, неужели все так серьезно?

— Сейчас у нас с Моласаром один общий враг. Надеюсь, ты понимаешь это?

— Может быть, но только сейчас. А что будет потом?..

Но он будто не расслышал ее последний вопрос.

— И не забывай, дочка, что мне он тоже может быть очень полезен. Я имею в виду свои исследования. Я должен узнать о нем буквально все. А для этого мне нужно еще раз поговорить с ним. Я просто обязан! — И он снова перевел взгляд на замок. — Так много перемен принесли эти встречи... Я должен собраться с мыслями.

Как ни старалась Магда, она не могла понять, что сейчас происходит у отца в голове.

— Но что тебя все-таки беспокоит? Ведь ты уже много лет убежден, что в легендах о вампирах есть доля истины. Раньше все посмеивались над тобой, а теперь ты убедился наконец в своей правоте и должен быть рад этому, а тебя эта правда, наоборот, тяготит. Почему?

— Неужели непонятно? Ведь раньше это была только своего рода гимнастика для ума. Я просто упражнял свой интеллект. Мне даже нравилось отстаивать свои безумные гипотезы перед твердолобыми бумажными червями исторического факультета.

— Нет, не только это. Ты искренне верил в свою правоту. И не вздумай переубеждать меня!

— Ну хорошо, не буду... Но я, и правда, никогда не мог предположить, что подобное существо может жить здесь, рядом с нами. И тем более не мог надеяться на встречу с ним в его собственном доме! — Тут голос профессора перешел в шепот. — А уж вообразить себе, что он боится...

Магда ждала, что он закончит фразу, но слова так и повисли в воздухе. Профессор снова задумался и как бы невзначай сунул правую руку во внутренний карман пальто.

— Боится чего? Чего же он так боится?..

Профессор резко вытянул руку вперед и показал Магде то, что было зажато у него в кулаке, а теперь лежало на раскрытой ладони.

— Вот! Вот о чем я сейчас говорю!

Это был тот самый маленький серебряный крестик, который она попросила вчера для отца у капитана Ворманна. Но что же

все-таки он имеет в виду? Почему так победно засветились его глаза?

— Я ничего не понимаю, — искренне произнесла девушка.

— Вот чего боится Моласар!

— Ну и что из этого? — Магда подумала, что отец начинает сходить с ума, придавая этому факту такое большое значение. — Ведь, как ты помнишь, все легенды о вампирах утверждают, что...

— Легенды? Да нет больше никаких легенд! Все это на самом деле так! И этот крест буквально привел его в ужас! Моласар чуть не бросился вон при виде простого католического креста!

Постепенно Магда начала понимать, что так сильно встревожило отца и теперь не дает ему покоя.

— Ну вот! Я чувствую, до тебя наконец дошло, — кивнул он дочери, и грустная улыбка появилась на его лице.

— Но ты же не станешь утверждать, что...

— Нет, Магда. К сожалению, стану. — Он приподнял крестик, рассматривая, как блестит на солнце металл. — Ведь это часть нашей собственной истории, наших традиций и веры. Мы считали, что Христос не был мессией. Что настоящий мессия еще только должен спуститься на Землю. Мы думали, что Христос был обычным человеком, а все его последователи и друзья — в основном просто добрые и сердечные люди — заблуждались, называя его сыном Господа. Но если это так... — Теперь профессор не сводил глаз с креста, будто качающийся на цепочке кусочек металла заигнотизировал его. — Если это и в самом деле так, и Христос был обыкновенным человеком... то почему же крест — простой символ его смерти — мог до такой степени перепугать вампира? Почему?

— Папа, не торопись делать выводы. Может быть, тебе известно далеко не все...

— Конечно, не все. Но подумай: ведь об этом нам постоянно твердили и в сказках, и в романах, а уж позднее — в фильмах, снятых по этим сказкам. Но кто из нас всерьез задумывался о силе креста? И вот оказалось, что вампиры его боятся. Но почему?.. Ответ может быть только один: потому что он — символ человеческого спасения. Видишь, как все непросто? Мне и в голову не могло такое раньше прийти!

Куза замолчал, а Магда в ужасе думала: «Неужели правда? Неужели все это действительно правда?»

Но вот профессор снова заговорил, и на этот раз его голос звучал глухо и мерно, будто шел не от человека, а из какого-то механизма:

— Если чудовище, подобное Моласару, не выносит даже одного вида креста, то, значит, Христос не был простым человеком. А отсюда следует логический вывод: наш народ, со всеми его традициями и верой, уже без малого две тысячи лет стоит на ложном пути. Мессия приходил тогда на Землю, а мы не сумели распознать его!

— Не говори так! Я отказываюсь тебе верить! Здесь должен быть какой-то другой ответ.

— Тебя просто не было со мной этой ночью. И ты не видела

всего ужаса на лице Моласара, когда я вынул этот крест. И поэтому тебе трудно понять, в каком состоянии он пребывал все это время, пока я не положил крест обратно в коробку. Говорю тебе: крест имеет над ним силу!

Очевидно, это все-таки было правдой, хотя и шло вразрез со всеми принципами и представлениями девушки. Но если отец говорит так, если он видел собственными глазами, значит, это правда. Магда хотела найти какие-нибудь слова, чтобы утешить и поддержать его, но не могла. Она тихонько вздохнула и прошептала:

— Папа...

Он печально улыбнулся в ответ.

— Не переживай так, дитя мое. Я не собираюсь выкидывать тору и уходить в монастырь. Моя вера глубока. Но все же нам теперь есть над чем призадуматься, правда?

Он пытался как-то успокоить дочь, но она прекрасно понимала, что в эти минуты он терзался в душе не меньше ее.

Магда медленно опустилась на мягкую траву, чтобы еще раз осмыслить все случившееся. И в этот момент ее взгляд уловил какое-то движение наверху. На втором этаже мелькнула и исчезла копна огненно-рыжих волос. Магда в негодовании сжала кулаки. Окно в комнате Гленна было открыто. Наверняка он подслушивал их разговор.

Она не сводила глаз с окна, надеясь поймать его с поличным, но так больше ничего и не увидела. И только она решила забыть об этом маленьком инциденте, как неожиданно сзади раздался знакомый уверенный голос:

— Доброе утро!

Гленн стоял рядом с ними и держал в обеих руках по небольшому плетеному креслу.

— Кто там? — взволнованно спросил профессор. Он не мог повернуть голову, чтобы увидеть, кто стоит у него за спиной.

— Я познакомилась с этим человеком вчера. Его зовут Гленн. Он тоже снимает у Юлию комнату.

Гленн кивнул Магде и подошел к профессору, вежливо склонившись над ним, как настоящий великан над лилипутом. На нем были шерстяные штаны, высокие сапоги и свободная шелковая рубашка с расстегнутым воротничком. Он поставил оба кресла на землю и протянул профессору руку.

— И вам доброе утро, сэр. Я вчера познакомился с вашей дочерью.

— Теодор Куза, — неохотно отозвался отец, не пытаясь скрыть своего недоверия к незнакомцу, так смело вмешивающемуся в их разговор. Потом он медленно вложил свою жесткую и непослушную руку в ладонь Гленна. Последовало нечто вроде рукопожатия, после чего Гленн предложил Магде кресло.

— Сядьте лучше сюда. Земля еще сырая.

Магда поднялась с травы.

— Спасибо. Мы с отцом как раз собирались уходить.

Магда шагнула к инвалидной коляске, но Гленн решительно преградил дорогу и положил руку ей на плечо.

— Пожалуйста, оставайтесь. Меня разбудили ваши голоса. Вы,

кажется, обсуждали замок и говорили что-то насчет вампиров. И мне очень захотелось послушать. Можно? — Он улыбнулся.

Профессор ответил ему, не задумываясь:

— Не говорите ни слова о том, что вы успели услышать, никому на свете! Иначе это будет стоить нам с дочерью жизни!

— Можете ни секунды не сомневаться в моем молчании, — уверил его Гленн, и улыбка с его лица сразу исчезла. — Мне с немцами не о чем разговаривать. — Он перевел взгляд на Магду. — Может быть, вы все же присядете? Это кресло я принес специально для вас.

Она вопросительно посмотрела на отца.

— Как ты считаешь?

Профессор примирительно кивнул.

— Я думаю, у нас нет сейчас большого выбора.

Магда повернулась к креслу, и Гленн опустил руку. И тут же девушка почувствовала, будто внутри нее образовалась какая-то непонятная пустота. Теперь ей чего-то не хватало.

Гленн в это время подошел к другому креслу и тоже сел, широко расставив при этом ноги.

— Вчера вечером Магда рассказала мне, что в замке обитает вампир, — начал он. — Но только я не совсем понял, каким именем он себя называет.

— Моласар, — ответил профессор.

— Моласар, — задумчиво повторил Гленн, и на лице его появилось выражение крайнего изумления. Он медленно, по слогам, произнес это имя: — Мо-ла-сар. — А потом засветился от радости, будто решил какую-то хитрую задачу. — Ну, конечно, Моласар! Странное, однако, имя, вы не находите?

— Необычное, — согласился Куза. — Но не такое уж и странное.

— А теперь насчет этого. — Гленн кивнул на маленький крестик, все еще зажатый между большими пальцами профессора. — Если я вас правильно понял и все верно расслышал, вы утверждали, что этот самый Моласар боится креста?

— Да.

Магда заметила, что отец отвечает с большой неохотой. В его планы едва ли входило выкладывать все, что он знал, первому встречному.

— А скажите, профессор, вы ведь еврей?

Старик кивнул.

— Никогда не слышал, чтобы евреи носили с собой кресты. Или это местный обычай?

— Мне достала его дочь. Крест был нужен для моих исследований.

Теперь Гленн повернулся к Магде.

— И где же вы его взяли?

— Мне дал его один офицер в замке. — Она не понимала, к чему он клонит.

— Это его собственный крест?

— Нет, он снял его с какого-то мертвого солдата. — Теперь она, кажется, начала понимать, куда ведут его вопросы.

— Странно. — Гленн пристально посмотрел на профессора. —

Очень странно, что этот крест не спас своего владельца, которого все-таки убили. Логично было бы предположить, что существо, так боящееся крестов, лучше бы оставило его в живых и подыскало себе другую жертву, на которой не было такого... ну, скажем, амулета.

— Может быть, крест был у него под рубашкой, — предположил Куза. — Или в кармане. Или вообще не на нем, а в комнате. Гленн улыбнулся.

— Может быть. Все может быть.

— А ведь и правда, папа, мы с тобой как-то об этом и не подумали, — быстро среагировала Магда. Она была рада ухватиться за любые слова, которые могли хоть чем-нибудь поддерживать душевное равновесие отца.

— Сомневайтесь во всем. Всегда сомневайтесь и задавайте себе всяческие вопросы, — продолжал Гленн. — Мне кажется, не стоит напоминать об этом ученому...

— Откуда вы знаете, что я ученый? — Подозрительность и недовольство мелькнули в глазах профессора. — Хотя, конечно, вам могла сказать это моя дочь.

— Мне рассказал о вас Юлю. Но вы упустили из виду еще кое-что. И это настолько очевидно, что, когда я вам расскажу, вам станет просто стыдно за себя.

— Ну пусть нам поскорее станет стыдно, — улыбнулась Магда. — Говорите же!

— Хорошо. Зачем, скажите, вампиру, который так боится крестов, поселяться в замке, все стены которого так и усеяны ими? Как вы это можете объяснить?

Магда и отец молча уставились друг на друга.

— Видите ли, — смущенно начал профессор. — Я так часто бывал в этом замке и столько времени потратил на раскрытие тайны крестов, что постепенно просто перестал обращать на них внимание и теперь даже не замечаю!

— Я вас хорошо понимаю. Я и сам несколько раз посещал эти места и могу согласиться, что со временем кресты начинают будто бы сливаться с самим замком. Но все же вопрос остается: зачем существу, страшащемуся крестов, окружать себя ими со всех сторон? — С этими словами он встал с кресла, поднял его и легко перекинул через плечо. — А теперь, я думаю, мне пора идти завтракать. Наверное, мадам Фионеску уже приготовила что-нибудь вкусненькое. Я на время оставляю вас, а вы поразмышляйте на досуге и, может быть, найдете ответ. Если он, конечно, существует. — Гленн резко повернулся и зашагал к гостинице, неся на плече свое плетеное кресло.

— Что за странный тип? — удивленно спросил профессор.

— Я встретила его вчера поздно вечером возле самого рва, когда наблюдала за твоим окном...

— Не надо было так за меня волноваться! Это я должен заботиться о твоей безопасности, а не наоборот.

Но Магда не слушала его.

— ...Он подъехал на коне прямо к воротам и, казалось, собирался с ходу влететь во двор замка. Но потом, когда заметил внутри огни и солдат, остановился.

Профессор несколько секунд размышлял о чем-то, а затем резко перевел разговор в другое русло.

— Кстати, о солдатах. Наверное, мне пора уже возвращаться, пока они сами за мной не пришли. Я предпочитаю явиться в замок по доброй воле, а не под дулом автомата.

— Побудь со мной еще немножко. Ты и так проводишь в замке слишком много времени. Похоже, он начинает на тебя как-то действовать...

— Магда, со мной все в порядке. Я себя неплохо чувствую и буду сам решать, сколько и когда мне работать... Так ты повезешь меня или придется ждать, пока здесь появятся нацисты?

Закусив от обиды губу, Магда повернула кресло к мосту, и они двинулись в путь.

Глава девятнадцатая

Застава

Четверг, 1 мая

Время: 17.22

Капитан Ворманн в полном одиночестве коротал время у окна своей комнаты. Он задумчиво наблюдал, как удлиняются тени во дворе, пока солнце медленно ползло к горизонту. И по мере того как вырастали тени, росло и его напряжение. Но, разумеется, не из-за самих теней.

Итак, две ночи подряд прошли на заставе спокойно — никого не убили, и сейчас у него вроде бы не было причин волноваться. И все же капитана не покидало тревожное предчувствие чего-то дурного.

Солдаты тем временем немного воспрянули духом. Они вновь почувствовали себя победителями. Это было заметно и по их глазам, и по общему настроению. Да, их пытались запугать, некоторые даже погибли, но тем не менее они выстояли и продолжают удерживать крепость в своих руках. После того как убрали девушку и две ночи все проспали спокойно, между подчиненными Ворманна и Кэмпфера наступило нечто наподобие перемирия. Они, правда, по-прежнему не общались друг с другом, но все равно испытывали общее чувство победы. Ворманн же вынужден был отметить, что, к сожалению, не может разделить их оптимизма.

Он перевел взгляд на незаконченную картину. У него не было настроения ни работать над ней, ни тем более начинать новую. Капитан не мог даже заставить себя взять кисти и замазать это зловещее пятно, так напоминающее ему висельника. Напротив, все его внимание поглотило именно это пятно. Каждый раз, когда он смотрел на него, ему казалось, что тень повешенного проступает все более четко. Сегодня пятно стало еще темней, и уже можно было различить голову. Ворманн сильно зажмурился, потом снова открыл глаза, и, наконец, решительно отвернулся от холста. Чепуха! Все это ему просто кажется.

Еще одну ночь... Продержаться бы только одну-единственную ночь!

Если смерть ни за кем не придет сегодня, то завтра утром Кэмпфер уедет в Плоешти. И тогда Ворманн установит здесь свои порядки — СС больше не будет ему мешать. А если вдруг неприятности повторятся, он сразу же выведет своих людей из замка...

Магда проснулась от негромкого стука в дверь. Пришла Лидия и сообщила, что обед готов. Девушка умылась холодной водой из кувшина и через минуту уже полностью стряхнула с себя остатки сна. Но голода она почему-то не чувствовала, будто недавно плотно поела. Она с удивлением обнаружила, что вряд ли сможет запихнуть в себя даже маленький кусочек хлеба.

Магда подошла к окну. В небе догорали последние отблески дня, но перевал уже потемнел. Ночь опустилась на замок, однако фонари во дворе еще почему-то не зажигали. В некоторых окнах горел свет, в том числе и в отцовском, и эти окна напоминали ей глаза зверя, тускло блескующие в темноте.

Интересно, а Гленн уже спустился в столовую? И о чем он сейчас думает? Может быть, о ней? Или же он закрылся в своей комнате и трапезничает в одиночестве? Впрочем, какая разница!.. Сейчас ему ни в коем случае нельзя ее видеть. Один взгляд — и он сразу поймет, что она задумала, и еще, чего доброго, начнет отговаривать.

Магда попыталась целиком сосредоточиться на замке. Почему в конце концов она все время вспоминает Гленна? Уж кто-кто, а он наверняка сможет о себе позаботиться. И надо думать сейчас не о нем, а об отце и предстоящей миссии...

Но все равно непослушные мысли вновь возвращали ее к Гленну. Если бы на свете было много таких мужчин, как он! Ведь именно благодаря ему Магда заново осознала и смысл, и важность своей жизни, он заставил ее вновь почувствовать себя полноценным человеком, вернул ей ощущение собственной значимости и неповторимости. Она разговаривала с ним легко и свободно, и он не считал ее книжным червем и неудачницей, как многие другие.

В десять вечера Магда осторожно выбралась из гостиницы. Из окна она заметила, что Гленн крадучись тоже вышел наружу и, пройдя по тропинке, устроился в густом кустарнике на краю рва. Когда он подыскивал себе удобное место и замер, наблюдая за замком, она спрятала волосы под косынку, взяла в ящичке стола фонарь и тихо вышла из комнаты. На первом этаже никого не было, и девушка беспрепятственно нырнула в темноту ночи.

Но она не пошла к мосту, а повернула в другую сторону и направилась к чернеющей громаде скалы, с трудом отыскивая в тумане дорогу. Пока она не доберется до замка, включать фонарь слишком опасно — свет могут заметить часовые. Магда приподняла край свитера и сунула фонарь за пояс юбки, почувствовав, как холодный металл коснулся тела.

Она точно знала предстоящий маршрут. В западном конце рва образовался крутой склон из глины, валунов и щебня — все это скатывалось вниз в течение многих веков и постепенно сглаживало обрыв. Она заметила эту осыпь давно, когда впервые

приехала в замок и по просьбе отца искала возможные тайники на дне ущелья. Ей неоднократно приходилось спускаться по этим булыжникам в ров, но, правда, это происходило всегда днем, при ярком солнечном свете. Сегодня же путешествие могло сильно усложниться из-за темноты и густого тумана. Даже лунный свет не поможет ей, так как луна взойдет не раньше полуночи. Она затеяла очень рискованное дело, но почему-то была уверена в своих силах и продолжала двигаться к намеченной цели.

И вот Магда добралась до того места, где ров заканчивался отвесной стенкой скалы. Крутая каменная осыпь, клинообразно расширяясь, шла из-под самых ее ног на шестьдесят футов вниз и там терялась на дне ущелья среди причудливого хаоса гранитных обломков.

Стиснув крепче зубы, Магда глубоко вздохнула, потом еще раз, собралась с духом и начала долгий спуск. Она передвигалась очень медленно, осторожно пробуя ногой каждый камень, прежде чем перенести на него всю тяжесть тела, а затем делала следующий шаг, стараясь выбирать опору покрупнее. Она не торопилась. Времени было достаточно. Самое главное — осторожность. И полная тишина. Одно неверное движение — и она кубарем покатится вниз. А когда достигнет дна, будет в клочья изорвана острыми камнями. Но даже если падение окажется более удачным, то шум, несомненно, привлечет внимание часовых. Так что надо быть предельно внимательной.

Фут за футом Магда одолевала коварный спуск, пытаясь отогнать подальше мысли о том, что на дне рва ее может подстергать Моласар. И вот, наощупь двигаясь в сплошной темноте, она внезапно осознала, что для очередного шага опоры ей уже не найти. Магда беспомощно водила ногой в пустоте, держась за выпуклость покатої каменной глыбы и наполовину свесившись в туманную бездну. Ей показалось вдруг, что в этот миг весь мир испарился, исчез куда-то, а она одна осталась висеть на этом скользком уступе. Но Магда быстро взяла себя в руки, успокоилась и, изогнувшись, нащупала ногой надежный валун.

После этого спуск пошел быстрее, и очень скоро она достигла сырого каменистого дна. Но самая трудная часть пути была еще впереди. Дно ущелья представляло собой заповедное царство камней и бурно разросшихся сорняков, в которых прятались глубокие ямы с обманчивыми краями из раскисшего дерна. Густой туман, извиваясь призрачными длинными щупальцами, хватал Магду за ноги и водоворотами крутился перед глазами. Камни здесь были очень скользкие, и идти приходилось с величайшей осторожностью. Один неверный шаг — и можно упасть, сломав себе руку или ногу. В тумане Магда ничего не видела перед собой, но упорно продолжала двигаться дальше. Казалось, прошла целая вечность, и вот над головой повисла длинная полоса плотной тени. Магда поняла, что находится сейчас под мостом. Значит, впереди скоро будет и основание башни.

Она уже чувствовала, что подходит к нужному месту, как ее левая нога неожиданно ушла по щиколотку в ледяную воду.

Магда тут же отдернула ногу, сняла туфли, теплые шерстяные чулки, а подол юбки подобрала и заткнула за пояс. Потом стиснула зубы и смело шагнула вперед, погрузившись в воду почти до колен. Ноги сразу заломило и свело, но через несколько секунд она привыкла к морозу, продиравшему ее до самых костей, и пошла дальше, стараясь сдержаться и не вынимать ступней из воды, чтобы плеск не смог привлечь к ней внимание часовых. Спешить было нельзя, хотя так хотелось побыстрее оказаться на сухом берегу!

Она уже вышла из воды, но осознала это только через добрый десяток шагов — ноги онемели от холода. Магда присела на большой валун и стала энергично растирать пальцы ног, чтобы к ним скорее вернулась чувствительность, потом надела чулки и туфли и продолжила свой нелегкий путь.

Через несколько шагов перед ней выросли огромные неотесанные гранитные глыбы — на этом фундаменте и покоился замок. Отсюда Магда без труда смогла попасть к тому месту, где основание башни упиралось в дно рва. Здесь камни были совсем другие — ровные прямоугольные блоки с довольно гладкой поверхностью, покрытой бархатным слоем многолетнего мха.

И вот под рукой наконец оказался тот камень, который был ей так нужен. Магда решительно толкнула его, и с еле слышным скрежетом он легко отошел назад, открыв чернеющий зев потайного хода. Девушка без колебаний извлекла из-за пояса фонарь и шагнула в крошечную темноту.

Чувство острой тревоги и нависшей опасности захлестнуло ее, как только Магда переступила невидимую границу замка. На лбу выступила испарина, и сразу же захотелось все бросить и бежать назад, сквозь туман и ледяную воду, по острым режущим камням, лишь бы выбраться поскорее отсюда. Когда они приехали с отцом на перевал, ничего подобного она еще не чувствовала. И даже сегодня ощущения не были такими яркими. Что же произошло? Может быть, она стала просто более восприимчивой или же это само зло в замке постепенно набирает силу?..

Магда стояла в сплошной темноте и дрожала, не зная, что делать дальше. Вековая плесень и пыль взметнулись в воздух, потревоженные ее вторжением, и заставили девушку закапляться. Она чуть не задохнулась. Придется, видимо, возвращаться. Вся ее затея оказалась никчемной. Да и чем она сможет помочь отцу? Ведь как-никак он ждет встречи с нечистой силой, а не с простым человеком. И на что только она рассчитывала, решив пробраться сюда? Вот из-за такого идиотского «героизма» очень многие уже поплатились в свое время жизнью. Кто она, собственно, такая, чтоб возомнить о себе, будто...

Стоп!

Магда почти услышала, как отчаянно протестует ее душа. Ведь она рассуждает сейчас, как человек, потерпевший полное поражение. Такого раньше с ней никогда не бывало. Она обязательно что-нибудь сделает, она сможет помочь отцу! Правда, Магда еще не знала точно, как именно, но, во всяком случае, она

будет с ним рядом, а моральная поддержка тоже немало значит. Она обязательно пойдет дальше.

Сперва в ее планы входило сразу закрыть за собой потайной ход, задвинув камень, висящий на петлях. Сделать это было нетрудно, но все же Магда решила, что будет чувствовать себя намного спокойнее, зная, что в случае чего ее отход уже ничто не задержит, и для верности оставила путь на свободу открытым.

Немного поразмыслив, она пришла к выводу, что пользоваться фонарем теперь уже не опасно, и включила его. Яркий луч пронзил темноту, осветив длинную лестницу без перил, взмывающую на страшную высоту через широкое основание башни. Бесконечная вереница ступенек крутой спиралью огибала внутренность пустого каменного цилиндра. Она направила свет повыше, но его сразу же поглотил густой мрак.

Однако выбора не оставалось — надо идти вверх по лестнице.

После трудного спуска на дно ущелья и путешествия через туман и ледяной ручей даже самые крутые ступеньки казались Магде настоящей роскошью. Она тщательно освещала их фонарем, желая убедиться в прочности каждого камня, прежде чем опускать на него ногу. Вокруг стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь ее собственными шагами. Сделав два полных витка внутри башни, Магда преодолела почти две трети подъема и остановилась передохнуть.

Вдруг она услышала где-то справа неясный шум и ощутила легкое дуновение холодного сквозняка. Испуганно сжавшись, девушка старалась изо всех сил напрячь слух. Звук напоминал шарканье чьих-то ног и шел откуда-то издалека. Он был неравномерным по силе и ритму, но все же ни на секунду не прекращался. Магда повернула луч в правую сторону и увидела в стене узкий проем высотой футов в шесть. Она и раньше замечала его, когда исследовала замок во время предыдущих приездов, но тогда не обратила внимания на эту дыру. Однако Магда прекрасно помнила, что раньше оттуда не сквозило и уж тем более не доносились такие странные звуки.

Девушка подошла ближе и осветила отверстие, одновременно надеясь не увидеть в нем ничего такого, чем можно было бы объяснить этот шум.

«Только бы не крысы! — думала она. — Господи, сделай так, чтобы там не было крыс!»

Однако за каменной аркой не обнаружилось ничего странного — обыкновенный земляной пол. Теперь она уже ясно различала глухой шаркающий звук — он шел откуда-то из глубины этой пещеры. А еще правее, на расстоянии пятидесяти футов, что-то тускло светилось, как окно, за которым горит свеча. Магда выключила свой фонарь, чтобы удостовериться в этом, и не ошиблась: вдалеке из непонятного источника лился бледный желтоватый свет. Девушка прищурилась, пытаясь разглядеть очертания освещенных предметов, и вдруг заметила там что-то похожее на контур лестницы.

Наконец она смогла сориентироваться и поняла, что эта арка, возле которой она стоит, не что иное, как еще один вход в нижний подвал, только с восточной стороны, из башни. А свет

проникает туда через пролом в полу верхнего подвала. Всего две ночи назад она стояла там на ступеньках, пока отец рассматривал трупы. И если сейчас эти ступеньки находятся справа от нее, значит, с левой стороны должны лежать восемь мертвых немецких солдат. И все же звук не прекращался: он несся из дальнего угла подземелья — если, конечно, предположить, что оно где-то заканчивается и у него есть углы.

Магду всю передернуло, но она решительно взяла себя в руки и продолжила нелегкий подъем. Оставалось преодолеть последний оборот лестницы. Она направила фонарь вверх, где ступеньки таяли в темноте, и, увидев заветную нишу, немного приободрилась. Потолок, выхваченный лучом из мрака, был одновременно и полом первого этажа башни — этажа, на котором находился сейчас ее отец. Через лаз в этой нише она сможет попасть в его комнату.

Оказавшись на площадке, Магда прильнула ухом к широкому камню справа. Он, как и подвижной блок в нижнем венце фундамента, был укреплен здесь с помощью потайных петель. Из-за стены не доносилось ни звука. И все же Магда не торопилась, продолжая прислушиваться. Но все действительно было тихо — ни шагов, ни голосов людей. Значит, отец там сейчас один.

Магда толкнула камень рукой, надеясь, что он так же легко поддастся и откроет последний участок пути. Но камень не сдвинулся с места. Тогда она уперлась в него плечом и всей своей тяжестью надавила еще раз. Безрезультатно. Девушка в смятении припала к полу, лихорадочно соображая, что же могло здесь произойти и как теперь выбраться из каменной западни. Пять лет назад этот блок поворачивался от одного ее прикосновения. Возможно ли, чтобы за эти годы замок настолько осел, что повредились замысловатые петли?

Но ей так необходимо попасть к отцу! На этот раз она уперлась в застрявший блок спиной, а ногами — в противоположную стену ниши и изо всех сил напрягла свои мышцы. Но камень не поддавался.

Подавленная и разочарованная, Магда в изнеможении присела на корточки рядом с упрямой глыбой, и вдруг ей в голову пришла спасительная мысль: ведь есть еще один способ пробраться в башню — через нижний подвал. Конечно, в этом случае ей надо как-то незаметно пересечь двор, но если там не будет охранников и не везде горит свет... как много этих «если»!.. Но даже если что-то и помешает ей на пути, она в любой момент может повернуть назад и выйти отсюда точно так же, как и вошла. Разве нет? Почти бегом Магда спустилась к темнеющей арке. Сквозняк сразу же напомнил о себе холодным движением. И вновь послышались те же самые неприятные звуки. Но, поборов страх, она шагнула в проем и, стиснув зубы, направила туда, где через брешь в полу верхнего подвала маячил далекий свет. Магда крепко сжимала в руке фонарь и старалась не направлять его в левую сторону, где, по ее расчетам, должны лежать восемь трупов.

Неуклонно продвигаясь вперед, она вдруг начала чувствовать,

что идти становится все труднее, и ей приходилось буквально заставлять себя сделать каждый следующий шаг в глубину подземелья. Ее вело сейчас только чувство долга и любви к отцу. Оно подталкивало девушку дальше и не давало остановиться. Но что-то другое внутри нее требовало немедленно повернуть назад. Инстинкт самосохранения и чувство близкой опасности неумолимо тормозили ее продвижение.

Но она упорно шла к лестнице, попирая все предупреждения разума и инстинкта. Теперь уже ничто не сможет остановить ее!.. Тени дьявольским хороводом прыгали вокруг ног, то сливаясь с темнотой, то принимая самые уродливые очертания, отчего на душе становилось тоскливо и жутко. «Это просто игра света, обман зрения, — упорно твердила себе Магда. — Надо только идти вперед, ни о чем не думая. И тогда все будет в порядке».

Она почти уже добралась до лестницы, как вдруг что-то серое метнулось из темноты и застыло на освещенной нижней ступеньке. Магда чуть не закричала от ужаса, когда увидела, что это такое.

Крыса!

Огромная толстая крыса уселась на сырой ступеньке, обернув вокруг себя мерзкий голый хвост, и принялась облизывать когти на передних лапах. Еле сдерживая подступившую тошноту, Магда остановилась и замерла. Она понимала, что не сможет больше сделать ни шага, пока эта тварь не уберется отсюда. Крыса приподняла мордочку, заметила девушку и неторопливо засеменила в темноту. Магда не стала ждать, пока она передумает и вернется, а сразу же рванулась вперед, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и лишь на полпути к выходу в верхний подвал остановилась, чтобы прийти в себя и перевести дух.

Наверху было тихо — она не услышала ни шагов, ни покашливания, ни голосов часовых. И только странный шаркающий звук продолжал тревожить девушку. Теперь он стал громче, но все же было понятно, что источник его находится где-то далеко, в глубине подземелья. Магда попыталась заставить себя не обращать внимания на этот звук. Ей было совершенно непонятно, чем он вызван, но она и не старалась особо ломать над этим голову.

Она еще раз обвела вокруг себя фонарем, чтобы убедиться, что крыс больше нет, и только после этого продолжила путь наверх. Теперь она двигалась не спеша и, прежде чем окончательно выбраться из подземелья, осторожно выглянула через пролом. С правой стороны шел широкий центральный коридор подвала, освещенный несколькими оголенными лампочками. Часовых не было видно. Магда вышла в этот светлый проход и снова на мгновение замерла, прислушиваясь, не раздадутся ли поблизости шаги.

Теперь ей предстояло пройти самый сложный и ответственный участок — по коридору до лестницы, ведущей прямо во двор. А потом через двор к дверям башни, и там уже...

«Главное — не спешить, — уговаривала себя Магда, — сначала надо преодолеть коридор. Сперва — коридор, а потом уже думай о лестнице».

Она стояла возле пролома, все еще не решаясь предпринять эту дерзкую рискованную попытку. При свете ярких электрических ламп Магда чувствовала себя, как если бы стояла обнаженная в центре Бухареста в разгар солнечного дня. Но единственной альтернативой было вернуться назад и, ничего не добившись, отправиться к себе в гостиницу.

Наконец она собралась с духом и быстро пошла вперед. Она почти уже добралась до лестницы, как вдруг услышала наверху звук шагов. Кто-то шел ей навстречу. Но Магда предусмотрела и это и, не растерявшись, сразу же юркнула в темноту одной из ближайших боковых комнат.

Однако, сделав еще один шаг, замерла как вкопанная. Она ничего пока не слышала и не видела, ни до чего еще не дотронулась, но все равно уже поняла, что находится здесь не одна. Надо немедленно уходить! Но тогда ее заметит тот, кто спускается сейчас в подвал. Вдруг сзади кто-то шевельнулся, и грубая рука схватила ее за горло.

— Кто это тут у нас, а? — спросил неизвестный по-немецки. Этого уже она никак не могла предвидеть, часовой прятался именно здесь, в этом самом закутке! Немец грубо выволок ее в коридор. — Ну-ну! Давай-ка я как следует тебя разгляжу!

Сердце у Магды бешено колотилось, лоб покрывался холодным потом, и ей хотелось сейчас только одного — поскорее увидеть цвет формы солдата. Если она серая, то у нее еще есть шанс. Незначительный, но все же есть. А если черная...

Форма оказалась черной. И навстречу им бежал еще один солдат в таком же черном мундире.

— Да это же та самая еврейка! — с нескрываемой радостью воскликнул первый часовой. Он был без каски, и Магда заметила, что у него довольно заспанный вид и воспаленные припухшие глаза. Очевидно, он решил немного вздремнуть, а она невольно потревожила его, зайдя именно в эту комнату.

— Как она сюда попала? — спросил второй, подбегая ближе.

Оба эсэсовца уставились на нее такими голодными глазами, что Магде захотелось сжаться и исчезнуть в своей одежде, как прячется черепаха в собственном панцире.

— Понятия не имею, — сказал заспанный часовой и подтолкнул ее в сторону лестницы, ведущей во двор. — Но, думаю, лучше всего показать ее майору.

Он отпустил наконец девушку и вернулся в комнату за своей каской, которую оставил там, когда устраивался на отдых. В тот же миг второй вплотную придвинулся к Магде. И она, не раздумывая, бросилась к пролому в стене, по дороге толкнув первого часового так, что тот кубарем влетел в темную боковую комнату. Встречи с майором она бы, наверное, уже не вынесла. Если ей удастся сейчас прорваться вниз, то это последняя возможность спастись — ведь только она знала этот тайный маршрут.

Вдруг ей будто обожгло затылок, и Магда чуть не повисла в воздухе. Второй солдат успел схватить ее за волосы как раз в тот момент, когда она повернулась, чтобы бежать. Он с силой дернул девушку назад, но и этого ему было мало. Слезы брызнули из ее глаз, когда эсэсовец медленно подтащил ее за волосы

к себе и, положив вторую руку между грудей, прижал Магду к стене.

От боли и ужаса у нее перехватило дыхание, и когда она почувствовала головой удар о холодный камень, то почему-то подумала, что сейчас обязательно должна потерять сознание. А все, что она слышала в следующие секунды, уже показалось Магде далеким и нереальным.

— Надеюсь, ты еще не убил ее?

— Нет, с ней пока все в порядке.

— Она, кажется, забыла, где ее место!

— Наверное, ее давно уже не учили уму-разуму.

Потом голоса ненадолго смолкли, и Магда услышала одно только слово:

— Сюда!

Она барахталась в каком-то тумане, перед глазами все плыло, тело не слушалось. Немцы потащили ее за руки по холодному каменному полу, потом свернули куда-то за угол, подальше от света. Наконец Магда поняла, что лежит теперь в одной из маленьких боковых комнат. Но почему?.. Солдаты отпустили ее, и Магда догадалась, что они закрывают дверь, так как в комнате сразу стало темно. Потом они, неуклюже толкаясь, навалились на нее всей своей тяжестью, при этом активно мешая друг другу, поскольку один пытался стащить с нее юбку, а другой, наоборот, задирать ее повыше, чтобы можно было добраться до трусов.

Она хотела закричать, но голос почему-то пропал, и сопротивляться уже не было сил — руки и ноги казались сделанными из свинца и больше не слушались ее. Магда даже не испугалась настоящему, потому что смысл происходящего доходил до нее сейчас с огромным трудом, преодолевая какую-то туманную толщу неверия и безразличия. Все было, как во сне. За плечами сгорбленных сопящих солдат она ясно видела светлый контур двери, и ей хотелось только выбраться туда, на свет.

Вдруг свет пропал, будто дверь закрыли плотной портьерой. Магда почувствовала, что там, в коридоре, кто-то есть. И в тот же миг раздался оглушительный треск. Двухдюймовая дубовая дверь разлетелась в щепки, с ног до головы покрыв всех троих мелкими обломками дерева. Чей-то мощный силуэт заслонил почти весь проем, преградив доступ свету из коридора.

«Гленн!» — мелькнуло у нее в голове, но эта надежда сразу погасла, как только в комнате пахнуло холодом, и чувство жуткой опасности сковало все ее существо.

Перепуганные насмерть эсэсовцы с громким криком отскочили в сторону. Темная фигура шагнула внутрь, и Магде показалось, что она растет на глазах, раздуваясь и увеличиваясь в объеме. Солдаты в панике бросились за своим оружием, спотыкаясь по пути о распростертое на полу тело девушки. Но они были слишком нерасторопны. Незнакомец оказался куда проворнее — он наклонился и с невероятной ловкостью одновременно схватил обоих эсэсовцев за горло, а потом снова выпрямился во весь свой исполинский рост.

Увидев, что происходит, Магда начала постепенно понимать суть событий. И наконец вся полнота ужаса дошла до ее затума-

ненного сознания. Перед ней стоял сам Моласар — его гигантский черный силуэт заслонял свет из коридора, а вместо глаз горели как угли две ярко-красные точки. Он стоял, широко расставив перед собой руки, в каждой из которых держал по солдату — они беспомощно дергались, лигались и хрипели, задыхаясь в его железной хватке. Но вот их движения постепенно стали слабее, хрипы смолкли, и через несколько секунд в руках чудовища повисли два бездыханных тела. И тут он с такой силой встряхнул их, что Магда ясно услышала, как хрустнули сломанные позвоночники, раздавленные его могучими руками. Потом Моласар швырнул трупы в дальний угол комнаты и сам исчез вслед за ними, растворившись в непроницаемой темноте.

Магда собрала остатки сил и, преодолевая боль и невероятную слабость, откатилась к противоположной стене, а потом медленно встала на четвереньки. Чтобы подняться на ноги, ей понадобилось еще несколько долгих минут.

Вдруг из дальнего угла донесся странный булькающий звук, от которого Магде стало нехорошо.

Оттолкнувшись от стены, она пулей вылетела в коридор, прочь от этого кошмарного места.

Теперь ей надо было поскорее убираться отсюда. Ужас происшедшего в боковой комнате начисто вышиб из ее сознания все мысли об отце. Коридор плясал перед глазами, но Магда встряхнула головой и попыталась сосредоточиться. С трудом сохраняя равновесие, она дошла до пролома в стене и тут краем глаза заметила возле себя какое-то движение.

Моласар размашистыми шагами шел вслед за ней, плащ величественно развевался за его спиной, глаза горели, а по губам и подбородку стекали струйки свежей дымящейся на холоде крови.

Испуганно вскрикнув, Магда шагнула в темный пролом и сломя голову бросилась по ступенькам в нижний подвал. Конечно, скрыться от него было невозможно, особенно там, но Магда решила держаться до последнего. Она уже чувствовала за спиной его холодное дыхание, но не оглядывалась, а бежала дальше, углубляясь во тьму.

И тут ей под ноги попался какой-то скользкий бульжник, девушка не удержалась и стала падать. Могучие руки мгновенно подхватили ее, одна — за талию, другая — под колени. Магда раскрыла было рот, чтобы завизжать, но от ужаса голос пропал, и она лишь беспомощно хватала ртом воздух. Мельком взглянув на Моласара, она увидела его жестокое, запачканное кровью лицо, длинные спутанные волосы и безумные, яростно горящие глаза. Потом заметила, как он проносит ее в нижний подвал, и после этого они вступили в полную тьму. Моласар свернул за угол. Он нес ее к той самой лестнице в основании башни. Магда попробовала вырваться, но сразу же поняла, что одно его прикосновение легко сдержит все ее самые отчаянные попытки, и сдалась на волю судьбы. Надо беречь силы на тот случай, если представится более реальная возможность убежать.

Как и в прошлый раз, она чувствовала, что от ледяного прикосновения монстра немеет все ее тело, хотя одета она была доволь-

но тепло. От Моласара исходил также какой-то тяжкий запах застарелой плесени, и этот запах невольно наводил на мысль о нечисти.

Они оказались перед самым выходом в башню.

— Куда?.. — прохрипела Магда и поняла, что не в силах выговорить вопрос. Страх снова сковал ее уста.

Ответа не последовало.

Пока они двигались по подвалу, Магда успела уже изрядно замерзнуть, теперь же, на лестнице, она слышала, как стучат ее зубы. Казалось, прикосновение Моласара вытягивает из ее тела последние остатки тепла.

Вокруг ничего не было видно, их окружала полная темнота, и тем не менее Моласар шел быстро и уверенно, переступая через несколько ступенек сразу. Наконец, замкнув полный виток спирали, он остановился на верхней площадке лестницы. Магда поняла, что они находятся в нише, возле заклинившей гранитной створки, потом послышался скрежет камня, и вот в глаза ей ударил яркий свет, на мгновение ослепивший девушку.

— Магда!

Это был голос ее отца. Как только глаза немного привыкли, крепкие руки осторожно поставили ее на пол, а потом и совсем отпустили. Она неуверенно шагнула вперед и почувствовала, что коснулась подлокотника знакомого кресла. Магда схватилась за него с такой силой, как хватается тонущий человек за любую дощечку, плавающую в море после кораблекрушения.

— Что ты здесь делаешь? — спросил отец шепотом, не понимая еще, что происходит.

— Солдаты... — еле слышно проговорила девушка. Постепенно ее зрение пришло в норму, и она увидела отца, изумленно разглядывающего ее.

— Они насильно привели тебя из гостиницы?

Магда отрицательно покачала головой.

— Нет. Я сама сюда забралась.

— Зачем ты это сделала? Это же безумие!

— Для того, чтобы ты не один с ним встречался. — Она не стала указывать себе за спину, потому что и так уже было ясно, кого она имеет в виду.

Магда заметила, что сейчас в комнате немного темнее, чем было раньше, когда они с отцом впервые здесь оказались. Но она догадывалась, что может быть виной этому — где-то сзади в густой тени возле открытого потайного хода стоял Моласар. Однако девушка не решалась посмотреть в его сторону.

— Меня поймали два эсэсовца, — продолжала она. — И втащили в пустую комнату. Они хотели меня...

— Что?! — Отец широко раскрыл глаза.

— Нет, меня... — Магда бросила короткий взгляд в темный угол. — Меня спасли.

Отец не сводил с нее глаз, но теперь в них читалось уже что-то другое: не забота о ней, а скорее — недоверие.

— Тебя спас Моласар?

Она кивнула и только теперь смогла заставить себя обернуться и открыто посмотреть на своего спасителя.

— Он убил их обоих!

Моласар стоял в глубине ниши, окутанной темнотой, как мрачный персонаж ночных кошмаров, каким-то чудом оказавшийся в реальной жизни. Лица его почти не было видно, только глаза злобно сверкали во мраке.

Приглядевшись, Магда заметила, что крови на лице уже нет. Но казалось, что он не вытер ее, а будто впитал в себя. Девушку передернуло.

— Ты все испортила! — сердито крикнул на нее отец. — Теперь они найдут трупы, и майора уже не остановит никто. Мне придется предстать перед ними. И все из-за тебя!

— Но я пришла, чтобы быть вместе с тобой, — попыталась оправдаться Магда. Ей стало очень обидно. Почему отец так кричит на нее?

— Я не просил тебя приходить! Я и раньше был против того, чтобы ты оставалась в замке, а теперь и подавно!

— Папа, прошу тебя!

Но отец неумолимо вытянул вперед свой скрюченный палец и указал на проем в стене.

— Уходи, Магда! Я должен еще очень многое успеть, а ты оставила мне слишком мало времени! Скоро сюда явятся нацисты и начнут задавать мне вопросы насчет того, почему в замке снова появились жертвы. А я даже не знаю, что им ответить. Я должен успеть поговорить с Моласаром до их прихода!

— Отец...

— Уходи!

Но Магда стояла и молча смотрела на него. Почему он с ней так разговаривает? Ей захотелось самой закричать на него или на худой конец расплакаться, лишь бы как-нибудь привести его в чувство. Но это было выше ее сил. Она не смела противоречить ему, особенно в присутствии Моласара. Он был ее отцом, и, хотя она прекрасно понимала, что сейчас он не прав, ничего поделать с собой не могла.

Магда резко повернулась и мимо неподвижного Моласара шагнула в темный проем. Камень за ее спиной сразу закрылся, она осталась в темноте совершенно одна. Девушка оцупала пояс и поняла, что потеряла где-то фонарь.

Теперь придется идти вниз в темноте. Конечно, можно еще вернуться к отцу и попросить у него лампу или свечу, но, поразмыслив немного, она решила не делать этого. Ей будет трудно выдержать еще одну встречу с ним. Отец обидел ее, оскорбил в самых искренних чувствах. Она не могла даже предположить, что он на такое способен. Какие-то изменения происходят в его душе. Он теряет способность понимать ее с полуслова, не чувствует, что у нее на сердце... Раньше это было неотъемлемой частью их отношений. И вот сейчас он выгнал ее, будто она вообще для него чужая. И даже не спросил, есть ли у нее с собой фонарь!

Ей не оставалось ничего другого, как подобру-поздорову убираться из замка. И очень медленно, на ощупь, девушка двинулась вниз по лестнице. Она ничего не видела перед собой, но твердо знала, что если будет все время держаться левой рукой за

стену и осторожно идти шаг за шагом, стараясь не оступиться, то в конце концов окажется у подножия башни.

Через несколько минут спуска Магда приготовилась услышать из прохода в нижний подвал знакомый шаркающий звук. Но на сей раз она ошиблась. Вскоре звуки действительно достигли ее ушей, но теперь уже совсем другие — громче и значительно ближе. Однако девушка продолжила спуск, наконец левая рука соскользнула с камня. Она подошла к самой арке, и здесь звук усилился.

Это снова были чьи-то шаги, но уже явно не одной пары ног. Создавалось впечатление, будто где-то совсем рядом взад-вперед ходят сразу несколько таинственных тварей. От этого у Магды сразу пересохло во рту, и она испуганно сжалась. Это не крысы. Крысы не могут так тяжело ступать. Зловещий звук шел откуда-то слева. А справа она опять увидела вдалеке небольшое пятнышко света, из пролома в верхнем подвале. Но слабенький отблеск далекой лампочки не освещал того места, откуда неслись эти ледянящие душу звуки. Впрочем, Магда вовсе и не хотела увидеть тех, кто так настойчиво топчется в темноте.

Она протянула вперед обе руки, надеясь нащупать перед собой стену, однако несколько секунд только беспомощно хватала воздух. Наконец пальцы поймали край камня, и девушка заспешила вперед. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, Магда задышалась от страха, но все равно продолжала свой спуск, даже, может быть, излишне быстро. Но если те, кто создает этот шум, заметили ее и сейчас идут следом, ей надо быстрее выбираться из замка, чтобы избежать еще одной страшной встречи.

На ощупь Магда методично перелезала со ступеньки на ступеньку, и эта лестница казалась ей бесконечной. То и дело девушка оборачивалась, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в абсолютной тьме. И наконец знакомый прямоугольник тусклого света замаячил где-то внизу, и она, не чуя под собой ног, рванулась вперед, спотыкаясь и падая, и очень скоро ее окутал густой туман. Вот и свобода!.. Оказавшись снаружи замка, Магда сразу же задвинула за собой камень и только тогда, прислонившись к нему спиной, смогла отдышаться, в изнеможении закрыв глаза.

Откуда-то сверху до ее слуха донеслись далекие крики, и туман прорезали лучи мощных прожекторов. Весь замок сразу же осветился. Вероятно, немцы обнаружили два новых труп.

Не теряя времени, Магда пригнулась и побежала к гостинице. Но, едва достигнув кустарника, обо что-то споткнувшись, упала и сильно ударилась левой коленкой о камень. Невольно вскрикнув, она прижала ушибленное колено к груди и разрыдалась так жалобно, что этот плач никак нельзя было отнести за счет одной только боли. Это был выход переполняющих ее чувств: обиды на отца, радости от удачного побега из замка — реакция на все, что ей пришлось увидеть, услышать и пережить в этом чудовищном месте.

— Вы ходили в замок?

Конечно, это был Гленн. Но никого другого Магда и не могла пожелать сейчас встретить. Быстро вытерев рукавом слезы, она

встала — вернее, попыталась встать. Острая боль пронзила ее ногу, и Гленн протянул ей ладонь, чтобы девушка не упала еще раз.

— Вы ушиблись? — Голос его звучал участливо.

— Ерунда, просто синяк.

Она хотела шагнуть вперед, но, наступив на больную ногу, поняла, что это будет не так-то просто. Не говоря ни слова, Гленн подхватил ее на руки и зашагал к гостинице.

За сегодняшнюю ночь это был уже второй случай, когда Магду несли на руках. Но сейчас все происходило совсем иначе: руки Гленна излучали тепло, растапливая упрямый холод, оставшийся после прикосновения Моласара. Магда доверчиво прильнула к нему и сразу почувствовала, как все ее страхи и тревоги словно по волшебству куда-то уходят. Но как же он сумел так бесшумно подкрасться к ней? Или он все это время стоял здесь в кустах и ждал ее возвращения?

Девушка опустила голову на плечо Гленна, вполне уверенная в своей безопасности. Ах, если бы это могло продолжаться вечно!

Он понес ее, как пушинку, через крыльцо гостиницы, пустой холл, потом вверх по лестнице и, наконец, вошел в ее комнату. Осторожно усадив Магду на край кровати, Гленн тут же встал перед ней на колени.

— Давайте-ка посмотрим вашу ногу.

Немного поколебавшись, Магда подняла юбку выше левого колена, оставив правую ногу полностью закрытой, и плотно обтянула грубую ткань вокруг обнажившегося бедра. Где-то в глубине души она сознавала, что не пристало ей сидеть так вот с голой ногой перед почти незнакомым мужчиной. И все же...

Через порванный темно-синий чулок виднелся свежий кровоподтек на коленной чашечке. Кожа посинела и начала отекает. Гленн встал, подошел к тумбочке и, смочив холодной водой салфетку, приложил влажную ткань к ушибленному месту.

— Это должно вам помочь, — сказал он.

— Что же случилось с замком? — рассеянно спросила Магда, уставившись на огненно-рыжие волосы Гленна. Непонятное, но очень приятное тепло растекалось от его руки вверх по бедру. Магда наслаждалась этим ощущением, одновременно заставляя себя не обращать на него внимания.

Гленн поднял на нее глаза.

— Вы же сами только что там были. Может быть, теперь именно вы сумеете ответить на этот вопрос?

— Да, я была там, но все равно ничего не могу объяснить. Я просто не в силах понять того, что там происходит. Я знаю, что замок начал меняться с тех пор, как в нем проснулся Моласар. Но я всегда любила это место. А теперь боюсь. В нем что-то... не то. И это «не то» нельзя ни увидеть, ни потрогать, но все равно ощущаешь его присутствие. Как иногда не надо выглядывать из окна, чувствуя приближение ненастья. Оно просто висит в воздухе... и как бы проникает в вас через кожу.

— И что же такого необычного вы чувствуете в Моласаре? Что именно в нем «не то»?

— Он — зло. Я знаю, что это очень расплывчато, но он

действительно само ЗЛО. Чудовищное, древнее зло, которое разрастается и процветает на смерти, радуется всему, что пагубно для живого, а ненавидит и боится того, что мы любим и воспеваем. — Магда вздрогнула, почувствовав, что слишком разговорилась. — Именно так я и воспринимаю его. Наверное, это полная чушь?

Гленн одарил ее долгим внимательным взглядом, после чего сказал:

— Вы, наверное, очень чувствительны, если смогли все это понять.

— И все же...

— И все же, там сегодня что-то случилось?

— Да. Моласар спас меня от двух человек, которые, по здравому рассуждению, должны быть в союзе со мной против него.

У Гленна расширились зрачки.

— Да. Он спас меня и при этом убил двух немецких солдат. — Магда поморщилась, вспомнив об этом. — Это было ужасно... Но он не тронул меня. Странно, да?

— Весьма. — Отняв руку от колена девушки, Гленн в задумчивости провел пальцами по своим густым волосам. Магде так хотелось, чтобы он снова положил эту теплую руку назад, но Гленн, казалось, совсем позабыл о ней и напряженно размышлял о чем-то. — И вы убежали от него?

— Нет. Он сам принес меня к отцу. — Магда заметила, что и это привело Гленна в некоторое замешательство, но потом он кивнул, будто нашел наконец разгадку. — Кстати, было и еще кое-что.

— Насчет Моласара?

— Нет. Там есть что-то помимо него. В нижнем подвале... Там кто-то движется. Может быть, именно из-за этого и раздаются те самые шаркающие звуки, которые я слышала, пока шла наверх.

— Шаркающие звуки? — тихо переспросил Гленн.

— Да, будто кто-то скребет ногами... Там, в самом конце нижнего подземелья.

Не говоря ни слова, Гленн встал, подошел к окну и замер возле него, уставившись на замок.

— Расскажите мне, пожалуйста, все, что с вами сегодня произошло — с того момента, как вы вошли в замок, и до того, как выбрались из него. И не упускайте ни единой детали.

Магда в мельчайших подробностях рассказала ему все, вплоть до той самой минуты, когда Моласар опустил ее на пол в комнате отца. На этом месте она запнулась.

— И что там случилось?

— Ничего.

— А как чувствует себя ваш отец? — поинтересовался Гленн. — С ним все в порядке?

Несколько секунд горький ком в горле не позволял Магде ответить. Она прерывисто вздохнула.

— Да-да, все нормально.

Магда попыталась улыбнуться, но вместо этого на глаза вдруг сами собой навернулись слезы и тоненькими струйками потекли по щекам. Она никак не могла их сдержать.

— Он велел мне уйти... и оставить его наедине с Моласаром. Вы можете себе это представить? После всего, что мне пришлось пережить, чтобы попасть к нему, он говорит мне «убирайся»!

Вероятно, горечь ее слов глубоко тронула Гленна, потому что он вышел из состояния задумчивости и, отвернувшись от окна, с сочувствием посмотрел на несчастную девушку.

— Ему было плевать даже на то, что на меня напали двое нацистов и чуть не изнасиловали! Сволочи... Он даже не поинтересовался, больно ли мне. Единственное, что его волновало, — так это то, что из-за меня у него осталось меньше времени для бесед с этим вурдалаком. Ведь я — его дочь, а ему гораздо важнее теперь проводить время с чудовищем!

Гленн подошел к кровати и присел рядом с Магдой, потом нежно обнял ее одной рукой и тихонько придвинул к себе.

— Ваш отец находится в невероятном напряжении, вы не должны забывать об этом.

— А он должен помнить, что он — мой отец!

— Конечно, — тихо сказал Гленн. — Обязательно должен. — Он чуть-чуть повернулся, лег на спину и слегка потянул Магду за плечи. — Вот так. Ложитесь рядом и закройте глаза. Сейчас вы успокоитесь.

Магда почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, и все же не стала сопротивляться, позволив ему уложить себя рядом в кровать. Она уже забыла про боль в колене и повернулась на бок лицом к нему. Так они и замерли поверх покрывала — Гленн продолжал обнимать ее, а Магда прижала голову к его плечу; тела их тоже почти соприкасались, а левой рукой она упиралась в крепкие мышцы его груди. Мысли об отце и обида на его слова сразу же растворились, и вместо них нахлынули совсем новые чувства. Никогда еще она не лежала рядом с мужчиной, но это было страшно и приятно одновременно. Исходящие от него волны силы и нежности каким-то дивным теплом обволакивали ее тело и заставляли кружиться голову. В тех местах, где Магда чувствовала его прикосновение, будто крошечные стрелы пронзили ее, как небольшие электрические разряды. Они проникали сквозь одежду... и эта одежда стала мешать ей.

Вдруг, повинувшись какому-то безудержному порыву, Магда приподняла голову и поцеловала его в губы. Гленн сразу же принял к ней, но через мгновение отстранился.

— Магда...

Она смотрела ему прямо в глаза и видела, как смешались там желание, сомнение и даже испуг. Гленн был удивлен не меньше ее самой. Но она ничего не имела в виду своим поцелуем. Просто у нее появилась такая потребность, и терпеть больше не было сил. Ее тело действовало как бы отдельно от разума, и она не старалась остановить его. Такой момент может никогда больше не повториться. Все должно произойти сейчас. Она хотела, чтобы Гленн овладел ею, но не решалась произнести это вслух.

— Когда-нибудь, Магда, — сказал он, будто прочитав ее мысли. А потом нежно отвел ее голову и положил себе на плечо. — Когда-нибудь. Но не теперь. Не сегодня.

Глава двадцатая

Как только каменная глыба за Магдой задвинулась, Куза повернулся к Моласару. Бездонные черные зрачки буравили его из темноты леденящим кровью взглядом. Всю ночь профессор ждал момента, когда сможет задать Моласару свои бесчисленные вопросы, чтобы развеять наконец все досадные противоречия, на которые указал утром этот самонадеянный рыжеволосый незнакомец. Но неожиданно Моласар появился, неся на руках его собственную дочь.

— Зачем вы это сделали? — спросил Куза, поднимая на своего гостя глаза.

Моласар сверлил его пристальным холодным взглядом и молчал.

— Почему? — не унимался профессор. — Я думал, что для вас она всего лишь очередной лакомый кусочек!

— Не испытывай моего терпения, калека! — Лицо Моласара побелело от гнева. — Я не могу спокойно смотреть, как двое немцев пытаются надругаться над женщиной из моей страны! Точно так же, как и пять столетий назад не мог равнодушно наблюдать, как то же самое делают турки. Потому я и стал сподвижником Влада Тепеша! Но сегодня немцы зашли куда дальше турков — они пытались совершить акт насилия в моем собственном доме! — Неожиданно он успокоился и слегка усмехнулся. — И я получил немалое удовольствие, оборвав их никчемные жизни.

— Наверное, вы получали большое удовольствие и от общения с самим Владом?..

— Да. Его склонность к насаживанию на кол давала мне превосходную возможность удовлетворять свои потребности в пище и в то же время оставаться в тени. Влад доверял мне. И в конце его жизни я был одним из немногих бояр, на кого он мог с уверенностью положиться.

— Я вас не понимаю.

— А я и не жду этого. Ты не способен понять меня, так как я нахожусь за рамками твоих привычных представлений о мире.

Куза попытался сосредоточиться. Мысли стали путаться в голове. Так много противоречий!.. Все выходит совсем иначе, чем он предполагал. Но больше всего тревожило профессора то, что безопасностью, а может, и жизнью дочери он обязан теперь представителю нечистой силы.

— В любом случае я ваш должник.

Моласар не ответил.

Куза немного поколебался, но потом все же начал исподволь подводить Моласара к тому самому вопросу, который мучил его сильнее всех остальных.

— А есть еще такие же, подобные вам?

— Ты хочешь сказать, нечистая сила? Раньше было много. Как сейчас — не знаю. После пробуждения я почувствовал такое нежелание со стороны живущих признавать мое существование, что, полагаю, всех остальных люди успели уничтожить за последние пять веков.

— А те, остальные, — они тоже боялись крестов?

Моласар напрягся.

— У тебя ведь нет его с собой, да? Смотри, иначе...

— Нет-нет, он уже далеко... Но я удивлен вашим страхом перед ним. — Куза жестом обвел стены комнаты. — Вы со всех сторон окружили себя крестами из меди и никеля — их здесь тысячи! — и тем не менее вас ввел в ужас один-единственный маленький серебряный крестик, который я вчера показывал.

Моласар приблизился к одному из крестов и спокойно положил на него руку.

— Здесь есть маленькая хитрость. Видишь, как высоко расположена горизонтальная планка? Настолько высоко, что это уже больше не крест. Такая форма не вызывает во мне отвращения и никак не действует. Я построил тысячи таких крестов в стены этого замка, чтобы запутать своих преследователей, когда решил, что это будет мое убежище. Они не могли и предположить, что я способен существовать в постройке, стены которой покрыты какими-либо крестами. Но, как ты потом узнаешь — если, конечно, я смогу тебе доверять, — именно такая фигура имеет для меня особое значение...

Куза упорно пытался найти хоть какое-нибудь несоответствие в страхе Моласара перед крестом, но это никак ему не удавалось. И вновь профессором стали овладевать сомнения. Ему требовалось хорошенько подумать. И в то же время нельзя было отпустить Моласара — следовало попытаться как можно дольше удержать его здесь и заставить говорить еще!

— А кто они такие? Кто вас преследовал?

— Тебе говорит что-нибудь слово «глэкен»?

— Нет.

Моласар сделал шаг к старику.

— Совсем ничего?

— Уверяю вас, что никогда раньше не слышал такого слова. — «Почему это для него так важно?» — задумался Куза.

— Тогда, возможно, их уже больше нет, — пробормотал Моласар, скорее для себя, чем для профессора.

— Пожалуйста, объясните мне, кто такой или что такое «глэкен»?

— Глэкены — это секта фанатиков, которые начали свою деятельность от имени церкви еще в средние века. Поначалу эти безумцы насильственно насаждали православие, но при этом подчинялись только папе римскому. Однако немного погодя они изобрели свою собственную религию. Им удавалось проникать повсюду, где была власть. Одну за другой они затягивали в свои сети целые королевские династии, желая привести весь мир к единой новой вере и заставить всех подчиняться только себе.

— Но этого не может быть! Я же специалист по европейской истории, особенно по странам Восточной Европы; и никогда эта секта нигде даже не упоминалась!

Моласар придвинулся еще ближе к Кузе и оскалил зубы.

— Ты осмелился в моем же доме заподозрить меня во лжи? Несчастный! Да что тебе известно об истории! Что ты знал обо мне и о тех, кто подобен мне, пока я сам не предстал перед тобой? А много ли ты выяснил об истории этого замка? Ничего!

Глэзены — это тайное братство. Ни одна королевская семья никогда не слышала о них! А если церковь в более поздние времена и знала об их существовании, то открыто не признавала этого.

Куза отвернулся от Моласара — его смрадное дыхание с запахом крови вызывало у старика тошноту.

— А как же вы сами узнали об их существовании?

— Были времена, когда все, что затевалось вокруг, не могло оставаться тайной для тех, кого вы теперь называете нежитью. И когда нам стали известны планы глэзенов, мы решили предпринять весьма активные ответные действия. — Моласар выпрямился, гордо расправив плечи. Видимо, ему было приятно вспоминать о прошедшем. — В течение нескольких веков мы успешно противостояли им. Нам было ясно, что конечная цель этой секты — покорить и уничтожить нас, поэтому мы всячески мешали им и срывали их планы. Мы лишали жизни всех, кто, волюно или неволюно, попадал под их влияние.

Моласар возбужденно заходил по комнате.

— Поначалу глэзены тоже сомневались в том, что мы действительно существуем. Но как только они убедились в этом, так сразу же объявили нам беспощадную войну. Один за другим мои братья погибали, встречая самую настоящую смерть. И когда наш круг начал сужаться, я отстроил этот замок и решил схорониться в нем, чтобы пережить глэзенов с их безумными планами мирового господства. И похоже, что мне это удалось.

— Очень мудро, — согласился Куза. — Вы окружили себя фальшивыми крестами и впали как бы в зимнюю спячку. Но тем не менее я должен задать вам один вопрос, на который очень прошу ответить: почему все-таки вы боитесь креста?

— Я не склонен осуждать это.

— Но вы должны рассказать мне! Ведь мессия... Был ли Иисус Христос...

— Нет! — Моласар покачнулся и тяжело прислонился к стене, сильно закашлявшись.

— Что с вами?

Глаза Моласара вспыхнули яростью.

— Если бы ты не был моим соотечественником, я бы вырвал тебе язык!

«Неужели одно упоминание имени Христа вызывает в нем ужас? — изумился профессор. — Но я не мог даже предположить...»

— Никогда не повторяй больше этого! Если тебе дорога моя помощь, которую я могу оказать, то никогда больше не произноси этого имени!

— Но это же просто слово.

— НИКОГДА! — Моласар с трудом заставлял себя сохранять видимое спокойствие. — Я тебя предупредил. Никогда больше — иначе твой труп будет брошен рядом с немецкими!

Куза почувствовал, что голова у него пошла кругом. Надо было срочно что-то предпринимать.

— А что вы скажете об этих словах: «Йитгадад вейткадаш шемей раба беальма девера чиреутен, вейамлих»?..

— Это еще что за тарабарщина? — нахмурился Моласар. — Какое-нибудь заклинание? Или молитва? Может, ты хочешь избавиться от меня? — Он начал угрожающе приближаться к профессору. — Уж не встал ли ты на сторону немцев?

— Нет! — еле вымолвил Куза, и голос его осекся. В голове застучала кровь. Он с силой сжал ручки кресла поledenевшими пальцами. Ему казалось, что комната переворачивается и пол перед ним встает дыбом. Жуткий страх охватил старика. Это порождение тьмы содрогалось при виде креста и теряло самообладание при одном упоминании имени Иисуса, а древние иудейские молитвы на иврите оказались для него лишь пустым набором звуков! Это было непостижимо. Но, к его ужасу, именно так.

Теперь Моласар заговорил более спокойно, не обращая внимания на вихрь чувств, обуревающих его собеседника. Куза напряженно пытался не пропустить ничего из сказанного. Все, что говорил сейчас хозяин замка, могло быть исключительно важным и для Магды, и для него самого.

— Мои силы уже понемногу восстанавливаются. Я чувствую, как новая энергия вливается в меня. Очень скоро — я думаю, самое большее — через пару дней, — я смогу разделаться со всеми инородцами в этом замке.

Куза старательно пытался вникнуть в смысл его слов: силы... пару дней... разделаться... Но как он ни напрягался, другие слова ясно звучали в голове профессора: «Йитгада! вейткадаш шемей...» Бесполезность этой древней молитвы по усопшим не давала ему покоя.

А потом раздались громкие шаги: сапоги застучали у входа в башню, затем кто-то побежал вверх по лестнице, а со двора послышались голоса — испуганные и сердитые. Лампочка в комнате мигнула и немного притухла, и это значило, что во всем замке зажегся свет.

Моласар довольно усмехнулся, обнажая желтоватые острые зубы.

— Похоже, они обнаружили двух своих соратников.

— И очень скоро придут сюда обвинять меня в этом, — заметил Куза. Беспокойство за свою жизнь вывело его из оцепенения.

— Ты ведь не глупец, калека, — сказал Моласар и, подойдя к стене, привычным жестом толкнул нужный камень. Тот легко отошел в сторону, отворяя дорогу. — Вот и воспользуйся своим умом.

Куза молча наблюдал, как Моласар растворился в темноте открывшегося прохода...

Глава двадцать первая

Застава
Пятница, 2 мая
Время: 07.32

Магда ждала у ворот, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Несмотря на то, что утреннее солнце ярким светом заливало заставу, от стен замка веяло прохладой. И еще то ощущение

зла, которое раньше чувствовалось лишь внутри крепости, теперь, казалось, расплодилось за ее пределы и начало заполнять собой весь перевал. Прошлой ночью оно не отпускало Магду до тех пор, пока она не ступила в холодную воду рва. Сегодня же неприятные ощущения начались с той секунды, как она шагнула на мост.

Широкие деревянные ворота были сейчас настежь распахнуты, и перед девушкой лежал короткий арочный проход, напоминающий небольшой тоннель. За ним открывалась панорама внутреннего двора крепости. Магда переводила взгляд с дверей башни, откуда должен был появиться отец, на противоположную стену замка, где как раз напротив главных ворот чернел сводчатый спуск в подвал. Несколько солдат разбирали там очередную груду камней. Еще вчера их движения были довольно неторопливыми. Но сегодня солдаты работали быстро, молча и... как-то судорожно, а на лицах ясно читались страх и отчаяние. Они напоминали ей сумасшедших — причем насмерть перепуганных сумасшедших.

«Почему они не уезжают из замка?» — удивлялась Магда.

Она никак не могла понять, зачем этим людям оставаться здесь, если все равно следующей ночью кто-то из них должен умереть. Это казалось ей полной бессмыслицей.

Но сейчас Магду больше волновало состояние отца. Что они сделали с ним, когда обнаружили тела двух эсэсовцев, которые чуть не изнасиловали ее в подвале? Еще выходя из гостиницы, она подумала, что немцы с легкостью могли убить не угодившего им еврея, и от страха у нее перехватило дыхание. Но вскоре эти сомнения рассеялись, поскольку часовой у ворот не удивился, услышав ее просьбу о свидании с отцом, и спокойно отправился за ним в башню. И вот теперь, когда первые страхи улеглись, в голову полезли самые разные мысли.

Утром она проснулась от писка голодных птенцов в гнезде за окном и еще от того, что сильно болело левое колено. Она обнаружила, что лежит в кровати одна, под одеялом, но полностью одетая. А ведь вчера она была такая незащищенная и доступная, что Гленн с легкостью мог бы воспользоваться этим. Но он не стал ничего предпринимать, хотя было совершенно очевидно, что она сама хотела близости с ним.

Магда внутренне сжалась, не понимая, что же на нее такое нашло вчера, и удивилась своей наглости и бесстыдству. К счастью, Гленн отверг ее притязания... Нет, это слишком сильно сказано! Просто он колебался и поэтому не тронул ее. Да, именно так. Магду раздирали противоречия: ей было приятно от того, что Гленн проявил благородство и не воспользовался ее слабостью, но в то же время и немного обидно, что он с такой легкостью преодолел соблазн.

Когда сегодня утром она проходила мимо комнаты Гленна, прихрамывая от боли в колене, ей очень хотелось постучаться, чтобы поблагодарить его за заботу и извиниться за свое поведение. Но прислушавшись, Магда решила не тревожить его и не будить, так как в комнате было тихо.

Поэтому она сразу же направилась к замку.

Немецкий солдат вывез из башни кресло, в котором она увидела отца. Он выглядел ужасно. Казалось, что за одну эту ночь он постарел по меньшей мере на двадцать лет.

«Сколько же страданий выпало на его долю! — сокрушалась Магда. — Ни один человек не заслуживает такого наказания. Всю жизнь ему приходилось противостоять своим научным оппонентам, потом сражаться с неодолимой болезнью, а теперь вот он попал в руки нацистов. Нет, я не могу сейчас злиться на него, я должна быть на его стороне».

Солдат, который подвозил отца, оказался более вежливым, чем вчерашний часовой. Он плавно остановил кресло около Магды и сразу же отошел. Не говоря ни слова, она быстро зашла сзади коляски и покатила ее по мосту. Но не успели они проехать и десяти шагов, как отец неожиданно поднял вверх руку.

— Останови здесь, Магда.

— Что случилось? — Ей очень не хотелось останавливаться, потому что и на мосту она не могла отделаться от неприятных ощущений, которые возникали у нее на территории замка. Но отец, казалось, вовсе не замечал этого.

— Этой ночью я даже глаз не сомкнул.

— Они не давали тебе спать? — встревоженно спросила девушка, зайдя спереди и присев на корточки перед креслом. Она почувствовала, как в груди ее закипает злоба. — Неужели они пытали тебя?!

Куза взглянул на дочь, и в глазах его заблестели слезы.

— Нет, они даже не тронули меня. Но все равно мне сейчас очень, очень больно.

— Но что же произошло?

Профессор заговорил на цыганском диалекте, который Магда хорошо понимала:

— Послушай меня, доченька. Я выяснил, зачем приехали сюда эзсзовцы. Для них это только промежуточный пункт на пути в Плоешти. Там майор будет строить лагерь смерти — для людей нашей нации.

Магда почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

— Нет, не может быть! Это неправда! Правительство никогда не позволит немцам...

— Но они уже здесь! Ты ведь знаешь, что немцы давно уже возводят укрепления вокруг нефтяного комплекса в Плоешти. Кроме того, они успешно обучают военному делу румынских солдат. А если так, то почему бы не поверить, что они столь же успешно обучат их и убивать евреев? Из того, что мне стало известно, я делаю вывод, что майор как раз и специализируется на такого рода убийствах. И он очень предан своему делу. Из него выйдет неплохой педагог, смею тебя уверить. Кэмпфера надо остановить.

Магда вскочила на ноги и тут же стиснула зубы от резкой боли в колене.

— Неужели ты считаешь, что способен остановить его? Да у него и волосок с головы не успеет упасть, как тебя уже сто раз расстреляют!

— Но я должен найти какой-нибудь способ. Ведь теперь я вол-

нуюсь не только за твою жизнь. Это уже тысячи жизней! И все они будут зависеть от Кэмпфера.

— Но даже если что-то и остановит его, на его место тут же придут другого.

— Да. Но на это потребуется время, а любая задержка сейчас пойдет людям на пользу. Вдруг как раз в этот период Россия нападет на Германию или наоборот. Я не думаю, что два таких безумных пса, как Гитлер и Сталин, будут особенно долго ждать — кто-нибудь из них обязательно первым вцепится другому в глотку. И в этой новой войне про лагерь в Плоешти, может быть, забудут.

— Но каким же образом ты собрался остановить майора? — Магда твердо решила вразумить отца. Он должен понять, что его затея неосуществима.

— Возможно, это сделает Моласар.

Магда не хотела верить в то, что сейчас услышала.

— Нет, отец! Только не это!

Профессор нетерпеливо поднял вверх руку, затянутую в перчатку.

— Погоди немного. Моласар ведь уже намекал, что мог бы использовать меня как своего союзника в борьбе с захватчиками. Не знаю, правда, чем я смогу быть ему полезен, но предстоящей ночью я это обязательно выясню. А взамен попрошу его о небольшой ответной услуге: пусть он остановит майора Кэмпфера.

— Нет, ты не должен иметь дело с таким чудовищем! Ему нельзя доверять. Он же сам тебя первый и убьет, когда ты станешь ему больше не нужен!

94 — Мне наплевать на мою жизнь. Я уже говорил тебе, что на карту сейчас поставлено гораздо большее. И кроме того, я почему-то доверяю Моласару. В нем есть нечто такое, что заслуживает уважения, — прямота, патриотизм, гордость за свою страну. И за себя, конечно. Я думаю, ты не слишком права по отношению к нему. Ты ведь смотришь на него как женщина, а не как ученый. А он просто продукт своего времени. Ты вспомни, в какую кровавую эпоху ему довелось жить. Немцы, конечно, задели его национальную гордость. И я должен воспользоваться этим. К счастью, к нам он относится, как к своим соотечественникам, потому что мы тоже, как и он сам, родились в Валахии. Разве он не спас тебя от немецких солдат, с которыми ты столкнулась вчера в подвале? А ведь он с легкостью мог сделать тебя своей третьей жертвой! Мы просто обязаны использовать его силу и власть! Впрочем, у нас нет иного выхода.

Магда молча старалась перебрать в уме все возможное, чтоб отыскать какой-нибудь другой путь.

— Ой, папа, не нравится мне все это... — только и смогла произнести она.

— А никто и не говорит, что это может понравиться. Но ведь нам и не обещали простого решения всех проблем. Вообще никакого решения никто еще не обещал, если быть более точным. — Профессор с трудом подавил зевоту. — А теперь мне пора назад в замок. Надо хорошенько выспаться для предстоящей встречи. Чтобы заключить сделку с Моласаром, я должен быть

в хорошей форме, как следует все продумать и ничего не упустить из виду.

— Это сделка с дьяволом, — прошептала Магда. Голос ее дрожал. Сейчас она как никогда боялась за своего отца.

— Нет, милая. Настоящий дьявол ходит по замку в черной форме с серебряным черепом на фуражке и называет себя «штурмбанфюрер».

Магда нехотя отошла в сторону и молча наблюдала, как коляску с отцом откатили в баню.

Подходя к гостинице, она почувствовала, как холод и враждебность замка на глазах исчезают. Магда обошла вокруг дома, надеясь найти Гленна. Возможно, он загорает сейчас под утренним солнцем где-нибудь неподалеку. Но его не было видно ни на улице, ни в столовой. Тогда она поднялась наверх и остановилась возле его комнаты, прислушиваясь к звукам за дверью. Но внутри было тихо. Однако девушка знала, что Гленн встает рано. Скорее всего он сейчас лежит и читает.

Она уже протянула руку, чтобы постучаться, но потом передумала. Лучше встретить его как бы случайно где-нибудь в гостинице или рядом, чем так нахально заявляться прямо в номер. Чего доброго, он еще подумает, что она бежит за мужчинами!

Вернувшись к себе, Магда сразу же услышала жалобный писк птенцов и подошла к окну, чтобы проверить гнездо. Она хорошо видела, как тянутся вверх их тонкие шейки в ожидании корма. Но матери-птички нигде поблизости не было. Магде захотелось, чтобы она поскорее прилетела к ним — уж слишком громко они пищали, требуя своей доли.

Посидев немного в задумчивости, девушка вдруг почувствовала прилив решимости, встала и вышла в коридор.

Дважды постучав в дверь Гленна, Магда вновь прислушалась, но из комнаты по-прежнему не доносилось ни звука. Никаких признаков жизни. Немного поколебавшись, она толкнула дверь рукой, и та широко распахнулась.

— Гленн? — позвала Магда.

Никого. Комната была как две капли воды похожа на ее собственную. Магда хорошо знала эту гостиницу — именно в этом номере она останавливалась в прошлый раз, когда они с отцом приезжали на перевал. Но что-то неувловимое было сейчас в обстановке, чего раньше Магда не замечала. Она внимательно оглядела стены и наконец поняла, в чем дело. Над тумбочкой должно было висеть большое зеркало, а сейчас его зачем-то сняли. Вместо него на пожелтевшей выгоревшей штукатурке обозначился большой светлый прямоугольник. Очевидно, зеркало случайно разбили уже после ее приезда и до сих пор не успели заменить на новое.

Магда шагнула внутрь комнаты и медленно обошла ее. Вот здесь он живет, а это кровать, на которой он спит... Магда почувствовала странное возбуждение и спросила себя, что она скажет, если Гленн внезапно вернется и застанет ее одну в своей комнате. Как она будет оправдываться? Никак. Так что лучше всего побыстрее уйти отсюда.

Но, повернувшись к выходу, она вдруг заметила, что дверца шкафа слегка приоткрыта. Внутри лежал какой-то сверкающий предмет. Конечно, она рисковала; но что изменится, если она только одним глазком заглянет туда? Подойдя поближе, Магда решительно распахнула створку.

Зеркало, которое, несомненно, должно было висеть на стене, лежало почему-то в шкафу! Зачем Гленну понадобилось снимать его? Но, может быть, он вовсе его и не снимал. Может быть, оно само свалилось оттуда, а Юлию не успел еще вбить новые гвозди, чтобы повесить его обратно. Кроме зеркала, в шкафу хранилась одежда Гленна и кое-что еще: в самом дальнем углу она увидела непонятный длинный футляр, почти в человеческий рост.

Сгорая от любопытства, Магда встала на колени и осторожно потрогала кожу футляра. Она оказалась сморщенной и очень грубой, будто ее изрядно потрепало время или футляр совсем не берегли, и от этого он успел до срока испортиться. Магда не могла даже представить себе, для какого предмета он предназначался. Она оглянулась. В комнате по-прежнему было пусто. Входную дверь она на всякий случай оставила приоткрытой, но в коридоре тоже никого пока не было. Магда подумала, что успеет сделать все очень быстро: ей понадобится всего пара секунд, чтобы расстегнуть футляр, заглянуть внутрь, снова закрыть его и исчезнуть из комнаты. Теперь она просто обязана была узнать, что там лежит. Чувствуя себя любопытной первоклассницей, которая нашла в доме тайник, куда ей не позволяло заглядывать, Магда протянула руку к медным застежкам и ловко открыла их. Металл заскрипел, будто в замочки попал песок. Затем девушка одним движением распахнула футляр, при этом петли так же противно скрипнули.

Поначалу она не могла сообразить, что за предмет предстал перед ее глазами. Он излучал холодный голубоватый блеск и был сделан из чего-то наподобие стали. Хотя Магда не могла точно сказать, что это за металл. Сам предмет имел форму удлинённого клинка, сильно заостренного на конце. Боковые его кромки были сплющены и заточены. Он напоминал чем-то меч. Ну, конечно же, это и был меч! Или палаш. Только у этого меча отсутствовала рукоятка, а тупой конец с почти прямыми углами имел длинный четырехгранный выступ, и было ясно, что как раз этим шипом он и должен вставляться в гнездо эфеса. И если соединить его с рукоятью, то получится очень мощное и грозное оружие.

Внимание Магды привлекли знаки, выгравированные на мече. Они были не просто нарисованы, а именно вырезаны на голубоватом металле. Девушка провела пальцем по замысловатым символам и почувствовала все извилины этих таинственных знаков. Они были похожи на руны¹, но таких ей прежде видеть не приходилось. Магда неплохо была знакома с древнегреческими и скандинавскими рунами — ей попадались даже

¹ Руны — алфавитные символы раннегерманской и скандинавской письменности, возникшей ок. 300 г. н. э. под влиянием древнегреческого языка (прим. перев.).

символы начала третьего века. Но эти, видимо, были еще старше. И намного. От них так и веяло древностью, и девушка удивилась: кто и когда мог выковать этот меч?

В этот момент дверь в комнату громко хлопнула.

— Ну что, вы нашли то, что искали?

Магда испуганно отскочила в сторону, и крышка футляра захлопнулась, закрывая страшное оружие. Девушка повернулась к вошедшему Гленну. Сердце ее бешено колотилось — она была до смерти перепугана. И еще ее мучили угрызения совести.

— Гленн, дело в том, что я...

Гленн негодовал.

— Я думал, вам можно доверять! Что вы надеялись отыскать здесь?

— Ничего... Я пришла, чтобы повидаться с вами. — Она не могла понять, что так рассердило его. Да, ему, может быть, неприятно то, что она без спроса зашла в его комнату, но не до такой же степени!..

— Неужели вы решили, что я спрятался в этом шкафу?

— Конечно, нет! Я... — «А зачем я все это объясняю? — подумала вдруг она. — Любая моя отговорка покажется сейчас глупой и неуместной». Разумеется, ей не следовало сюда приходить. И вот она стоит теперь перед ним в растерянности, не зная, куда девать глаза от стыда. Застигнутая врасплох, пойманная на месте преступления. И потом, почему он так злится? Магда сама уже начинала сердиться на него и решила дать достойный отпор. — Мне захотелось узнать о вас побольше. И я пришла к вам, чтобы поговорить. Мне... мне нравится разговаривать с вами. Но я практически ничего о вас не знаю. — Тут она решительно замотала головой. — Нет, разумеется, больше этого не повторится.

Она шагнула вперед, твердо намереваясь уйти, раз уж ему так не терпится побыть наедине с собой. Но до двери Магда все-таки не дошла. Когда она проходила мимо хозяина комнаты, тот неожиданно схватил ее за руку. Не сильно, но она поняла, что Гленн не собирается просто так отпустить ее, и остановилась. Потом он осторожно повернул девушку лицом к себе, и их глаза встретились.

— Магда... — начал он и замолчал, притянув ее еще ближе, и вдруг прижался губами к ее пылающему лицу. Магда почувствовала, что хочет оказать ему сопротивление, крепко сжать кулаки и оттолкнуть прочь. Но это был лишь слабый застарелый рефлекс, и он тут же погас, не успев претвориться в действия. В тот же миг разум и тело обожгло ослепительным огнем страсти, и она нежно обхватила его шею, еще сильнее прижимаясь к могучим мускулам его груди. Позабыв обо всем на свете и утопая в этой сладкой истоме, Магда доверчиво расслабила губы и закрыла глаза. Язык Гленна проник ей в рот, и она удивилась такой смелости — еще никто не целовал ее так! — и тут же Магда содрогнулась в приливе сказочного блаженства. Руки Гленна ласкали ее, нежно гладили через слой одежды спину и ягодицы, то и дело переходя к напряженной груди; и где бы они ни коснулись ее, оставалось приятное возбуждающее

тепло. Потом эти руки поднялись к ее шее, осторожно развязали косынку и отбросили ее в сторону, затем опустились ниже и начали медленно расстегивать пуговицы толстой вязаной кофты. Она не останавливала Гленна. Одежда мешала ей, душила и стягивала, а в комнате почему-то сразу стало нестерпимо жарко... Теперь ей просто необходимо было сбросить с себя эти удушающие путы.

Был момент, когда у Магды появилась возможность остановить Гленна, прекратить все это и убежать к себе: когда кофта была уже снята, какой-то внутренний голос вдруг зазвучал в ее голове: «Неужели это я? Что со мной происходит? Это же безумие!» Но этот голос принадлежал старой, прежней Магде — той, что осталась один на один с жестоким миром после смерти матери. И его слабый призыв тут же был заглушен другой Магдой — восставшей на обломках сокрушенных принципов Магды прежней. И эту новую Магду пробудила к жизни неиссякаемая сила страсти, пылающей в сердце мужчины, который сейчас крепко обнимал ее. Прошлое, с его традициями и понятиями, сразу же потеряло свой смысл, а завтрашний день казался таким далеким, будто до него невозможно было дожить. Сейчас для Магды существовало лишь настоящее — только эти сладкие мгновения. И еще Гленн.

Вслед за кофтой белоснежная блузка так же легко соскользнула с ее плеч. Там, где распущенные волосы касались ее оголенной кожи — на шее, плечах и спине, — она ощущала сильный жар, будто ее жгло огнем. Гленн опустил ей на талию плотно облегающий лифчик, и упругая грудь будто выпрыгнула наружу. Не отрываясь от горячих губ девушки, он начал нежно ласкать эту грудь, водя пальцем вокруг сосков, отчего они сразу же затвердели, и Магда тихо застонала от наслаждения. Наконец он провел руками по ее шее, покрыл поцелуями ложбинку между грудей, а потом обвел языком вокруг каждого соска, оставляя влажные круги там, где только что его пальцы начертили теплые кольца. Магда вскрикнула и выгнулась, прижавшись грудью к его лицу, содрогаясь и чувствуя, как волны сладкого экстаза начали медленно подниматься внутри ее жаждущего тела.

Гленн легко поднял ее на руки и отнес на кровать, потом аккуратно снял всю оставшуюся одежду, одновременно лаская губами грудь. После этого разделся сам и склонился над ней. И руки Магды словно обрели свою отдельную самостоятельную жизнь — они ласкали Гленна, ощупывая каждый дюйм его кожи, будто она хотела убедиться в том, что он живой, настоящий и действительно рядом с ней. Вот он начал осторожно проникать в нее и после короткого болезненного удара вошел целиком. А все случившееся дальше было еще восхитительнее...

Когда солнце скрылось за западным хребтом, они оделись и вышли подышать свежим воздухом. Они шли, держась за руки, и ежеминутно останавливались, чтобы обменяться долгими поцелуями. Вернувшись в гостиницу, они увидели, что Лидия накрывает стол к ужину. Магда почувствовала вдруг, что

умирает от голода; они тут же уселись рядом и принялись подкрепляться. При этом Магда старалась сосредоточиться на еде и не смотреть в сторону Гленна, потому что поняла, что утоляя физический голод, разжигает внутри другой, ничуть не меньше, — это был многолетний голод любви. Новый мир раскрылся перед ней сегодня, и ей не терпелось исследовать его дальше.

Оба поспешно поглощали еду, как школьники, которые торопятся поиграть, пока на улице не стало темно. Встав из-за стола, они бегом бросились наверх — Магда впереди. Довольная и смеющаяся, она на этот раз повела его уже в свой номер. На свою кровать. И как только дверь за ними закрылась, они стали яростно срывать друг с друга одежду, разбрасывая ее по всей комнате, а потом соединились в жарких объятиях и долго не разжимали их, до самого вечера предаваясь сладостному поединку.

Когда спустя несколько часов Магда, полностью удовлетворенная, лежала возле него в темноте, ощущая удивительную легкость и безмятежный покой, она поняла, что окончательно влюбилась. Магда Куза — старая дева, книжный червь и синий чулок — вдруг влюбилась!

Магда закрыла глаза. За окном послышался слабый писк голодных птенцов. Теперь они пищали гораздо тише, чем утром. Как показалось Магде, в их настойчивой просьбе о еде уже ясно звучали нотки отчаяния. Но Магда не успела подумать, что могло случиться с их матерью, как ее одолел сон.

Как и прошлой ночью, темнота и холод одновременно проникли в комнату, но сегодня Куза чувствовал себя настолько разбитым, что не нашел даже сил развернуть свое кресло, чтобы быть лицом к Моласару. У него кончился кодеин, и боль теперь превратилась в нескончаемую пытку.

— Как вам удастся входить сюда и выходить, минуя двери? — спросил он скорее из-за того, что просто не нашел лучшего вопроса. Профессор смотрел на закрытый потайной ход, рассчитывая, что Моласар появится именно оттуда. Но тот каким-то образом возник у него за спиной.

— У меня есть свои особые способы передвижения, и для них не требуется ни дверей, ни потайных ходов. Но эти способы лежат за пределами твоего понимания.

— Как и многое другое... — согласился Куза, не скрывая своего отчаяния.

Моласар бесшумно пересек комнату и остановился перед профессором, молча разглядывая его. «Как странно... — подумал Куза. — Мне кажется, что я начинаю постепенно привыкать к нему». И действительно, сегодня он не ощутил того ужаса, который раньше всякий раз охватывал его при появлении хозяина замка.

— Мне кажется, ты можешь умереть, — без предисловия заявил боярин.

Эти резкие слова вывели Кузу из состояния мрачного равнодушия.

— От ваших рук?

— Нет. От своих собственных.

Куза отвел глаза в сторону.

— Возможно. Но даже если я не умру от своей руки, то очень скоро это произойдет в лагере смерти майора Кэмпфера.

— Что еще за лагерь смерти? — Моласар нахмурился и пригнулся ближе к старику. Когда лампочка осветила его лицо, он изумленно поднял вверх брови. — Это место, где люди собираются, чтобы вместе умирать?

— Не совсем так. Людей туда свозят насильно и там убивают. Майор скоро выстроит такой лагерь недалеко отсюда, в Плюешти.

— Чтобы убивать валахов?! — Прилив ярости заставил Моласара обнажить свои непомерно длинные зубы. — Эти немцы пришли сюда, чтобы убивать мой народ? — Моласар сделал шаг в сторону и был тут же поглощен густой темнотой. — Расскажи мне о лагерях смерти.

— Это очень тяжело. Это слишком...

— Рассказывай!

Куза вздохнул.

— Я скажу только то, что знаю наверняка. Первый лагерь построили не то в Бухенвальде, не то в Дахау примерно восемь лет тому назад. Но кроме них есть и другие: Флоссенбург, Равенсбрук, Нацивайлер, Аусшвиц и, наверное, еще много, о которых я пока не слышал. Скоро такой же лагерь откроют в Румынии — или, если угодно, в Валахии, — а потом и еще несколько в ближайшие год-два. Все эти лагеря служат одной-единственной цели: в них собирают миллионы определенных людей для пыток, унижения, непосильного труда и в конечном итоге для постепенного уничтожения.

— Миллионы?

Куза не разобрал интонации, с которой Моласар переспросил его, но понял, что тот сомневается в информации, которую профессор скрепя сердце выдавливал из себя. Моласар помрачнел и чуть не превратился в сплошную тень. Было видно, как он возбужденно ходит от стены к стене в дальнем конце комнаты.

— Да, миллионы, — с уверенностью подтвердил профессор.

— Я уничтожу этого германского майора!

— Но это не поможет. Таких, как он, тысячи, и они все равно будут приезжать сюда, один за другим. Вы можете убить одного, двух или нескольких, но они, наверное, найдут со временем способ, чтобы убить вас.

— Ну уж нет! Теперь мне нужны их жизни! — грозно произнес Моласар. — А когда мне понадобится что-либо другое, я сразу оповещу тебя, и ты сделаешь все именно так, как я тебе прикажу!

— Конечно-конечно! Но, наверное, вам нужен более здоровый помощник, чем я.

— То, о чем я тебя попрошу, несложно выполнить. В замке есть один предмет, который представляет для меня несравненную ценность. Его надо будет вынести отсюда и надежно спрятать где-нибудь в горах. Если я буду уверен в том, что эту вещь не обнаружит никто посторонний, я спокойно смогу проследовать

в любую точку планеты, чтобы уничтожить тех, кто собирался убивать моих соотечественников.

— Вам понадобится здоровый человек, — срывающимся голосом повторил профессор. — А такой инвалид, как я, практически бесполезен.

Куза скорее почувствовал, чем увидел, как Моласар обошел стол и приблизился к нему. Потом ощутил тяжесть на правом плече — Моласар положил на него свою могучую руку. Профессор испуганно поднял глаза. Хозяин замка пристально смотрел на него и... улыбался!

— Ты еще не знаешь, насколько разнообразны мои умения и возможности, — уверенно произнес Моласар.

Глава двадцать вторая

Гостиница
Суббота, 3 мая
Время: 10.20

Радость и ликование.

Именно такие эмоции переполняли Магду. Она никогда раньше не представляла себе, как это замечательно — проснуться утром в объятиях любимого человека. Душа ее пела, не зная никаких забот. И день казался светлым и праздничным, потому что она знала, что сегодня Гленн будет рядом с ней.

Магда осторожно выскользнула из-под одеяла и встала с кровати, прикрывшись тонкой накидкой. Подойдя к окну, она обмотала ее вокруг туловища. Нет, все-таки многое изменилось в ней! Многие запреты свалились с плеч, как опадают куски присохшей земли со старинных бронзовых ваз, найденных при раскопках... Но стоять средь бела дня перед окном обнаженной она не собиралась.

Магда почувствовала злобное дыхание замка еще до того, как подошла к окну. За одну только ночь его влияние распространилось до самой деревни!.. Будто Моласар протягивал к ней свои волосатые руки. Замок гордо возвышался на гранитном утесе — серое чудовище под хмурым, пасмурным небом, затянутым плотными облаками. Фундамент крепости еще окутывал постепенно рассеивающийся туман. Центральные ворота были открыты, а по верхним галереям стен ходили бдительные часовые. И вдруг Магда заметила, как из ворот появился какой-то предмет и начал быстро приближаться по мосту к гостинице. Она блizouроку прищурилась, пытаясь разглядеть, что же это такое.

Не веря своим глазам, Магда увидела вскоре инвалидное кресло, а в нем... своего отца! Но только никто не толкал это кресло сзади. Он ловко справлялся с ним сам. Быстрыми, сильными движениями, будто боясь куда-то опоздать, отец с довольно приличной скоростью двигался по настилу моста.

Это казалось невероятным, но с каждой минутой старик-калека все ближе подъезжал к гостинице без всякой посторонней помощи!

Наскоро растолкав Гленна, Магда начала собирать свои разбросанные по всей комнате вещи и торопливо убирать «следы преступления». Гленн рассмеялся, увидев, как неуклюже она

одевается, и стал помогать ей отыскивать различные предметы туалета. Магда же, напротив, не находила в происходящем ничего забавного. В каком-то отчаянии она, наконец, привела себя в порядок и рванулась вниз по лестнице, надеясь встретить отца еще у входа в гостиницу.

Для Теодора Кузы сегодняшний день стал настоящим праздником.

Он выздоровел! Ему больше не надо было укутывать больные руки с искалеченными суставами. Он смело подставил их свежему утреннему ветру и с легкостью направил кресло к гостинице. И при этом он не испытывал ни малейшей боли или какого-то иного неудобства. Впервые за долгие годы Куза проснулся с ощущением невероятной легкости в членах. Суставы опять безукоризненно слушались его, повинаясь малейшему желанию. Но перестали болеть не только конечности — повертев головой, он понял, что и позвонки шеи не издают больше того противного скрипа, который мучил его уже несколько лет. Создавалось впечатление, будто все его тело хорошенько смазали, и теперь оно напоминало отлаженный механизм, готовый верой и правдой служить своему хозяину. Язык был влажным — во рту вполне хватало слюны, чтобы можно было свободно глотать, не прибегая к надоевшей кружке с водой. При этом проглоченное свободно проходило по пищеводу, не вызывая ровным счетом никаких болезненных ощущений. Добрая, мягкая улыбка, от которой всем окружающим становилось тепло на душе, тоже вернулась к старику, заменив гримасу боли и отчаяния, заставившую людей содрогаться и неловко отворачиваться.

Куза не переставал улыбаться; он хохотал как полоумный и никак не мог остановиться. Здоровье вернулось к нему! Наконец-то он сможет принести пользу обществу — ведь проклятая склеродерма не сковывает больше его движений и, значит, он очень на многое теперь способен!

Слезы! В его глазах появились настоящие слезы! Когда-то, еще в самом начале болезни, ему часто приходилось плакать. Рано осознав, что болезнь вскоре возьмет свое, он часами рыдал, уткнувшись в подушку, но постепенно и слезы исчезли, а потом перестали работать и слюнные железы. Теперь же настоящие слезы вновь лились по его щекам, но это были слезы радости и упоения жизнью. Он, не стесняясь, плакал всю дорогу до гостиницы. Как приятно вновь чувствовать себя здоровым мужчиной.

— Папа!

Магда с изумлением смотрела на него.

— Какое чудесное утро, не правда ли? — с улыбкой произнес профессор и широко расставил руки, ожидая принять ее в свои объятия. Какое-то время девушка стояла в нерешительности, а потом бросилась ему навстречу.

— Папочка! — еле слышно проговорила она, уткнувшись в толстые складки его теплого свитера. — Ты можешь стоять!

— И не только это! — Освободившись от дочери, он обошел вокруг инвалидного кресла. Сперва осторожно, придерживаясь правой рукой за спинку, потом все более уверенно, начав пони-

мать, что не нуждается больше ни в какой опоре. Теперь он чувствовал себя еще крепче, чем утром. Он мог самостоятельно передвигаться! Ему казалось, что он сумел бы сейчас даже пробежаться или станцевать какой-нибудь бойкий танец. В порыве безудержной радости он попробовал даже изобразить какой-то особой сложности пируэт, чуть не свалившись при этом, но все же удержал равновесие и совсем по-детски залился смехом, глядя на изумленное лицо дочери.

— Папа, что произошло? Это же просто чудо!

Все еще переводя дух от смеха, он в радостном возбуждении взял Магду за руки:

— Да, это чудо. В самом прямом смысле слова.

— Но каким образом?..

— Это сделал Моласар. Он полностью исцелил меня. Он вылечил мою склеродерму — избавил меня от нее, будто я никогда и не болел!

Неожиданно краем глаза Куза заметил какое-то движение возле гостиницы, и, проследив за его взглядом, Магда поняла, кого он там увидел. Ее глаза радостно загорелись.

— Гленн! Ты только посмотри! Представляешь, Моласар вылечил моего отца!

Рыжеволосый молодой человек со смуглой кожей не двинулся с места. Он пристально смотрел на профессора своими голубыми глазами, будто пытался определить, что в эти мгновения происходит в его душе. Магда щебетала без умолку и тянула Гленна к отцу. Казалось, она просто опьянела от счастья.

— Это чудо! Это настоящее чудо! Теперь мы сможем выбраться отсюда, пока не...

— И какую цену он потребовал за исцеление? — тихо и серьезно спросил Гленн, не обращая внимания на восторженную болтовню своей подруги.

Куза напрягся, но, как ни старался, все же не смог выдержать пристального взгляда пронзительных голубых глаз Гленна. В этих глазах он видел горькое отчаяние и какую-то граничащую с разочарованием грусть.

— Он не назначал мне никакой цены, а сделал это просто из сострадания к своему соотечественнику

— На этом свете мало что делается бесплатно, — с сомнением покачал головой Гленн.

— Ну, хорошо. Допустим, он попросил меня о небольшой услуге, которую я должен буду оказать ему после того, как он покинет замок. Он ведь не может активно действовать в дневное время.

— А что именно вы должны будете сделать?

Профессору начинал уже надоедать подобный вопрос. «Какое право имеет этот молодой человек задавать мне все эти вопросы? — с возмущением подумал он. — Ничего я ему не скажу». А вслух добавил: — Он еще не говорил мне об этом.

— А вам это не кажется странным? Вы даже не знаете еще, о чем он может вас попросить и какие услуги вам придется ему оказывать. То есть еще не обговорили, по сути, никаких условий, а уже приняли плату.

— Это вовсе не плата! — убежденно заговорил профессор. — Просто в нездоровом виде я не смог бы реально помочь ему. А никаких сделок мы с ним не заключали — да в них и не было необходимости. Наши цели и так совпадают — это уничтожение немцев на территории Румынии, а затем уничтожение самого Гитлера. Мы сотрем нацизм с лица Земли!

Глаза Гленна раскрылись так широко, что Куза чуть было не рассмеялся.

— Так вот что он вам обещал! А когда нацисты у вас кончатся, кто будет на очереди? Не забывайте, что Моласара невозможно насытить. Ему постоянно нужны будут средства к существованию. Кто же следующий?

— Прекратите допрашивать меня подобным образом! — взорвался вдруг Куза. Его терпению пришел конец. — Выход обязательно будет найден! Если целая нация прекрасно уживается рядом с Адольфом Гитлером, то уж с Моласаром мы как-нибудь сумеем поладить!

— С чудовищами нельзя жить, — покачал головой Гленн. — Ни с нацистами, ни с вампирами, ни с самим дьяволом. Простите, мне пора.

Он резко повернулся и зашагал прочь. Магда молча наблюдала, как он уходит. А старик смотрел на нее и понимал, что хотя она и не бросилась вслед за этим красавчиком, но мысленно, безусловно, находится сейчас рядом с ним. Он потерял свою дочь. Но, как ни странно, он не почувствовал ни боли, ни горечи утраты. Одно раздражение. И еще злость на этого самоуверенного туриста, который так вот, походя, лишил его дочери.

Хотя теперь ему это было почти безразлично.

Когда Гленн скрылся за углом гостиницы, Магда снова повернулась к отцу. Наблюдая за сердитым выражением его глаз, она хотела понять, что сейчас происходит в его сознании и что за смутение начинается в ее собственной душе.

Отец выздоровел, это прекрасно. Но какой ценой?

Да, он очень сильно изменился. Не только физически, а и духовно. Казалось, будто перед ней сейчас стоит совсем другой человек. В его голосе появились высокомерие и надменность, чего раньше Магда никогда за ним не замечала. И еще одно оставалось непонятным: почему он с такой самоотверженностью защищает этого Моласара? Отца будто разобрали на составные части, а потом снова сложили, скрутив невидимой тонкой проволокой и забыв при этом поставить на место некоторые важные струны его души.

— Ну, а ты чего ждешь? — ехидно осведомился отец. — Разве ты не уходишь вместе с ним?

Магда ответила не сразу. Отец казался ей чужим и далеким.

— Конечно, нет, — тихо произнесла она, стараясь, чтобы голос не выдал ее страстного желания немедленно кинуться вслед за Гленном. — Но...

— В чем еще дело? — Старик как кнутом хлестнул ее этой фразой.

— Ты действительно хорошо подумал над тем, какую сделку

может предложить тебе Моласар?

Лицо профессора исказилось, и Магда сама уже была не рада, что спросила его об этом. Губы старика скривились в злобной усмешке.

— Теперь мне все ясно! Твой любовничек сумел-таки обратить тебя не только против отца, но и против твоего собственного народа! Я угадал? — Слова как камни сыпались на несчастную девушку. Затем Куза издевательски засмеялся: — Как же тебя легко переубедить, дитя мое! Пара очаровательных голубых глаз и мускулистое тело — вот и все, что нужно, чтобы заставить тебя позабыть о жизни тысяч таких же, как ты сама!

Магда покачнулась, будто на нее налетел внезапный порыв штормового ветра. Нет, это не отец стоит сейчас перед ней и обвиняет во всех грехах. Он никогда не был таким жестоким ни с ней, ни с другими. Как же он изменился! Изво всех сил Магда сдерживалась, чтобы не дать ему достойную отповедь.

— Я просто хотела тебе помочь, — сказала она, стараясь, чтобы он не заметил ее трясущихся от обиды губ. — Как ты не понимаешь того, что Моласару ни в коем случае нельзя доверять!

— А откуда тебе это известно? Ведь это не ты говорила ночи напролет, не ты видела, как он зол на немцев за то, что они посмели вторгнуться в его дом, стоящий на его собственной земле!

— Да, но я все же успела почувствовать его прикосновение, — сказала девушка, невольно начиная дрожать под пригревающим солнцем. — И не один раз, а целых два. И ничто теперь не убедит меня в том, что ему жаль евреев или вообще хоть одну живую душу на этом свете.

— Да, но я ведь тоже знаком с его прикосновением, — возразил упрямый старик и демонстративно пропелся вокруг пустого кресла, не прилагая к этому никаких усилий. — Посмотри сама, как подействовали на меня его руки! Что же касается намерений Моласара спасти наш народ, то я не питаю на этот счет никаких иллюзий. И будь уверена: он не отступится от своих замыслов. Поэтому я и собираюсь помочь ему в осуществлении его планов.

— Я просто хочу, чтобы с тобой ничего не случилось, — только и смогла произнести в ответ Магда.

— Я тоже хочу, чтобы с тобой все было в порядке, — отозвался он неожиданно потеплевшим голосом и на секунду будто снова стал прежним заботливым отцом, которого она знала всю жизнь. — И не надо больше встречаться с этим Гленном. Он плохо на тебя влияет.

Магда отвела взгляд в сторону и угрюмо уставилась на далекие горы. Нет, с этим она никогда не согласится.

— Лучше его я никого еще не встречала, — тихо, но твердо произнесла она.

— В самом деле? — Лицо профессора вновь приобрело жесткое выражение.

— Да, — почти шепотом ответила Магда. — Он заставил меня заново осмыслить всю жизнь! Да я, можно сказать, и не жила раньше по-настоящему.

— Как трогательно! Прямо Шекспир! — презрительно ухмыльнулся отец и тяжело опустился в кресло. — Я считаю, что наш разговор окончен. Отвези меня назад в замок!

Магда вспыхнула от негодования.

— Сам себя довезешь!

— С моей стороны и так было довольно неразумно приехать сюда без посторонней помощи, — заговорил профессор, будто и не слышал вовсе того, что она только что в порыве гнева бросила ему в лицо. — Но я не мог ждать, пока ты придешь за мной. Теперь же мне надо быть вдвойне осторожным. Нельзя допустить, чтобы у немцев возникли подозрения относительно моего настоящего состояния здоровья. Иначе ко мне могут приставить дополнительную охрану. Поэтому становись сзади и начинай толкать.

Магда нехотя исполнила то, о чем просил ее отец. Но по крайней мере сейчас ей уже не было так тяжело оставлять его одного у ворот крепости. Магде хотелось побыть немного одной.

Матей Степанеску был очень зол. Ярость кипела в его груди, как расплавленный вар. И, что самое странное, он объяснить даже не мог, почему это происходит. Недовольный и напряженный, он сидел на терраске своего крошечного домика в самом южном конце деревни. На столе перед ним лежала круглая буханка хлеба и стояла нетронутая чашка с чаем. Он размышлял сейчас об очень неприятных вещах, и его раздражение постепенно росло.

Матей думал об Александру и его сыновьях, возмущенный несправедливостью того, что этим лентяям удалось заполучить под охрану замок, и теперь они на всю жизнь обеспечены золотом. Сам же он вынужден был каждый год пасти на перевале коз, а когда они вырастут, продавать их за гроши или выменивать на вещи, нужные его семье. Раньше он никогда не завидовал Александру, но сегодня ему с самого утра почему-то не давала покоя мысль, что именно это благополучное семейство и является причиной всех его бед.

Потом Матей вспомнил о своих собственных сыновьях. Сейчас они особенно были нужны ему здесь. Ведь сам Степанеску уже немолод — зимой ему стукнуло сорок семь, волосы поседели, а в руках пропала бывшая ловкость и сила. Да еще стала мучить боль в опухших суставах... И где же теперь его любимые отпрыски?.. Два года назад они бросили своего отца и смылись в Бухарест в поисках легкого счастья. И даже не подумали, что отцу с матерью будет трудно управляться самим на старости лет. И с тех пор эти негодяи ни разу не дали о себе знать! А вот если бы ему досталась работа в замке, то скорее всего сыновья тут же пронюхали бы об этом и были бы уже здесь. И тогда самому Александру пришлось бы искать счастья в Бухаресте.

С каждым годом жизнь в этом мире становилась для Матея все труднее и хуже. А сегодня даже собственная жена не позаботилась о том, чтобы вовремя встать и заняться завтраком. Хотя раньше не было случая, чтобы Ивонна забыла приготовить ему что-нибудь вкусненькое. Но сегодня все шло как нельзя хуже.

Нет, она не забыла, а просто продолжала валяться в постели, крикнув ему полусонным голосом: «Приготовь-ка себе что-нибудь сам!» И вот Матей встал, налил себе невкусного холодного чая и поставил чашку перед собой. Потом взял длинный кухонный нож и ошутимым усилием отрезал от буханки толстый ломоть. Но, лишь попробовав его, тут же скривился и выплюнул неразжеванный хлеб.

— Черствый! — остервенело гаркнул он на весь дом, а затем изо всех сил ударил кулаком по крышке стола.

На этом его терпение кончилось. Не выпуская ножа из рук, Степанеску решительно прошествовал в спальню к жене, которая продолжала нежиться под одеялом.

— Хлеб черствый! — повторил он.

— Ну так испеки себе свежий, — пробормотала дородная супруга, никак не желая окончательно просыпаться.

— Да какая же ты после этого хозяйка! — злобно выпалил он. Его ладонь вспотела, сжимая жирную рукоятку ножа, и Матей понял, что больше терпеть не в силах.

Ивонна отбросила одеяло в сторону, встала на колени и, вызываясь подбоченья, заорала на мужа, встряхивая косматой головой, отчего спутанные сальные волосы почти полностью закрыли ее одутловатое лицо:

— Тоже мне, мужик в доме напелся!

Матей замер как вкопанный. Какое-то время он не мог даже сообразить, что происходит. Ивонна никогда еще не говорила подобных слов. Они всегда любили друг друга. Но сейчас ему нестерпимо захотелось зарезать ее.

Что же случилось?.. Будто в воздухе витали невидимые пары, возбуждающие в них все плохое, что до поры до времени скрывалось в самых темных закоулках души.

Матей сбросил с себя оцепенение и, кипя от злости, двинулся с ножом к жене. Ни о чем больше не размышляя, он взмахнул рукой и с силой вонзил лезвие в тело супруги, а потом услышал, как она громко закричала от боли и ужаса. Матей повернулся и вышел из комнаты, даже не посмотрев, куда пришелся его удар и осталась ли Ивонна в живых после этого.

Застегивая воротник своего кителя, прежде чем спуститься в столовую на обед, Ворманн выглянул из окна и увидел, что к замку приближаются по мосту профессор с дочерью. Он удовлетворенно улыбнулся. Скольких неприятностей удалось избежать именно благодаря тому, что он вовремя принял правильное решение. Девушку нельзя было оставлять в замке, хотя днем они могли видаться с отцом сколь угодно долго и свободно обсуждать любые свои проблемы. Солдаты уже успокоились, а девушка оказалась порядочной и не удрала в горы, хотя к ней и не было приставлено никакой специальной охраны. Капитан не ошибся в ней: это была преданная дочь, до конца верная своему слову. Приглядевшись повнимательней, он заметил, что отец и дочь о чем-то возбужденно беседуют.

Немного позже капитан обнаружил и нечто странное в одежде профессора. Он еще раз пригляделся и понял, что у Кузы на

руках не хватает перчаток, к которым все уже успели привыкнуть. Никто еще не видел рук профессора, не облаченных в эти перчатки, ставшие чуть ли не второй кожей для его больных пальцев. Но еще более странным показалось капитану то, что и сам Куза немного подталкивал колеса, чего раньше тоже никогда не случалось.

Ворманн пожал плечами. Наверное, старик просто неплохо себя чувствует сегодня. Он заспешил вниз, на ходу пристегивая на ремень кобуру, и направился в столовую. Вдруг он замедлил шаг и остановился, с сомнением глядя направо. Там виднелась зияющая глотка проклятого входа в подвал. «Надо спуститься и еще раз все осмотреть». — На душе у Ворманна было беспокойно.

Он торопливо спустился вниз и зашагал по длинному коридору в ненавистную темноту нижнего подземелья.

На самой последней ступеньке лестницы сидели три крупные крысы, увлеченно обнюхивавшие липкую грязь на стене подвала. Сморщившись от омерзения, капитан машинально схватился рукой за свой «люгер». Крысы с любопытством смотрели на непрошеного гостя, но после первого же выстрела юркнули в темноту, уступив ему дорогу.

С пистолетом в руке Ворманн быстро подошел к тому месту, где в длинный ряд были уложены накрытые простынями трупы. Если крысы так спокойно разгуливают по подвалу, то в каком же состоянии могут оказаться эти несчастные мертвецы? Не дай Бог, с ними что-то случилось — тогда он в жизни не простит себе того, что так долго откладывал их отправку на родину...

Однако все оказалось на своих местах. Трупы лежали нетронутыми. Ворманн приподнял по очереди все простыни и лично убедился в том, что грызуны не испортили лица покойных. Потом он осторожно потрогал окоченевший ледяной лоб одной из жертв. Вероятно, такое мясо даже для крыс казалось неаппетитным.

И все же их присутствие здесь сильно расстроило капитана. Завтра с утра он первым же делом должен отправить этих несчастных домой. Они и так уже ждут слишком долго. Ворманн выпрямился и собрался уже уходить, как вдруг его взгляд упал случайно на руку одного из солдат, по какой-то причине высушавшуюся из-под простыни. Он снова присел на корточки, чтобы накрыть эти мертвые пальцы, но, едва дотронувшись до них, в ужасе отдернул руку. Кисть убитого покрывали глубокие свежие раны.

Проклиная всеми словами крыс, он поднес лампу ближе, чтобы получше рассмотреть, насколько велик ущерб от их острых мелких зубов. То, что увидел капитан, заставило его испуганно вздрогнуть. На пальцах и на ладони покойного налипли свежие комья грязи. Ногти на руке почти все были сорваны, а сами пальцы разбиты почти до костей.

Ворманн почувствовал, что его начинает тошнить. Он невольно попятился назад к ступенькам. Ему не хотелось больше видеть ни мертвецов, ни крыс, ни что-либо другое в этом страшном подвале. Никогда.

Ворманн повернулся и со всех ног бросился вверх по лестнице.

Магда сразу же прошла в свою комнату, намереваясь провести в одиночестве хотя бы пару часов. Ей предстояло слишком многое обдумать, и для этого требовалось побыть одной. Но мысли никак не шли в голову. Комната словно сохраняла в себе присутствие Гленна, возбуждая приятные воспоминания о прошедшей ночи. И неубранная постель то и дело отвлекала девушку.

Она в задумчивости побрела к окну. Вид замка, как и прежде, притягивал ее к себе. Но сейчас от одного взгляда на башню Магде стало нехорошо, как если бы зловещее дыхание крепости, которое раньше теряло свою силу за ее стенами, теперь простерлось до самой границы. Замок гордо восседал на вершине скалы и походил на мерзкую осклизлую морскую тварь, протянувшую во все стороны свои смердящие щупальца.

Она вышла в коридор и негромко постучала в комнату Гленна. Не дождавшись ответа, Магда толкнула дверь и вошла. Никого. Тогда она подошла к окну и выглянула наружу в надежде увидеть его во дворе. Но и там Гленна не оказалось.

Где же он может быть?

Магда спустилась вниз. Вид неубранных грязных тарелок в столовой озадачил ее. Магда хорошо знала, что Лидию все считали лучшей домохозяйкой в деревне. И в гостинице всегда было чисто и прибрано. Тем не менее тарелки напомнили ей о том, что она еще сегодня даже не завтракала, а уже близилось время обеда.

Магда вышла на улицу и там сразу же наткнулась на Юлию, который напряженно вглядывался куда-то вдаль, в противоположный конец деревни.

— Доброе утро, — улыбнулась девушка. — Вы не знаете, обед сегодня не приготовят пораньше?

Юлию резко повернул голову и окинул ее таким недоброжелательным взглядом, будто считал ниже своего достоинства не только отвечать на подобные вопросы постояльцев, но и просто здороваться с ними. Презрительно фыркнув, он опять отвернулся.

Магда проследила за его взглядом и поняла, куда он смотрит. У одного из домов собралось несколько местных жителей.

— Что там случилось? — спросила она.

— Посторонних это не касается, — мрачно процедил владелец гостиницы, но потом, видимо, передумав, добавил: — Хотя вам это, наверное, интересно будет узнать. — Он как-то нехорошо улыбнулся и злорадно сообщил: — У Александру подрались сыновья. Один еще при смерти, а второй — уже на том свете.

— Какой кошмар! — ужаснулась Магда. Она хорошо знала и Александру, и его сыновей, часто беседовала с ними о замке во время своих предыдущих приездов. Оба брата были очень дружны между собой.

— Ничего кошмарного в этом нет, госпожа Куза. Александру со своими ребятами давно уже начал считать себя выше всех остальных в нашей деревне. Но, как видно, напрасно он задира

нос. Так ему и надо! — Глаза Юлью сузились до щелочек. — Они получили по заслугам. Кстати, это хороший урок и для городских, которые приезжают сюда и тоже думают, будто они лучше нас.

Заслышав в словах Юлью угрозу, Магда невольно отступила назад. Он ведь всегда был таким мирным, безобидным мужчиной! Что это на него нашло?

Она молча повернулась и обошла вокруг гостиницы. Сейчас ей особенно хотелось, чтобы Гленн оказался рядом. Но того нигде не было видно. Тогда она решила пойти к мосту и поискать его в кустах на том месте, где он обычно прятался, наблюдая за жизнью в замке. Но и там его тоже не было.

Он будто бы испарился.

Обеспокоенная и подавленная, Магда вернулась в гостиницу. Но, подойдя уже к самой двери, вдруг заметила странную сгорбленную фигуру женщины, бредущую к гостинице со стороны деревни. Было похоже, что женщина передвигается с большим трудом, будто она сильно ранена.

— Помогите! — раздался жалобный голос.

Магда сразу же рванулась к несчастной, но тут в дверях возник Юлью и преградил ей путь.

— Не суйтесь не в свое дело! — грубо бросил он Магде, а потом крикнул раненой женщине: — А ты, Ивонна, лучше уберись отсюда!

— Мне очень больно! — плакала та. — Меня Матей ударил ножом!

Магда увидела, что левая рука Ивонны болтается, как плоть, а вся одежда — а это была скорее всего ночная рубашка — залита кровью от плеча до самых колен.

— Не лезь ко мне со своими бедами! — пригрозил Юлью. — У нас и без тебя забот хватает!

Но женщина продолжала ковылять дальше.

— Умоляю вас, помогите!

Юлью отошел от двери, нагнулся и подобрал с земли камень размером с крупное яблоко.

— Нет! — закричала Магда и бросилась ему наперерез.

Но Юлью свободной рукой отодвинул ее в сторону, размахнулся и что есть силы швырнул камень в Ивонну, радостно хрюкнув при этом. К счастью для женщины, он не успел хорошенько прицелиться, и камень просвистел над ее головой. Но цели своей он все же достиг: женщина вскрикнула еще раз, повернулась и зашагала прочь, прихрамывая на левую ногу.

Магда кинулась вслед за ней:

— Подождите! Я помогу вам!

Но Юлью больно схватил ее за руку и затолкал на крыльцо гостиницы. Там Магда споткнулась и упала.

— А вы лучше занимайтесь своими делами! — заорал он. — Я не терплю тех, кто приносит в мой дом несчастье. Поднимайтесь к себе и сидите там тихо, чтобы вас и не слышно было!

— Да как вы можете... — начала Магда, но запнулась, увидев, как Юлью шагнул к ней, оскалив зубы, и уже поднял руку. Она резко вскочила на ноги и бросилась вверх по лестнице.

Что же на него нашло? Его будто подменили! Да и вся деревня словно попала под какое-то дурное влияние. Люди режут и убивают друг друга, и никто не протянет руку помощи даже своему ближайшему соседу. Что все-таки происходит?

Поднявшись наверх, Магда сразу пошла в комнату Гленна. Куда он мог запропасться? И почему? Ведь вчера они целый день провели вместе, не расставаясь ни на минуту, а сегодня она не может даже придумать, где его искать.

Когда солнце стало клониться к вершинам гор, Магдой овладело подлинное отчаяние. Вернувшись в свою унылую комнату, девушка подошла к окну, выходящему на замок. Чуть правее моста она уловила в зарослях легкое движение листьев. Не раздумывая ни секунды, Магда тут же бросилась к выходу. Это Глени! Там обязательно окажется Гленн!

Юлью внизу не было, и она беспрепятственно покинула гостиницу. Подойдя к кустарнику, Магда начала высматривать среди зелени огненно-рыжие волосы. Сердце бешено колотилось, радостное волнение переполняло ее душу, и она сразу же позабыла о тех долгих мучениях, которые ей пришлось переживать на протяжении всего дня.

Гленна она нашла достаточно быстро. Он притаился за большим камнем, среди густых ветвей, и внимательно наблюдал за замком.

— Где же ты пропадал? — спросила Магда, подходя сзади. Она прилагала немалые усилия к тому, чтобы голос ее звучал спокойно.

Гленн ответил, не поворачивая головы:

— Гулял. Мне надо было многое обдумать, поэтому я решил совершить прогулку по дну ущелья.

— Я скучала без тебя.

— Я тоже тосковал. — Он протянул руку, приглашая ее сесть рядом. — Смотри, тут хватит места и на двоих.

Магда без дальнейших уговоров прижалась к нему.

— Скажи, что тебя так тревожит? — ласково спросила она.

— Многие вещи. Например, эти листья. — Он сорвал несколько листьев с ближайшей ветви и смял их в кулаке. Они с хрустом рассыпались. — Они засыхают и умирают. А ведь сейчас только май. А уж что касается деревенских жителей...

— Это все из-за замка, да?

— Ты тоже это чувствуешь?.. По-моему, чем дольше остаются здесь немцы и чем сильнее они разрушают замок, тем дальше и дальше распространяется его злое влияние. По крайней мере мне так кажется.

— Мне тоже, — эхом отозвалась Магда.

— И еще проблема с твоим отцом...

— Да, он и меня беспокоит все больше. Я боюсь, что Моласар просто использует его в своих целях, а потом... — Магда с трудом выговаривала слова, ей стало страшно. — А потом поступит так же, как и с остальными.

— С человеком могут произойти вещи и похуже того, что случилось с немецкими солдатами. Лишиться своей крови — далеко не самое страшное.

Серьезность, с которой Гленн сказал это, еще сильнее встревожила Магду.

— Ты ведь уже говорил это один раз, помнишь? Когда впервые встретил моего отца. А что может быть хуже?

— Он может потерять свое «я».

— Самого себя?

— Нет. Именно свое «я». То, кем он являлся на самом деле, за что боролся и ради чего жил — все это может безвозвратно исчезнуть.

— Гленн, я что-то не понимаю. — Магда действительно ничего не могла сообразить. А может, и не старалась вникнуть в смысл его слов. Ее настораживал задумчивый и отрешенный вид Гленна. — Пойдем лучше в гостиницу.

Но Гленн отрицательно покачал головой.

— Нет. Я хочу посмотреть, что там сегодня произойдет.

— Ой, Гленн, эта ночь без тебя, наверное, покажется мне целой вечностью!

— Да. Возможно, и в моей жизни это будет самая длинная ночь, — ответил он, не глядя на Магду. — Бесконечная ночь...

Она внимательно посмотрела на него, заметила в его глазах какую-то грусть и задумалась: «Что же так разрывает его изнутри? Почему он не хочет до конца довериться мне?..»

Глава двадцать третья

— Ты готов?

Куза даже не вздрогнул, услышав эти слова.

После того как погасли последние лучи солнца, он с нетерпением ожидал прихода Моласара. И сейчас со звуком его страшного голоса профессор поднялся со своего кресла, гордый и благодарный своему спасителю за избавление от долгого недуга. Весь день он только и ждал того часа, когда солнце скроется наконец за горами, беспрестанно проклиная дневное светило за то, что оно так медленно перемещается по небосклону.

Но вот долгожданный момент настал. Сегодняшняя ночь будет принадлежать только им, и никому более. Куза долго терпел и ждал. Но сейчас его время пришло. Теперь никто уже не сможет ему помешать.

— Готов! — сказал он и повернулся так, чтобы видеть силуэт Моласара, чернеющий возле самого стола в тусклом свете единственной свечи. Куза предварительно вывинтил лампочку под потолком. Мерцающее пламя свечи успокаивало его, и он чувствовал себя как-то более уверенно. И еще ему казалось, что естественный свет огня сближает его с Моласаром. — Благодаря вам я теперь в состоянии стать настоящим помощником.

Моласар заговорил ровным и спокойным голосом, никак не выражая своих эмоций.

— Мне ничего не стоило залечить твои раны, вызванные болезнью. Если бы я был сильнее, на это ушло бы всего несколько секунд. Но пока что я еще слаб, поэтому для исцеления потребовалась целая ночь.

— Но ни один врач не смог бы сделать это и за всю свою

жизнь! Да и двух жизней ему не хватило бы!

— Пустяки! — заметил Моласар и пренебрежительно махнул рукой, останавливая словоохотливого старика. — У меня огромная власть вызывать смерть, но и не меньшие способности исцелять недуги. Везде и во всем существует равновесие. Это закон Вселенной.

Сегодня Моласар был явно настроен пофилософствовать. Но профессор спешил — ему хотелось действовать, а не рассуждать:

— Так что мы теперь будем делать?

— Мы будем ждать, — ответил Моласар. — Еще не все готово.

— А что потом? — Куза никак не мог сдержать своего нарастающего любопытства. — Потом-то что?

Моласар степенно прошествовал к окну и оглядел темнеющие вершины величественных гор. Он долго молчал и вдруг заговорил неожиданно тихо:

— Сегодня ночью я доверю тебе источник моей силы и энергии. Ты должен взять его, вынести из замка и надежно спрятать где-нибудь в расщелине гор. Ты не должен никому передавать этот предмет. Ни один человек не должен притрагиваться к нему и знать, где он находится.

Куза был в недоумении.

— Источник вашей энергии? — Он силился что-то вспомнить. — Но я был уверен, что у представителей потустороннего мира ничего подобного не бывает.

— Это потому, что мы всегда тщательно скрывали это от людей, — ответил Моласар и повернулся к профессору. — Все мои силы истекают из него, но одновременно он является и самым уязвимым для меня местом. Этот предмет дает мне жизнь, но если он попадет в посторонние руки, то с его помощью меня можно будет и уничтожить. Вот почему я всегда держу его при себе — он лежит где-нибудь в тайнике поблизости, чтобы я мог надежно его охранять.

— А что это? И где...

— Это нечто вроде талисмана, и находится он глубоко в нижнем подвале. Но если мне придется на какое-то время покинуть замок, я уже не смогу оставить его там не защищенным от посторонних. Но еще опаснее брать его с собой в Германию. Поэтому я должен передать эту вещь тому, кому смогу полностью доверять. — Моласар придвинулся ближе к старику.

Куза почувствовал, как холод пронизывает его до костей. Моласар заглянул ему в глаза, и бездонные пропасти его зрачков заставили кровь старика застыть в жилах. Однако он продолжал стоять перед ним, стараясь не выдать своего ужаса.

— Вы можете доверять мне. Я запрячу его так, что даже горные козы не смогут до него добраться. Клянусь!

— Ты уверен? — Моласар сделал еще шаг к профессору, и теперь его бледное лицо осветилось пламенем свечи. — Имей в виду: это будет самым ответственным заданием, которое тебе когда-либо приходилось выполнять.

— Теперь я смогу это сделать, — уверенно кивнул Куза и сжал кулаки, ощутив от этого прилив сил вместо привычной боли. — Никто не отберет у меня этот талисман.

— Скорее всего никто и не попытается это сделать. Но даже если такое и случится, то, я думаю, ни один из живущих сейчас на Земле не сможет найти способ, как применить его против меня. Но, с другой стороны, он сделан из золота и серебра. И если кто-то обнаружит его и вздумает переплавить...

Куза на секунду задумался, а потом произнес:

— Но ничто нельзя спрятать навечно...

— А в этом и нет необходимости. Только на то время, пока я буду разбираться с воеводой Гитлером и его приспешниками. Его надо сохранить только до тех пор, пока я не вернусь назад. А уж там я снова о нем сам позабочусь.

— Он БУДЕТ в безопасном месте! — К профессору неожидан-но вернулась уверенность. Уж он-то найдет в этих горах надеж-ный тайник на несколько дней. — А когда вы вернетесь, он будет ждать вас в целости и сохранности. Гитлер умрет — какой это будет великий день! А для меня — полное оправдание!

— Какое еще оправдание?

— Перед дочерью — ей почему-то кажется, что я не должен вам до конца доверять.

Моласар прищурил глаза.

— С твоей стороны было очень опрометчиво обсуждать это с кем бы то ни было, даже с собственной дочерью.

— Ей почему-то не верится, что вы со мной искренни. Она попала под влияние одного молодого человека, который, как мне кажется, стал ее любовником...

— Что еще за человек?

— Я мало что могу о нем рассказать. Зовут его Гленн, и похо-же, что он очень интересуется этим замком. А что касается...

Неожиданно профессор очутился в воздухе, — Моласар мощ-ной рукой схватил его за ворот свитера и с легкостью оторвал хрупкое тело от пола.

— Как он выглядит? — грозно спросил владелец замка, стис-нув оскаленные зубы.

— Он... такой высокий... — хрипло пробормотал Куза, нас-мерть перепуганный невероятным холодом, веющим от ледяных рук, вцепившихся ему почти в самое горло. А от вида длинных желтых зубов всего в нескольких дюймах от его лица профессора чуть не стошнило. — Он почти такой же высокий, как вы, и...

— Волосы! Какого цвета у него волосы?

— Рыжие!

Одним движением руки Моласар швырнул старика на пол, где тот беспомощно распластался, боясь поднять голову. И в тот же миг из горла боярина вырвался душераздирающий вопль, в кото-ром профессор с трудом различил уже знакомое слово:

— Глэкен!!!

Сильно ударившись при падении, Куза несколько минут ле-жал, не в силах пошевелиться. Когда же туман перед глазами рассеялся, он заметил на лице Моласара то, чего ни разу не видел раньше: настоящий страх.

«Глэкен... — вспоминал профессор, медленно поднимаясь с пола и не решаясь произнести хоть слово. — Не об этой ли секте рассказывал ему две ночи назад Моласар? Ну, конечно! Фанати-

ки, которые все время преследовали его... И ведь именно из-за них он и выстроил этот замок, чтобы укрыться в нем».

Моласар подошел к окну и уставился на деревню. По его лицу профессор не мог определить, о чем размышляет сейчас разгневанный владелец замка. Наконец тот повернулся к старику и сквозь зубы процедил:

— Сколько времени он уже здесь?

— Три дня — он приехал в среду вечером. — Тут Куза не удержался и спросил: — А что, разве это так важно?

Моласар ответил не сразу. Он медленно зашагал по темной комнате, то появляясь в кругу света маленькой свечки, то вновь растворяясь в тени — три шага вправо, потом три влево. Он напряженно о чем-то думал. Потом неожиданно остановился возле стола.

— Значит, секта глэженов до сих пор еще существует, — тихо выговорил он. — Надо было иметь это в виду! Они вечно были цепкими и живучими. Настоящие фанатики своей идеи — как же! Они вознамерились установить мировое господство. Глупо было бы предположить, что за какие-то пять веков они вымерли все до последнего. Теперь я начинаю кое-что понимать... Нацисты... И этот твой Гитлер. Ну, конечно!

Куза почувствовал, что настало самое время расспросить Моласара о его подозрениях:

— Так что же вы начали понимать?

— Секта глэженов всегда действовала как бы в тени, за ширмой. Они не выставляли себя напоказ, а очень умело использовали популярные движения и крупных лидеров всех эпох. Их, собственно, никто и не видел, равно как и их настоящего оружия. — Моласар стоял у стола, отбрасывая гигантскую тень на стену и возмущенно вознес вверх руки, сжатые в могучие кулаки. — И теперь я все понял: Гитлер и его приспешники — это лишь ширма, за которой успешно скрывается секта глэженов. Каким же я был глупцом! Я должен был сразу их раскусить, как только ты поведал мне об этих лагерях смерти и о том, что они там вытворяют. И еще этот скрученный крест, который нацисты где только не изображают — это же настолько очевидно! Ведь они сами когда-то были частью церкви!

— Но Гленн...

— Да он один из них! Ни марионетка, конечно, как эти военные, а самый настоящий глэкен из их тайного общества. Причем один из главарей этой секты фанатиков и убийц.

У Кузы от страха перехватило дыхание.

— Но откуда вам это известно?

— Глэкены веками тщательно растили и отбирали своих главарей. Это особая порода — у них у всех должно быть несколько обязательных признаков: голубые глаза, смуглая кожа и ярко-рыжие волосы. Их тренируют долгие годы, и в искусстве убивать им нет равных. Но помимо всего прочего их обучают убивать и нас, бессмертных. Этот парень, который называет себя Гленном, приехал сюда специально. Он не выпустит меня из замка. Во всяком случае, приложит к этому все усилия.

Куза прислонился к стене. Ноги подкашивались и переставали

слушаться. Только представить себе! Его Магда находится сейчас в руках человека, который и есть реальная сила и власть в гитлеровской империи! В это невозможно было поверить! Но, что самое страшное, никаких противоречий в словах Моласара не было — все факты сходились. Вот почему Куза сразу же инстинктивно возненавидел этого рыжеволосого. На самом деле чудовищем оказался не Моласар, а Гленн! И в эти секунды Магда была, естественно, вместе с ним!

Профессор выпрямился и посмотрел на Моласара. Нет, он не должен поддаваться панике. Ни в коем случае. Но, прежде чем на что-то решиться, требовалось получить дополнительную информацию.

— И как же он может остановить вас?

— Он знает как!.. Его секта столетиями только тем и занималась, что пыталась выжить нас с этой планеты. Так что его одного будет вполне достаточно, чтобы использовать мой амулет против моей жизни. Если талисман попадет в его руки, то я погиб. Он уничтожит меня.

— Уничтожит... — Куза все еще находился в каком-то тумане, не совсем понимая, что говорит ему сейчас Моласар. Получалось так, что если Гленн убьет Моласара, то немцы выстроят еще больше концлагерей. Смерть не будет иметь границ! Гитлер завоюет все оставшиеся страны, а это означает только одно — полное уничтожение еврейского народа.

— Его нужно обезвредить, — сказал Моласар. — Я не могу оставлять здесь свой талисман, пока этот негодяй живой и невредимый будет разгуливать вокруг замка. Это слишком рискованно.

— Так в чем же дело? — изумился Куза. — Убейте его, как вы сделали со многими другими!

Но Моласар отрицательно покачал головой.

— Я еще недостаточно силен, чтобы сразиться с ним. По крайней мере за пределами замка. Внутри крепости я чувствую себя более уверенно. Если бы удалось под каким-нибудь предлогом заманить его сюда, то, возможно, я бы вызвал его на поединок. И уж тогда я бы обязательно позаботился о том, чтобы он никогда больше не попадался мне на пути.

— Я придумал! — Идея, простая, как все гениальное, мелькнула в голове профессора. — Его приведут сюда силой!

Моласар недоверчиво посмотрел на старика, но мысль заинтересовала его:

— И кто же именно?

— Сам майор Кэмпфер! Причем с большим удовольствием. — Куза расхохотался и сам вздрогнул при первых звуках собственного смеха. А почему бы и не повеселиться немного? Ему было смешно даже подумать о том, что майор СС поможет ему в уничтожении нацизма и освобождении от него всего разумного человечества.

— А зачем ему это делать?

— Целиком положитесь на меня. Я все улажу.

Куза сел в свое кресло и покатил его по направлению к двери. Мозг его лихорадочно заработал. Ему следует убедить майора

в том, что Гленна непременно надо доставить в замок, причем сделать это лучше всего немедленно. Раздумывая о своем коварном плане, профессор выехал из башни во двор.

— Стража! Стража! — закричал он что было сил. К нему тут же подбежал сержант Остер, за ним еще два солдата. — Позовите майора! — продолжал старик, притворно переводя дыхание, буд-то ему очень тяжело и он сильно взволнован. — Я должен немедленно переговорить лично с ним!

— Я сообщу ему об этом, — сказал сержант. — Но только не ждите, что он бросится бегом на ваш вызов. — При этих словах два других солдата слегка ухмыльнулись.

— Скажите ему, что я выяснил кое-что весьма важное о замке, и действовать лучше прямо сегодня, потому что завтра может быть уже слишком поздно.

Сержант окинул взглядом одного из рядовых и кивнул в сторону задней секции замка.

— Быстро туда! — командовал он, а второму указал на инвалидное кресло. — Давайте позаботимся о том, чтобы майору не пришлось слишком далеко идти на свидание с профессором, если нашему старику и в самом деле есть что сказать.

Кузу отвезли через двор до того места, где начинались кучи щебня от разобранных стен, и там кресло остановили. Он сидел спокойно, все время повторяя про себя, что именно он должен сейчас сказать. Через несколько минут, показавшихся профессору целым часом, из дальних дверей наконец показался Кэмпфер. Он был без головного убора и выглядел раздраженным.

— Что ты хотел мне сообщить, еврей? — грозно спросил он.

— Это дело чрезвычайной важности, господин майор, — ответил Куза, нарочно говоря почти шепотом, чтобы Кэмпферу приходилось напрягать слух. — И не для посторонних ушей.

Майору пришлось пробираться через кучи щебня и мусора. По дороге губы его шевелились — очевидно, он крепко ругался про себя.

Куза даже представить себе не мог, насколько приятно ему будет наблюдать это зрелище.

Наконец Кэмпфер добрался до инвалидного кресла и жестом приказал остальным отойти.

— Смотри, жид! Если ты посмел разбудить меня из-за пустяка, то...

— Мне кажется, я нашел очень важный источник информации об этом замке, — заговорил Куза тихим конфиденциальным тоном. — В гостинице остановился новый постоялец. И сегодня я с ним познакомился. Он очень живо интересуется всем, что происходит сейчас в замке. Причем слишком уж сильно интересуется, вы меня понимаете? Утром он всеми средствами пытался вытянуть из меня то, что мне известно.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Дело в том, что некоторые его слова буквально поразили меня. Причем настолько, что, вернувшись в свою комнату, я тут же вновь углубился в изучение тех старинных запрещенных рукописей и действительно нашел там подтверждение его слов.

— Каких еще слов?

— Сами по себе они не столь уж важны. Главное то, что он знает о замке гораздо больше, чем пытается показать. Я почти уверен, что он связан с теми лицами, которые платят за содержание замка. На вашем месте, господин майор, я бы пригласил этого постояльца к себе для милой беседы. Возможно, он будет настолько любезен, что сообщит вам немало ценного.

Кэмпфер рассердился:

— Ты еще не на моем месте, еврей! Я не собираюсь уговаривать всяких олухов зайти ко мне на разговор и тем более не собираюсь ждать до утра. — Он повернулся и подозвал к себе Остера. — Быстро пришлите сюда четырех автоматчиков! — Потом обратился к Кузе: — Ты поедешь с нами и покажешь нам этого парня, чтобы я был уверен, что мы арестовали именно того, кого надо.

Куза едва сдерживал улыбку. Вот как все иной раз бывает просто — чертовски просто!

— Еще одно возражение моего отца состоит в том, что ты не иудаист, — продолжала Магда. Они все еще сидели в кустах среди засыхающей листвы и, не отрывая глаз, следили за замком. Стало совсем темно, и во внутреннем дворе зажгли свет.

— Что ж, в этом он прав.

— А какая у тебя религия?

— Никакой.

— Но твои родители должны же были ходить в какую-то церковь?

Гленн пожал плечами.

— Наверное. Но это было так давно, что я уже все забыл.

— Как о таком можно забыть?

— Очень даже легко.

Магда начинала нервничать. Он опять отказывался утолить ее вполне естественное любопытство.

— Гленн, а ты сам веришь в Бога?

Он повернулся и одарил ее такой ослепительной улыбкой, которая не могла ее не растрогать.

— Я верю в тебя. Разве этого не достаточно?

Магда крепче прижалась к нему.

— Да. Наверное, ты прав. Но скажи, почему ты на самом деле приехал сюда?

Вместо ответа он указал на замок:

— Смотри, там что-то происходит.

В свете, полившемся из внезапно открывшихся главных ворот, Магда увидела шесть фигур. Одна из них принадлежала, по всей видимости, ее отцу — он сидел в инвалидной коляске.

— Куда его везут? — спросила Магда, чувствуя, как тревожно забилося сердце.

— Скорее всего в гостиницу. По крайней мере это единственное место, куда они могут добраться без помощи своих машин.

— Они идут за мной, — предположила Магда. Никакое другое объяснение не приходило ей в голову.

— Нет, вряд ли. Если бы они захотели перевести тебя назад в замок, то едва ли для этой цели стали бы брать с собой твоего

отца. Нет, они задумали что-то другое. Наверное, лучше тебе выйти отсюда и пойти им навстречу.

— А как же ты?

— Если я понадоблюсь, ты найдешь меня здесь.

Магда нехотя поднялась и начала продираться сквозь густые заросли колючих кустов. К тому времени, как она выбралась на дорогу, группа из пятерых военных и ее отца направлялась уже к гостинице. Девушка ощутила какую-то неясную тревогу.

— Папа?

Все солдаты, включая даже того, который толкал отцовское кресло, разом обернулись, и стволы их автоматов в тот же миг нацелились на Магду. Отец быстро заговорил с ними на немецком:

— Не стреляйте, прошу вас! Это моя дочь! Позвольте мне сказать ей пару слов.

Магда подбежала к отцу, боязливо обогнув страшную пятерку в черных формах, и заговорила с ним на цыганском диалекте:

— Зачем они тебя сюда привезли?

Отец отвечал тоже по-цыгански:

— Я потом тебе объясню. Где Гленн?

— В кустах возле рва, — не задумываясь, ответила девушка. — А зачем тебе это?

Отец моментально повернулся к майору и сразу перешел на немецкий:

— Вон там! — И указал на то место в кустах, о котором ему только что сообщила Магда. Четверо рядовых тут же встали полукругом и, взяв «шмайсеры» на изготовку, начали двигаться в направлении кустарника, неумолимо подбираясь к тому месту, где сидел сейчас Гленн.

Магда задыхнулась от возмущения. Ей и в голову прийти не могло, что отец способен на столь подлое предательство.

— Папа! Что ты наделал?! — Она бросилась к кустам, но он успел схватить ее за руку.

— Все в порядке, — тихо заговорил он опять на цыганском наречии. — Несколько минут назад я выяснил, что твой Гленн — один из наших врагов!

— Нет! Это...

— Он принадлежит к тайной группировке, которая управляет нацистами, и использует их в своих мерзких корыстных целях. Да он даже хуже, чем обычный фашист!

— Гнусная ложь!

— Нет, это правда! И мне очень неприятно, что именно я должен сообщить тебе, но лучше ты услышишь это сейчас от меня, чем сама узнаешь потом, когда будет уже слишком поздно.

— Они же убьют его! — закричала Магда.

В кустах раздались крики, потом послышался шум возни, и вскоре двое солдат вывели на дорогу Гленна, наставив на него свои автоматы. Двое других сразу обыскали его, и теперь все четверо по первому же приказу майора были готовы уложить Гленна на месте.

— Оставьте его! — крикнула Магда, бросаясь вперед. Но отец крепко удерживал ее за руку и не отпускал.

— Магда, не подходи! — строго приказал Гленн. Он был мрачен и смотрел прямо в глаза отцу. — Даже если тебя застрелят, это ничего не изменит.

— Как благородно! — с издевкой заметил майор Кэмпфер, стоящий за ее спиной.

— Вот и все дела! — с облегчением вздохнул отец.

— Отвести его в замок и приготовить к допросу! — скомандовал майор.

Солдаты начали подталкивать Гленна к мосту стволами своих уродливых автоматов. Его темная фигура почти сливалась с кустами, освещаемая лишь далеким бледным прямоугольником открытых ворот крепости. Гленн спокойно дошел до моста, а потом будто споткнулся и упал вперед. Магда ахнула, но сразу же поняла, что он не упал, а намеренно прыгнул на край деревянного настила. Но что он задумал? И тут она поняла — он хотел слезть вниз на мост, чтобы потом выбраться по ущелью, если удастся. Только бы он не поскользнулся и не разбился насмерть!..

Магда была уже в нескольких шагах от солдат, когда услышала громкий сухой щелчок. Потом еще и еще. Гленн был уже на самом краю моста, когда его настигла первая пуля. Его тело дернулось, и тут же он был весь пропит смертельными алыми стежками. Кровавые пятна появлялись на его теле одно за другим — на ногах и руках, на спине и животе, а он все держался за край моста, извиваясь от невыносимой боли. Но вот его движения стали слабее, и он безвольно повис над бездной! А потом разжал пальцы и рухнул в пропасть.

Из груди Магды вырвался нечеловеческий вопль:

— Нет! Нет! Не-е-ет!!!

Ворманн решительно направлялся к лестнице, ведущей в подвал. Сейчас он должен снова спуститься туда. В последний раз. И при этом один.

Ворманн вздохнул и сделал первый шаг вниз.

Он прошел уже больше половины лестницы, когда вдруг услышал шум. Капитан остановился и напряг слух. Казалось, будто кто-то отчаянно скребется или роет землю где-то справа, немного подальше, в самом дальнем углу подвала. Крысы? Он осветил фонарем ступеньки, но не заметил ни одной мохнатой твари. Те три паразитки, которых он встретил на этой лестнице сегодня днем, больше не показывались. Так ничего и не увидев, он заспешил к тому месту, где лежали трупы солдат, но, едва сделав последний шаг, остолбенел от ужаса.

Трупов на месте не было.

Куда же они делись?

Вокруг стояла полная тишина, которую нарушали лишь те самые странные скребущие звуки, идущие из правого дальнего конца подземелья.

И Ворманн понял, что ему придется идти на этот звук, чтобы установить его источник. Но сперва... Он опустил пистолет в кобуру, а из нагрудного кармана кителя достал тот самый серебряный крестик. Капитану почему-то казалось, что эта вещь сейчас способна защитить его куда лучше, чем «парабеллум».

Выставив крестик перед собой, капитан медленно двинулся в сторону, откуда доносились те самые скребущие звуки. Гранитный свод подземелья вскоре начал сужаться, и вот уже узкий извилистый туннель повел Ворманна под самый дальний конец замка. По мере продвижения вперед звук стал усиливаться. Потом в поле зрения появились и крысы. Сперва их было немного — толстые серые зверьки сидели кое-где на скользких каменных выступах и провожали его презрительным взглядом своих маленьких нахальных глазок. Но вскоре их стало значительно больше — сотни хвостатых тварей теснились в узком проходе, пока наконец капитану не показалось, что весь пол соткан из их сваливавшихся грязных шкур. Они разбегались враспынную при его появлении, струились между ногами и так же злобно сверкали глазами-бусинками. Но, едва сдерживая тошноту, он упрямо шел дальше. И хотя крысы пока уступали ему дорогу, по их поведению было видно, что они не испытывают страха перед людьми. Ворманн подумал о пистолете, но потом решил, что «люгер» вряд ли надолго оградит его от этих паразитов, если им придет в голову наброситься на него всей стаей.

Через несколько ярдов коридор резко уходил вправо, и капитан остановился, еще раз прислушавшись. Скребущие звуки усилились. Теперь они были настолько близкими, что Ворманн приготовился встретить их источник уже за следующим поворотом. А это значило, что именно сейчас надо быть особенно внимательным и осторожным. Как увидеть то, что издает этот звук, и остаться самому незамеченным?..

Наверное, придется на время потушить фонарь.

Но Ворманну нелегко было это сделать. Огромные полчища крыс на полу и выступах стен заставляли его опасаться темноты. Этот шевелящийся пол мог кого угодно привести в замешательство. Что, если они ведут себя так смиренно именно потому, что их пугает свет? Вдруг, когда он выключит фонарь... Впрочем, сейчас об этом некогда было думать. Капитану предстояло до конца выяснить истину. Мысленно он подсчитал, что до поворота остается не больше пяти широких шагов. Ему придется сделать их, а потом повернуть налево и пройти еще три таких же шага. Если в этом пространстве ничего подозрительного не обнаружится, то он снова включит фонарь и уже при свете продолжит путь дальше. В душе Ворманн надеялся, что именно на этом отрезке пути ничего опасного ему не встретится. Близость источника звуков могла оказаться и простым акустическим обманом туннеля. Не исключено, что ему предстоит преодолеть не меньше ста ярдов. А может быть, и нет.

Собравшись с силами, капитан выключил фонарь, хотя на всякий случай оставил палец на кнопке — вдруг крысы захотят что-нибудь предпринять? Но ничего нового он не слышал и не чувствовал. Стоя в темноте и ожидая, пока глаза немного привыкнут к ней, он вдруг осознал, что звуки теперь стали громче, будто сама темнота каким-то непостижимым образом усилила их. Из-за угла не было видно никакого света, даже слабого отблеска. Но ведь то, что производит этот звук, чем бы оно там

ни занималось, должно делать это при свете. Например, при свече. Или нет?..

Он медленно двинулся вперед, хотя каждый мускул и нерв его тела молитвенно взывал повернуть назад и скорее бежать отсюда. Но он должен знать правду! Он обязан выяснить, откуда взялись эти странные звуки. Может быть, тогда ему удастся наконец победить этот дьявольский замок. Его долг — узнать все до конца. Его долг...

Сделав пятый и последний шаг, он повернул налево и сразу же потерял равновесие. Левая рука с фонарем инстинктивно вытянулась вперед, чтобы сбалансировать тело, и тут же наткнулась на пушистое существо, которое пронзительно пискнуло и, прежде чем удрать, больно резануло его по пальцам своими острыми, как бритва, зубами. Боль ударила по ладони и помчалась вверх до самого плеча. Ворманн потряс рукой и крепко сжал зубы, ожидая, когда станет немного легче. Через несколько секунд острое жжение почти прошло, и он снова взял фонарь в левую руку.

Скребущие звуки, ставшие теперь совершенно отчетливыми, неслись прямо навстречу ему. Но все равно нигде не было даже слабого намека на свет. Сколько ни напрягал капитан зрение, все было тьметно. Он уже не на шутку вспотел и стал чувствовать, как постепенно все его внутренности сковывает неподдельный животный страх. Должен же быть впереди свет!..

Он сделал еще шаг вперед — уже не такой большой, как раньше, — и замер.

Звуки шли откуда-то прямо из-под его ног, скребущие, царапающие...

Чем бы они ни были вызваны, создавалось впечатление, будто кто-то впереди и внизу усердно и довольно согласованно трудится, однако эта работа не сопровождалась дыханием людей или животных, что было бы вполне логично. Кроме этих леденящих кровь звуков, Ворманн слышал лишь собственное прерывистое дыхание и противный стук крови в висках.

Еще один шаг — и он включает фонарь! Капитан уже поднял ногу, но тут понял, что просто не сможет заставить себя шагнуть в неизвестность. Тело отказывалось слушаться. Нет, он должен прямо сейчас увидеть, что происходит там, впереди.

Ворманн дрожал, буруемаемый страстным желанием незамедлительно бежать отсюда. Нет, ему больше не хотелось узнать, что ждет его впереди. Ничто, поддающееся разумному объяснению и законно живущее в этом мире, не могло существовать и действовать в такой дьявольской тьме. Поэтому лучше ему и не знать никогда всей правды. Но трупы солдат... Нет, придется довести дело до конца.

Он вздохнул, и этот вздох был похож на всхлипывание, а потом зажмурился и нажал кнопку фонаря. Лишь доля секунды потребовалась, чтобы глаза капитана привыкли к вспыхнувшему свету, а потом последовала долгая пауза, прежде чем его мозг смог осознать весь ужас представшей перед глазами картины.

И тогда Ворманн пронзительно закричал, и иступленный вопль смертельного ужаса гулким эхом разнесся по бесконечным

коридорам подвала. В ту же секунду капитан повернулся и бегом бросился обратно к выходу. Он неся, не разбирая дороги и не обращая внимания на многочисленных крыс, и те из них, что не успевали отскочить в сторону, были жестоко раздавлены сапогами. До конца туннеля оставалось уже не больше десяти ярдов, когда он вдруг замедлил свой бег и в нерешительности остановился.

Там, впереди и наверху, был еще кто-то, кроме него.

Ворманн направил луч на огромную фигуру человека, преградившего ему путь, и увидел бледное восковое лицо, черный плащ за плечами, длинные прямые волосы и две бездонные пропасти безумия — его глаза. И тогда капитан понял все. Перед ним был настоящий хозяин замка.

Несколько секунд Ворманн стоял, пораженный и зачарованный увиденным, а потом, придя наконец в себя, вспомнил, чему его научили четверть века военной службы, и приказным тоном выпалил: «Позвольте пройти!» — при этом осветив фонарем серебряный крестик, зажатый в правой руке. Он был уверен, что это оружие сейчас подействует достаточно сильно и, выставив крест перед собой, громогласно потребовал:

— Во имя Господа Бога Иисуса Христа, девы Марии и всех святых — пропустите меня!

Но вместо того, чтобы в страхе отпрянуть, великан двинулся вперед и подошел к Ворманну настолько близко, что теперь тот без труда смог разглядеть его желтоватое бледное лицо. Он улыбался — и от этой кровожадной хищной улыбки ноги у капитана стали ватными, а протянутые вперед руки затряслись.

Его глаза!.. Боже мой, его глаза... Ворманн стоял как прикованный, не в силах пошевелиться. Назад он не мог бежать из-за жуткой картины, которую лишь минуту назад видел собственными глазами, но и вперед идти тоже не мог — путь был отрезан.

Он продолжал сжимать в руке крест и отчаянно сражался со страхом, подобного которому никогда еще не испытывал.

«Бог мой, если ты есть, не покидай меня! — молил капитан. — Это же крест! Вампиры боятся крестов!..»

Но тут невидимая рука протянулась к нему в темноте и выхватила крест из дрожащей ладони. Потом существо зажало крест между большим и указательным пальцами и, поднеся к самому лицу Ворманна, начало медленно сгибать его, без особого труда сложив пополам. Ворманн в ужасе наблюдал это, не смея отвести глаз. Потом хозяин замка еще сильнее сжал крест в кулаке, после чего продемонстрировал на раскрытой ладони исковерканный до неузнаваемости кусочек серебра. Он смахнул его на пол и медленно растоптал, как самый обыкновенный окурочок.

Затем громадная рука потянулась к Ворманну, и тот предпринял отчаянную попытку проскочить мимо оскалившегося гиганта. Но его движения оказались недостаточно быстрыми...

Глава двадцать четвертая

Магда медленно приходила в себя.

Где она? И почему так сильно болит голова?

И тут к ней постепенно стала возвращаться память. Гленн... Мост... Стрельба... Пропась.

Это уже не сон — ГЛЕНН ПОГИБ!

Магда с трудом поднялась на ноги, и сразу же земля перед ней накренилась и поплыла, а все вокруг стало вращаться, как на карусели. Она подождала немного, пока почва перестала ходить под ногами, и только после этого осторожно пошла вперед. Каждый шаг болью отдавался в голове, но она упорно продолжала идти в сторону замка и вскоре добралась до дальнего конца рва, вглядываясь в поднимающийся со дна ущелья туман. Надо обязательно найти Гленна! Вдруг Магда услышала, как где-то рядом скатились вниз несколько маленьких камушков. Сначала она решила, что это под тяжестью ее ноги оторвался и упал кусок глины. Но через секунду звук повторился. Девушка замерла и прислушалась. И вскоре сумела различить еще кое-что — чье-то тяжелое дыхание. Кто-то карабкался из пропасти ей навстречу!

Испугавшись, Магда тут же повернула назад и, выбравшись на поверхность, спряталась в кустах недалеко от ущелья. Затаив дыхание, она наблюдала, как из тумана на краю обрыва появилась рука, судорожно вцепившаяся в рыхлую землю, за ней вторая, а потом и голова. Эту голову она узнала бы из тысячи.

— Гленн!

Но казалось, что он не слышит ее, из последних сил пытаясь вылезти на ровную землю. Не теряя ни секунды, Магда бросилась ему на помощь. Подхватив Гленна под мышки и ощущая в себе прилив сил, о существовании которых она раньше и не подозревала, очень быстро Магда помогла ему выкарабкаться на траву, где он бессильно распластался ничком и, зарывшись лицом в сырую землю, захрипел, начав задыхаться. Она встала перед ним на колени, не зная, что делать дальше.

— Ох, Гленн, ты... — Мокрые от его крови руки девушки жирно блестели в тусклом свете луны. — Ты сильно ранен! Я сбегая за Юлью и Лидией! Мы отнесем тебя в гостиницу.

Гленн что-то пробормотал, но Магда не смогла разобрать слов и поэтому прильнула ухом к самым его губам.

— Иди в мою комнату, — еле слышно прошептал он, и Магда ощутила запах крови из его рта. «Боже мой, у него внутреннее кровотечение», — с ужасом подумала она.

— Сейчас мы тебя перенесем туда. Я только сбегая за Юлью.

Гленн слабыми пальцами схватил ее за рукав кофты.

— Послушай меня... Достань футляр... Ты его видела вчера... Тот, где клинок.

— Но зачем он тебе? Тебе сейчас нужен врач!

— Ты ДОЛЖНА это сделать! Больше меня ничего уже не спасет!

Магда повернулась и со всех ног бросилась бежать к гостинице. Стрелой взлетела на второй этаж, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и остановилась передохнуть, лишь оказавшись в темном номере Гленна. Решительным шагом девушка направилась к шкафу и вынула из него длинный футляр. Но неожиданно петли скрипнули, и он раскрылся — ведь она забыла

застегнуть замки, когда Гленн застал ее здесь вчера днем. Клинок выпал из футляра прямо на зеркало, отчего оно сразу же разлетелось на осколки. Магда нагнулась, уложила лезвие меча на место, проверила все застежки и после этого встала, удивившись тяжести футляра. Она собралась уже в обратный путь, но вдруг спохватилась и сняла с кровати Гленна одеяло. Потом зашла к себе в комнату за вторым одеялом.

Юлью и Лидия, встревоженные ее шумными действиями, с удивлением и интересом наблюдали за ней.

— Не вздумайте меня останавливать! — крикнула Магда, пробегая мимо них. Ее голос прозвучал неожиданно грозно, и супруги расступились, пропустив ее на улицу без единого возражения.

Спотыкаясь и сгибаясь под тяжестью футляра и двух одеял, постоянно цепляясь за колючие ветви густого кустарника, Магда спешила к любимому, молясь про себя, чтобы он был еще жив. Сейчас Гленн лежал уже на спине, но голос его стал еще тише.

— Клинок... — одними губами прошептал он, когда она склонилась над его обессиленным телом. — Вынь из футляра.

Магда открыла футляр. Внутри оказались два случайно попавших туда осколка зеркала. Она отшвырнула их в сторону и обеими руками медленно приподняла холодный темный клинок, сразу почувствовав, как выгравированные руны приятно прижимаются к ладоням.

Она протянула клинок Гленну и тут же чуть не выронила его, увидев, как от прикосновения к его пальцам по всему лезвию пробежало голубое пламя, похожее на огонь газовой сварки. Магда опустила клинок, и по лицу Гленна прошла волна облегчения. Он успокоился, будто боль сразу же отпустила его израненное тело... Теперь у него был вид усталого странника, который вернулся наконец в родной теплый дом после долгого пути по заснеженной морозной равнине.

Гленн положил клинок вдоль сзоего испещренного кровавыми отверстиями тела, при этом острый конец располагался у его лодыжек, а штырь, на который должна была надеваться рукоятка, почти достигал подбородка. Скрестив руки поверх клинка на груди, он со вздохом закрыл глаза.

— Тебе не следует оставаться здесь, — еле слышно произнес он. — Приходи немного попозже.

— Нет, я не брошу тебя одного.

Гленн ничего не ответил. Его дыхание стало не таким глубоким, но более ровным. Казалось, он заснул. Магда внимательно разглядывала его. Призрачный голубой свет от клинка начал расходиться по всему его телу. Тогда Магда накрыла его своим одеялом, чтобы ему было теплее, а также для того, чтобы злое влияние замка не смогло коснуться его. Потом она отошла на несколько шагов, накинула второе одеяло себе на плечи и, прислонившись спиной к большому валуну, приготовилась ждать. Миллионы вопросов, которые до сих пор лишь подсознательно волновали ее, теперь выплеснулись наружу, не давая Магде покоя.

Кто же он на самом деле такой?.. Кем он может быть, если его

не убили пули, которых хватило бы, чтобы расстрелять целый взвод солдат? И после этого он еще взбирается израненный по почти отвесному склону, когда это не под силу даже бывалым спортсменам, находящимся в гораздо лучшей форме и добром здравии!.. А зачем ему прятать в шкафу зеркало, да еще вместе со старинным мечом, у которого нет рукоятки?.. Кто он — который держит сейчас на своей груди этот странный меч и лежит перед ней на земле на грани жизни и смерти? Как могла она доверить ему свою жизнь и любовь, не зная о нем решительно ничего?..

Потом ей вспомнились злобные выкрики отца: «Он принадлежит к тайной группировке, которая управляет нацистами!.. Использует их в своих мерзких корыстных целях!.. Он даже хуже, чем обычный фашист!..»

Неужели отец прав? Неужели она была так ослеплена своей безрассудной страстью, что даже не замечала этого? Гленн, разумеется, не простой смертный. И у него есть свои тайны — он говорил ей далеко не все. Но возможно ли, чтобы он оказался врагом, а Моласар — настоящим союзником?

Магда поежилась и плотнее укуталась одеялом. Ей ничего не оставалось, как только ждать.

Потом веки ее отяжелели — после всех волнений этого дня ровное дыхание Гленна постепенно начинало убаюкивать ее. Сперва она пыталась бороться с наступающей дремотой, но потом перестала. «Я только посплю минуточку... — думала она сквозь неумолимо разливающийся сон. — Отдохну немного, и все...»

Клаус Ворманн знал, что он мертв. И в то же время... мертв не совсем.

Он совершенно отчетливо помнил, как умирал в темноте нижнего подвала, задушенный с жестокой медлительностью при слабом свете своего собственного фонаря, который он выронил из слабеющих рук. Ледяные пальцы с невероятной силой сомкнулись на его горле, перекрыв доступ воздуха, и вскоре кровь оглушительно застучала у капитана в ушах, и над ним сомкнулась холодная темнота.

Но это была не тьма вечного забвения, а нечто другое...

Сперва он никак не мог свыкнуться с тем, что продолжает осознавать все происходящее вокруг него. Он лежал на спине, глаза были открыты и неподвижно смотрели в темноту. Но он не мог определить, сколько времени пролежал таким образом. Время потеряло для него всякий смысл. Если не считать способности созерцать происходящее, в остальном он был как бы отделен от своего тела, будто теперь оно принадлежало кому-то совсем другому. Ворманн ничего не чувствовал — ни каменистую почву под спиной, ни холодный воздух, обдувающий его лицо. И ничего не слышал. Он не дышал. И не мог пошевелиться — даже двинуть мизинцем. Когда по его лицу пробежала крыса и полосатым брюшком проползла прямо по глазам, он не смог даже моргнуть.

Он был мертв. Но мертв как-то... не до конца.

Навсегда исчезли боль и страх, и теперь у капитана оставалось лишь одно чувство — глубочайшее сожаление. Ведь он пришел сюда, чтобы вернуть себе доброе имя и утраченную офицерскую честь, а нашел здесь только нечеловеческий ужас и смерть. Свою собственную смерть.

Ворманн неожиданно осознал, что его куда-то перемещают. Хотя он по-прежнему ничего не чувствовал, физически ему удалось понять, что его грубо волокут по полу, ухватив за воротник кителя. Сначала через какие-то темные помещения, потом — на свет.

Ворманн видел все с точки зрения своего обмякшего тела. Когда его тащили по коридору, он бесстрастно обзирал гранитные стены и очень скоро понял, что приблизился к тому самому месту, где на стене когда-то были написаны кровью таинственные слова на непонятном ему древнем языке. Стену с тех пор вымыли, но коричневатые разводы так и остались на камне.

На этом месте его движение прекратилось. Прямо над собой капитан увидел широкий пролом в потолке — это была та самая часть замка, где солдаты производили разборку стен и перекрытий в поисках тайников и секретных проходов. Кроме этого отверстия, он не замечал пока ничего — вокруг была глубокая темнота. Потом Ворманн увидел, как в воздух змеей взвилась веревка и обхватила одну из балок в разобранном перекрытии. Другой конец веревки, на котором была сделана петля, начал коварно приближаться к его лицу, и вот капитана опять потащили — на этот раз вверх.

128

Очень скоро его ноги оторвались от пола, а безжизненное тело начало беспомощно раскачиваться из стороны в сторону, развешиваемое легким потоком воздуха. Громадный силуэт появился в дверях, а затем исчез окончательно, оставив капитана болтаться в петле в полном одиночестве.

Ему хотелось кричать и молить Бога о помиловании. Потому что теперь он наконец понял, что мрачный и суровый хозяин замка вел беспощадную войну не только против жизни людей, без спроса вторгшихся в его владения, но и против их разума и самих душ.

С горечью и отчаянием осознал капитан, в какой роли использовал его этот страшный боярин: вместо доброго имени он уготовил ему позорную славу самоубийцы. Ведь теперь его солдаты будут полностью уверены в том, что их командир повесился добровольно! И это окончательно деморализует всех тех, кто еще сохранял в себе остатки бодрости духа. Кадровый офицер, человек, который столько раз вел их за собой под огнем и в которого они свято верили, повесился. Это крайняя степень трусости; это хуже, чем дезертирство!

Нет, этого нельзя допустить. Но теперь он никак не мог изменить ход событий — он же мертв!..

Может быть, таким образом он наказан за то, что слишком долго закрывал глаза на всю чудовищность этой войны? Но если так, то эта расплата чересчур уж несправедлива и жестока! Висеть здесь и видеть, как один за другим начнут подходить его солдаты и эсэсовцы, чтобы поглазеть на труп покончившего

с собой капитана, — какой позор и бесчестие! Ведь здесь обязательно будет стоять и его злейший враг майор Кэмпфер — стоять и злорадно ухмыляться!

Может быть, именно для этого его и оставили так болтаться на грани жизни и полного забвения — чтобы он стал свидетелем своего собственного унижения?

Если бы он только мог хоть что-нибудь предпринять! Хотя бы самую малость, лишь бы вернуть себе коварно отнятую честь солдата и элементарное мужское достоинство — и больше в этой жизни он ничего не попросит. Только чтобы никто не усомнился в его мужестве и увидел хоть какой-то смысл в его смерти.

Но он продолжал лишь висеть, раскачиваясь от дуновения ветерка, и, мертвый, ждал, когда его обнаружат.

Как только скрежет камня о камень заполнил комнату, Куза поднял глаза. Медленно поворачивался гранитный люк потайного хода из основания башни. Когда все стихло, из темноты открывшейся ниши раздался голос Моласара:

— Все готово!

Ну, наконец-то! Ожиданию, казалось, не будет предела. Оно становилось уже просто невыносимым. Но вот Моласар появился. Куза сразу же юркнул в открывшийся лаз, навсегда оставляя в комнате больше не нужное ему инвалидное кресло, и почувствовал, что Моласар вкладывает ему в ладонь какой-то прохладный металлический цилиндр.

— Что это? — спросил профессор и увидел в своей руке фонарик.

— Тебе это пригодится.

Куза тут же включил фонарь. Такими пользовались немецкие офицеры. Стекло немного треснуло. Он задумался, кому бы мог принадлежать этот светильник, но Моласар прервал его размышления:

— Следуй за мной.

Уверенными размашистыми шагами боярин направился к винтовой лестнице. Казалось, ему не был нужен никакой свет — он прекрасно ориентировался в этой крошечной тьме, чего нельзя было сказать о профессоре, и поэтому тот старался не отставать от Моласара, тщательно освещая фонарем ступени. Но ему очень хотелось хоть на минуту остановиться и как следует оглядеться по сторонам — Куза давно уже мечтал исследовать это таинственное основание башни, ведь все, что он знал о нем, исходило только от Магды, которая много раз уже успела здесь побывать. Однако сейчас, видимо, было не до науки. Когда все это закончится, пообещал себе старик, я обязательно вернусь сюда еще раз и внимательно все рассмотрю.

Через некоторое время они подошли к узкому пролому в стене. Вслед за Моласаром Куза прошел через это отверстие, и они оказались в нижнем подвале. Боярин еще ускорил шаг, и старику пришлось почти бежать за ним, чтобы не отстать окончательно. Но он не жаловался на такой темп, потому что был счастлив уже от того, что просто может теперь ходить без посторонней помощи, может подставлять руки холоду подвала, не опасаясь,

что его подведет кровообращение и потом больные суставы несколько часов подряд не будут давать покоя. Да он сейчас просто великолепно себя чувствовал и радовался этому, как мог.

Чуть правее они увидели слабый свет, проникающий сюда из коридора через пролом в полу верхнего подвала. Куза направил луч фонаря влево. Трупы солдат исчезли. Вероятно, немцы уже отправили их на родину. Странно только, что саваны они оставили здесь, небрежно свалив их в кучу.

К звуку торопливых шагов профессора начал примешиваться другой — будто рядом кто-то царапал ногтями землю. Следуя за Моласаром из большого центрального зала подземелья по более узким проходам, напоминающим городские туннели, Куза стал замечать, что этот звук постепенно усиливается. Он молча семенил за своим провожатым, и вот, после многочисленных поворотов, хозяин замка круто свернул налево и сразу же остановился, жестом приглашая профессора подойти ближе. Скребущий звук достигал здесь наибольшей громкости и эхом разносился во все стороны по бесконечному лабиринту подземных галерей.

— Приготовься, — с бесстрастным выражением на лице произнес Моласар. — Я тут некоторым образом использовал останки мертвых солдат, так что то, что ты увидишь сейчас, может даже показаться тебе каким-нибудь оскорблением или кощунством. Но благодаря этому я теперь смогу вручить тебе свой талисман. Конечно, можно было найти и другие способы, но этот показался мне наиболее удобным... и приятным.

Куза сомневался, что Моласар и в самом деле сумел распорядиться с нацистами так, что это способно будет оскорбить его, но возражать не стал.

Они прошли в большую полукруглую комнату с грязным полом и ледяным потолком, стены которой образовывали естественные шершавые глыбы горных пород. Кто-то изрядно потрудились здесь, выкопав в центре пола довольно глубокую яму. И все же царапающий звук не прекращался. Возле своих ног Куза почувствовал какое-то движение, а потом заметил, что и по всему периметру ямы что-то тоже слабо шевелится. Приглядевшись, профессор испуганно вскрикнул — крысы! Сотни крыс расселись вокруг ямы, теснясь и расталкивая друг друга в каком-то неестественном возбуждении. Они будто ждали чего-то...

И вот на одной из стенок этого странного колодца, в котором, очевидно, производились какие-то раскопки, Куза заметил предмет, намного превосходящий размерами крысу. Он шагнул вперед и направил в яму луч фонаря. И тут же чуть не выронил фонарь из затрясшихся рук. Ему показалось, что он смотрит прямо в один из кругов Ада. Почувствовав внезапную слабость, профессор отирянул назад и прислонился плечом к холодной блестящей стене, боясь потерять сознание. Он закрыл глаза и задыхался, как загнанный пес в жаркий августовский день, одновременно пытаясь успокоиться, преодолеть нарастающую тошноту и свыкнуться с тем, что все, увиденное в этой яме, вполне реально и не является плодом его больного воображения.

А увидел профессор десять мертвых солдат, некоторые из которых были в серых формах, другие — в черных, и все они

непрерывно двигались, причем один был даже без головы!

Очень медленно Куза снова раскрыл глаза. В адском полумраке, царящем в этой страшной комнате, профессор увидел, как один из трупов будто клешней зачерпнул своей распухшей ладонью горсть земли и вышвырнул ее из ямы наружу, а потом сразу же спустился на самое дно за следующей порцией.

С великим трудом Куза заставил себя отойти от стены и приблизиться к краю ямы, чтобы еще раз взглянуть на происходящее.

Казалось, этим работникам не нужны были глаза, так как они не смотрели на то, что делают, и куда кидают землю, врываясь в нее голыми руками. Их мертвые суставы действовали медленно и неуклюже, будто сопротивляясь той силе, которая принуждала их трудиться. И тем не менее они работали без усталости и толкотни, в полной тишине и порядке, организованно и удивительно быстро, несмотря на видимую затрудненность их неловких движений. Шарканье сапог, звуки скребущих по холодной земле ногтей — все это эхом разносилось по подвалу, а тем временем яма становилась все шире и глубже. Сопровождающие работу звуки казались особенно жуткими и нелепыми в этой пустой комнате со скользкими стенами и ледяным потолком, который только усиливал их.

Неожиданно шум прекратился, будто его и вовсе никогда не было. Все мертвецы, как по команде, замерли. Никто из них больше не шевелился.

За спиной Куза услышал голос Моласара:

— Мой талисман зарыт здесь на самом дне. До него осталось всего несколько дюймов. Ты должен будешь извлечь его из земли.

— А они разве не могут этого сделать? — боязливо спросил профессор. При одной мысли о том, что ему придется спуститься в яму с десятью трупами, его отчаянно затошнило.

— Они слишком неуклюжи.

Куза умоляюще посмотрел на Моласара и, заикаясь, спросил:

— А вы сами не могли бы его отрыть? А я потом отнесу его в любое место, куда вы прикажете.

Глаза Моласара гневно сверкнули.

— Это часть твоей задачи! И довольно простая! У нас столько поставлено на карту, а ты гнушаешься испачкать себе руки?

— Нет-нет! Дело не в этом, а просто... — Он снова обвел глазами застывшие трупы.

Моласар проследил за его взглядом. Он не издал ни звука, не сделал ни единого жеста, но все мертвецы, как по команде, повернулись в затылок друг другу и, начав двигаться за направляющим, один за другим вылезли из ямы. Выбравшись оттуда, они смирно встали по периметру комнаты. Крысы тут же засуетились вокруг их неподвижных ног. Моласар вновь поглядел на Кузу.

Не ожидая, пока его попросят дважды, профессор начал осторожно спускаться вниз и очень скоро очутился на самом дне глубокого котлована. Положив рядом зажженный фонарь, он стал усердно отгребать в сторону рыхлую землю в указанной

Моласаром самой нижней точке ямы. Ни холод, ни грязь теперь не доставляли его пальцам никаких неудобств. Сначала ему было неприятно касаться той же земли, которую только что рыли покойники, но постепенно он пришел к мысли о том, что ему даже нравится вновь осознавать себя полноценным человеком, способным выполнять пусть даже такую простую и лакейскую работу. И все это только благодаря Моласару! Ему было бесконечно приятно, не испытывая боли, погружать пальцы в мягкую податливую почву и выгребать ее пригоршнями назад. Он приободрился и через несколько минут уже работал быстро и даже с некоторым вдохновением.

Но вот его руки наткнулись на что-то более твердое, чем холодная сырая земля. Он потянул за край этого предмета и вытащил из грунта прямоугольный сверток около фута в длину и ширину и в несколько дюймов толщиной. Сверток оказался чрезвычайно тяжелым. Он содрал внешний слой полусгнившей материи и обнаружил под ним вторую обертку — на этот раз из добротной мешковины.

Внутри лежало что-то блестящее и довольно увесистое. У Кузы перехватило дыхание — с первого же взгляда ему показалось, что это крест. Но это оказалось не совсем так: предмет, лишь отдаленно напоминающий крест своими очертаниями, в точности повторял те эмблемы, тысячами которых были увешаны все стены замка. И тем не менее ни одна из них не могла сравниться вот с этим. Это был оригинал — образец, с которого впоследствии скопировали все остальные «кресты». Верхняя часть вертикальной планки толщиной около дюйма была слегка закругленной, почти приближаясь к цилиндрической форме, и имела на торце небольшую прорезь. А сделана эта планка была из цельного куска золота. Поперечную же перекладину, похоже, выковали из чистого серебра. Некоторое время профессор рассматривал этот необычный предмет, осветив его фонарем, но не смог обнаружить на нем ни каких-либо надписей, ни других древних символов.

Талисман Моласара — ключ к его силе и могуществу. Куза смотрел на него с благоговейным трепетом. Да, эта вещь, несомненно, обладала магической силой, и профессор даже чувствовал, как с поверхности металла в его руки вливается свежая энергия. Наконец он приподнял свою находку над головой, желая продемонстрировать ее Моласару, и вдруг ему показалось, что талисман вспыхнул голубоватым огнем, на мгновение осветив все вокруг. Хотя, может быть, это было просто отражение фонаря от влажной стены или чего-то еще.

— Я нашел его! — радостно крикнул Куза.

Но Моласара нигде поблизости не было. Зато профессор заметил, что трупы начали отступать, когда он поднял крестообразный предмет над собой.

— Моласар! Вы меня слышите?

— Да. — Голос звучал откуда-то издалека, будто из глубины туннеля. — Теперь вся моя сила полностью в твоих руках. Тщательно оберегай этот талисман! Смотри, чтобы он не попал в чужие руки, и спрячь его в надежное место!

Куза в возбуждении прижал тяжелую ношу к своей груди.

— Когда я должен спрятать его? И как мне выйти из замка?

— Это произойдет меньше чем через час. За это время я управлюсь со всеми захватчиками. Теперь они сполна заплатят за то, что нарушили мой покой и пришли сюда без приглашения.

В дверь сильно стучали и громко звали майора. Голос был, кажется, сержанта Остера, но звучал как-то истерично. Однако Кэмпфер никому уже так просто не доверял. Поднявшись с постели, он первым делом схватился за свой «парабеллум».

— Кто там? — с раздражением спросил он. За сегодняшнюю ночь его беспокоили уже второй раз! Первый раз из-за нелепой вылазки на мост с этим несчастным евреем, и вот теперь снова. Майор посмотрел на часы: почти четыре утра — скоро уже светать начнет! Кому он мог понадобиться в такое время? Может быть, опять кто-то умер?

— Это сержант Остер, господин майор.

— Ну, и что у тебя на этот раз? — грозно спросил Кэмпфер, приоткрыв дверь.

Одного взгляда на побледневшее лицо Остера было достаточно, чтобы майор понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. Скорее всего опять смерть, но теперь уже какая-нибудь совсем необычная.

— Капитан, господин майор. Капитан Ворманн!..

— Его убили? Ворманна? Офицера?!

— Он сам покончил с собой, господин майор.

Кэмпфер тупо уставился на сержанта и несколько секунд молчал, очень медленно приходя в себя и с трудом осознавая услышанное.

— Жди здесь. — Кэмпфер закрыл дверь, наскоро надел брюки, сапоги, накинул поверх рубашки форменный китель, даже не удосужившись застегнуть его, а потом вышел к сержанту. — Где труп?

Вместо того чтобы провести майора через двор в комнату Ворманна, сержант круто свернул направо, и они пошли по нескончаемым коридорам туда, где в первую ночь своего пребывания на заставе Кэмпфер заточил местных жителей. Последние несколько дней здесь усердно трудились солдаты, разбирая стены и перекрытия потолков. Еще один поворот — и перед ними предстал мертвый Ворманн.

Он висел с затянутой на шее петлей, слегка покачиваясь, будто от легкого ветерка. Это казалось особенно странным, поскольку никакого сквозняка здесь не было. Вокруг стояла полная тишина. Веревка была перекинута через обнажившуюся потолочную балку и привязана к ней крепким узлом. Кэмпфер не заметил поблизости никакой подходящей подставки и удивился, как же Ворманну удалось повеситься. Вероятно, он залез на груды камней, а потом спрыгнул.

И тут он обратил внимание на глаза капитана. Они почти выплезли из орбит, и вдруг Кэмпферу показалось, что зрачки чуть-чуть шевельнулись, когда он приблизился к трупу. Лишь усилием воли майор заставил себя поверить в то, что это была

просто игра света и тени — обычный обман зрения, ведь коридор здесь освещался довольно скудно.

Он остановился рядом с безвольно повисшим телом своего бывшего однополчанина. Пряжка ремня Ворманна была всего в нескольких дюймах от лица майора. Он посмотрел наверх на его налитое кровью лицо, опухшее и побагровевшее, словно готовое вот-вот лопнуть.

И снова Кэмпфера поразили эти выпученные мертвые глаза. Они будто бы наблюдали за ним с того света. Он отвернулся и увидел на стене тень, которую отбрасывало тело Ворманна, сразу же узнав в ней знакомый контур — именно такие очертания были у повешенного, изображенного капитаном на его незавершенной картине.

Майора передернуло.

Что это — предчувствие судьбы? Неужели Ворманн мог предвидеть свою собственную смерть? Или, может быть, мысль о самоубийстве уже давно не давала ему покоя?

И тут Кэмпфер до конца осознал, что остался единственным офицером на заставе. Значит, вполне возможно, что именно он намечен следующей жертвой невидимого убийцы. Что же ему теперь делать?..

Внезапно со двора послышались выстрелы.

Вздрогнув от неожиданности, Кэмпфер резко обернулся и увидел, как встревоженно посмотрел сержант в глубь коридора, а потом снова на него. Но недоумение на лице Остера превратилось в гримасу ужаса, когда он поднял глаза на какой-то предмет, находящийся над головой майора. Кэмпфер хотел уже оглянуться и лично посмотреть, что так сильно перепугало Остера, как в ту же секунду ледяные пальцы крепко схватили его за горло и стали беспощадно душить.

Майор попытался вырваться, начав отчаянно брыкаться ногами в надежде ударить и оттолкнуть того, кто мог стоять сейчас за его спиной, но все его выпады не достигали цели — ноги били только по воздуху. Тогда он широко раскрыл рот, чтобы закричать о помощи, но из горла вырвался лишь едва слышный хрип. Вцепившись в эти резиновые пальцы, по каплям выдавливающие из него жизнь, Кэмпфер начал раздирать их ногтями, но все было бесполезно. Однако он сумел все же повернуться, чтобы посмотреть, кто так дерзко нападает на него столь неожиданным образом. В каком-то дальнем уголке его помрачившегося сознания уже мелькала страшная догадка о том, кто это мог быть, и теперь ему оставалось лишь воочию убедиться в этом. Майор изо всех сил повернул шею и увидел серый форменный рукав убийцы, после чего стал медленно поднимать свои полные ужаса глаза вверх по этому рукаву: его душил Ворманн!

Но он же умер!..

В жутком отчаянии Кэмпфер извивался и царапался, пытаясь избавиться от рук давленника, стиснувших его горло. Но ничего не помогало. Мертвый капитан начал медленно тащить его вверх, и вскоре майор уже стоял на цыпочках, едва удерживаясь на земле. И наконец его ноги оторвались от пола. Он иступленно размахивал руками, беззвучно призывая на помощь Остера,

но тот стоял, как соляной столп, не в силах пошевелиться. Лицо его превратилось в окаменевшую маску ужаса, а сам он будто влип в гранитную стену и, не сводя глаз с невероятной картины, начал бочком медленно отодвигаться в сторону — прочь от этого страшного места. Казалось, он даже не видит майора — остановившийся взгляд сержанта был прикован к Ворманну, его недавнему непосредственному начальнику, Мертвому... и одновременно совершающему на его глазах убийство старшего офицера СС.

Какие-то обрывочные воспоминания и смутные образы стали проноситься в мозгу Кэмпфера, звуки и яркие цветные пятна слились в невероятный коктейль, все в голове путалось и постепенно становилось бессмысленным с каждым следующим ударом затихающего сердца.

Со двора продолжала нестись беспорядочная стрельба вперемежку с криками боли и ужаса. Остер, как во сне, медленно брел по коридору, не замечая всего в нескольких шагах перед собой двух марширующих навстречу мертвецов, одним из которых был рядовой СС Флик, погибший в самую первую ночь своего пребывания на заставе. Слишком поздно увидел их Остер и не успел уже сообразить, в какую сторону ему надо бежать... А во дворе разразился уже настоящий ураган огня... и, ничего не понимая, Остер разрядил в мертвецов свой «шмайсер», разорвав длинной очередью тишину коридора. Поначалу пули отбросили ходячих покойников немного назад, повредив в нескольких местах их измазанную землей форму, но в целом их движения почти не замедлили.

Подойдя к Остеру, трупы растянули его за обе руки и, не обращая внимания на пронзительные вопли сержанта, с размаху стукнули его головой о каменную стену. Крик оборвался, раздался глухой удар — и голова Остера разлетелась вдребезги...

Перед глазами майора все поплыло. Звуки смешались, теряя остаток смысла. В мозгу всплыла и тут же потухла последняя отчаянная мольба: «Господи! Прошу тебя, не дай мне умереть! Я сделаю все, что ты попросишь. Только оставь мне жизнь...»

Раздался треск — и капитан с майором упали на пол: веревка не выдержала веса двух тел. Но пальцы Ворманна не разжались и продолжали давить с прежней силой. Сознание стало путаться. Но в гаснущем свете жизни майор успел разглядеть мертвого сержанта Остера с разможенной головой, который поднялся и, слегка пошатываясь, двинулся во двор вслед за своими убийцами. А уже в самом конце агонии Кэмпфер еще раз увидел искаженные черты мертвого лица Ворманна.

Капитан улыбался.

Во дворе царил полный хаос.

Ожившие трупы бродили повсюду, убивая солдат прямо в постелях и на постах. Пули не причиняли им никакого вреда — они и так уже были мертвы. Их насмерть перепуганные товарищи, еще оставшиеся в живых, то и дело натывались на все новых покойников, и казалось, этому не будет конца. Но что

самое страшное — когда совершалось очередное убийство, свежий труп почти сразу же вскакивал на ноги и присоединялся к армии нападающих.

Двое отчаявшихся солдат в черных формах сняли засов с главных ворот и хотели открыть их, но им не суждено было покинуть заставу — два мертвеца с ножами тут же напали на них сзади. А уже через несколько секунд только что убитые снова твердо стояли на ногах и, вместе с другими трупами у открытых ворот, строго следили за тем, чтобы на волю не проскочил ни один живой человек.

Неожиданно во всем замке погас свет — кто-то дал очередь по генераторам.

Один эсэсовский капрал забрался в офицерский «опель» и даже успел завести его, надеясь в машине протаранить себе путь на свободу, но он слишком быстро включил сцепление, и мотор, не успевший еще прогреться как следует, тут же заглох. А прежде чем он попробовал еще раз включить зажигание, несколько мертвецов уже вытащили его из машины и совокупными усилиями оторвали голову.

Последний эсэсовец был задушен собственной шинелью, пока лежал на койке, содрогаясь от ужаса. Убил его безголовый солдат, который когда-то был рядовым Лютцем.

Очень скоро стрельба начала понемногу стихать. Сплотной шквал огня распался на отдельные очереди, а потом и вовсе стали слышны лишь редкие одиночные выстрелы. Крики перешли в тоскливое завывание еще оставшихся в живых и запершихся в казармах солдат. Но вскоре смолкли и эти звуки. И вот наступила полная тишина. И в этой тишине по всему двору стояли неподвижные кадавры, будто ожидая от кого-то дальнейших приказов.

Неожиданно и почти беззвучно все они, за исключением двух, одновременно упали на землю и замерли в самых нелепых позах. Оставшаяся пара, неуклюже загребая ногами, направилась прямым ходом к подвалу, оставляя в самом центре двора лишь одинокую темную фигуру — бесспорного хозяина замка, вернувшего себе свой дом.

В открытые ворота клубами заструился туман, поднимаясь все выше по влажным стенам и затягивая густой пеленой неподвижные трупы солдат во дворе. И тогда Моласар повернулся и величественно зашагал в подземелье вслед за скрывшейся там последней парой живых мертвецов.

Глава двадцать пятая

Магда проснулась от выстрелов в замке и вздрогнула. Сначала она испугалась, решив, что немцы раскрыли планы отца и теперь казнят его за соучастие в убийствах. Но эта страшная мысль тут же исчезла. Доносящаяся из крепости стрельба не была стройным залпом по команде офицера. Это были звуки стремительного и ожесточенного боя.

Однако сражение оказалось на редкость коротким.

Съездившись под одеялом на сырой земле, Магда заметила,

как потускнели звезды на светлеющем небе. Последние одиночные выстрелы очень скоро растаяли в прохладном предрассветном воздухе. Кто-то или что-то одержало в замке победу, и Магда могла поклясться, что победителем вышел именно Моласар.

Она поднялась и подошла к Гленну. Дыхание его было чистым, на лице выступили мелкие капли пота. Девушка сняла одеяло, чтобы проверить его раны, и тихо вскрикнула: все тело Гленна было окутано нежным голубым сиянием, исходящим от клинка, который он по-прежнему крепко прижимал к груди. Магда осторожно коснулась его рукой. Пламя было совсем не горячим, но на пальцах оставалось приятное ощущение тепла. Вдруг под разорванной рубашкой Гленна она почувствовала какой-то маленький тяжелый предмет, напоминающий по форме наперсток, и тихонько вынула его.

В тусклом утреннем свете ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что же именно за предмет катался сейчас по ее ладони. Это был маленький кусочек свинца — пуля.

Магда снова провела руками по телу Гленна и обнаружила еще много таких же свинцовых кусочков. А ран теперь было уже значительно меньше. Большинство из них успели зарости, и на их месте остались лишь крошечные шрамы, там где раньше зияли рваные дыры от пуль. Нащупав на животе Гленна небольшую твердую опухоль, Магда приподняла над ней рубашку и увидела растущую на глазах выпуклость, вокруг которой исходящее от клинка сияние было особенно ярким. Через несколько секунд выпуклость прорвалась, и из образовавшейся ранки медленно выпала еще одна пуля. Зрелище было настолько же необычным, насколько и прекрасным. Клинок своим голубоватым пламенем вытягивал из Гленна смертоносный металл и тут же залечивал раны! Магда с благоговением продолжала наблюдать за этим.

Наконец сияние стало гаснуть.

— Магда...

Услышав его голос, она тут же вскочила на ноги. Сейчас он звучал более уверенно, чем когда она укрывала своего возлюбленного одеялом. Но Магда снова укутала его, подоткнув одеяло со всех сторон. Глаза Гленна были открыты — он смотрел в сторону замка.

— Отдохни еще немного, — прошептала она.

— Что там происходит?

— Там была стрельба, и довольно сильная.

Гленн застал и сделал попытку приподняться. Но Магда легко уложила его назад. Он был еще слишком слаб.

— Мне надо идти в замок... чтобы остановить Расалому.

— А кто такой Расалом?

— Тот, кого ты и твой отец называете Моласаром. Он просто переставил буквы в своем имени... А настоящее его имя — Расалом. И я должен остановить его!

Он снова попытался встать, но Магда опять воспрепятствовала этому.

— Уже почти рассвело. А вампиры не выходят никуда после восхода, поэтому...

— Да он бонится света не больше, чем мы с тобой!

— Но ведь вампиры...

— Никакой он не вампир, Магда! И никогда им не был! А если и был, — в голосе Гленна зазвучали нотки отчаяния, — мне б даже в голову не пришло его останавливать.

Магда почувствовала, как холодная лапа ужаса поползла по ее спине.

— Как не вампир?

— Он лишь источник легенды о вампирах, их далекий прообраз. Но то, чем он питается на самом деле, не так просто и очевидно, как человеческая кровь. Легенды рассказывают об этом только потому, что так легче понять это зло — ведь кровь можно и увидеть, и потрогать. А то, чем питается Расалом — невидимо и неосвязаемо. Он тянет силы из человеческой боли, жестокости и несчастья. Он, конечно, может кормиться и агонией тех, кого убивает сам, но ему гораздо приятней наблюдать, как один человек совершает насилие над другим.

— Но это же смешно! Как можно питаться такими вещами? Они ведь... такие нематериальные!

— Но и солнечный свет тоже «нематериальный», а цветок растет в его лучах. Поверь мне — Расалом действительно питается тем, что невидимо и неосвязаемо. Он питается злом.

— Я не могу поверить...

— Он живет еще с доисторических времен. Он говорит, что ему пятьсот лет и что он вампир, потому что это подходит и к истории замка, и к легендам этой страны. А еще потому, что такие рассказы сразу же вызывают страх — и он наслаждается этим. На самом же деле он гораздо старше, чем утверждает. Все, о чем он поведал твоему отцу, — абсолютно все! — это чистая ложь. Кроме одного: сейчас он действительно еще довольно слаб и должен восстанавливать свои силы.

— Неужели все? Но ведь он спас меня! И вылечил отца! А как же те деревенские жители, которых майор взял заложниками? Их бы наверняка расстреляли, если бы он не спас и их тоже!

— Никого он не спасал. Ты рассказывала мне, что он только убил тех двоих солдат, которые охраняли заложников. Но разве это он освободил их и выпустил из замка? Нет! В это время он развлекался, послав двух мертвых эсэсовцев прямо в комнату их майора, в результате чего тот чуть не сошел с ума от страха. Заодно Расалом пытался спровоцировать этим Кэмпфера: он надеялся, что после убийства все заложники будут тут же расстреляны. А от такого зверства майора его силы сразу бы удвоились. Ведь после пятисотлетнего заточения ему надо было побыстрее прийти в нормальную форму. Но, к счастью, обстоятельства сложились так, что все заложники остались в живых.

— В заточении? Но он рассказывал отцу... — Магда не договорила. — Неужели это тоже ложь?

Гленн кивнул.

— Расалом не строил этот замок, как он, кажется, утверждает. И, разумеется, он в нем не прятался. Замок был выстроен специально для того, чтобы заманить его туда, как в ловушку, и навсегда запретить. Кто же мог пятьсот лет назад предполагать,

что именно эта крепость или что-либо другое в таком месте, как перевал Дину, будет в двадцатом веке представлять интерес для военных? Или что какой-то идиот сорвет печать с его тюрьмы? А теперь, если только ему удастся выбраться из замка на волю...

— Но он уже свободен.

— Нет. Еще не совсем. Это тоже его обман. Он просто хотел, чтобы твой отец поверил в то, что он свободен. Но на самом деле кое-что еще удерживает его здесь — вторая часть вот этого меча. — Гленн сдвинул одеяло и указал на штырь наверху клинка. — Рукоять этого меча — единственное, чего боится Расалом. Она одна имеет над ним реальную власть. Она связывает его силы. Рукоятка — вот ключ к разгадке всей его тайны. Она запирает Расалома внутри замка. Сам по себе клинок бесполезен, но соединенный с рукоятью, он может уничтожить его навеки.

Магда трясла головой, сиюминутно вникнуть в смысл этих слов. С каждой минутой все сказанное Гленном становилось все более загадочным и невероятным.

— А где же находится эта рукоятка? И на что она похожа?

— Ее образ ты видела тысячи раз на стенах самого замка.

— Кресты! — У Магды закружилась голова. Так, значит, это и не кресты вовсе! Да, действительно, они совсем и не похожи на кресты, а сделаны именно в форме рукояти меча. — вот почему горизонтальная планка расположена так высоко! Много лет она смотрела на них, и ей даже в голову не приходило, что это такое на самом деле. А если Моласар — или, вернее, Расалом, потому что это и есть его настоящее имя — действительно стал источником легенд о вампирах, то вполне понятно, что его страх перед рукояткой меча преобразился в народных преданиях в страх перед крестом.

— Но где же...

— Она закопана глубоко в нижнем подвале. Покуда рукоять остается там, внутри замка, Расалом не сможет выйти за его пределы.

— Но ведь ему надо всего-навсего раскопать ее и выкинуть.

— Он не может ни дотронуться до нее, ни даже близко подойти.

— Значит, он заперт в этом замке навечно?

— Нет. — Глядя Магде прямо в глаза, Гленн неожиданно понизил голос: — У него есть твой отец.

Магде захотелось что-то сказать, но она молчала. Эти негромкие слова Гленна отняли у нее дар речи. Но это были слова правды — она не посмела бы отрицать этого.

— Позволь, я расскажу тебе, что скорее всего произошло, — сказал Гленн в затянувшейся паузе. — В первую же ночь, как только в замок въехали немцы, кто-то из них выпустил Расалома из подвала. Но тогда он был еще слишком слаб и не мог убивать больше одного человека за ночь. После этого он немного отдохнул и начал трезво оценивать обстановку. Поначалу, я полагаю, он решил убивать их по одному и пытаться агонией умирающих и страхом, постоянно растущим среди оставшихся в живых. Это

постепенно восстанавливало бы его силы. Он был аккуратен и последователен: убивал солдат только по одному и ни в коем случае не трогал офицеров, иначе все их подчиненные могли бы сразу же разбежаться. Возможно, он рассчитывал на то, что произойдет что-то одно из двух: либо немцы впадут в конце концов в такую панику, что просто взорвут замок и тем самым уже окончательно выпустят его на свободу, либо они будут вводить в крепость все новых и новых людей, таким образом отдавая ему их жизни, что будет через страх и агонии продолжать питать его силы. Но есть еще и третий путь: среди людей всегда можно найти невинного человека, которого удастся переманить на свою сторону.

— Это мой отец? — Магда почти не слышала своего голоса.

— Или ты сама. Из того, что ты мне рассказывала, я понял, что первоначально Расалом собирался выбрать в помощники именно тебя. Но капитан перевел тебя в гостиницу, куда он проникнуть уже не мог. Поэтому ему пришлось изменить свои планы и сосредоточиться на твоём отце.

— Но он с таким же успехом мог бы использовать и одного из солдат!

— Видишь ли, наибольшую силу он получает именно тогда, когда разрушается внутри человека добро. Если ему удастся испортить светлую душу достойного человека, то это питает его во сто крат сильнее, чем тысяча убийств таких подонков, как эти фашисты. Для него это настоящее торжество! А солдаты были в этом смысле практически бесполезны. Они успели уже повоевать в Польше, и на их счету немало жестоких убийств во имя их фюрера. Поэтому они не представляли для Расалома особой ценности. Те же, кто приехал им на подмогу, — вообще будущие служители лагерей смерти! В этих созданиях уже заведомо не оставалось ничего чистого, что можно было бы еще разрушить. Поэтому немцев он мог использовать только для извлечения пищи, то есть предсмертной агонии и нарастающего страха, но ведь это все мелочь. А еще они служили ему землеройными инструментами.

— Землеройными?

— Да, чтобы выкопать рукоятку. Я думаю, что те звуки шаркающих ног, которые ты слышала в нижнем подвале, когда отец отказался от твоей помощи и выгнал тебя, издавали как раз мертвые солдаты, возвращающиеся после работы под свои сава-
ны.

Живые мертвецы!.. Сама мысль об этом казалась невероятной, и разум отказывался верить в возможность их существования. Но Магда хорошо помнила рассказ майора о том, как к нему в комнату самостоятельно вошли два солдата, хотя они были мертвы уже несколько минут.

— Но если он обладает такой силой, что может заставлять мертвых ходить и даже рыть землю, то почему он не прикажет одному из них достать для него эту рукоятку?

— Это невозможно. Рукоятка нейтрализует его силу и власть. Труп, который передвигается под воздействием воли Расалома, при одном только прикосновении к рукоятке становится недви-

жим. — Гленн немного помолчал и потом добавил: — Рукоятку вынесет из замка твой отец, Магда.

— Но, если отец дотронется до нее, не может ли получиться так, что Расалом потеряет контроль и над ним?

Гленн грустно покачал головой.

— Ты должна понять, что сейчас он по своей доброй воле содействует Расалому... И делает это с большим воодушевлением и охотой. Твой отец легко справится с этим заданием, потому что поступает вполне сознательно.

Магда почувствовала, что сердце у нее леденеет от страха.

— Но ведь отец ничего не знает! Почему ты ему не рассказал?

— Потому что он все уже решил для себя и никого больше не хотел слушать. И потом, я не мог рисковать — ведь тогда Расалом узнал бы, что я здесь, рядом. Но в любом случае твой отец вряд ли поверил бы мне — он предпочитал меня ненавидеть... Расалом неплохо потрудились над тем, чтобы как следует обработать его, мало-помалу уничтожая все положительные свойства его личности, слой за слоем снимая его веру и разрушая все то, что раньше было для него свято. Оставлял же он в нем только оно — корысть и самолюбие.

И это тоже было правдой. Магда своими глазами видела, что творилось с отцом, и теперь она не могла не согласиться, что как раз это и было той горькой истиной, в которой она даже боялась себе признаться.

— Но ты мог бы помочь ему!

— Возможно. Хотя я и сомневаюсь в этом. Ведь вместе с Расалом он вел жестокую борьбу против самого себя. И в конце концов против зла надо выступать в одиночку — никто не может покаяться за другого человека. Твой же отец сперва сквозь пальцы смотрел на многие отрицательные черты Расалом, извиняя его ссылками на то, что этот «владелец» замка является просто продуктом средневековья, а потом Расалом стал постепенно ответом на все его вопросы. И начал он с религии твоего отца. Расалом НЕ БОИТСЯ креста, но притворился, что боится, и таким образом очень сильно подорвал его веру. Для него стало бессмысленным все духовное наследие вашей нации, все то, что он раньше считал святыней. Потом он спасает тебя от тех двух солдат, которые чуть не обесчестили тебя в подвале, — кстати, это еще раз доказывает, как быстро Расалом адаптируется к меняющейся обстановке — и вот у отца уже новые козыри в его пользу. После этого Расалом дает ему обещание покончить с нацизмом и таким образом спасти ваш народ. И, наконец, последний, завершающий удар — он излечивает его от страшной болезни, которая мучила старика долгие годы. Теперь он заполучил добровольного раба, который сделает для него все, что угодно. Заметь при этом, что он не только уничтожил в нем все то, что раньше и было в совокупности твоим настоящим отцом, от чего уже получил немалую выгоду, но еще и превратил его в безотказный инструмент, созданный специально для того, чтобы выпустить на свободу самого страшного врага всего человечества. — Гленн с трудом поднялся и сел на траве. — Я должен остановить его раз и навсегда!

— Лучше оставь его. Путь идет, куда хочет, — махнула рукой Магда, все еще раздумывая над тем, что теперь стало с ее отцом и в какое страшное создание превратил его Расалом. Вернее, она думала о том, как же отец допустил, чтобы все это с ним случилось. Интересно, а смог бы кто-нибудь другой — например, она сама — противостоять воздействию Расалом и сохранить всю чистоту своей души? — Может быть, тогда его влияние на моего отца прекратится, и мы сможем все вместе вернуться домой к своей нормальной жизни.

— Если Расалом выйдет на свободу, у вас уже не будет нормальной жизни. ЕГО НЕЛЬЗЯ ВЫПУСКАТЬ ИЗ ЗАМКА!

Магда поняла, что Гленн собирается идти туда.

— Нет! — закричала она и обхватила его обеими руками, загораживая дорогу. Она ни за что не пустит его в замок. — Ты еще очень слаб, он уничтожит тебя! Неужели это не может сделать кто-нибудь другой?

— Только я! Никто другой не может! В конце концов это моя вина, что Расалом до сих пор еще существует, и я должен сам ее искупить.

— Почему твоя?

Гленн не отвечал. Магда решила поставить вопрос иначе:

— А откуда Расалом появился?

— Он был человеком... когда-то. Но потом отдался во власть темных сил, и они полностью изменили его.

Магда почувствовала, что во рту у нее пересохло.

— Но если Расалом служит темным силам, тогда кому служишь ты?

— Другим силам.

Она заметила, что он отвечает неохотно, но тем не менее продолжала настаивать:

— Это силы добра?

— Возможно.

— И давно?

— Всю свою жизнь.

— Но как же так получилось?.. — Магда боялась услышать ответ. — Как это может быть твоей виной, Гленн?

Он отвернулся в сторону.

— Мое имя не Гленн — меня зовут Глэкен. И я так же стар, как и Расалом. Это я выстроил замок.

С тех пор как Куза спустился в яму за талисманом, он больше не видел Моласара. Сначала старик услышал, как тот пообещал пойти рассчитаться с немцами за то, что они без спроса ворвались в его дом — при этом голос его доносился уже откуда-то издалека, а потом бас боярина смолк совсем. В это время трупы снова зашевелились и, выстроившись в колонну по одному, послушно двинулись вслед за своим повелителем, каким-то чудесным образом управляющим ими на расстоянии.

И вот Куза остался один среди холода и крыс, рядом с таинственным талисманом. Ему захотелось поскорее выбраться отсюда, но он терпел, потому что главным сейчас было выждать, пока все они — и рядовые, и офицеры — наконец-то погибнут. И в то

же время профессор чувствовал, что ему очень хочется увидеть, как будет мучительно умирать майор Кэмпфер, испытывая на себе весь тот ужас, через который он заставлял пройти сотни и тысячи невинных и незащищенных людей.

Но Моласар велел ему ждать здесь. Со двора слышались приглушенные звуки выстрелов, и Куза догадался, почему боярин велел ему оставаться пока в подвале. Он не мог рисковать его жизнью: ведь в руках у профессора был сейчас источник его силы и власти, и любая шальная пуля могла помешать осуществлению их грандиозного плана. Через несколько минут стрельба утихла, и, оставив талисман на время внизу, Куза выбрался с фонарем из ямы, сразу же оказавшись в кольце бесчисленных крыс. Но они больше не беспокоили профессора — он был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Сейчас Куза с нетерпением прислушивался к звукам снаружи, ожидая возвращения Моласара.

Сверху донеслись знакомые тяжелые шаги. Но было ясно, что Моласар идет не один. Профессор направил лучи фонаря в глубь туннеля, откуда шел звук, и увидел майора Кэмпфера, медленно двигающегося прямо на него. Куза вскрикнул и от испуга чуть не свалился обратно в яму, но потом его внимание привлекли остекленевшие глаза майора и застывшее на его лице безразличное отсутствующее выражение. Тогда только профессор понял, что эсэсовец уже мертв. За ним неуклюже ковылял и капитан Ворманн, тоже мертвый и с веревкой на шее.

— Я думал, может быть, тебе приятно будет посмотреть на эту парочку, — усмехнулся Моласар, прошествовав в комнату вслед за немцами. — Особенно вот на этого, который собирался построить лагерь смерти для моих соотечественников-валахов. Теперь остается найти твоего Гитлера и точно так же разделаться с ним и его подручными. — Он немного помолчал. — Но сперва надо позаботиться о моем талисмане. Ты должен подыскать для него в горах самое укромное и безопасное место. Только тогда я смогу спокойно использовать свою энергию, чтобы избавить мир от нашего общего врага.

— Да! — Куза почувствовал, как в радостном возбуждении затрепетало его сердце. — Он пока внизу.

Профессор снова спустился в яму, взял талисман и, сунув его под мышку, начал подниматься наверх. В этот момент Моласар отвернулся и отошел к стене.

— Заверни его! — потребовал он. — Он ведь сделан из драгоценных металлов и будет привлекать ненужное внимание, если вдруг кто-то заметит его у тебя в руках. *

— Конечно! — Куза достал со дна ямы старую холщовую обертку. — Я его заверну получше, когда выберусь отсюда на свет, а то здесь мне плохо видно. Не беспокойтесь, я уж позабочусь о том, чтобы...

— Сейчас же закрой его! — Приказ громом пронесся по пустой комнате.

Куза удивленно замер, не понимая, что могло привести Моласара в такое бешенство. Он считал несправедливым подобный приказной тон именно сейчас, когда они делали общее дело. Но

в конце концов Моласар был боярином пятнадцатого века, и поэтому ему кое-что можно было простить.

— Хорошо-хорошо!.. — Профессор вздохнул и присел на корточки в глубине ямы, потом аккуратно расстелил на дно ткань и обернул ею талисман, а сверху прикрыл его вторым слоем помятой и полусгнившей материи.

— Молодец! — прогремел голос где-то позади профессора. Куза выглянул наверх и увидел, что Моласар перешел уже на другую сторону ямы, подальше от входа. — А теперь поспеши! Чем раньше я буду уверен в полной безопасности моего талисмана, тем скорее отправлюсь в Германию.

Куза заторопился. Как можно быстрее он выбрался из ямы и чуть не бегом бросился по извилистым коридорам подвала, а потом наверх — туда, где его ждал новый день. Причем новый не только для самого профессора и его народа; это был новый день для всего мира!

— Это очень долгая история, Магда... Она тянется уже много веков. Это было еще задолго до эпохи фараонов, до Вавилона, даже до расцвета Месопотамии. Тогда была другая цивилизация, совсем другой мир... В той доисторической цивилизации все было по-другому. Это была постоянная битва между двумя... — Казалось, он не мог найти подходящего слова. — Я не хочу сказать «богами», потому что ты сразу начнешь воспринимать их как нечто размытое и лишенное четкой индивидуальности... Просто в те времена были две громадные, могущественные силы, претендующие на власть на Земле. Одна из них, темная сила, в переводе на современный язык называлась Хаос; она упивалась и наслаждалась всем, что было враждебно и пагубно для человечества. Другая же сила...

Он снова замолчал, и Магда не могла удержаться, чтобы не выпалить:

— Ты имеешь в виду светлую силу? Силу добра?

— Нет, все не так просто. Мы, правда, действительно называли ее Светом. Но главным было то, что она постоянно находилась как бы в оппозиции к Хаосу. Итак, наша цивилизация постепенно разделилась на два лагеря: на тех, кто искал покровительства Хаоса, и тех, кто противостоял им. Расалом был тогда уже сильным колдуном и позволял себе довольно часто прибегать к помощи темной силы. Со временем он полностью посвятил себя ей и стал борцом за процветание и могущество Хаоса.

— А ты избрал другой путь и сражался на стороне Света — силы добра? — Магда очень хотела, чтобы он ответил ей «да».

— Нет... Я не избирал своего пути. И я не могу сказать, что та сила, которой я служил, была полностью силой добра или абсолютным Светом. Я был... мобилизован, говоря современным языком. Обстоятельства тогда складывались весьма непросто, все было слишком сложно и запутано, и вот получилось так, что я оказался заодно с силами Света. Довольно быстро я обнаружил, что не смогу оставаться в стороне от этой борьбы, что связан с ней навечно. И вскоре меня выдвинули на самый передний край, я встал во главе наших сил. Мне дали меч. Его клинок

и рукоятку изготовил народ, которого давно уже не существует на этой планете. Но он был создан для единственной цели — уничтожить Расалома. И вот наступил день последней схватки противостоящих сил — и все битвы слились в одну. По библейским понятиям, это был Армагеддон, судный день, конец света. В результате начались страшные катаклизмы — землетрясения, извержения вулканов, цунами — и они стерли с лица Земли все следы нашей могучей цивилизации. Остались лишь очень немногие, кто смог начать строить мир заново.

— А что случилось с великими силами?

Гленн пожал плечами.

— Они существуют и поныне, но после той катастрофы довольно сильно изменились. Для них мало что осталось на этой планете. Выжившие стали жестокими первобытными людьми, как вы их теперь называете. Они пошли другими путями, а я и Расалом столетиями продолжали нашу борьбу. Менялись эпохи, но ни один из нас не одерживал верх на длительное время. Мы не старели и не теряли своих сил. И вот на этом пути — уже трудно сказать, когда именно это произошло — мы оба кое-что потеряли...

Он посмотрел на кусок разбитого зеркала, который выпал случайно из футляра и лежал сейчас на земле у его ног.

— Поднеси это к моему лицу, — попросил он Магду.

Она подняла осколок и приблизила его к самой щеке Гленна.

— Ну, и как я в нем выгляжу? — спросил он.

Магда посмотрела в кусочек зеркала и, вскрикнув, выронила его из рук. Никакого отражения в нем не было! То же самое говорил отец и о Расаломе!

Человек, которого она так любила, не отражался в зеркале!

— Наши отражения забрали те силы, которым мы служим. Может быть, для того чтобы это было постоянным напоминанием и Расалому, и мне, что наши жизни больше не принадлежат нам самим... — На секунду он задумался и отвлекся: — Ты знаешь, как странно смотреть в зеркало или в воду и не видеть там себя? К этому невозможно привыкнуть. — Гленн печально улыбнулся. — По-моему, я уже забыл, как я выгляжу на самом деле.

У Магды, глядя на него, просто разрывалось сердце.

— Гленн?..

— Но я никогда не переставал преследовать Расалома, — сказал он, гордо встряхнув головой. — Слыша о массовых убийствах и зверствах, творящихся где-либо, я сразу же спешил туда, находил его и прогонял подальше от человеческого жилья. Но цивилизация постоянно восстанавливалась, люди, как и прежде, начали держаться вместе, и Расалом стал более изобретательным в своих методах распространения зла. Он повсюду сеял горе и смерть, как только мог, и в четырнадцатом веке, путешествуя из Константинополя по Европе, не забывал в каждом городе оставить по нескольку крыс, зараженных чумой...

— Черная Чума?!

— Да, если бы не «помощь» Расалома, эпидемия не вспыхнула бы с такой силой. Но, как ты знаешь, она стала одной из

самых страшных катастроф средневековья. И тогда я понял, что его необходимо уничтожить, пока он не придумал для человечества ничего более страшного и смертоносного. И если бы я выполнил свой план до конца, нас бы здесь сейчас уже не было.

— Но как ты можешь винить в этом себя? Кто же мог предвидеть его побег? Ведь Расалома выпустили на свободу немцы!

— Он давно уже должен был умереть! Я мог убить его еще пятьсот лет назад, но не сделал этого. Тогда я приехал в эти места, разыскивая Влада Тепеша — «сажающего на кол». Я слышал о его многочисленных зверствах, и они очень напоминали мне действия Расаломы. Я даже считал, что это именно он стал называть себя Владом. Но на этот раз я ошибся. Влад был просто безумцем, попавшим под влияние Расаломы; он питал его силы, жестоко убивая тысячи невинных людей. Но даже в лучшие свои годы Влад не совершил и десятой доли тех злодеяний, которые творятся сегодня в лагерях смерти. Тогда я выстроил этот замок, обманным путем заманил Расалому внутрь и запечатал его рукояткой меча в подвале, где он и должен был остаться навеки. — Гленн тяжело вздохнул. — По крайней мере я очень надеялся, что это будет именно так. Я ведь мог бы убить его тогда — и должен был убить! — но не сделал этого.

— Почему?

Он закрыл глаза и долго молчал, прежде чем продолжить рассказ.

— Это нелегко объяснить... Я просто испугался. Видишь ли, я существую как бы в противоположность Расалому. Но что произойдет, если я одержу над ним окончательную победу и уничтожу его? Если ему придет конец, то что тогда случится со мной?.. Я ведь живу уже тысячи лет, но никогда не уставал от жизни. В это, может быть, трудно поверить, но в жизни всегда появлялось что-то новое. — Он повернулся и посмотрел Магде прямо в глаза. — Всегда. Но я боюсь, что с течением лет мы с Расаломом стали представлять собой как бы неделимое целое, единство борющихся противоположностей, и поэтому зависим друг от друга, как Инь и Ян: одно без другого не существует... А я еще не готов умирать.

Вопрос помимо желания слетел с губ Магды:

— А ты можешь умереть?

— Да. Меня очень трудно убить, но я все же могу умереть. Раны, которые я получил сегодня, могли бы уничтожить меня, если бы ты не принесла вовремя этот клинок... Я получил слишком сильные повреждения, и без тебя я бы умер. — Он несколько секунд продолжал смотреть на нее, а потом перевел взгляд на замок. — Наверное, Расалом считает, что я погиб. Это может пойти мне на пользу.

Магде захотелось обнять его и прижаться к его груди, но она почувствовала, что сейчас не сможет этого сделать. Теперь она поняла, почему так часто на его лице она видела непонятное ей чувство вины.

— Не ходи туда, Гленн.

— Называй меня Глэкен, — тихо произнес он. — Меня так

давно уже никто не называл моим настоящим именем!..

— Хорошо... Глэкен. — Слово было очень приятным на слух, и Магде показалось, что, называя его так, она еще сильнее сближается с ним. Но оставалось еще немало тревожащих ее вопросов. — А откуда взялись в замке эти старинные запрещенные рукописи? Кто их там спрятал?

— Я. В дурных руках они могли бы натворить много бед, но я не мог позволить себе уничтожить их. Любые знания — особенно относительно зла — должны быть сохранены.

Магде хотелось задать еще один вопрос, но она колебалась. Слушая историю Глэкена, она поняла, что ей совершенно не важно, сколько ему лет, потому что он все равно остался тем единственным человеком, которого она любила. Но как он сам относится к ней?..

— А что со мной? — наконец спросила она. — Ты никогда не говорил мне, что... — Магда хотела узнать, не является ли она для него всего лишь «перевалочным пунктом», еще одной кратковременной победой. Может быть, любовь, которую она видела в его глазах, была всего лишь притворством, к которому он привык за долгие века существования? Может ли он любить до сих пор? Способен ли еще на настоящие чувства?.. Но она не могла произнести этого вслух. Даже думать о таких вещах ей было боязно.

Но казалось, что Глэкен читает ее мысли.

— А ты бы поверила мне, если б я ответил тебе и на эти вопросы?

— Но вчера...

— Я люблю тебя, Магда, — сказал он и взял ее за руку. — Я так долго был одинок!.. Но ты тронула мою душу и сердце. Уже давно никому это не удавалось. Да, я гораздо старше всех и всего, что ты можешь себе представить, но я все-таки мужчина! Этого у меня никто не отнял.

Магда медленно обняла его за плечи, нежно, но крепко сжимая в своих объятиях. Она хотела удержать его здесь, прямо на этом месте и оградить от страшного замка.

Прошло немало времени, и наконец он шепнул ей на ухо:

— Помоги мне подняться на ноги. Надо остановить твоего отца.

Магда понимала, что должна помочь ему, хотя и очень сильно боялась за его жизнь. Она взяла Глэкена под руку и попыталась приподнять, но колени у него дрожали и беспомощно подгибались. Наконец он тяжело опустился на землю и изо всех сил ударил по ней кулаком.

— Проклятье! Я еще слишком слаб!

— Я сама пойду, — твердо сказала Магда, даже удивившись своему голосу. — Я могу встретить отца у ворот.

— Нет! Это слишком опасно!

— Я поговорю с ним. Он меня послушает.

— Вряд ли. Он потерял уже свой рассудок и волю. И теперь будет слушать одного Расаломы.

— Все равно я должна попробовать. У нас сейчас нет другого выбора.

Глэкен молчал.

— Так я иду... — Ей хотелось гордо встряхнуть головой, показывая этим, что она совсем не боится. Но на самом деле Магда была перепугана насмерть.

— Только не входи во двор, — предупредил Глэкен. — Что бы ты ни делала, не смей заступать на территорию замка — там теперь царствует Расалом!

«Я знаю, — думала Магда, пока бежала по тропинке к мосту. — Но как же тогда я смогу помешать отцу перешагнуть на эту сторону, если он будет держать рукоятку меча?..»

Стоя у ворот замка, Магда смотрела во двор. Было тихо и пустынно, но повсюду виднелись следы недавнего боя: пулевые пробоины в брезенте и металле автомобилей, разбитые стекла, выбоины в каменных стенах, сизый дымок, поднимающийся от сгоревших генераторов... Нигде не было заметно никакого движения. Туман доходил ей почти до колен, и Магда могла лишь догадываться о том, какое кровавое зрелище он скрывает сейчас под собой на земле крепостного двора.

Именно здесь, внутри двора, она должна встретиться со своим отцом и остановить его, если он задумает вынести за ворота рукоятку меча.

Вдруг какое-то движение во дворе привлекло внимание девушки. Из подвала появился отец. Он постоял немного у арки, потом заметил ее и побежал вперед. Магде непривычно было видеть его так резко бегущим, но удивляло ее не только это: вся одежда отца была перепачкана сырой глиной. В руках он держал какой-то сверток — очевидно, довольно тяжелый.

— Магда! Он у меня! — задыхаясь, крикнул он на бегу и вскоре остановился уже возле дочери.

— Что там у тебя? — Магда не узнала своего голоса. Он был каким-то неестественно спокойным. Она боялась услышать ответ.

— Талисман Моласара — источник его силы!

— Ты украл его?

— Нет. Он сам мне его дал. Я должен найти тайник и спрятать его, пока Моласар будет в Германии.

У Магды все внутри похолодело. Отец собирался вынести рукоятку из замка. Именно об этом и предупреждал ее Глэкен.

Теперь ей надо было увидеть, как она выглядит.

— Дай мне посмотреть.

— Сейчас на это нет времени. Я должен...

Отец сделал шаг в сторону, чтобы обойти ее, но девушка твердо преградила ему путь к воротам.

— Ну, пожалуйста, — стала упрашивать она. — Покажи мне!

Куза колебался, с сомнением глядя на дочь, но потом развернул ткань и продемонстрировал ей то, что он называл «Талисманом Моласара».

Магда чуть не задохнулась. У нее оборвалось сердце. О Боже! Предмет был действительно увесист и как две капли воды походил на загадочные кресты, покрывающие все стены замка.

А на верхней его части имелась прорезь, которая как раз подходила для штыря на клинке Глэжена.

Это была рукоятка его меча! Ключ от замка. Единственная вещь, охраняющая мир от Расалома.

— Иди назад, папа, — сказала Магда, пристально глядя ему в глаза и пытаясь отыскать в них хоть слабый отблеск души того человека, которого она знала уже так много лет. — Оставь это в замке. Моласар все время лгал тебе. Это не источник его силы — это единственное, что может противостоять ей! НЕ ВЫНОСИ ЭТУ ВЕЩЬ ИЗ ЗАМКА!

Но отец не обратил на ее слова ни малейшего внимания, а лишь сделал еще один шаг вперед:

— Дай мне пройти!

Магда уперлась руками ему в грудь. Ей было мучительно больно, ведь сейчас она стояла против того человека, который воспитал ее, выучил и сделал для нее столько хорошего...

— Послушай же меня, отец!

— НЕТ! — Рыча от злости, профессор рванулся вперед и угрожающе занес рукоятку над ее головой.

Магда с ужасом наблюдала, как серебряно-золотая рукоятка с таким размахом занеслась над ее головой, что одного удара хватило бы, чтобы размозжить ей череп. Никогда в жизни она не могла даже подумать, что отец будет способен поднять на нее руку или как-то иначе причинить ей боль. И тем не менее он со всей решимостью собирался разбить ей голову. Только инстинкт самосохранения спас Магду — в последний момент она резко отпрыгнула, а потом сразу же бросилась на отца, сбив его с ног, пока он пытался восстановить равновесие после страшного удара по воздуху. Она всем телом навалилась на него сверху, обеими руками схватилась за серебряную перекладину и выкрутила рукоятку из отцовских рук.

Лишившись своей драгоценной ноши, он, вконец обезумев, как зверь, вцепился в Магду ногтями и, расцарапывая кожу на ее предплечьях, стал тянуть дочь к себе, пытаясь отобрать рукоятку назад.

— Отдай мне ее! Отдай! — иступленно кричал старик. — Ты все испортишь!

Но Магда вскочила на ноги и отступила к арке ворот, поудобнее перехватив рукоятку за золотую часть. Она была уже совсем близко к выходу и на этом месте чувствовала себя очень стесненно, однако рукоятка все же оставалась на территории замка.

Отец поднялся с земли и бросился к ней, пригнув голову и растопырив в обе стороны руки. Магда уклонилась от его удара, но он, пробегая мимо, умудрился как-то схватить ее за локоть и развернуть лицом к себе. Потом он набросился на нее с кулаками, начав бить по голове и лицу и хрипло выкрикивать какие-то невнятные ругательства.

— Отец, остановись! — в ужасе закричала Магда, но он не слышал ее. Все больше зверея, он тянул уже свои грязные пальцы с обломанными ногтями прямо к ее глазам, и тогда она размахнулась и ударила его рукояткой по голове. Магда не

думала, что сейчас делает — движение было чисто автоматическим. — Прекрати! — еще раз крикнула девушка.

Глухой удар металла по черепу отца тут же болью отозвался в ее собственном сердце. Опешив, она молча стояла и наблюдала, как закатились глаза за стеклами его очков, как он грузно осел на землю и больше не шевелился, а клубы тумана медленно обволакивали его неподвижное тело.

«Что я натворила?» — в отчаянии думала Магда.

— Ну почему ты заставил меня ударить тебя? — закричала она, обращаясь к уже бесчувственному телу. — Неужели ты не мог хоть раз поверить мне? Всего один раз?

«Его надо срочно уносить отсюда!» — мелькнула короткая мысль. До выхода из подворотни оставалось всего несколько футов. Но сперва нужно положить куда-то рукоятку, чтобы все это время она продолжала оставаться внутри замка. И только тогда она сможет помочь отцу и вытащить его за ворота.

В противоположном конце двора чернел вход в подвал. Можно пока бросить рукоятку туда. Недолго думая, Магда побежала к подвалу, но на полпути резко остановилась. Кто-то поднимался оттуда во двор.

Расалом!

Казалось, что он не идет, а выплывает из-под земли, как поднимается огромная дохлая рыба со дна зловонного гнилого пруда. При виде девушки глаза чудовища превратились в бездны ненависти, пронзающие ее яростью и лютой злобой. Направляясь к ней сквозь пелену тумана, он грозно оскалил зубы.

Но Магда не отступила. Глэкен говорил, что рукоятка сдерживает силы Расалома. Поэтому она чувствовала себя уверенно. Она сможет достойно встретить его.

Когда Расалом подошел ближе, она заметила, что за ним движется и еще кто-то. Из подвала показались двое мужчин. Их лица были неестественно бледны, а движения сильно замедлены. Они шли за Расаломом, как бы повторяя его шаги, и Магда сразу узнала их: это были капитан Ворманн и тот самый мерзкий майор. Но ей не надо было вглядываться в их лица, чтобы определить, что они уже мертвы. Однако Глэкен успел рассказать ей и о ходячих трупах, поэтому она была почти готова встретить здесь нечто подобное. Но все равно кровь застыла у нее в жилах при виде этого зрелища. И тем не менее Магда продолжала чувствовать себя в безопасности.

Расалом остановился шагах в десяти от нее, медленно поднял руки и развел их в стороны так, что они стали похожи на крылья огромной черной птицы. Несколько секунд ничего не происходило. А потом Магда заметила, как за клубился туман сразу во многих местах двора. Повсюду вокруг нее из дымки начали высовываться окровавленные руки, за ними появились головы, а потом и туловища многочисленных мертвецов. Как отвратительные грибы, прорастающие из заплесневелой почвы, немецкие солдаты, еще недавно занимавшие замок, начали один за другим восставать из мертвых.

Магда увидела их обезображенные лица, изувеченные тела и все же продолжала твердо стоять на месте. Она лишь крепче

сжимала рукоятку меча. Ведь Глэкен говорил, что эта рукоятка останавливает их и мешает Расалому управлять их движением. И она верила ему. Ей сейчас нельзя было в это не верить!

«Наверное, они боятся рукоятки, — думала Магда, а тем временем сердце замирало от страха. — Может быть, они не смогут подойти ближе?»

И тут она заметила сквозь туман странное движение возле ног трупов. Она пригляделась и через дымку различила многочисленные маленькие силуэты — серые и коричневые. Крысы! Ее затошнило, и мурашки побежали по всему телу. Магда невольно попятилась. Крысы шли прямо на нее. Правда, не сплошной стеной, а шарахаясь из стороны в сторону, наползая друг на друга, сталкиваясь и вновь разбегаясь во всех направлениях. Она могла выдержать что угодно — даже живых мертвецов, — но только не крыс!

Увидев, как злорадная улыбка победно расползается по лицу Расаломы, Магда поняла, что он достиг желаемого — ненавистная ему рукоятка вместе с ней самой постепенно отступает к воротам замка, и она ничего с этим не может поделать: она уже пыталась остановиться, заставить свои ноги стать неподвижными, но они будто обрели свою собственную волю и, не подчиняясь приказам разума, продолжали нести ее к выходу.

Наконец темные стены окружили ее с обеих сторон — Магда вошла в подворотню. Еще пол-ядра — и она окажется на границе замка... а Расалом будет выпущен на свободу.

Магда закрыла глаза и отчаянным усилием воли перестала двигаться.

«До этого места я дошла, — говорила она себе. — Но дальше ни шагу!.. Ни шагу!..» — И повторяла эти слова снова и снова, пока что-то пушистое не прошмыгнуло мимо нее, задев за лодыжку и тут же скрывшись в тумане. Что-то маленькое и мерзкое. Потом еще раз. И еще. Она закусила губы, чтобы не завизжать. Рукоятка не срабатывала! Крысы нападали на нее! Скоро они расправятся с ней!

Магда в ужасе широко раскрыла глаза. Расалом подошел еще ближе, его бездонные ледяные зрачки буравили ее острыми иглами ненависти, проникающими в самое сердце девушки; за спиной чудовища выстроился целый легион мертвецов, а впереди шествовали тысячи крыс. Он приказывал этим тварям наступать на нее, заставляя их наползать на ноги и щекотать лодыжки. Магда поняла, что не выдержит больше ни секунды и вот-вот бросится бежать отсюда. Она чувствовала, как внутри нее нарастает неуправляемый ужас, готовый в любой момент полностью захватить ее сознание, парализовать волю и смыть последние остатки решимости... Рукоятка не действует!.. Магда почти уже повернулась к выходу и вдруг снова застыла как вкопанная. Да, крысы касались ее кожи своими пушистыми тельцами, но при этом не царапались и не кусались. Они лишь мимолетом пробегали по ногам и сразу же бросались в разные стороны. Это из-за рукоятки! Она держала ее в руках, и Расалом терял контроль над крысами, как только они прикасались к ней. Магда начала успокаиваться и продолжала твердо стоять на месте.

«Они не могут укусить меня, — убеждала себя девушка. — Они не в силах прикасаться ко мне дольше одного только мгновения». Больше всего Магда боялась, что они начнут карабкаться вверх по ее ногам. Но теперь она поняла, что этого не случится, и стойко сохраняла свою позицию.

Очевидно, Расалом почувствовал это. Он нахмурился и сделал еще одно движение руками.

Снова зашевелились мертвецы за его спиной. Они расступились, обошли его с обеих сторон и вновь сомкнули свои ряды, став сплошной стеной из мертвой плоти. А потом, шаркая ногами и переваливаясь, неуклюже направились к Магде и остановились всего в нескольких дюймах от ее лица, тупо уставившись на девушку своими невидящими остекленевшими глазами. В их движениях не было ни злобы, ни ненависти, ни какой-то определенной цели. Это была просто мертвая плоть. Но они подошли так близко! Если бы они были живы, она уже почувствовала бы их дыхание. Сейчас же от некоторых из них уже начало исходить удушливое трупное зловоние, и Магда хорошо его ощущала.

Она снова закрыла глаза, сражаясь с подступающей тошнотой. Колени ее дрожали, но она по-прежнему крепко прижимала к себе заветную рукоятку.

«Ни шагу назад! — повторяла она. — Ни дюйма!.. Ради Глэке-на, ради меня, ради того, что осталось от отца... ради всех живых... — больше ни шагу!»

И вдруг на нее навалилось что-то тяжелое и холодное. Магда пошатнулась и вскрикнула от страха и неожиданности. Трупы, стоящие к ней ближе других, начали один за другим обмякать и валиться на девушку. Вот упал еще один — и она снова чуть не потеряла равновесие, но увернулась, и тело грузно опустилось на землю возле самых ее ног. Магда поняла замысел Расалома — если он не смог выгнать ее из замка страхом, то он просто вытолкает ее силой, заставляя мертвецов сваливаться на нее, чтобы не оставить ей места. И пока что у него это получалось. До границы крепости оставалось уже несколько дюймов — буквально полшага.

И как только еще несколько трупов начали заваливаться на нее, Магда совершила отчаянный поступок. Она крепко ухвати-лась за золотую ручку и описала рукояткой широкую горизон-тальную дугу, коснувшись мертвой плоти ближайших солдат.

При касании к мертвым телам появлялись яркие вспышки, слышалось шипение, и в нос ей ударяли струйки кислого желто-ватого дыма. А трупы дергались, будто в конвульсиях, и падали в разные стороны, как марионетки, которым обрезали нитки. Магда сделала шаг вперед и вновь размахнулась рукояткой — на этот раз уже смелее. И опять увидела эти вспышки, услышала уже знакомое шипение, и солдаты, обмякнув, упали.

И даже Расалом отступил на шаг!

Магда позволила себе слегка улыбнуться. По крайней мере теперь перед ней образовалось некоторое пространство, и в нем она могла свободно дышать. У нее было надежное оружие, и она училась владеть им. Тут девушка заметила, что Расалом при-

стально смотрит куда-то влево, и повернулась, чтобы увидеть, что привлекло там его внимание.

Отец! Он уже пришел в себя и теперь стоял, пошатываясь, под самой аркой ворот. Магде стало больно и стыдно — она увидела, как по его щеке стекает с виска тоненькая струйка крови от удара, нанесенного ею.

— Ты, несчастный! — грозно взревел Расалом, тыча пальцем в отца. — Отбери у нее талисман! Она присоединилась к нашим врагам!

И тут Магда увидела, как отец отрицательно покачал головой. Сердце ее забилося с новой надеждой.

— Нет! — Голос у отца был еще слабый, но он эхом разнесся по всему каменному мешку двора. — Я все видел! Если то, что она держит в руках, и есть источник твоей силы, то не надо просить меня отбирать его. Возьми его сам!

Магда поняла, что еще никогда так не гордилась отцом, как в этот момент, когда он смело выступил против существа, пытавшегося украсть у него душу и почти уже победившего его здравый рассудок. Она вытерла слезы и улыбнулась отцу, понимая, что теперь он вновь обрел свою душевную силу.

— Неблагодарный! — прошипел Расалом, и лицо его исказилось от ярости. — Ты предал меня! Ну, хорошо; тогда — добро пожаловать назад в мир боли. Наслаждайся теперь своими страданиями!

В тот же миг отец упал на колени, едва сдерживая мученический стон. Он вытянул вперед свои руки и с болью и ужасом увидел, как они прямо на глазах синеют и скрючиваются, превращая его в прежнего беспомощного калеку. Позвоночник его резко согнулся, и отец замычал, закатывая глаза. Постепенно все его тело, дергаясь и извиваясь от боли, посылаемой каждым нервом, скрутилось в уродливый жгут, и, наконец, он беспомощно замер в позе человеческого зародыша, тихо плача уже без слез.

Магда рванулась к нему с отчаянным криком:

— Отец! Что с тобой?!

Она не верила своим глазам, и ей казалось, что в этот миг она сама испытывает не меньшую боль.

А он лежал, не шевелясь, и не просил ни помощи, ни пощады. И это еще сильнее разозлило Расалому. С яростным писком крысы бросились на беспомощного инвалида, за считанные секунды покрыв его сплошной серо-коричневой массой, и начали разрывать его тело миллионом крошечных зубов, острых, как бритвы.

Магда забыла о своем отвращении к этим маленьким гадам и кинулась на помощь отцу, хлестая их свободной рукой и пытаясь разгрести рукояткой.

Но на место тех нескольких, которых ей удавалось отбросить в сторону, тут же набегало вдвое больше, они остервенело прыгали на отца, и их шкурки тут же окрашивались его кровью. Позабыв всякую гордость, Магда громко рыдала и призывала на помощь Бога на всех известных ей языках.

Но единственным, кто ее слышал, был Расалом. Позади себя

Магда различила его ядовитый злорадный шепот:

— Выкинь рукоятку через ворота — и ты спасешь его! Убери эту вещь из замка — и он будет жить!

Магда заставляла себя не слушать его, но где-то в глубине души уже понимала, что проклятый монстр победил... Она не могла больше смотреть на этот кошмар — мерзкие маленькие твари пожирали ее отца заживо! И она была не в силах его спасти. Она проиграла. Придется ей сдаться.

Но все же оставалась еще надежда — ведь крысы кусали только отца, а ее не трогали!..

И тогда Магда распростерла свое тело поверх увешанного крысами отца, накрыв собой эту кишачную массу, а рукоятку зажала между своим и его животом.

— Он умрет! — шептал за спиной ненавистный голос. — Он умрет, и в этом будешь виновата только ты! Это ты его сейчас убиваешь! А все, что тебе нужно...

Расалом не закончил фразу, оборвав себя на полуслове, и вдруг его зловеющий шепот перерос в громогласный вопль, полный злобы, нечеловеческой ярости и одновременно страха. Он будто не мог поверить в то, что увидел:

— Ты-ы-ы?!

Магда повернула голову и посмотрела вверх. Рядом с ней стоял Глэкен — все еще слабый, бледный, с запекшейся кровью на одежде, — он тяжело опирался на дубовую створку распахнутых ворот замка всего в нескольких шагах от нее. Никого в мире она не хотела бы сейчас видеть больше, чем его.

— Я знала, что ты придешь, — чуть не плача, прошептала она.

Но вид у Глэкана был до крайности изможденный, и казалось просто чудом, что он сумел самостоятельно проделать весь путь по мосту до замка. «Но ведь он не сможет в таком состоянии противостоять Расалому!» — с ужасом подумала Магда. Однако Глэкен вполне уверенно стоял перед ним. В одной руке он держал клинок, а другую протянул к Магде. Никаких слов ей не потребовалось. Она знала, зачем он пришел сюда и что она должна сейчас сделать. Девушка приподнялась, вынула рукоятку и вложила ее в ладонь Глэкана.

Где-то позади нее раздался душераздирающий вопль Расаломы:

— Не-е-е-ет!!!

Глэкен улыбнулся ей, а потом одним движением руки, быстрым и точным, поставил клинок вертикально и на торчащий из него штырь насадил рукоятку. Она села на свое место с приятным звонким щелчком, и одновременно все увидели вспышку, ярче, чем блеск солнца, — невыносимо яркую, которая превратилась в огненный шар и брызгами разлетелась от Глэкана и его меча, отражаясь в тысячах крестообразных символах, покрывающих стены замка.

Этот свет проник в самое сердце Магды, как волна тепла из горячей печи, и она поняла, что так может согреть лишь огонь добра и чистоты, побеждающий зло и дающий надежду. Тени мгновенно исчезли, и несколько секунд все вокруг было залито

этим добрым сиянием. Туман сразу же рассеялся, будто его никогда здесь и не было, крысы с жалобным писком бросились врассыпную. Свет как косой прошелся по стоящим трупам, сваливая их на землю, словно вызревшие колосья пшеницы. Даже Расалом отшатнулся при этой вспышке, закрыв обеими руками лицо.

Вернулся настоящий хозяин замка.

Но вскоре свет начал постепенно угасать, втягиваясь обратно в меч, и через мгновение Магда уже ясно видела все вокруг. Перед ней стоял Глэкен. Одежда его была по-прежнему изорвана и окровавлена, но сейчас это был уже совсем другой человек — вся его слабость и оставшиеся раны бесследно исчезли. Теперь от него исходила спокойная благородная сила и неумолимая решимость. А глаза так яростно горели непреклонной готовностью к бою, что Магда про себя поблагодарила Бога за то, что перед ней стоит друг, а не враг. Этот человек был вождем сил Света в войне против Хаоса много тысячелетий тому назад... И этого человека она любила!

Глэкен гордо держал перед собой собранный меч, и по всей длине его клинка, ослепительно сверкая, переливались древние руны. Его небесно-голубые глаза излучали мягкий добрый свет, когда он повернулся к Магде и отсалютовал ей этим мечом.

— Благодарю тебя, дама моего сердца, — нежно произнес он. — Я знал, что тебе хватит мужества, но не знал, что его потребуются так много...

Магда нагнулась, взяла отца под мышки и потащила его жалкое, почти невесомое тело через ворота на мост. Он уже едва дышал. Вся его кожа была покрыта тысячами крошечных кровоточащих ранок, и Магда начала осторожно прикладывать к ним ткань своей юбки.

— Прощай, Магда! — Это был голос Глэкена, в котором она сразу же уловила глубокое сожаление и печаль. Она испуганно взглянула на него и увидела в его глазах бесконечную грусть, граничащую с тоской обреченности.

— Прощай? Ты куда-то уходишь?..

— Я ухожу, чтобы положить конец той войне, которая должна была прекратиться еще много столетий тому назад. — Он запнулся. — Как жаль...

Магду охватил страх и отчаяние.

— Но ты же еще вернешься ко мне, правда?

Глэкен повернулся и зашагал в глубь двора.

— Глэкен! — закричала она ему вслед.

Но он уже исчез в чреве башни.

И тогда крик Магды перешел в безутешный надрывный плач:

— Глэ-эке-ен!!!

Глава двадцать шестая

С замиранием сердца Магда смотрела, как Глэкен исчезает в дверях башни. Ей страстно хотелось броситься вслед за ним и преградить ему путь, не пускать его туда. Но она была нужна отцу — и нужна сейчас больше, чем когда бы то ни было. Она

заставляла себя не думать пока о Глэкене, а приложить все силы к тому, чтобы хоть как-то помочь отцу и облегчить его страдания.

Раны были страшные. Несмотря на все ее усилия остановить кровотечение, багровые струйки не иссыкали, и скоро возле отца образовалась большая лужа крови, которая начала уже просачиваться через дощатый настил моста и капать вниз в ров.

Неожиданно отец заморгал и с усилием открыл глаза. Лицо его теперь было бледным, как полотно, и напоминало неподвижную гипсовую маску.

— Магда, — позвал он. Она еле слышала его голос.

— Не надо разговаривать, папа. Береги силы.

— Мне больше нечего беречь... Прости меня...

— Ш-ш-ш! — Магда закусила нижнюю губу. «Нет, он не должен умирать! Я не дам ему умереть!..» — в отчаянии кричала она себе.

— Я должен сказать тебе все сейчас... У меня больше не будет времени...

— Это не...

— Я хочу, чтобы все встало на свои места. Я не хотел сделать тебе больно и не желал зла. Я хочу, чтобы ты знала...

Его голос потонул в страшном грохоте камня, донесшемся изнутри башни. Мост угрожающе затрясся, и Магда увидела клубы пыли, вырвавшиеся из окон второго и третьего этажей. «Глэкен?..» — пронеслось у нее в голове.

— Я был глупцом, — продолжал отец, а голос его делался все слабее. — Я предал нашу веру и все, что было для меня свято — даже собственную дочь! И все из-за его лжи... И это тоже моя вина — что человек, которого ты полюбила, чуть не погиб.

— Все в порядке, — успокоила его Магда. — Он жив! И сейчас он там, в замке. Он положит конец этому ужасу раз и навсегда!

Отец попытался улыбнуться.

— Я по твоим глазам вижу, как ты к нему относишься... Если у вас будет сын, назовите его...

Раздался грохот падающего камня — еще сильнее, чем в первый раз. Теперь пыль и обломки полетели уже из всех окон башни. Чья-то одинокая фигура появилась на самом краю крыши. Когда же Магда повернулась к отцу, его глаза уже остановились и сердце навеки замерло.

— Отец? — Она потрясла его, потом с силой начала колотить по груди и плечам, отказываясь верить своим глазам. — Отец, очнись! Очнись!..

Она вспомнила, как ненавидела его только вчера, как желала ему смерти. А теперь... Как ей хотелось вернуть его назад, чтобы он услышал ее, хотя бы на одну минутку, чтобы узнал, что она простила его, что она любит его и чтит, как и прежде, и что ничего не изменилось в их отношениях. Он не может умереть, не дав ей рассказать об этом!

Глэкен! Глэкен подскажет ей, что надо делать! Она посмотрела на верх башни и увидела, что сейчас на зубчатом парапете стоят уже два человека лицом друг к другу.

Глэкен ринулся вверх, на пятый этаж, уклоняясь от падающих

каменей и перескакивая через огромные дыры в полу. Отсюда по короткой, почти вертикальной лестнице он выбрался через люк на крышу башни.

Расалом стоял на зубце парапета в противоположном конце крыши, его плащ тяжело свисал с плеч и был неподвижен в предрассветном затишье. За спиной Расалома расстился вниз туманный перевал Дину, а дальше виднелись хребты гор, уже освещенные солнцем, которое вот-вот должно было появиться над горизонтом.

Двигаясь вперед, Глэкен удивлялся, отчего Расалом так спокоен и невозмутим в столь ответственный и тревожный момент. И понял он это только тогда, когда крыша начала крошиться и уходить у него из-под ног. Мощным прыжком он преодолел образовавшийся провал и свободной рукой ухватился за выступ карниза. К тому времени, как ему удалось подтянуться и встать на зубец, вся внутренняя часть башни — все перекрытия и стены третьего, четвертого и пятого этажей — рухнула вниз и раскололась там с таким тяжким грохотом, что затрясся весь замок. Пол первого этажа тоже провалился — и Глэкен с Расаломом остались на краю гигантского полого цилиндра из камня. Но Расалом ничего больше не мог сделать с башней: изображения рукояти меча, вделанные во все камни ее внешних стен, сводили его силу на нет.

Глэкен пошел против часовой стрелки к Расалому, ожидая, что он начнет отступать.

Но вместо этого тот заговорил на давно забытом языке.

— Ну что ж, варвар, вот мы и опять с тобой встретились, а?

Глэкен не отвечал. Он накапливал злость, стараясь почувствовать то, что должна была испытывать Магда, находясь в лапах этого чудовища. Ему нужна была неистовая ярость, чтобы нанести свой последний удар. Он не мог сейчас позволить себе ни думать, ни сомневаться, ни прислушиваться к голосу интуиции. Он и так проявил слабость пять столетий назад, когда заточил Расалома в этом замке, вместо того чтобы убить его. Теперь он такой оплошности не допустит. На сей раз вопрос будет решен окончательно.

— Послушай, Глэкен, — начал вдруг Расалом тихим заговорщицким тоном, — не пришла ли пора прекратить нашу войну?

— Да! — ответил Глэкен сквозь стиснутые зубы. Он посмотрел вниз на мост и увидел там крохотную фигурку Магды, склонившуюся над умирающим отцом. Старая ненависть с новой силой вспыхнула в нем, и ноги сами понесли его навстречу врагу. Двумя руками он высоко занес меч, чтобы решительным ударом отсечь ему голову.

— Перемирие! — вскрикнул Расалом и, пригнувшись, отступил, изменив наконец свою гордую позу на позу поверженного.

— Никакого перемирия!

— Полмира! Я предлагаю тебе полмира, Глэкен! Мы разделим его пополам, и на своей половине ты соберешь всех, кто тебе нужен. А на остальной части буду царствовать я.

Глэкен остановился, но затем снова поднял клинок.

— Нет! На этот раз — никаких полумер!

Тогда Расалом решил перехитрить Глэкана, нажимая на его единственное слабое место — страх:

— Тогда убей меня и подпиши этим свой приговор!

— А где он написан? — Несмотря на всю прежнюю решимость, в душу Глэкана опять начало закрадываться сомнение.

— Его не нужно нигде записывать. Это и так ясно! Ты продолжаешь жить только для того, чтобы сразаться со мной! Уничтожь меня — и ты сразу же уничтожишь причину своего собственного существования. Убей меня — и ты убьешь сам себя.

Да, это действительно было так очевидно!.. Глэкен боялся этого момента с той самой минуты в Тавире, когда понял, что Расалом вырвался на свободу из своего заточения. И все же всякий раз вспоминая об этом, он надеялся, что убийство Расалом в конечном счете не станет его самоубийством.

Но надежда была очень слабой. И Глэкен прекрасно понимал это. Итак, перед ним два пути: или нанести удар и закончить эту вечную войну, или начать думать о перемирии.

А почему бы и нет? Полмира — все же лучше, чем смерть. По крайней мере он останется в живых... И рядом с ним будет Магда.

Расалом, очевидно, разгадал его мысли.

— Мне кажется, тебе понравилась эта девчонка, — сказал он, глядя вниз в сторону моста. — Ты можешь оставить ее себе. Как же ты будешь без нее? Она ведь такое милое и храброе насекомое, правда?

— Ах, вот кто мы все для тебя! Насекомые?

— «Мы»? Неужели ты настолько романтичен, что готов поставить себя на один уровень с НИМИ? Ты же выше их во сто крат — мы почти что боги, мы для них непостижимы! И поэтому должны объединиться и действовать сообща, вместо того чтобы вести эту бесполезную вечную войну!

— Я никогда не буду отделять себя от них. Я всегда старался жить, как обычный человек.

— Но ведь ты не обычный человек! Они умирают, а ты продолжаешь жить. Уже только поэтому ты не можешь стать одним из них. Даже не пытайся! Будь тем, кто ты есть — выше их. Присоединись ко мне — и мы будем править ими. Убей меня — и мы погибнем вместе!

Глэкен сомневался. Ему требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать. Но времени больше не было... Он очень хотел покончить навсегда с Расаломом. Но сам он не хотел умирать. Особенно теперь, когда нашел Магду. Он не мог даже подумать о том, что она останется без него. Ему страстно хотелось быть с ней.

Магда... Глэкен не осмелился посмотреть вниз, но он чувствовал, что ее взгляд сейчас прикован к нему. Он ощутил в груди тяжесть. Всего несколько минут назад она рисковала всем, что у нее есть, чтобы не выпустить Расалом из замка, а ему самому дать еще время для отдыха. Будет ли он достоин ее, если не сделает большего, чем она? Он вспомнил ее сияющие глаза, когда она передавала ему рукоятку: «Я знала, что ты придешь».

Борясь с собой, Глэкен не заметил, как опустил меч. Увидев это, Расалом улыбнулся. И эта улыбка послужила последним толчком к бою.

«За Магду!» — пронеслось в голове у Глэкена, и он грозно поднял свой меч. И в этот миг солнце вышло из-за восточных хребтов и ударило ему в глаза. Сквозь ослепительное сияние он увидел, как Расалом бросился ему навстречу.

Мысль молнией пронеслась в голове Глэкена: так вот почему Расалом был так разговорчив! Вот для чего нужны были все эти уловки с оттягиванием времени, и он даже позволил Глэкену так близко подойти к себе — он просто ждал, когда из-за гор взойдет солнце и ослепит его. А теперь шел навстречу в последней надежде одновременно избавиться от Глэкена и выкинуть рукоятку за пределы замка — он решил столкнуть его с башни в ров вместе с мечом.

Сильно зажмурившись, Расалом вытянул вперед руки и нырнул прямо под занесенный клинок. Места для маневра у Глэкена не было — слишком узким оказалось пространство, оставшееся после частичного разрушения башни. Все, что он мог сделать, — это собрать свои силы и поднять меч так высоко над головой, что это начало уже угрожать его равновесию. Но отчаяние его было не меньшим, чем у Расалома. Наступил решающий миг.

И вот они столкнулись — Расалом вцепился в бока Глэкена, и тот почувствовал, что начинает падать назад. Он сосредоточил все свои силы на мече и, приставив острие клинка к спине Расалома, пронзил его насквозь. Издав страшный вопль ужаса и бессильной ярости, Расалом попытался выпрямиться, но Глэкен не отпускал меч, еще глубже вонзая его в спину врага, а сам тем временем продолжал крениться назад.

И вот оба они потеряли равновесие и, слившись воедино, стремительно полетели вниз.

Глэкен испытывал удивительное спокойствие. Ему казалось, что они плавно погружаются в какую-то плотную пучину, навеки связанные своей последней схваткой, в которой он победил.

И проиграл...

Крик Расалома стих. Его неистовые черные глаза были жутко выпучены — он удивленно смотрел на Глэкена и все еще не верил, что умирает. Потом он начал съеживаться — во время их полета волшебный меч стал пожирать его тело и сущность. Кожа Расалома высохла, начала отслаиваться и хлопьями разлетаться в разные стороны, как тополиный пух под порывами ветра. И вскоре на глазах у Глэкена его давний заклятый враг превратился в невесомую пыль.

Возле самой границы тумана Глэкен оглянулся на мост и успел заметить страх и отчаяние на лице Магды. Он хотел поднять руку, чтобы попрощаться с ней, но туман уже скрыл ее из виду.

А в следующий миг он почувствовал тяжелый удар о невидимые острые камни.

Магда с тревогой смотрела на две фигуры на парапете башни. Они стояли очень близко, почти касаясь друг друга. Она видела,

как рыжие волосы Глэвена вспыхнули ярким огнем, когда из-за гор показалось солнце, видела блеск клинка, а потом обе фигуры схватились. Они отчаянно вертелись, раскачиваясь на самом краю парапета. И вдруг полетели вниз.

Ее собственный пронзительный крик слился со страшным воплем одного из воинов, а потом очертания их сцепившихся тел стали меняться и, погрузившись в густой туман, они исчезли из виду.

Магда застыла как пораженная громом. Время остановилось. Она не шевелилась и, кажется, не дышала. Глэкен и Расалом упали вместе в ущелье, где их сразу же поглотила непроглядная молочная мгла. **ГЛЭКЕН УПАЛ!** А она стояла и беспомощно наблюдала, как он ныряет в свою собственную смерть.

Как в тумане, Магда подошла к краю моста и посмотрела вниз — туда, где исчез тот единственный человек, который значил теперь в ее жизни абсолютно все. Тело сразу стало чужим и непослушным, мозг словно онемел, и все мысли куда-то пропали. Она чуть не теряла сознание, чувствуя, как все начинает плыть перед глазами. Наконец Магда вздрогнула, стряхивая с себя страшное оцепенение. Желание прыгнуть в эту бездну и соединиться там с Глэкеном все сильнее и сильнее охватывало ее. Но вот она очнулась и побежала по мосту к деревне.

«Не может быть! — думала она, а ноги несли ее по грохочущим доскам. — Только не оба! Сначала отец, а теперь Глэкен — так не бывает!»

Свернув с дороги, она бросилась к правому концу рва. Ведь Глэкен уже пережил одно падение в эту пропасть — вдруг он переживет и второе?.. Ну, пожалуйста, пусть это будет так! Хотя за счет высоты башни сейчас удар был намного страшнее!..

Магда быстро начала спускаться по крутой каменной осыпи, обдирая руки и ноги об острые края гранитных обломков, но эта боль ни на секунду не привлекала ее внимания. Солнце не успело еще подняться на достаточную высоту, и его лучи пока не падали в само ущелье; но оно начало уже согревать воздух — и туман постепенно рассеивался. Магда всеми силами рвалась вперед по заросшему бугристому дну рва, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь; она старалась бежать с такой скоростью, какую только позволяла развить коварная болотистая почва. Пробегая под мостом, девушка попыталась не вспоминать о том, что там, наверху, одиноко лежит сейчас ее мертвый отец. А потом, не раздумывая, бросилась через холодную воду к основанию башни.

С трудом переводя дыхание, Магда медленно начала оглядывать груды битых камней, надеясь отыскать в этих руинах признаки жизни. Но так ничего и не увидела. И никого...

— Глэкен! — Ее голос звучал тихо и напряженно. — Глэкен! — чуть смелее позвала она.

Молчание.

Но он должен быть где-то здесь!

Невдалеке от нее что-то блеснуло. Магда подбежала и увидела меч. Вернее, то, что от него осталось. Клинок разлетелся на тысячу осколков, среди которых лежала и рукоятка, но уже

лишенная блеска золота и серебра. Чувство неизмеримой потери охватило ее, когда она взяла в руки этот блеклый серый предмет. Произошло чудо — что-то вроде алхимического опыта, только наоборот: драгоценные металлы превратились в обычный свинец. Магда отгоняла от себя все тяжелые мысли и дурные предчувствия, но сердце подсказывало ей, что рукоятка уже выполнила свое предназначение, ради которого была создана.

Расалом умер, поэтому меч стал не нужен. Как и тот человек, которому он принадлежал.

И больше уже чудес не будет.

И тогда Магда издала жуткий вопль, подобный страшному завыванию умирающего зверя.

ЭПИЛОГ

«Я жив?..»

Он сидел в темноте и ощупывал свое тело, желая удостовериться, что он все еще существует. Расалом погиб, превратился в прах, и прах этот развеялся в воздухе. Наконец, после долгих тысячелетий, его больше нет.

«А я все еще жив. Почему?..»

Он с такой высоты упал на острые камни, что не должно было остаться ни одной целой кости! И все же он жив... Меча больше нет — клинок раскололся, рукоятка обратилась в свинец. А сам он все еще дышит...

«Как же это произошло?..»

В момент удара о камни Глэкен почувствовал, будто что-то вылетело из него, и замер в ожидании смерти.

Но смерть не приходила.

Сильно болела правая нога. Но он все видел, все чувствовал, дышал и мог двигаться. А еще он мог слышать. И когда услышал, что Магда приближается по дну рва, он подполз к поворотному камню в основании башни, отодвинул его и залез в темноту потайного хода. Здесь он притаился и молча ждал, пока она звала его по имени, плакала и кричала. Он закрывал уши, чтобы не слышать этой боли и отчаяния в ее голосе, но не мог сразу же броситься к ней. Пока еще не мог. Пока он не убедится во всем окончательно.

И вот он услышал, как она пошла назад по ручью. Тогда Глэкен снова отодвинул камень и попробовал подняться на ноги. Но правая нога почему-то не слушалась. Неужели он сломал кость? Никогда раньше у него не было никаких переломов!.. Так и не сумев подняться, Глэкен на животе подполз к луже. Он должен увидеть это своими глазами. Он должен выяснить все, прежде чем будет действовать дальше.

Но у самого края воды он снова заколебался. Уже виднелись отразившиеся в водном зеркале облака на светлеющем с каждой минутой утреннем небе. Но увидит ли он там еще что-нибудь, когда наклонится немного поближе?..

«Прошу вас, — мысленно обратился он к силам, которым столько служил, — к силам, которые, наверное, теперь уже его и не слышали. — Прошу вас, отпустите меня! Позвольте мне прожить

оставшиеся этому телу годы обыкновенным человеком. Пусть эта женщина стареет вместе со мной — я не смогу больше видеть, как любимый человек увядает на моих глазах, в то время как я остаюсь вечно молодым. Пусть все это кончится. Я выполнил свой долг. Освободите меня!»

Собрав в кулак всю свою волю, он крепко зажмурился, наклонился над водой и открыл глаза. Измученный рыжеволосый мужчина с голубыми глазами и смуглой кожей смотрел на него оттуда. Его отражение! Он видел самого себя. Ему вернули его отражение!!!

Невиданная радость и облегчение переполнили его сердце. **ВСЕ КОНЧЕНО! ВСЕ ПОЗАДИ...**

Он поднял голову и увидел над обрывом медленно удаляющуюся фигуру женщины — той женщины, дорожке которой у него не было никогда в этом мире за всю его долгую жизнь.

— Магда! — Он хотел встать, но проклятая нога болела так, что не давала даже слегка приподняться. Теперь придется лечь, как это делают все обычные люди. — Магда!

Что-то выпало из ее рук, напоминающее по форме рукоятку меча. С криком «Глэкен!» она бросилась бежать к нему, не заметив даже, как развязалась и слетела с головы косынка, выпуская на свободу ее роскошные длинные волосы.

Глэкен ждал ее со счастливой улыбкой на губах — ждал, когда она подбежит и наконец дотронется до него.

А высоко в небе над его головой маленькая серая птичка с черными перышками на концах крыльев несла в клюве пучок соломы по направлению к замку. Она нашла там безопасное место, чтобы свить себе новое гнездо.

163

Перевод с английского
Сюзанны АЛУКАРД и Вадима ТЕРЕЩЕНКО.

Дорогие читатели «Смены»!

С 15 марта началась подписка на газеты и журналы на II-е полугодие. И по традиции мы должны с вами объясниться. Дело в том, что в каталоге вы увидите новую цену на наш журнал — 225 рублей за один номер. (Между прочим, на все другие газеты и журналы цены тоже новые.) Пусть вас не пугает эта цифра, в ней учтены — поверьте, с минимальными допусками! — и фантастическая цена бумаги, и возросшие транспортные расходы, и увеличившиеся многократно расценки типографских услуг, и еще многое-многое другое, что перечислять можно очень долго. К тому же, по сегодняшним-то временам 225 рублей — не такая уж большая сумма — всего-то одна маленькая шоколадка «Марс». Но разве не слаще и не приятнее потратить ее на любимый журнал, в котором вы, как всегда, — мы это твердо обещаем! — найдете самые замечательные произведения отечественных и зарубежных авторов?!

Подписка на «Смену» началась. Спешите, и вы обретете радость!

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Дело прочно, когда под ним струится кровь?..

Г «Услышь меня, хорошая...»

Г Русский с китайцем — братья навек

164 Г Сейчас от политических деятелей, представителей культуры, бизнесменов часто слышишь, что живем мы в сложное, но очень интересное время. Да уж, время очень интересное. Недавно в центре города (название не называю умышленно — ситуация стала стандартной) к четырнадцатилетнему сыну друзей подходят четверо — ножик к боку: отдавай рюкзачок и курточку. Отдал. Девушку, родственницу сотрудницы, тоже днем, возле дома нагоняют подростки: баллончик в лицо — сумку себе. Примеров таких — бесчисленно (о таких случаях и в милицию-то не заявляют — бессмысленно). И ведь так все это обыденно, так легко происходит потому, что молодое, набирающее ежедневный опыт жулье прекрасно понимает, что помощи гражданам ждать неоткуда — милиционер-то на улицах днем с огнем не сыщешь, а запуганные прохожие отвернутся.

Помните, какое благородное негодование вызвала идея патрулирования улиц. Как возмущались многие таким попранием демократии. А, думается, лучше пусть бы патрули по улицам наших городов ходили, чем вооруженные, облагавшие от безнаказанности нелюди. Ежедневно нам сообщают о грабежах, наси-

лии, садистских, совершенно беспричинных убийствах, о без вести пропавших — волосы дыбом встают, а наш многотерпеливый народ все твердит: ничего, жить можно, лишь бы не было войны. Дорогие мои, да какая же вам еще война нужна! Ведь цифры ограбленных, изнасилованных, убитых, погибших (не в боях), а от беспредела в армии, «пропавших без вести» так увеличиваются день ото дня, что, выходя утром из дома, не знаешь, вернешься ли, уцелеют ли твои близкие. Это во в мирной России. А уж репортажи из «горячих» точек (какое изящное слово выбрали для обозначения самой чудовищной — спровоцированной, братоубийственной войны!) смотреть без слез невозможно. Это ведь для политических игроков там за граница, ближнее зарубежье, а для порядочных, сострадающих людей — общее страшное горе!

Ах, как совсем недавно влюбленно слушали мы новых лидеров, уверявших, что им каждая слеза ребенка душу жжет, умиленные их гуманизмом и образованностью (наконец у нас читавшие Достоевского руководители! Наконец у нас будет истинное благоденствие!) мили слезы счастья и надежды... И вот — Карабах, Приднестро-

вье, Осетия, Абхазия, Таджикистан — безумная война на уничтожение, руины, замученные пытками мирные жители, раненые и убиенные дети, беженцы и слезы, слезы...

Как быстро забыли президенты, премьеры, бесчисленные депутаты суверенных государств про младенца с его святой слезинкой, про тяжкое наказание Господне за эту слезинку и не страшатся ни ответственности, ни наказания за обнищание и реки слез народных... Куда идем мы?

ВЕРА ЧЕКОВА

Мы, три друга, служим в доблестной Российской Армии. Осталось нам прослужить чуть меньше года, казалось бы, что еще надо солдату — скоро домой! А вот домой совсем не тянет. Спросите, почему? Суть дела лишь на первый взгляд проста. Дело в том, что у нас три похожие судьбы: нас бросили любимые девушки — оказались неверными. И сейчас мы испытываем такую горечь, такую обиду, что, кажется, больше никогда к нам не придет прекрасная и нежная любовь. Плохо быть одинокими. Напишите нам, девушки, по адресу: 140170, Московская область, Раменский район, г. Бронницы, в/ч 54628, 4-й отдел — **ДМИТРИЮ БЕЛОУСОВУ, ЕВГЕНИЮ КУЗНЕЦОВУ, ВЛАДИМИРУ КРУСОВУ.**

Дорогая редакция, у вас в Москве умные все такие: газеты читаешь, голова кругом идет — столько разных планов, вариантов нашего светлого завтра. Так, может, кто-нибудь ответит мне на один простой вопрос: как же получилось, что нищий, голодный, как нам говорили, Китай с миллиардным населением, одел-обул с ног до го-

ловы богатый «Советский Союз»? Идешь по улице, и, я уверена, так в любом суверенном государстве СНГ, в любом городе, большинство, а уж молодежь чуть не вся, — в китайском шмотье — куртки, спортивные костюмы, шелковые рубашки, кроссовки, футболки, детские вещицки и прочее, и прочее — все из Китая. Даже не о том сейчас речь, что большинство этих товаров — убогий ширпотреб, Китай производит и прекрасные вещи — просто наши «предприниматели» оптом скупают у их кооператоров самое худшее, дешевое. Кстати, от того, что мы массово оделись в чужое барахло, нам должно быть совсем уж стыдно, потому что мы к тому же воспринимаем его, как модный импорт. Да уж, сообразительные китайцы заимели безбрежный рынок сбыта. Вот и выходит, что наш новый класс, за который горой стоит правительство, только и умеет, что спекулировать, а налаживать производство товаров для своего народа не хочет; для этого надо как следует потрудиться — это не с мешками по заграничным баратолкам промышлять да соотечественников обирать. И хотя живем мы теперь в отдельных суверенных государствах, а одеты одинаково, как близнецы.

И. КРАВЧЕНКО,
Челябинск

КРАСНОДАРСКИЙ

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

КОММЕНТАРИИ

166

Осенью прошлого года гражданская война пришла в Россию. В сводках боевых действий появилась Северная Осетия.

Боевали по самым варварским «правилам»: мародерство, погромы, поджоги, захват безоружных заложников...

Осложнилась и ситуация на границе этой республики с Чечней: разногласия по территориальному вопросу. Указ Президента России о введении в Северной Осетии и Ингушетии чрезвычайного положения вызвал резкую ответную реакцию чеченского парламента, тамошнего президента и Конфедерации народов Кавказа. Они посчитали действия России агрессивней и дали понять, что готовы к войне. Председатель КНК объявил частичную мобилизацию на территории конфедерации...

Один из немногих более или менее спокойных городов на юге России — Краснодар. Именно здесь родилась идея провести собрание творческих работников региона под девизом «Интеллигенция и гражданское согласие».

— Спокойствие кажущееся, — говорит Валерий Самойленко, глава администрации Краснодара, президент Ассоциации городов Юга России. — При внешнем благополучии социальное и национальное напряжение на Кубани достигло критической точки. Один из признаков беды — нарастающая преступность. Но самое опасное — то, что политические и социально-экономические проблемы сплелись в клубок с острыми межнациональными противоречиями. Объективный анализ ситуации показывает, что именно Юг может стать тем роковым местом, откуда пойдут по всей России хаос и резня. Нормальные люди, к какому бы политическому союзу они ни принадлежали, отчетливо понимают, что война может постучаться в каждый дом. Не помогут даже стальные двери, не удастся отсидеться за ними... Причем бойня эта будет страшнее гражданской войны начала века. Уже сейчас в руках противоборствующих сторон танки и самолеты. А широко-масштабная война вовлечет практически весь арсенал бывшей Советской Армии. Тогда — полное взаимное уничтожение... Хуже всего — безразличие. Меня поражает, когда солидные и образованные люди, подчас занимающие видные государственные посты, народные депутаты делают вид, что ничего не происходит — и это в обстановке растущего противостояния!

Что же может остановить опасные процессы? На мой взгляд — только общенародное миротворческое движение, сознательно уходящее от всех политических противоречий.

А еще перед миллионами наших сограждан стоит проблема добытия хлеба насущного, то есть элементарного выживания. В таких условиях легко вбить клин между людьми, разорвать связи,

формировавшиеся сотни, а то и тысячи лет...

Вбить клин... Действительно, в наше время это очень просто. По Кубани, Ставрополью, Ростовской области пошли тревожные слухи, вызванные брошюрой, изданной якобы в Степанакерте за подписью бывшего первого замминистра иностранных дел Ф. Шелова-Коведяева. В ней утверждается, что еще в каменном веке территорию Северного Кавказа населяли армяне! А стало быть, эти земли, включая Ростов и Армавир, русские должны вернуть «исконным владельцам». Или, как говорится в брошюре, «согласиться жить на территории, которая неизбежно войдет в состав Великой Армении».

Такова «теория». Но, увы, есть и практика. Осуществлением означенных мыслей занята инициативная группа армянского национально-освободительного фронта Северного Кавказа России. В 37 населенных пунктах созданы ячейки фронта: вопрос о «возвращении земель» поднимается не только перед руководителями Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, но и перед Президентом России, сенатом США и ООН!

Об этой истории поведала на всю страну газета «Советская Россия», со всей силой обрушившаяся на «псевдонаучную чушь». Но почему-то автор газетной заметки забыл спросить у Шелова-Коведяева: не фальшивка ли? Уж очень грубо сработано... Так оно и оказалось — фальшивка. А кто-то радостно потирает руки, получив неожиданный подарок: газета сделала провокационной брошюровке рекламу на всю страну, довела высказанные там «идеи» до миллионов...

— Валерий Александрович, почему вы решили собрать интеллигенцию? Тут память невольно под-

скаживает: когда говорят пушки —
музы молчат...

— Не должны, не могут молчать! Особенно в такое тревожное время. Жизнь показала, что гасить конфликты чисто политическими методами очень сложно. А иногда — как в Карабахе — политики вообще бессильны. Впрочем, речь должна идти совсем о другом: как не допустить, исключить конфликты? Мне думается, люди искусства, культуры, науки способны скорее найти общий язык, нежели политики или тем более военные. Понимаете, важно начать миротворческий процесс. А интеллигенция способна стать душой этого процесса.

Надо сказать, проблемой гражданского согласия мы в Краснодаре занимаемся давно. Впервые столкнулись с ней, когда в наш край, город съехались крымские татары, добивавшиеся возвращения на историческую родину. Комиссия под руководством Громыко практически ничего не делала, поэтому весь «удар» пришелся на местные власти. К той поре относятся первые митинги татар... Мы, признаться, не были к ним вполне готовы, боялись каких-то провокаций. Поэтому на тех митингах милиции и дружинников было едва ли не больше, чем митингующих. Сейчас с крымскими татарами у нас проблем нет.

Тему согласия мы пробовали поднять еще около трех лет назад в Сочи, где собрались члены нашей Ассоциации. Но руководители городов оказались неготовыми к такому разговору. Возможно, потому, что у них самих эта идея еще не вызрела. Да и обстановка была более спокойная — войну в России мало кто допускал. Поэтому обсуждали проблемы экономического сотрудничества, кооперации. А теперь, сами видите, — Влади-

кавказ, Назрань... Что дальше? Следует учитывать, что Северный Кавказ — очень сложный регион: здесь проживает множество народов, христиан и мусульман. Любое неверное действие в их взаимоотношениях может стать причиной взрыва.

Из выступлений на собрании интеллигенции. Архиепископ ИСИДОР (Краснодар):

—...Неужели слезы сирот не трогают сердца политиков, рвущихся к власти? И куда мы пришли? К пропасти, до которой несколько шагов... Равнодушие ужасающее. Все заняты собственным благополучием, бизнесом — в том числе и в культуре. Но мы обязаны восстать, как бы низко не пали. Устремиться к миру, согласию всем сердцем и разумом. «Мир вам» — пусть звучат в ваших сердцах эти слова Спасителя.

Доктор филологических наук, член Союза писателей России ЛЕЙЛА БЕТИЗОВА (Черкесия):

— Раньше женщина-черкешенка бросала платок к ногам дерущихся — и они прекращали схватку. Теперь же платок никого не остановит. Нужны усилия целой армии. Нет, я имею в виду не людей с автоматами — говорю об армии интеллигенции, которая не может больше отсиживаться в стороне. Народы оказались разобщены, оторваны друг от друга. Но не политика, не экономика смогут их вновь объединить. Это сможет сделать культура.

Председатель ВС Адыгеев АДАМ ТЛЕУШ:

— У нас говорят: лучше иметь хорошего соседа, чем плохого родственника... Интеллигенция — совесть нации. Но когда совесть молчит, говорят совсем другие чувства. Нет, не чувства — инстинкты!

— Вы говорите — с крымскими

татарами теперь проблем у вас нет. А с кем — есть?

— Сложности с турками-месехтинцами, приехавшими из Средней Азии. Пока они не могут вернуться на родину, в Грузию, обосновались на Кубани. Проблема разместить, обеспечить жильем и работой, поддерживать порядок. Ведь люди немало пострадали, понятно их желание обрести настоящий, постоянный кров...

Непростые отношения и у казаков с армянами.

— Выходит, казачество не стало стабилизирующей силой в обществе?

— Оно могло ею стать, но пока не стало. Уверен, когда спадет «пена» с казачьего движения, когда в казаки перестанут принимать кого попало — оно будет нашим союзником. А сейчас и власти во многом виноваты — не слишком активно налаживают контакты с казачеством.

В ноябре подписана Декларация о сохранении межнационального согласия в Краснодаре, развитии и взаимообогащении национальных культур. Казачество участвовало в подготовке юридического оформления документа. Наверное, это надо было сделать раньше...

В Краснодаре познакомился я со ставропольским писателем Виктором Черновым. Он «по совместительству» войсковой старшина — казачий генерал. Поделится с ним сомнениями насчет некоторых казачьих обычаев, перенесенных в наше время. Например, привычка пороть людей — явный же самосуд!

Чернов, не отвергая в принципе моих доводов, поведал в ответ такую историю. В крупной станице казаки поймали группу подростков за... нехорошим, скажем так, занятием. Решили выпороть. Нет, сла-

ва Богу, не публично. Но в присутствии родителей. В станице знают только, что порка состоялась. Знают — за что. Но кого лупили — секрет, не обнародовано.

С тех пор (а времени прошло немало) подростки тише воды. Лучше, спросил Чернов, если бы их судили, отправили в колонию? Честно говоря, затруднился ответить. «Воспитание» в колониях известно... Но вот вопрос (юридическую сторону дела оставляю в стороне): как им дальше жить вместе — поровшим и поротым — в одной станице? Как встречаться, здороваться, разговаривать? Какие чувства затаились в душах подростков — раскаяние или жажда мести при случае? Так или иначе, а плеть — не то средство, которое ведет к согласию между гражданами... Да, забыл спросить Чернова — были среди экзекуторов интеллигенты?

Из выступлений на собрании интеллигенции. Главный редактор журнала «Подъем» ЕВГЕНИЙ НОВИЧИХИН (Воронеж):

— Лет пять назад очень удачно прошли дни литературы Воронежа в Чечено-Ингушетии. Потом все эти формы творческого общения забыли... И в литературе, культуре согласия нет... Российские писатели переругались, разделились на два «лагеря». До чего дошли в политической борьбе! В писательский союз принимают «скопом», и главный критерий тут — «наш» или «не наш». По-моему, необходимо ввести мораторий на политическую деятельность внутри творческих союзов. Как сказал один известный писатель, самое страшное сейчас — не развал экономики, а разрушение иерархии нравственных ценностей... В свое время мой земляк Андрей Платонов работал дворником из-за произвола вла-

стей, мешавших ему печататься. Нынче творческая интеллигенция идет в дворники и сторожа, чтобы выжить...

Главный режиссер Саратовского ТЮЗа ЮРИЙ КИСЕЛЕВ:

— Во время Отечественной войны музы не молчали. Создавались произведения, которые живы и сегодня. А вот в наши дни многие мастера культуры отступили в тень, опустили руки... Красота спасет мир? Саму красоту спасти бы... Тонкий озоновый слой защищает Землю. Тонкий слой интеллигенции должен защитить все сущее на Земле. Иначе — полное одичание... Аксиома: дети — наше будущее. Но вот один пример отношения к воспитанию детей. Наш ТЮЗ — первый в стране — открылся в годы гражданской войны. Разруха, нищета, пустая городская казна... Но для детей театр был бесплатным! Пусть над этим примером поразмышляют современные отцы городов.

Художественный руководитель театра-школы АЛЕКСАНДР МИХОЛАП (Ростов-на-Дону):

— Такие города, как Ростов, Краснодар, — потенциально богаты и могут серьезно поддерживать культуру. Но это в том случае, если появятся крупные меценаты из новых коммерческих структур. Таких пока практически нет.

— Валерий Александрович, вопрос о материальном положении культуры. Край ваш и город богаты...

— Богаты? Нищий бюджет. Предприятия, которые нам всегда помогали, сейчас сами оказались в тяжелом финансовом положении по известным всем причинам.

— А коммерческие структуры?

— Мы их используем для выполнения локальных программ.

И не забывайте, что быть меценатом у нас невыгодно. Западный бизнесмен, в отличие от нашего, не платит налогов с тех сумм, которые отдает на поддержку культуры и искусства. Практически он ничего не теряет.

— Кстати, о бизнесменах... Вечера на концерте в театре оперетты мы слушали детский хор, видели самобытный танцевальный ансамбль. А потом мне рассказали, что коммерсанты отобрали у детей прекрасное здание...

— Да, сначала было решение краевой администрации передать Центру народной культуры Кубани Дом политпросвещения бывшего крайкома. Потом это решение «переиграли» в пользу коммерсантов. Ничего подобного не случилось бы, будь это здание в собственности города! Но я дал слово в течение следующего месяца так или иначе решить вопрос с помещением для Центра.

— Что практически может сделать Ассоциация городов Юга России для поддержки интеллигенции?

— В городах, входящих в Ассоциацию, живут и работают более тысячи профессиональных писателей. Вы знаете, как им сейчас трудно. Издательства переключаются на выпуск «ширпотреба»; закрываются газеты и журналы. Так, закрылся литературный журнал в Ставрополе. А мы, объединив финансы, начали выпускать новый литературно-художественный и историко-культурный журнал «Юго-Полис». Разумеется, мы при этом думали не только о поддержке литераторов и всех пишущих людей. Мы давно почувствовали наметившуюся тенденцию замыкания в рамках местных изданий. Но потеря многомиллионного русскоязычного читателя не может привести к расцвету ни одной из

национальных культур Северного Кавказа и значительно обеднит русскую. «Юго-Полис» — это общая трибуна творческой интеллигенции Юга. Но мы не собираемся замыкаться и в региональных рамках, журнал готов сотрудничать со всеми, кто привержен духу миротворчества.

— На собрании интеллигенции Юга России была делегация из Еревана. Какое отношение имеет столица Армении к вашей Ассоциации?

— Ереван — член Ассоциации с правом совещательного голоса. Равно как и Киев. Сейчас ведем переговоры с Тбилиси. Причем инициаторами были сами ереванцы и киевляне. Видите, люди тянутся к объединению. Мы постепенно осознаем, что многие связи разрушены зря. Не все так плохо было в СССР...

— А вот делегация из Грозного не приехала.

— На первых порах Чечня была активным членом Ассоциации. Но с осени связь с ней потерялась. Мы даже не получили ответ на приглашение приехать в Краснодар.

Из выступлений на собрании интеллигенции. Главный редактор журнала «Дарьял» РУСЛАН ТОТРОВ (Владикавказ):

— Я видел всю анатомию событий в Северной Осетии. Там был особый случай: не межнациональный конфликт, а война двух республик — Осетии и Ингушетии. Интеллигенция тогда сыграла не лучшую роль. Не надо было разбираться, какой народ древнее, какой «исконнее» на этих землях... Мы не умеем цивилизованно решать спорные вопросы, обязательно скатываемся к средневековым методам.

Краснодарский краевед ВЯЧЕСЛАВ ТИХОМИРОВ:

— Самое страшное, что повсеместно распространяется идея собственного превосходства: классового, национального, религиозного...

Композитор ВИКТОР ЗАХАРЧЕНКО (Краснодар):

— В средствах массовой информации ведется широкая пропаганда секса, насилия, наживы — все это мы видим на экранах каждый день. Причем такая пропаганда идет при полном попустительстве властей. Свобода слова — это хорошо, но должен же быть нравственный предел! Возможно, нам надо просить Верховный Совет России принять закон о защите нравственности.

Председатель Краснодарского крайсовета АЛЕКСАНДР ЖДАНОВСКИЙ:

— Раскол в писательской среде, нищета учительства, предпосылки для распада науки... Все это сегодня — реальность. Интеллигенция оказалась на обочине реформ. Утрачиваются ценностные ориентиры, реформаторский потенциал. Проблема власти: найдем ли мы контакт с интеллигенцией или совсем потеряем?

Писатель ВИКТОР ЛИХОНОСОВ:

— Интеллигенция изумительно обслуживала всю неправду советского строя. Не было в нашей истории больших холопов, чем писатели, журналисты, идеологи... Нет, я не призываю к всеобщему покаянию, но интеллигенция должна помнить и о своей роли. Она умела разрушать... Хорошо, конечно, что интеллигенция разрушила коммунизм, но вместе с ним она разрушила все остальное, весь уклад жизни. Жуткое разложение в искусстве допустили, получив свободу, сами деятели искусств. В сущности, все зависит от интеллигенции — какой она была, стала и какой должна быть.

— Ассоциация — союз политический, культурный и экономический. А экономика играет не последнюю роль в возникновении конфликтов. Чем беднее жизнь — тем больше озлобления и нетерпимости к соседу, который якобы живет лучше. Вы пытаетесь восстановить хозяйственные связи?

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что Ассоциация — союз городов, а не территорий. Проблемы городов в России всегда забывались... Да, конечно, кооперация жизненно необходима. Например, какой смысл во всех городах строить однотипные заводы? Достаточно двух-трех (чтобы не было монополизма) на регион. В таком плане и стараемся договариваться.

Начали развивать единое информационное пространство на основе электронной системы связи. Правда, из-за финансовых трудностей дело движется медленно, но отступать не собираемся.

Создали постоянно действующую ярмарку в Волгограде...

— После развала СССР было несколько «разводных» процессов. Вспомним, чем они сопровождались в Абхазии, Южной Осетии... А что происходит в России? Все серьезней заявляет о своем политическом отделении Татарстан. К счастью, здесь обходится без боев, но определенная напряженность в отношениях с Москвой появилась. На этом фоне удивительным кажется спокойствие, с которым произошло отделение Адыгеи от Краснодарского края.

— Да, все прошло мирно, добрососедски. Так сказать, интеллигентно. Мы подписали договор о дружбе и сотрудничестве, сохранили все экономические и культурные связи.

— В позапрошлом году я был

в командировке в Лабинске, что на реке Лабе. Перейдешь мост — и ты уже в адыгейском поселке. А теперь как? Будут требовать документы на мосту?

— Нет, почему же? Идите себе спокойно.

— По инициативе краснодарцев создается Лига мира. Что это такое и каковы ее цели?

— Лига объединит людей разных национальностей, вероисповеданий и политических взглядов. У них должно быть только одно общее качество — верность основному принципу: никогда и ни при каких обстоятельствах не применять насилие и не призывать к насильственным действиям. В Лигу могут вступать отдельные граждане, организации, партии, движения любых направлений. Что сказать о формах и методах деятельности? Можно использовать незаслуженно забытый опыт движения за мир семидесятых годов — митинги и другие массовые акции, дни национальных культур в разных городах. Планируем организацию концертов, праздников — в том числе и религиозных, выставок. Искусству под силу преодолеть любые границы — на земле, в душах и сердцах людей. Ну а дальше подскажет сама жизнь...

ВНЕШ

Потом уходила,
Заставляя страдать и тужить.
Не коварна — грустна и устала,
Возвращалась,
стучась в мою дверь.
И опять неустанно качала
Моих мыслей и дум колыбель.
И сейчас,
когда свара и кипеж,
Когда душу мельчат суетой,
Ты не бросишь меня,
не покинешь
Навсегда,
умирать сиротой.

Какая странная зима —
Сначала нежный свет,
И серебро, и терема,
И след почти что в след.
А после — ночь темным-темна,
Заблудится любовью.
Какая странная зима
Досталась нам с тобой.
Но снег растает без следа.
Идя по февралю,
Ты не узнаешь никогда,
Как я тебя люблю!

Что-то осенью этой не спится.
В окна голые ветки грозят,
Что ничто уже не повторится —
Журавли не вернутся назад.

Как душа моя долго летела
Вслед за вами в сквозной синеве,
Хоть мое легкокрылое тело
Оставалось на грешной земле.

Голова была в снах и туманах,
В облаках, что похожи на сад.
Я не знала, что поздно ли, рано
Журавли не вернутся назад.

Вот и кончились сны и забавы.
С ними сердце сгорело дотла.
И моя невеселая слава
Наконец-то меня догнала.

Расплата грядет неизбежно,
Мы знаем, с приходом зимы.
За то, что так робко и нежно
Друг друга сторонимся мы.
Что глаз опускаются крылья,
Что осень играет для нас
Такие печальные ливни,
Похожие чем-то на вальс.
А мы от волненья не дышим
У окон, открытых в ночи.
И делаем вид, что не слышим,
И делаем вид, что молчим,
И делаем вид, что обычный
Льет дождь от темна до темна,

И что нам совсем безразлично,
Что скоро наступит зима.

НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ

Рев ветра одесную и ошую,
Внизу в глубинах — темная тоска.
И ты плывешь, а океан бушует,
И под тобою — утлая доска.

Спасть нельзя — одно покуда можно:
Держаться от броска и до броска.
Что в будущем? Подумать безнадежно.
Что в настоящем? Вот она, доска!

То вверх летишь, то вниз с волны ныряешь,
Минута — миг, но в ней сквозят века...
Пока себя в себе не потеряешь,
Пусть мрачен рок,
но под тобой — доска.

Тридевятое царство представилось взору:
Словно сахарный пряник, белы терема,
Все глядится под стать расписному узору:
Церкви, столбики, башни, —
срисовывать впору.
Стайки изб — наша русская древность сама.

А подальше — леса, где, обычности вторя,
Чудеса захлестнулись, как корни-корье;
Все блазней, все дремучей,
оступишься — горе!
А пройдешь — и откроется синее море,
Дальний свет, небывалое счастье твое.

...Как девица в лесу, что подмоги не просит,
Всяко дело свершит, всякий воз повезет,
Трижды Русь
башмаки оловянные сносит,
Трижды посох железный
обломит да бросит,
Три просвирки из камня
в пути изгрызет...

И пойдет и замрет с изумленьем во взоре:
За пределами леса, где топь да зверье,
Перед нею откроется
синее море,
Дальний свет,
небывалое счастье ее...

К ночи закрываются цветы.
 Поражение? Может быть! Но в этом —
 Снятие зудящей остроты,
 Пресыщенья, вызванного летом.
 И порой, сжимаясь от тоски,
 Сами мы, как вечером растенья,
 Вынуждены прятать лепестки,
 В глубь себя

вгонять свое цветенье...
 До чего же трудно, нету мочи!
 Но не вечно время маются:
 Пережить бы ночь,
 а после ночи
 Снова раскрываются цветы.

Под солнцем лес травой нагретый дышит.
 Вот мелкий пруд, заросший кое-где;
 Пушистый коврик заездочками вышит,
 Зеленой ряской млеет на воде.

Вглядишь в него от знойного безделья —
 И в тот же миг уверишься вполне,
 Что это все — русалок рукоделье,
 С усердьем сотворенное на дне.

Знать, все грустят они по жизни прежней,
 С тоски да в память милого труда
 Зеленой нитью травки обережной
 Ткут, вышивают, вяжут — как когда...

И вот — узор,
 да только им обидно,
 Что вновь не вышел самый главный знак:
 Стежки ложатся прямо, звездовидно,
 Правей, левей,
 а крестиком — никак.

АННА ГЕДЫМИН

Ветра нет, но зябко у воды,
 И деревья смутны, как во сне...
 Может, нынче свет моей звезды
 Наконец дотянется ко мне?

Даже не очнутся берега,
 Только сердце грохнет в тишине,
 И у закадычного врага
 Пробежут мурашки по спине...

==
Будто видела — помню об этом дне:
Говорили: «Красные входят в город».
Это предок мой на гнедом коне
Мчал за криком своим, разорвавшим ворот.
Победитель! Его не задержит лес,
Не сломают ветра, не утопят реки...
Но другой мой предок наперерез
Выходил — остаться в бою навеки.
Два врага погибли — и две строки
Родословная вносит в свои скрижали.
До сих пор сжимаю я кулаки,
Вспомнив предков, чтоб руки не так дрожали.
Я правнучка поповская — и княжна,
На конюшне прапрадед мой был запорот.
Так — о Боже! — что чувствовать я должна,
Если снится мне: красные входят в город?..

==
Встаем на восходе.
Восхода червонная мякоть
Теплее на юге,
но ярче в России зимой.
И трудно понять —
то ли хочется петь,
то ли плакать,
И близкое небо
чрезмерной чудит крутизной.
Постой, не чуди!
А не то — сколько раз уж бывало! —
Прольется на землю
горячий рубиновый цвет.
Конечно, красиво.
Да только Россия устала
Быть главною жертвой
своих же великих побед.

==
Воцарилась осень, туман клубя,
Серебря под утро стволы и лужи...
Мне с тобою плохо, но без тебя —
Хуже.
Мне плевать, что сумерки хороши,
Что пьянит дубрава листвою лежалой...
Ты сказал, что нет у меня души, —
Да, пожалуй.
Я приду домой, не зажгу огня,
Заскребется мышь под диваном тихо...
А душе, хоть нет ее у меня,
Лихо.

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

178

Напомним, что условия конкурса опубликованы в первом номере журнала за нынешний год. В том же, январском, а также февральском номерах мы предложили читателям задания первых двух туров. И вот последний, третий тур.

Предлагая вашему вниманию семь портретов деятелей российской истории, жюри конкурса просит ответить на два вопроса:

1. Кто изображен на каждом из представленных портретов?
2. Чем известен этот человек?

Ответы на вопросы мартовского тура нужно отправить в редакцию «Смены» до 15 июня (срок отправки — по почтовому штемпелю). На конверте сделайте пометку: «На конкурс «Незнакомые знакомцы». Третий тур.

Об итогах конкурса, его победителях и призерах — авторах наиболее обстоятельных и интересных писем с ответами вы узнаете в одном из последних номеров 1993 года.

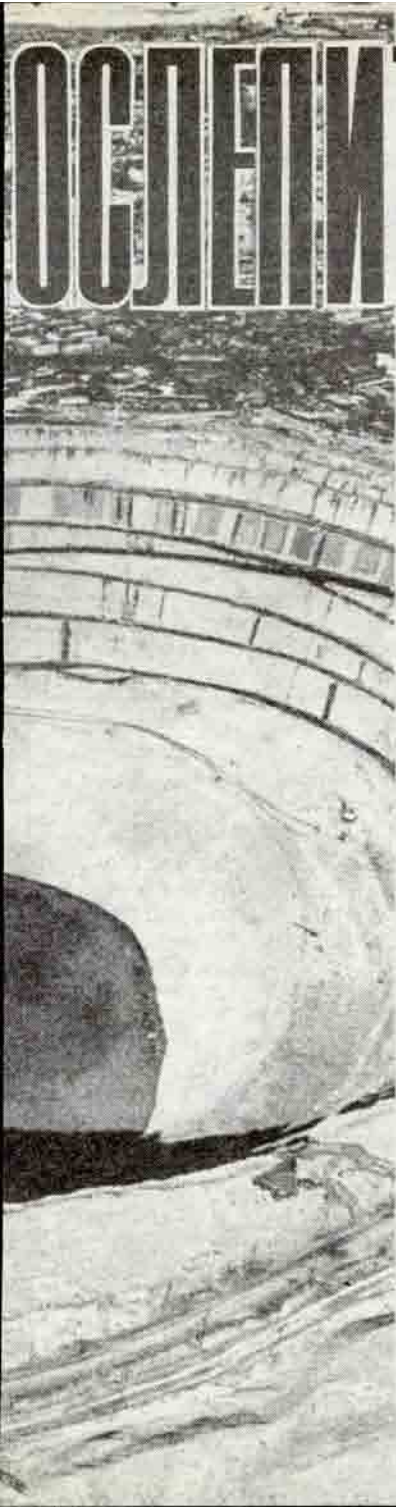

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

С президентом
акционерной компании
«Алмазы России — Саха»
ВАЛЕРИЕМ РУДАКОВЫМ

беседует журналист
ЛЕОНИД ПЛЕШАКОВ

— Как-то странно получается, Валерий Владимирович: многие десятилетия, пока алмазо-бриллиантовая тема была закрыта для нашей печати, у советского читателя не возникало никаких вопросов по ее поводу. Но вот доступной для публикации оказалась и эта тайна, и на голову простого гражданина хлынул такой поток информации из некогда заповедной области, и настолько противоречивой, что порой трудно разобраться, где правда, где ложь...

— А вам не кажется, что кому-то не очень хочется, чтобы была ясность?.. Что, у нас с остальными отраслями — полный порядок и только с добычей алмазов, их продаж — кризис? У нас что, с железнодорожным транспортом отлично обстоят дела или же с воздушным? Может быть, не вызывает забот нефтяная промышленность? Или угольная? Или

сельское хозяйство? Можно было бы назвать еще десяток отраслей народного хозяйства, где создавалась крайне критическая обстановка. Но комиссия Верховного Совета активничает только в алмазо-бриллиантовом комплексе. Под шумок страстных речей о защите интересов государства идет, как можно понять из отдельных прорывающихся на свет божий фактов, откровенная растащилка.

— К сожалению, алмазо-бриллиантовый комплекс не стал исключением...

— Борьбаться с растащилкой — а она действительно сейчас процветает — проще простого: надо создать систему, при которой любая растащилка стала бы невозможной. Ведь до 1990 года за всю историю алмазной промышленности ничего подобного в ней не было. Потому что существовала жесткая система учета добытого сырья, движения материальных ценностей и вырученной валюты. Одноканальная система продаж гарантировала единство цен, исключала конкурентную борьбу на рынке драгоценностей. Стоило нарушить эту тщательно создававшуюся и надежно работавшую конструкцию, как начались сбои во всей системе, что принесло значительные убытки.

— Вы имеете в виду скандал, связанный с продажей алмазов из Гохрана, который в начале 1990 года разбирался даже в КПК?

— И его в том числе. Самое странное, что та история мало чему научила. Сомнительные западные партнеры быстро сообразили, что при беспорядке, который царит ныне в нашем хозяйстве, можно неплохо поживиться. Некоторые из них это успешно и делают под шумной завесой разговоров на модную ныне тему о со-

здании в России мелких совместных предприятий по огранке нашего сырья...

— Как теперь выясняется, обещанные бриллианты все еще не получены, зато на мировом алмазном рынке появились наши необработанные камни по демпинговым ценам, что разрушает хрупкую систему торговли драгоценностями.

— Вот именно. К сожалению, в его разрушение немалую лепту вносят и наши парламентарии. Дискуссии и всякого рода заявления на тему, кому должны принадлежать алмазы, кто и как ими будет торговать, наносят ущерб не только интересам России, но и всему мировому алмазному рынку. Он слишком чувствителен ко всякого рода безответственным заявлениям. Хотя бы того или не хотят некоторые наши парламентарии, но своими вроде бы безобидными и внешне очень патристичными речами они объективно вредят делу, приносят довольно ощутимый материальный ущерб...

— Каким образом?

— Представим на мгновение: из России на Запад поступает информация, что готовится законопроект, по которому продажа якутских алмазов будет увеличена, что вести ее станут на конкурентной основе несколько организаций. Соперничая друг с другом, они смогут выторговать у покупателей наибольшую цену. С такими предложениями ряд наших депутатов, не разобравшихся в сути проблемы, уже выступали. Что происходит дальше? Западные сайтхолдеры, маклеры, крупные и мелкие оптовики, держащие в своих руках всю мировую торговлю алмазами, связанные с разветвленной сетью своих клиентов, воспринимают такое известие как сигнал тревоги. Если Россия выбросит на мировой

рынок лишние алмазы, то их цена обязательно начнет падать. А значит, в известной степени обесценятся и те запасы камней, которые находятся на руках этих алмазных дельцов. Они, естественно, тут же постараются побыстрее сбыть свой товар, дабы в будущем не потерпеть убытки. Предложение начинает превышать спрос, что тут же приводит к падению цен. Механика этого дела предельно проста и давно испытана на других товарах. Беда только, что алмазы — товар деликатный и капризный, восстановить этот хрупкий рынок очень трудно...

— Вы все время подчеркиваете, что алмазы — деликатный и капризный товар, их рынок требует особого подхода. Не могли бы тогда более подробно рассказать об особенностях этой торговли?

— Алмазы (ювелирные, не технические), бриллианты — это предметы роскоши. Украшения из них, бесспорно, прекрасны, но ни на что другое они не пригодны. Их высокая стоимость поддерживается благодаря мифу, легенде, будто в трудную минуту их невероятная стоимость может помочь владельцу. Если бы не такой фетишизм, цена алмазов была бы не выше стоимости битого бутылочного стекла...

— Товар вроде ни на что не пригоден, а цены на него все выше и выше. За последние тридцать лет они поднялись в 17,5 раза. Причем их рост опережал падение курса доллара, а именно в американской валюте торгуют алмазами и бриллиантами.

— Вся хитрость заключается в механизме самой торговли. Пока добыча алмазов велась только в Индии и спрос на драгоценные камни превышал предложение, все было прекрасно. Открытие

и разработка новых месторождений в Бразилии вызвали в прошлом веке первый кризис перепроизводства. Тогда разорялись не только добытчики алмазов, но и огранщики Голландии и Бельгии, ювелиры. Их дорогая продукция не находила сбыта — в мире не было достаточного числа очень богатых людей...

Проблема еще более усложнилась, когда открыли богатейшие алмазные месторождения в Южной Африке. Драгоценных камней стало намного больше, чем того требовал рынок. И это опять привело к разорению и добытчиков, и переработчиков. Выход нашел Сесиль Родс, основатель компании «Де Бирс майнинг лимитед». Он предложил всем добывающим странам продавать алмазы через единый канал — организацию, которую создал в Лондоне. Каждый поставщик сырых алмазов получал квоту, превышать которую не имел права. Общее количество камней, предлагаемое потребителям, всегда должно было оставаться меньше, чем спрос на них.

В создании искусственного дефицита и заключалась вся хитрость. Родс говорил, что, если бы на всем свете жили всего четыре человека, нужно было бы добыть столько алмазов, чтобы их хватило всего двум. Для определения оптимального количества камней, которое безболезненно мог принять рынок, Родс интересовался даже числом браков, ежегодно заключавшихся в Европе и Америке. Дело в том, что в те времена было принято, чтобы жених дарил своей невесте к свадьбе ювелирное изделие с бриллиантом. На счастье. Чтобы крепче, как считалось, была будущая семья. Так что молодожены являлись главными покупателями бриллиантов, были как раз той категорией общества, которая определяла, сколько ал-

мазов необходимо добыть на рудниках Африки, Америки или Австралии.

— *И какие же результаты дала разработанная Родсом система?*

— Те, на которые он и рассчитывал. Правда, не все государства — производители алмазов приняли ее, и это несколько снизило эффект торгового изобретения. Последовавшая вскорости смерть Родса и вовсе разрушила созданную им структуру. Однако даже короткий опыт доказал: только жестко регулируемая и контролируемая монополия система торговли алмазами может уберечь отрасль от периодических кризисов. Последовавшие после смерти Родса события подтвердили этот вывод. После первой мировой войны восстановлением и усовершенствованием придуманной Родсом системы занялся молодой хозяин компании «Де Бирс» Эрнст Оппенгеймер. К началу тридцатых годов им была создана четкая структура торговли сырыми алмазами, во главе которой стояла Центральная Сбытовая Организация — подразделение «Де Бирс», занимавшееся только продажей сырья, организацией рынка, рекламой ювелирных изделий, в общем, всем тем, что позволило бы увеличивать спрос и в результате саму добычу драгоценных камней.

— *Как сейчас выглядит деятельность ЦСО?*

— Отношения с нею поддерживают семь из двадцати имеющихся в мире алмазодобывающих стран, но на долю семерки приходится примерно 85 процентов добываемых на земном шаре драгоценных камней. (Входил в их число и Советский Союз, ныне его место заняла Россия...) Каждое государство продает ЦСО свои алмазы по преysкурантам компании «Де Бирс», в которой камни в зависи-

мости от их размеров, качества и цвета подразделяются на шесть с половиной тысяч категорий. Сама компания «Де Бирс» реализует свою продукцию (она добывает алмазы в ЮАР, Намибии и Ботсване) тоже через ЦСО. Кстати, вопреки утвердившемуся у нас мнению, огранкой алмазов «Де Бирс» не занимается, и слухи, что она на огранке якутских алмазов имеет колоссальные прибыли, — вымысел, основанный на незнании простейшей истины: наиболее прибыльным делом во всей алмазобриллиантовой отрасли является добыча. Именно поэтому «Де Бирс» вкладывает свои капиталы в добычу... Все семь партнеров ЦСО поставляют свое сырье по заранее оговоренным ценам. При этом за камни одинакового качества и цены одинаковые.

— *Якутские высоко ценятся?*

— Видите ли, Якутия на разных месторождениях добывает разные по качеству алмазы. Иреляхское, например, дает товар, который не уступает намибийскому, считающемуся лучшим. Другие же месторождения поставляют алмазы похуже и подешевле. Продаем же мы (как и все остальные поставщики) алмазную смесь, которая включает всю гамму ювелирных алмазов как высокого, так и низкого качества. В среднем они стоят сто двадцать долларов за карат, австралийские же, например, покупаются по десять долларов, так как их качество не очень высокое, зато добывает Австралия чуть ли не третью часть всех алмазов мира.

— *Итак, ЦСО купила сырые камни. Что дальше?*

— Десять раз в год в трех городах мира (Лондоне, Кимберли и Люцерне) эта организация проводит так называемые сайты (смотри), где предлагает своим постоянным клиентам — сайхолде-

рам — партии алмазного сырья. Сайтхолдеры заранее сообщают ЦСО, какой товар они хотели бы купить, но это вовсе не означает, что именно такие камни им и будут предложены. Конечно, их желания учтут, но в смеси с качественным товаром предложат приобрести и тот, что похуже, и даже совсем плохой. Отказываться от какой-то части партии нельзя, предлагается брать всю целиком. И от всей партии отказываться не принято. Если сайтхолдер решится на такое раз-два, то дальше на очередные сайты его могут не пригласить, и ему придется искать применение своим силам в другом бизнесе. Такое случается редко и считается событием чрезвычайным. Все сайтхолдеры (а их сейчас примерно 150—160 человек) — это проверенные и опытные в алмазных делах люди. У них имеется своя сеть клиентов — оптовых торговцев сырыми камнями в разных частях света. У тех своя клиентура — мелкий опт и гранильная промышленность. В общем, сложилась широко разветвленная сеть по сбыту сырья, в конце которой — огранщики... Через маклерскую сеть готовые бриллианты приходят к ювелирам, которые оправляют их в золото или платину и сбывают торговцам ювелирными изделиями.

— *Довольно сложная, многоступенчатая система...*

— Многоступенчатая — да. Сложная? Я бы сказал, высокоорганизованная и за десятилетия хорошо отлаженная, четкая. Каждый участник этого бизнеса отлично знает представителя вышестоящего звена и свою клиентуру. Любая попытка самостоятельности для нарушителя сложившихся отношений чревата самыми печальными последствиями, он будет изгнан из дела. Такое поведение выработано

десятилетиями жизни в этом сложном мире. Каждый понимает, к каким катастрофическим последствиям могут привести нарушения устоявшихся традиций и правил.

Это, разумеется, не означает, что здесь царят идеальные отношения между участниками. Есть и конкуренция, и соперничество, и всевозможные подвохи. Но это все происходит внутри комплекса. Перед внешней же опасностью весь комплекс выступает монолитом с едиными интересами.

И вот на вершине всей этой разветвленной системы-пирамиды находится ЦСО. Главная ее задача — прогнозировать рынок ювелирных изделий и на основании сделанных выводов регулировать подачу на него оптимального количества сырья. Если в мировой экономике ожидаются повышение деловой активности, рост производства, а в конечном счете и благосостояния населения, ЦСО выбрасывает на сайты большее количество алмазов. Ибо считает: к тому времени, когда они превратятся в ювелирные изделия (на это в среднем уходит год-полтора), на них найдется покупатель. И наоборот, спад производства, застой в мировой экономике ведут к сокращению объема продаж на традиционных сайтах и даже преднамеренному снижению добычи.

— *Как сейчас обстоят дела?*

— Трудный период. В Соединенных Штатах Америки вот уже более тридцати месяцев идет медленный, но неуклонный спад производства. В японской экономике — застой. А ведь на эти две страны приходится шестьдесят процентов продаж ювелирных изделий с бриллиантами. Ни Европа, ни «молодые тигры» Юго-Восточной Азии не смогут восполнить пассивность этого некогда огром-

ного рынка. Приходится сдерживать продажу сырья. Каждый год ЦСО заканчивала с резервными запасами сырья стоимостью примерно в два миллиарда долларов. Ныне в ее кладовых скопилось алмазов примерно на четыре миллиарда. А это омертвленный капитал. Проще говоря — убытки.

— А сама «Де Бирс» сдает в ЦСО свою продукцию по тем же ценам, что и все остальные страны?

— Конечно.

— Некоторые считают, что мы должны со своим товаром самостоятельно выходить на мировой рынок.

— Это была бы самоубийственная акция, которая принесла бы нам не просто огромные убытки, а еще и разрушила бы весь алмазный рынок. Подобные эксперименты чреваты непредсказуемыми последствиями. Надо наконец всем понять, что выгодным для нас (и для всех алмазодобывающих стран) этот рынок может остаться только при самой жесткой монополии производителя сырья.

— Нас долгие десятилетия учили, что монополия — это плохо...

— Правильно, монополия — это плохо. Она ведет к искусственному сдерживанию производства, завышению цен, диктату продавца и так далее. Но это не имеет никакого отношения к алмазам. Они не хлеб, не мясо или, скажем, нефть и газ, без которых человек не может жить, не может вести современное хозяйство. Монопольно высокие цены на предметы роскоши простому человеку не особенно страшны. Они скорее всего не скажутся на уровне его жизни. Наша же страна как производитель заинтересована, чтобы стабильно высокие цены на ее алмазы постоянно росли. А этого мож-

но добиться только при сохранении монопольной торговли ими в сотрудничестве со старыми партнерами.

— Короче, вы хотите сказать, что в наших отношениях с «Де Бирс» все должно остаться по-старому.

— Наши отношения с этой компанией не только не должны, но они и не могут оставаться в старых рамках. В 1959 году мы продали ЦСО первую партию своих якутских алмазов в 12 тысяч каратов за 85 тысяч фунтов стерлингов. Теперь наша добыча превышает добычу самой компании «Де Бирс», которую она ведет на своих предприятиях в ЮАР, Ботсване и Намибии. Однако наша доля в продажах ЦСО составляет всего четвертую часть. Нам кажется, что российская квота могла бы быть побольше. И более серьезным могло бы быть наше участие в обсуждении вопросов о сырьевых ценах на мировом рынке... Но сам принцип монопольной торговли алмазами должен быть сохранен.

— Хорошо. Если с международными делами все более или менее ясно, то с чисто внутренними — столько непонятного.

— По-моему, наоборот, здесь все предельно просто и понятно...

— Якутия требует алмазы себе...

— Правильно делает...

— Но ведь прежде, чем стала возможной нынешняя добыча драгоценных камней, здесь надо было построить города и поселки, рудники и обогащательные фабрики, Вилюйскую ГЭС, проложить дороги, создать многое-многое другое, без чего якутских алмазов вообще не было бы. Государству это обошлось в такую копеечку!

— Но разве меньше вложено страной в освоение тюменских

нефти и газа? Или, допустим, в оросительные системы Средней Азии, разработку угля в Донбассе и Кузбассе? Вы лучше скажите, что получили коренные якуты от миллиардов долларов, вырученных страной в течение тридцати трех лет за добытые здесь алмазы? Или от тех денег, в которые оценено намытое тут за шестьдесят лет золото? После окончания Московского горного института я проработал в Якутии девятнадцать лет и могу по личному опыту судить, что тут взято и что возвращено...

— Тогда у меня в этой связи два вопроса. Будет ли алмазодобывающая отрасль рентабельной? Посчитал ли кто-нибудь, сколько сюда вложено средств и какой получен доход от продажи камней на внешнем рынке?

— На мой взгляд, добыча алмазов будет прибыльным делом... О точном соотношении затрат и доходов за прошлые годы говорить трудно. Дело даже не столько в секретности, которой было окружено все, что касалось этого комплекса, а в принятой у нас противоречивой методике подсчетов, структуре цен, действовавших в стране соотношений курсов доллара и рубля, наконец. Последние всегда, как известно, не соответствовали истинной покупательской способности каждого. Например, подсчитывая стоимость грузоперевозок, которые обеспечивали строительство якутских объектов, учитывали цену израсходованного горючего. Оно же в то время стоило невероятно дешево. Как тут высчитать истинную стоимость того или иного рудника, обогатительной фабрики и так далее? Все предельно запутано, искажено.

Или взять доллар и рубль. Когда-то считалось, что доллар стоит всего шестьдесят копеек — тако-

вым был официальный курс. Но, кроме него, существовало еще несколько курсов с совсем другими соотношениями. По какому вести расчеты эффективности производства? Если посчитать с одной базой — сплошные убытки, если взять за основу другой курс — невероятные барыши. Но, как я уже говорил, все цифры и все расчеты держало в своих руках государство. Оно подсчитывало прибыли и убытки. При этом нельзя быть уверенным, что те, кому доверяли считать, точно знали, что посчитали.

— Выходит, отныне надо наладить более четкую систему подсчетов. Кто будет назначать цены при продаже сырья потребителям?

— Есть прецедент цен, принятых во всем мире, ему и нужно следовать.

— Даже если само государство захочет приобрести в свои хранилища?..

— И оно должно уплатить истинную цену. Правда, я считаю, что ничего не нужно приобретать для хранения. Надо наконец понять, что складированные алмазы — это омертвленный капитал, ничего, кроме убытков, они не приносят. Другое дело, если добыт какой-то уникальный по красоте и величине камень, который может украсить сокровищницу Алмазного фонда страны.

— Теперь я задам свой второй вопрос: имеет ли смысл нам гранить свое собственное сырье? Ведь известно, что ни в одной из алмазодобывающих стран сколько-нибудь серьезно гранильная отрасль не развита. Только у нас. При этом некоторые специалисты утверждают, что делаем это мы себе в убыток.

— Для ясности приведу такое сравнение: в Израиле, одном из четырех мировых центров гра-

нильной промышленности, средний размер гранильной компании — шесть человек. Хозяин и члены его семьи, возможно, несколько наемных работников. А вот коллектив нашего смоленского завода «Кристалл» насчитывает 2800 человек. В израильской мини-фирме хозяин является и бухгалтером, и кассиром, и снабженцем, и кладовщиком, и начальником ОТК, не говоря о том, что он может к тому же сесть за гранильный станок. Смоленский же завод содержит огромный управленческий аппарат, специальные отделы снабжения и сбыта, раздутые службы проверки и охраны. Последние в израильской фирме отсутствуют, так как там работают только свои люди, которые доверяют друг другу.

Но и это не все. Смоленский завод занимается строительством жилья для своих работников и эксплуатацией того жилого фонда, который уже имеется на балансе предприятия. У него огромное автомобильное и крановое хозяйство в 150 машин, потому что в городе нет фирмы, которой можно поручить какие-то грузы, приходится рассчитывать только на свои силы. У завода имеется подсобное хозяйство с фермой крупного рогатого скота. А еще детские садики, ясли, столовая, буфеты и так далее, что требует дополнительных расходов.

В цифрах это выглядит так: в Израиле на шесть тысяч ограничиков приходится всего одна тысяча управленцев, у нас, еще в СССР, на десять тысяч ограничиков их было 14 тысяч.

— Иными словами, на нашем производстве на каждую работающую душу управленцев приходится в 8,4 раза больше, чем там.

— Именно так. Хотя не совсем

ясно, кто управленец, а кто пастух в подсобном хозяйстве. Директор завода был лишен права более разумно распоряжаться кадрами: в Москве решали, определяли...

Но и это не все. Готовая продукция (бриллианты) реализовывалась на мировом рынке внешне-торговыми организациями в долларах, в них же определялась и рентабельность завода. Но заводу «живых» долларов не давали, а переводили в наши внутренние рубли. Таким образом, показатели прибыльности или убыточности производства зависели от того, по какому курсу будет произведен пересчет.

— Поясните, пожалуйста, подробнее...

— Допустим, предприятие выпустило бриллиантов на триста миллионов долларов. При рентабельности 15 процентов его прибыль составит 45 миллионов. Если эти деньги перевести в рубли по курсу шестьдесят копеек за доллар, то заводу полагается всего 27 миллионов рублей. Разумеется, этих денег не хватит на покрытие расходов. Надо просить у государства дотацию. Дела чуть-чуть поправились, когда за доллар стали платить один рубль 68 копеек. Но гранение по-прежнему оставалось убыточным. Когда же перешли на рыночный курс американской валюты, то ни о каких убытках вопросов не вставало...

— Так что гранильное производство нам нужно не только не сворачивать, но и развивать?

— Обязательно. Надо торговать и сырыми алмазами, и бриллиантами.

— Но тогда возникает довольно щекотливая ситуация в наших отношениях с «Де Бирс». Рекламу бриллиантовых ювелирных изделий во всем мире ведет ЦСО, расходуя средства из десяти процен-

тов маржи, взятых в том числе за перепродажу наших российских алмазов. Таким образом, каждый производитель алмазов как бы тратится на рекламу пропорционально своей доле в общем объеме продаж сырья. Реализуя же свои готовые бриллианты, мы на их рекламу не тратим ни копейки. Вряд ли это нравится нашим партнерам.

— Такая проблема, разумеется, существует, и мы обязаны отрегулировать ее. Я думаю, что наша сторона должна вносить на рекламу определенную сумму, которая соответствовала бы нашей доле продаж на мировом рынке готовых бриллиантов. Однако, уверен, эти расходы нас не разорят и будут оправданы...

Я вообще считаю, что создание акционерной компании «Алмазы России — Саха» должно внести определенную четкость во взаимоотношения всех участвующих в этом деле сторон. Тот, кто добывает сырье, должен его добывать и решать, как поставить дело наиболее рентабельно. Тот, кто решил заняться огранкой, пусть гранит и делает это, как считает нужным. А органы, которым надлежит осуществлять контроль за всем комплексом, пусть контролируют то, что им положено по закону. Но никто не должен вторгаться в чужую область деятельности...

ВНИМАНИЮ ТЕХ, КОМУ НУЖЕН ДРУГ И СПУТНИК ЖИЗНИ!

Обратитесь
в Межгосударственную службу знакомств
«ПОИСК»

«ПОИСК» расширит круг Ваших знакомств и окажет помощь в создании дружной, счастливой семьи.

«ПОИСК» располагает межгосударственной информационной сетью.

«ПОИСК» ИЩЕТ И НАХОДИТ!

«Поиск» гарантирует выполнение договорных обязательств.

Сведения об условиях заключения договора Вы получите **бесплатно**, обратившись по адресу:

220002, МИНСК-2, а/я 132

или в одном из отделений нашей информационной сети:

С.-Петербург (тел. 155-13-86), Киев (тел. 449-33-10), Львов (тел. 29-00-05), Краснодар (тел. 97-97-64), Симферополь (тел. 83-23-33), Новосибирск (тел. 22-67-78).

В письмо вложите конверт со своим адресом.

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА:

«Не стесняюсь
быть

сентиментальной»

196

Совсем недавно в ее семье произошло радостное событие. Родился сын Денис, или Дюша, как называет его мама. Знаменитая киношная «интердевочка» в реальной жизни очень домашний человек. Вяжет крючком салфетки, неохотно выбирается на богемные «тусовки». Да и к своей славе относится неоднозначно.

— Лена, мне с трудом удалось отыскать ваш телефон. Скрываетесь от поклонников?

— Приходится. На одного сумасшедшего, например, нашли управу только в милиции.

— А на улице, в магазинах?

— Слава Богу, в лицо не всякий узнает. Или я просто не замечаю. Бывает, правда, пацаны крикнут вслед: «Во! Интердевочка пошла!» Так что слава — удовольствие сомнительное.

— Что ж, такая профессия. Как вы стали актрисой?

— Для меня все произошло как-то само собой. Мой отец был военным, и мы много ездили. Последним местом моего жительства до Москвы был Харьков. Там я получила редкую специальность техника-картографа: рисовала топографические карты. Потом работала в библиотеке на радиозаводе. Только через два года после окончания школы рискнула поступать в театральный институт.

— Почему именно в театральный?

— Актёрская профессия, на мой взгляд, — достаточно разносторонний способ самореализации. Только будучи актрисой, можно почувствовать себя кем угодно: и учителем, и врачом, и даже интердевочкой.

— Помог ли вам жизненный опыт при поступлении?

— Безусловно. Если бы не

было предыдущих двух лет самостоятельной взрослой жизни, я бы, кажется, ни за что не поступила. И мне не приходило в голову бегать по всем театральным училищам, как это принято. Сразу подала документы в ГИТИС и попала на курс к замечательному педагогу В. А. Андрееву.

— Как складывалась ваша дальнейшая творческая судьба?

— После окончания института приготовилась работать в провинции. Надежды остаться в столичном театре не было из-за отсутствия московской прописки. Но все-таки решила попытаться счастья. Безуспешно пробовалась почти во все московские театры. Иногородних никто не хотел брать. Наконец, дошла до «Современника» и решила, что это будет последняя попытка. Больше никуда не пойду. Материал для показа был невыигрышный — монолог. Меня выслушали и попросили подготовить отрывок. Нашла партнершу. И к моему величайшему изумлению, мне сказали: «Приходите, смотрите репертуар, адаптируйтесь».

— И какая была первая роль в театре?

— Неудавшаяся. Заболела актриса, и меня начали срочно вводить на роль Елены Тальберг в «Днях Турбиных». Но ничего не получалось. Переживала страшно. Потом были более удачные попытки. В «Трех сестрах» я сыграла Наташу, в «Звездах на утреннем небе» — Клару и Марию. Но самый любимый спектакль — «Двое на качелях» У. Гиббсона. Это режиссерская работа Галины Борисовны Волчек тридцатилетней давности, но она пришлась как раз по мне.

Я считаю себя человеком сентиментальным, склонным к мелодраматизму, и никогда этого не

стесняюсь, для меня такие человеческие проявления, как любовь, желание быть любимой, являются — в литературе и драматургии — самыми привлекательными. Поэтому все, что касается этих чувств, вызывает во мне творческий отклик. А спектакль «Двое на качелях» построен именно на этом.

— Лена, был период, когда вы ушли из «Современника» к режиссеру Валерию Фокину...

— Бес попутал. Я счастлива, что вернулась в «Современник», где мне дали возможность вновь нормально и полноценно работать.

— Что вы успели сделать за три года у Фокина?

— С режиссером Фокиным — ничего, хотя он собирался репетировать со мной Настасью Филипповну. Но, как известно, делал он спектакль по «Идиоту» более трех лет, и не каждый актер может выдержать так долго. Свой творческий замысел Фокин почему-то реализовал сначала в Японии с Комаки Курихара, а потом уже в России.

Мне в его театре довелось сыграть лишь две роли: в спектакле польского режиссера Богдана Хуссаковского «Прощай, Иуда!» и в работе Андрея Житинкина «Снег недалеко от тюрьмы». Были еще какие-то репетиции, начинания, не доведенные до конца. А срывы я воспринимаю болезненно. В Ермоловском таких срывов у меня было целых четыре — и я ушла. Этот период вспоминать неприятно. Фокин все-таки выпустил спектакль по Достоевскому «Бесноватая», но я до сих пор не могу найти в себе сил его посмотреть. Жду, когда улягутся отрицательные эмоции.

— Итак, «блудная дочь» вернулась в родной театр. Теперь у вас

есть стабильная работа, интересный режиссер Галина Волчек. Считаете ли вы ее «своим» режиссером?

— Дай Бог, чтобы она считала меня «своей» актрисой.

— Появление ребенка сильно сказалось на вашем творческом процессе?

— Муж помогает управляться с малышом. Пеленки стирает.

— Он тоже актер?

— Да, Валерий Шальных — актер нашего театра. Хотя и сложно совмещать творчество с семейной жизнью, все-таки я считаю, что женщина должна быть прежде всего женой и матерью. Поэтому и решилась наконец родить ребенка.

— Кем бы вы хотели видеть в будущем своего сына?

— Мне нравится, например, когда я вижу маленького ребенка за большим роялем... Или что-нибудь в этом роде. И все-таки вундеркинды — это дети, лишенные многих радостей. Для меня главное, чтобы мой сын вырос здоровым, а все остальное приложится.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— Сейчас, наверное, еще рано говорить о том, сложилась или не сложилась моя актерская судьба. За этот период довелось сыграть немало ролей. О каких-то говорили больше, о каких-то меньше. Но у меня такое чувство, что главное — впереди.

— И все-таки в одно прекрасное утро вы проснулись знаменитостью. После «Интердевочки». Как вы можете объяснить феномен такой популярности?

— Мне кажется, сам факт экранизации нашумевшей повести В. Кунина был гарантией успеха. Ну и, конечно, важно то, что за эту работу взялся талантливый режис-

сер Петр Ефимович Тодоровский. Он сумел собрать вокруг себя не менее талантливую съемочную группу.

— Как складывались ваши дальнейшие отношения с кинематографом?

— После «Интердевочки» на моем счету восемнадцать фильмов. Но в нашем кино сейчас происходит нечто странное: фильмы выпускают, но на экранах их не видно. В кинотеатрах идут сплошные американские боевики. Недавно по телевизору совершенно случайно узнала, что фильм «Одна на миллион» режиссера Р. Мурданяна, где я снималась, занял первое место в кино-хит-параде. А на широком экране его что-то не видно. Получаются какие-то игры для самих себя. Проходят отечественные кинофестивали — «Ника», «Созвездие», «Кинотавр», — и на них все кончается. Создается впечатление, что в прокат ничего не попадает.

— Расскажите о своих последних работах в кино.

— В фильме Тодоровского «Анкор! Еще анкор!» у меня острохарактерная роль, каких я до сих пор не играла. Я рада, что режиссер увидел во мне характерность. Что из этого получилось — судить зрителю. Если, конечно, фильм дойдет до экрана...

Интересная женская судьба в картине Инессы Селезневой «Воспитание жестокости у женщин и у собак», небольшая, но оригинальная роль в фильме молодого режиссера Юрия Мороза «Черный квадрат» — это мои последние работы.

Меня увлекают нормальные человеческие характеры и взаимоотношения. Люблю кино доброе, доступное каждому, вызывающее у людей душевный отклик. А когда иные молодые режиссеры на-

чинают экспериментировать только ради самовыражения, желание с ними работать пропадает. Мне не нравится такое эстетски-наплевательское отношение к зрителю. Ведь в конечном итоге мы работаем для людей, а не для себя.

Впрочем, сейчас я не отказываюсь ни от каких ролей, если сценарий интересный. И попробовать себя хочется, и деньги нужны. Жизнь сейчас такая тяжелая! Мне вообще на заработки не везет. Коллеги рассказывают о каких-то баснословных суммах, полученных за кооперативные картины. А мой единственный рекорд — тридцать тысяч за четыре месяца съемок. В театре, как известно, зарплаты небольшие, а на рождение Дюши государство нам выделило тысячу триста. Только вот до райсобеса не дойдем. Мне сейчас предлагают сниматься в рекламе, да я раздумываю...

— *А почему бы и нет? Если Настасия Кински непринужденно рекламирует мыло «Люкс», почему бы этого не делать русской «звезде» Елене Яковлевой? Кстати, выглядите вы не хуже ее даже после родов. И как вам это удается?*

— Специально своей внешностью я не занимаюсь. Только с прической мучаюсь. Театральные роли не позволяют соорудить на голове что-нибудь экстравагантное. А вообще предпочитаю спортивный стиль: джинсы, свитера. Легко и удобно.

— *Раз уж мы заговорили на житейские темы, расскажите, пожалуйста, о своих увлечениях, не касающихся профессии.*

— Люблю сидеть дома. Да и ситуация сейчас к этому обязывает: стираю, готовлю, убираюсь, кормлю ребенка. Читаю Бенджамина Спока — учусь материнству. А когда ждала ребенка, то запоем

читала детективы. Кого на соленые огурцы тянет, а меня на такое чтение. Может, у меня будущий Шерлок Холмс родился! И еще у нас один член семьи требует внимания и заботы — коккер Грэй. По-домашнему мы зовем его просто Гриша.

Иногда приходится выходить «в свет», бывать на каких-то презентациях, фестивалях, премьерах. Но, честно говоря, я — небольшая любительница подобных развлечений. В молодости было интересно, потом надоело.

— *Лена, о чем вы мечтаете?*

— Главное — влюбиться в роль. И эта влюбленность возникает стихийно. У меня никогда не было желания сыграть, например, Джульетту или Анну Каренину. Знаю только, что в «Современнике» меня ждет интересная работа. Какая — пока неизвестно. Но верю в высокий имидж своего театра и в талант Галины Борисовны Волчек. Она умеет увлечь, пробудить в актерах творческое начало. В общем, я мечтаю о том, чтобы на работе и дома все было благополучно.

— *А что бы вы пожелали читателям нашего журнала и своим многочисленным поклонникам?*

— Благополучия и удачи.

**Беседовала
ЕЛЕНА САСИМ**

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МИПОГРАДОВИЧА

генерала

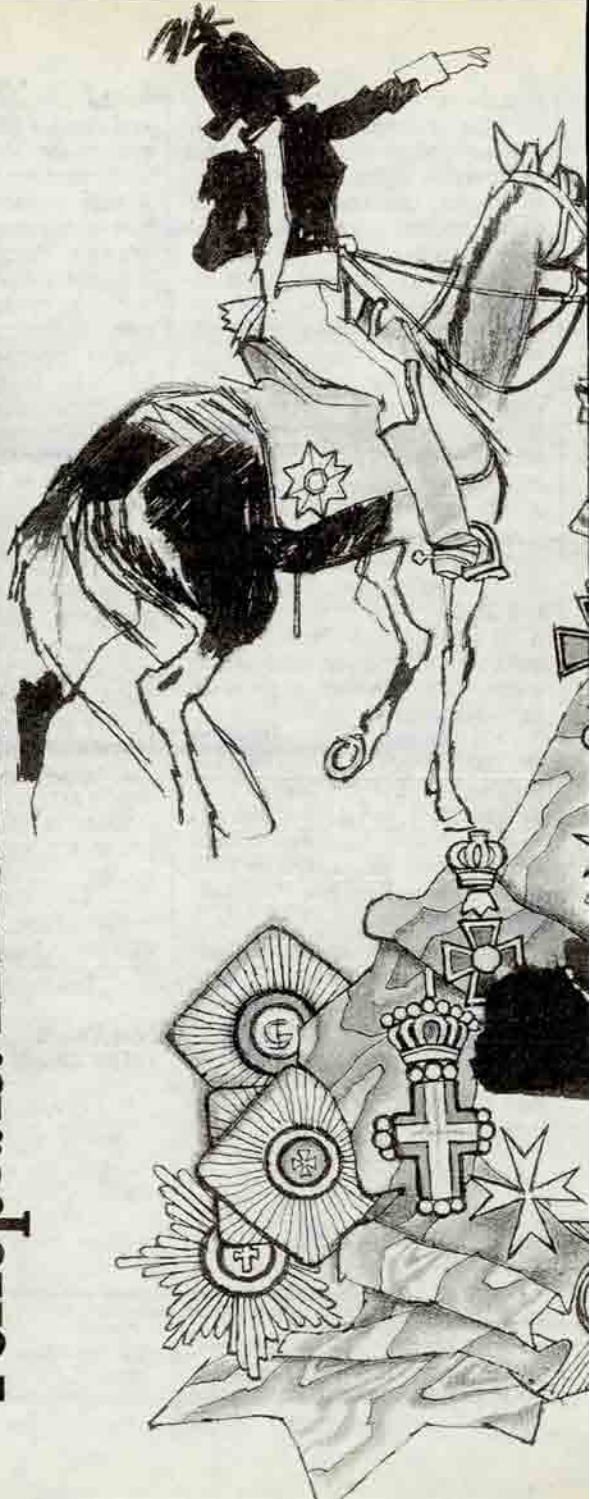

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Михаил Андреевич Милорадович принадлежит к тому ряду обделенных справедливостью персонажей нашей истории, которых три четверти века числили по ведомству отрицательных, предпочитая не привлекать внимания читателей к истинной их роли в судьбе России. Метаморфоза, происшедшая с личностью Милорадовича, — типичный тому пример.

О воинских его подвигах, почти легендарных, о рыцарстве и благородстве, оцененных по достоинству современниками, в том числе и Кутузовым, называвшим его «русским Баярдом», не говорилось вовсе или же скороговоркой в примечаниях, зато о любовных увлечениях — целая литература. Повятно, что усмиритель декабристов и первая их жертва не должен был вызывать симпатий у классово мыслящего читателя. Теперь, когда настала пора мыслить не классово, но по-человечески, не откажем себе в удовольствии воспользоваться такой возможностью. Тем более что в случае с Милорадовичем это вовсе не составляет труда: в реляциях военных кампаний конца XVIII — начала XIX века имя его встречается столь же часто, как и имена Багратиона, Платова, Дениса Давыдова, а если поворошить и прибавить к тому обильные и щедрые воспоминания современников о Милорадовиче, читатель, как нам кажется, получит достаточно верное представление об этом герое русской истории.

ЖИЗНЬ

Суворов увидел его ребенком в доме друга своего Андрея Степановича Милорадовича и тогда сказал ему:

— Миша будет славным генералом.

Служа в Измайловском полку прапорщиком, Милорадович услышал, что одного из его товарищей называли лучшим танцором. Милорадович сказался больным, заперся в своей комнате, нанял первого балетмейстера того времени и не выезжал со двора, пока не превзошел в танцах своего соперника.

При переходе через Альпы Милорадович начальствовал передовым отрядом. Достигнув вершины горы, утесистой как стена, солдаты были в недоумении: как спуститься вниз?

— А вот как, — сказал Милорадович, опрокинулся на спину и покатился с горы.

Солдаты сделали то же и полетели за ним. Ожидавший у подошвы неприятель встретил их жестоким ружейным огнем. Но русский отряд, упавший с облаков, как горная лавина, расстроил, смял и раздавил неприятеля.

В ту же кампанию — при Бассиньяно — превосходство неприятельских сил произвело замешательство в рядах русских. Схватив знамя, Милорадович закричал:

— Солдаты! Смотрите, как возьмут в плен вашего генерала! — и поскакал вперед, увлекая за собой ободренное войско. Победа была полная, а по неожиданности атаки обошлась малою кровью.

В Италии Милорадович переправлялся через реку в виду французов. Неприятель целил в генерала, окруженного своими адъютантами. Милорадович вынул из кармана анненскую ленту и, надев ее на себя, сказал:

— Посмотрим, умеют ли они стрелять!

При взятии Бухареста в 1806 году Милорадович был с передовыми казаками. Турецкий наездник вынесся из рядов и навел на него ружье. Обратясь к своим конвойным белорусским гусарам, Милорадович крикнул:

— Братцы, продайте мне лошадь этого молодца!

Бросившись вперед, гусары закололи наездника и привели лошадь генералу. Милорадович тотчас заплатил гусарам сто червонцев из своего кошелька.

После сражения, увидя сильно изрубленного солдата Белорусского гусарского полка, Милорадович спросил его:

— Сколько у тебя ран?

— Семнадцать, ваше превосходительство!

Милорадович тотчас отсчитал гусару семнадцать червонцев — из того же кошелька.

Сражение при Кремсе — одно из замечательнейших в продолжение похода 1805 года — успехом своим во многом обязано отважным действиям Милорадовича. Несколько тысяч пленных, пушки, знамена — плоды этой победы, а генерал-лейтенантский чин и орден св. Георгия 3-го класса — награда победителю. Увидя Милорадовича после дела, Александр I, обратясь к войску, сказал: «Вот генерал, который достал себе чин штыком!»

Осматривая передовые посты, Милорадович заехал далеко вперед в сопровождении немногих офицеров. Вскоре его заметили неприятельские стрелки и, засев в кустах, начали метить в Милорадовича.

— В вас целят, ваше превосходительство! — прокричал ему Паскевич.

Тотчас же пули засвистали над головами, понуждая многих офицеров к поклонам. Милорадович, однако, продолжал спокойно отдавать приказания передовым постам и, простояв на том же месте еще несколько минут, оборотил лошадь и медленно поехал к своим колоннам. После сего сопровождавший Милорадовича генерал Ермолов сказал ему:

— Надобно иметь запасную жизнь, чтобы быть везде с вашим превосходительством.

В сражении под Вороновом (шла уже кампания 1812 года) Милорадович, по обыкновению своему, был в седле, когда пуля сшибла у него эполет. Не меняя ни позы, ни тона, но как бы с удивлением Милорадович сказал только:

— Итак, наконец первый раз в моей жизни пуля осмелилась прикоснуться ко мне!

Никто из генералов не дразнил так французов, как авангардный начальник русских Милорадович. Куда как храбр был Мюрат, но и ему не утнаться было за русским генералом. Однажды в деле Мюрату вздумалось кушать кофей под выстрелами русских часовых. Милорадович выехал за нашу цепь. Пули посыпались на него со всех сторон, что, впрочем, не помешало ему заметить удалство Неаполитанского короля.

— Бог мой! — воскликнул Милорадович. — Уж не хочет ли Мюрат удивить русских?.. Стол! Прибор!.. Я здесь обедаю!

В трехсуточном сражении при Красном солдатам показалось, что уже 8 ноября, то есть день именин Милорадовича, и едва он явился перед рядами, как раздалось: «Ура! С днем ангела отца нашего!» В ту же минуту из леса показалась первая колонна французов, предводимая Неём.

— Солдаты! — обратился к Павловскому полку, сказал Милорадович. — Благодарю за поздравления и дарю вам эту колонну!

Едва он успел произнести эти слова, павловцы ударили в штыки, рассеяли и смяли французов.

В одном из сражений русский авангард несколько раз нападал на батарею и всякий раз был опрокинут французами. Чтобы воодушевить солдат, Милорадович бросил кучу георгиевских крестов на батарею со словами: «Солдаты, собирайте награды!»

Батарея была взята штурмом, и каждый из оставшихся в живых получил свой боевой крест.

В пылу Бородинского сражения Милорадович одаривал червонцами тех солдат, которые не убивали пленных, а приводили их живыми.

За Бородинское сражение вместо ордена св. Георгия 2-го класса, обещанного ему Кутузовым, Милорадович получил алмазные знаки ордена Александра Невского. Позже, рассказывая о Бородине, он говорил: «Как град сыпались на нас ядра, картечи, пули, бриллианты!»

Милорадович послал сказать Мюрату, что если французы хотят занять Москву невредимую, то они должны наступать не быстро и дать русским спокойно выйти из нее со всею артиллериею и обозами, иначе он будет сражаться пред Москвою и в улицах до последнего человека, а вместо города оставит им одни развалины. Один из адъютантов Милорадовича сказал: «On ne brave pas ainsi l'armée Française». — «C'est à moi à braver, et à vous à mouir!»* — отвечал Милорадович.

* «Не так уж бесстрашна французская армия». — «Это я храбр, а вы умираете!» (По свидетельству современников, Милорадович дурно владел французским.)

Арьергард вышел из Москвы, оставив два эскадрона полка Панчулидзева, которые или опоздали, или заблудились в Москве, оставшись позади неприятельской цепи. Милорадович послал адъютанта требовать возвращения их; но, почитая дело слишком важным, сел верхом, опередил адъютанта, проскакал один через неприятельские посты, сказал приветствия генералу Себастьяни и, не ожидая ответа, скомандовал нашим эскадронам: «По три направо заезжай!», вывел их из неприятельской цепи и с ними вместе освободил еще множество подъехавших из Москвы экипажей.

Милорадович завязал жаркое дело с Мюратом, который несколько раз переменил пункты атак, но не имел успеха и к вечеру отступил немного. На следующее утро Милорадович объезжал войска и, сжался над неприятельскими ранеными, лежавшими на поле сражения позади нашей передовой цепи, поскакал к французским пикетам и сказал им, что позволяет перевезти раненых и прислать за ними подводы. Мюрат пригласил Милорадовича на свидание, благодарил за попечение о раненых и завел речь о прекращении войны; но, едва намекнув, что пора мириться, получил от Милорадовича ответ: «Если заключим теперь мир, я первый снимаю с себя мундир».

По оставлении Москвы Кутузов отступил по рязанской дороге, и третьего сентября армия тронулась из Палков к Боровскому перевозу. Милорадович стоял еще в Вязовке. Объезжая передовую цепь, он увидел Мюрата, находившегося на французских аванпостах. Сближаясь понемногу, они подъехали друг к другу.

— Уступите мне вашу позицию, — сказал Мюрат.

— Ваше величество! — отвечал Милорадович.

— Я здесь не король, — прервал его Мюрат, — а просто генерал.

— Итак, господин генерал, — продолжал Милорадович, — извольте взять ее — я вас встречу. Полагая, что вы меня атакуете, я приготовился к прекрасному кавалерийскому делу. У вас конница славная; пусть сегодня решится, чья лучше — ваша или моя? Местоположение для кавалерийского сражения выгодно; только советую вам не атаковать с левой стороны, там болота.

Милорадович повел Мюрата на левое крыло и показал ему топкие места. Удивленный откровенностью, Мюрат не завязывал дела. Милорадович к вечеру отошел к Палкам, откуда армия отступила накануне к Боровскому перевозу. На следующее утро, находясь в виду Милорадовича, Мюрат прислал известить его о намерении своем атаковать через четверть часа. Между тем они съехались на передовой цепи.

— К чему проливать кровь, — сказал Мюрат. — Русская армия отступает, арьергард ваш должен соображаться с ее движениями; отойдите без боя.

— Не могу, — отвечал Милорадович, — и если вам угодно поехать со мною, вы удостоверитесь лично в причине моего отказа.

Они поехали через нашу цепь. Увидя себя посреди русских, Мюрат оробел и оглянулся на свою свиту, оставшуюся позади.

— Не бойтесь ничего, — сказал Милорадович, — вы здесь безопасны.

Он послал за стоявшими в отдалении адъютантами и ординарцами Мюрата, приглашая их приехать за нашу цепь, показал свою позицию Мюрату и по просьбе его уступил ему находившуюся впереди ее деревню, не имея надобности оную удерживать.

Мюрат хотел было ехать ближе к нашему авангарду, но Милорадович, указав ему на войска, сказал:

— Моим храбрым солдатам неприятно будет, если они увидят нас долго разговаривающих вместе, — и проводил Мюрата до французских аванпостов.

За Кульмское сражение император Александр I пожаловал Милорадовичу 50 000 рублей. Через неделю все деньги были издержаны на пиры и розданы нижним чинам.

В 1814 году в Париже, нуждаясь в деньгах, Милорадович просил императора о выдаче ему жалованья и столовых за три года вперед. Просьба была удовлетворена, но еще до выезда Милорадовича из Парижа деньги были израсходованы — тем же манером.

В каком-то прусском городе на отведенной ему квартире Милорадович спрашивает у хозяина: кто он?

— Купец, — отвечает тот и прибавляет: — Без торговли и без денег!

Милорадович кидается ему на шею:

— Как я рад! Это нас сближает... Вот и я ничего не имею; все промотано!

— Не понимаю, как это можно жить без долгов? — признавался Милорадович сослуживцам.

В 1816 году государь пожаловал графу 300 000 на уплату его долгов, о чем Высочайшее повеление министру финансов должен был объявить Аракчеев. Но тот медлил с исполнением. Милорадович приехал просить его об ускорении дела. Выслушав просьбу, Аракчеев сказал:

— Вот то-то, граф, государь наш очень добр и слишком щедро раздает деньги.

— Это вы оттого так рассуждаете, — отвечал Милорадович, — что, сидя дома, только льете пули, а ваше сиятельство заговорили бы иначе, если бы, по-нашему, встречали их в поле.

Аракчеев, как известно, храбростью не отличался.

В апреле 1820 года — будучи уже петербургским генерал-губернатором — Милорадович получает приказание императора сделать обыск в квартире поэта Пушкина на предмет «вольных» стихов, ходивших в списках. Пушкин сам является к Милорадовичу со словами:

— Граф, все мои стихи сожжены; у меня ничего не найдете на

квартире, но если вам угодно, все найдется здесь, — говорит Пушкин, указывая пальцем на лоб. — Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем.

Пушкин заполняет стихами целую тетрадь. Милорадович со смехом читает стихи, выражает сожаление, что Пушкин ничего не написал против Государственного совета (или Сената), и от имени императора объявляет Пушкину прощение. О дальнейшем — в записках Ф. Н. Глинки:

«На другой день я постарался прийти к Милорадовичу пораньше и поджидал возвращения его от государя. Он возвратился, и первым словом его было:

— Ну, вот дело Пушкина и решено!

Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал:

— Я вошел к государю с своим сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбросалось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а на конец спросил: «А что ж ты сделал с автором?» «Я?.. — сказал Милорадович, — я объявил ему от имени вашего величества прощение!..» «Тут мне показалось, продолжал Милорадович, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: «Не рано ли?!» Потом, еще подумав, прибавил: «Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

Юг — не Сибирь, которая Пушкину была уже уготована за то, что, по словам государя, «он наводнил Россию возмутительными стихами».

Спустя несколько дней отец поэта, Сергей Львович, писал Жуковскому: «Что касается графа Милорадовича, то я не знаю, увидя его, брошусь ли я к его ногам или в его объятия».

Недели за две до 14 декабря 1825 года Милорадович был в гостях у князя Шаховского. В то же время к князю пришла старушка немка Кирхгоф, мастерица гадать в карты. Сидя с девицами у чайного стола, она по их просьбе гадала, предсказывая каждой из них разные разности. Милорадович шутя припугнул ворожею, сказав, что вышлет ее с жандармами из столицы; потом попросил разложить ему карты, бросив на стол двадцатипятирублевую ассигнацию.

Гадальщица повиновалась и затем объявила, что не смеет сказать графу его будущего из боязни его испугать. Это рассмешило Милорадовича, и он настойчиво требовал ответа. Тогда ворожея попросила его выйти в другую комнату. Граф исполнил ее желание; она что-то долго говорила ему и возвратилась видимо взволнованная. Когда в столовую вошел граф, все приступили к нему, прося, чтобы он объявил, что сказала ему ворожея. Он, смеясь, отвечал: «Вообразите, колдунья сказала мне, что через две недели я буду убит!»

События того дня, названные Чаадаевым национальной трагедией и, по его же словам, отбросившие Россию на полвека назад, получили в советской историографии, мягко говоря, несколько иную оценку. Тем более ценны для нас воспоминания очевидцев, одним из которых и был Александр Павлович Башуцкий (1803—1876), в ту пору адъютант петербургского генерал-губернатора Милорадовича и который неотлучно провел с нашим героем последний день его жизни.

Воспоминания Башуцкого мы начинаем с той самой минуты 14 декабря 1825 года, когда Милорадович — в мундире, при шарфе, в белых панталонах, в ботфортах, с андреевскою лентою через плечо и в сопровождении одного адъютанта — явился на Сенатскую площадь.

...Мы двинулись вперед и тотчас врезались в толпу. Раздвигая людей лошадью и криком, чтоб посторонились, граф медленно двигался по тесной, с трудом очищавшейся дорожке. Так добрались мы до толпы бунтовщиков, перед которою в 10—12 шагах граф остановился. Я стал с правой стороны его лошади, народ отшатывался, отступал за его лошадь и, столпясь тесно кругом, оставил место спереди свободным. Милорадович не знал, что это место было его Голгофою...

Нет сомнения, что ничего подобного не придется вперед видеть. Я говорю о физиономии этой площади и народа. Тут были люди, которых никогда не бывало в Петербурге: старинные фризковые шинели с многими воротниками, шинели гражданские, порядочные и при них на головах мужицкие шапки, полушубки при хорошем нижнем платье и круглых шляпах, и все эти костюмы опоясаны белыми полотенцами... Очевидный маскарад. Вот народ!.. А бунтовщики, войско?.. Расстегнутые, с заваленными на затылок киверами, с амуницией в беспорядке, краснорожие, пьяные... в стае, в таборе, в толпе, оглашавшей воздух непонятными гулами, криком бессмысленным... И между ними мы тогда не заметили ни одного лица, которое бы походило на офицера, на начальника¹.

Кроме военного, никто не имеет понятия о том нравственном могущественном механизме, которым начальник бывалый, знающий глубоко натуру солдата и человека, обращает такую неурядицу, такую бурю в тишину, умеет буйство перерождать в покорность и кротость. Помолчав несколько с глубоким умением, сильно говоря лишь своим именем, увещанною отличиями грудью, выражением лица, глазами, граф уже значительно уменьшил шум. «Смирно!» — сказал он. И только одно это слово было повторяемо им четыре раза, пять раз, с изменением взгляда, голоса, и при каждом разе то там, то тут стихало. Люди как

¹ Они, как известно, были тут, но прятались в толпе переодетые. (Здесь и далее примечания автора.)

будто против воли оправлялись, и водворялась некоторая стройность. При последнем разе шайка эта походила уже на правильную команду, а площадь была так тиха, что ни один из присутствовавших не пошевелился бы из боязни нарушить это безмолвие.

Милорадович, как известно, говорил с солдатами превосходно. Я не могу передать ни интонации и выразительности его голоса, ни оживления глаз, ни движений духа, ни жеста, ни временных остановок, а в этом именно главная сила и деятельность. Но вот его слова:

«Солдаты! Солдаты!.. Кто из вас был со мною под Кульмом, Люценом, Баутценом, Фершампенаузом, Бриеном?.. Кто из вас был со мною, говорите?!. Кто из вас хоть слышал об этих сражениях и обо мне? Говорите, скажите! Никто? Никто не был, никто не слышал?!» (Он торжественно снял шляпу, медленно осенил себя крестным знамением, приподнялся на стременах и, озирая толпу на все стороны, с прекрасным движением руки вверх произнес величественно и громогласно.) «Слава Богу! Здесь нет ни одного русского солдата!» (Долгое молчание.) «Офицеры! Из вас уже верно был кто-нибудь со мною! Офицеры, вы все это знаете?.. Никто?» (Он повторил то же, еще торжественнее.) «Бог мой! благодарю Тебя!.. Здесь нет ни одного русского офицера!.. Если бы тут был хоть один офицер, хоть один солдат, тогда вы знали бы, кто Милорадович!» (Он вынул шпагу и, держа ее за конец клинка эфесом к шайке, продолжал с возрастающим одушевлением.) «Вы знали бы все, что эту шпагу подарил мне цесаревич великий князь Константин Павлович, вы знали бы все, что на этой шпаге написано!.. Читайте за мною (он будто указывал буквы глазами и медленно, громко произносил): «Дру-гу мо-ему Ми-ло-ра-до-ви-чу»... Другу! А?.. Слышите ли? Другу?!. Вы знали бы все, что Милорадович не может быть изменником своему другу и брату своего царя! Не может! Вы знали бы это, как знает об этом весь свет!» (Молчание святое, мертвое. Он медленно вложил в ножны шпагу.) «Да! Знает весь свет, но вы о том не знаете... Почему?.. Потому, что нет тут ни одного офицера, ни одного солдата! Нет, тут одни мальчишки, буяны, разбойники, мерзавцы, осрамившие русский мундир, военную честь, название солдата!.. Вы — пятно России! Вы преступники перед царем, перед Отечеством, перед светом, перед Богом! Что вы затеяли? что вы сделали?» (Возраставшего оживления его слов, возвышения голоса, огня движений, жестов передать невозможно. Они лились, как электрический ток. Подняв высоко руки, он уже не говорил, он гремел, владычествовал, повелевал толпою. Люди стояли, вытянувшись, держа ружья под приклад, глядя ему робко в глаза. Он продолжал, усиливая свое на них действие.) «О жизни вам и говорить нечего, но там... там!.. слышите ли? у Бога!.. Чтоб найти после смерти помилование, вы должны сейчас идти, бежать к царю, упасть к его ногам!.. Слышите ли?!. Все за мною!.. за мной!» (Он взмахнул руками.)

Это движение было невыразимо, бесподобно! Толпа солдат шатнулась, она непременно побежала бы за ним, можно было поклясться в том. Звонкий одновременный темп отданной ему

воинской почести и громовое «Ура! Милорадович!» огласило воздух. Все было кончено. Ура, Милорадович! Сердце мое высоко билось, голова горела радостью, счастьем и чрезмерною к нему любовью. Стоя с правой стороны его лошади, я, чтобы взглянуть на его огневые глаза, оборотился влево. Но... вдруг руки его упали, будто свинцовые, туловище перегнулось, шляпа свалилась с головы, а испуганная лошадь вырвалась из-под ног, которые тяжело брякнули о землю. Я едва успел только подставить грудь и на нее, укрепясь ногами, сколько имел сил, принял его плечи и голову, которая раздробилась бы неминуемо в этом падении. Толпа отхлынула волною. Я остался с ним один... Легонькое облачко сизого дыма волновалось, расходясь в воздухе на том самом месте, где он стоял на лошади². Выстрела не было слышно за оживлением ли его речей и всей этой драмы, в которой душа не могла не быть неизъятно привязана, за криком ли последнего, решившего дело «ура», — не знаю.

Крепко охватив раненого, прислонив его к склоненному колену, я глядел ему в лицо, повторяя: «Граф, граф!» Черты его выражали страшное страдание. Он открыл глаза, пристально всмотрелся в меня и, схватив сильно за руку, сказал прерывисто и глухо: «*Je meurs...! C'est fini... mais... c'est bien... j'ai fait mon devoir**». Таковы были его первые слова и чувства.

Я не знал, что делать, звал, манил рукою людей из толпы, требовал... Ни один человек не подходил. Вдруг раздались выстрелы и несколько пуль из стаи бунтовщиков, свистя полетели в толпу народа, стоявшего позади нас³, послышались крики, толпа эта всколебалась, отдаляясь. С силою отчаяния я схватил тогда графа под плечи и, пятясь, повлек его буквально ногами по земле к стороне манежа, где место было свободнее. Тут, наткнувшись на группу людей, я положил его на минуту прямо на снег и, воспаленный, уже остервенелый, криком, ругательством, кулаками, пинками, побоями принудил четырех человек (из которых, помню, трое были в тех же фризовых шинелях) помочь мне поднять его. К нам присоединился еще шестой, порядочно одетый, тут же оконтуженный жидок, добрый малый, который пострадал за свое доброе сердце. Но о нем после, эта частности тоже любопытна.

Наконец мы могли поднять графа на руки. Я держал его под плечи несколько боком, так что правую руку свою он закинул за

² Он был застрелен Каховским. Переодетый, в толпе народа, став за самую лошадью графа, он подкрался к нему вплотную с левой стороны и выстрелил ему в бок спины, в андреевскую ленту над самым крестом. Пуля по этому направлению, снизу вверх, от спины к груди, перервала диафрагму, пробила все благородные части, осунув их вниз, и остановилась под правым соском. Рана неслыханно ужасная. О положении раны узнали лишь после его смерти; о месте, где остановилась пуля, — за несколько часов до нее.

* «Я умираю...! все кончено... хорошо... я исполнил свой долг».

³ Кто объяснит это необъяснимое обстоятельство? Нет сомнения, что еще минута-две — и Милорадович один, как он сказал, кончил бы дело. Бунтовщики были побеждены, их движение и последнее «ура» решили его. Бунтовщики (я смею быть уверенным в том) в эту минуту стреляли едва ли не в убийцу Милорадовича.

мое плечо; жидок близ меня поддерживал его торс, другие пода-
лее держали ноги. Не было возможности и помышлять нести его
в дом, который он занимал (в большой Морской, военного гене-
рал-губернатора), переходить через всю площадь и смежные
улицы было бы несбыточно.

С первой же минуты я принял намерение отнести его на
квартиру А. Ф. Орлова⁴: более удобного ближайшего помещения
найти было, конечно, невозможно. Неся его, я пилился задом.
Таким образом, осторожно и медленно подвигаясь, я проходил
ворота, которыми на известных расстояниях прорезана стена
здания и под которыми находятся направо и налево двери
в конюшни. Подходя к одним из этих ворот, я услышал за собою
стук копыт по мостовой: кто-то выезжал. Мы остановились.
Перегнув голову через плечо, я ждал. Выезжавший на рыжей
лошади был А. Х. Бенкендорф. Зная их дружбу, я без соблюде-
ния строгой дисциплины, сказал: «Посмотрите, что сделали
с графом!» Щелкнув языком, подобрав трензель и прижав шен-
кель, не оборотив даже головы, Бенкендорф прогалопировал
мимо... Признаюсь, я не понял этого, может быть, высокого
воинского хладнокровия.

Почти в эту минуту граф слабо дернул меня за аксельбант
рукою, перевесившеюся через мое плечо. Я приклонился к нему.
Я думал, что это судорога предсмертного страдания. «Куда?» —
спросил он меня довольно живо. «На квартиру А. Ф. Орлова, —
отвечал я, — до вашего дома нет никакой возможности дойти».
«Не хочу», — возразил он еще живее. Относилось ли это «не
хочу» к его дому, или к квартире Орлова — не знаю, но я все-
таки продолжал идти по прежнему направлению, да более идти
было и некуда. Но едва миновали мы еще ворота, он, снова
и очень уже сильно дернув меня за аксельбант, сказал с запаль-
чивостью: «Я еще жив, сударь... исполняйте мое приказание!» —
«Что прикажете, граф?» — «Воротитесь... сюда... на солдатскую
койку».

Мы отступили пройденные десяток шагов к подъезду, который
только что миновали. Внизу находятся конюшни; во втором
этаже над ними дверь была заперта; должно было по довольно
узкой лестнице, с чрезвычайным трудом и с увеличением стра-
даний раненого нести его в третий этаж.

Отделение, в которое мы вошли, было пусто. Оно состояло из
небольшой комнаты с перегородкою и другой, несколько пооб-
ширнее, в два окна. Ничто не означало, чтоб здесь постоянно
жили. Кроме простого стола и пяти-шести стульев, стоял здесь
покосившийся, жесткий изорванный и без боковых подушек
диван.

Мы уложили графа на этот диван, расстегнув мундир, шарф
и нижнее платье. Он требовал лечь немедленно, не позволив
себя раздеть. Да и чем же было прикрыть его? При чрезвычайной
бодрости, силе и сосредоточенности в руках и голове он не мог

⁴ Орлов Алексей Федорович (1786—1861), генерал-майор, командир л.-гв.
Конного полка, с которым участвовал в подавлении восстания 14 декабря 1825
года. (Прим. ред.)

стоять, двигаться, говорил мало и явно побеждал глубокое страдание. Он был положен прямо на спину (так ему было спокойнее) и голову затылком прислонил к необитому локотнику дивана. Это положение при подобной ране было новою пыткой. Я сказал, что со мною были четыре человека, с боя захваченные мною на площади, и оконтуженный жидок, весь в слезах, вызвавшийся прислуживать. Я оставил раненого на их руках и кинулся искать доктора.

Полковой доктор Габерзанк жил на конце улицы, в тех же казармах. Когда я вбежал к нему, он, стоя перед зеркалом, застегивал галстук. Увидев меня в зеркало и с ужасом оборотясь, он зорко меня осматривал. Только тут я впервые заметил, что мое нижнее платье (белое) было буквально облито кровью, особенно же по левой ноге, к которой ближе раненый прислонился спиною, когда мы его несли. Габерзанк быстро расспросил о событии, вооружился инструментами, взял несколько банок, корпии, пластырь, и мы побежали назад.

Граф лежал в том же положении, но он уже был совершенно раздет. Полуобнаженный, в одной рубашке и длинных шелковых чулках, он лихорадочно вздрагивал: в комнате было очень холодно. Доктор, внимательно осмотрев и ощупав его с головы до ног, стал прислушиваться к пульсу, для чего вынул свои часы. Я взглянул на них; было около десяти минут второго часа, следовательно, по довольно верному соображению времени граф был ранен в половине первого или около. Вероятно, эти часы в руках доктора дали направление мыслям графа. «Где мои часы? — спросил он меня твердым, но негромким голосом. — Отыщите... вы знаете, как я люблю этот брегет⁵... кажется, они упали тут, когда раздевали меня». «Они тотчас будут найдены»⁶, — отвечал я и, оставив при нем доктора, принялся за розыски.

В углу на полу лежала куча платья — мундир, сапоги и жилет. Я стал пересматривать все и, к изумлению, увидел, что почти все звезды и кресты исчезли, из кармана была вынута книжка; часов же не было и следа. Выйдя в другую комнату, я вызвал жидка. Он был тут один, когда мы вошли с доктором; других четырех человек уже мы не застали. Вот сущность его рассказа, перемешанного слезами, рыданиями, выражениями ужаса и чрезвычайного простодушия.

Лишь только я вышел, уложив на диван графа, с ним сделался обморок. Испуганный жидок просил помощи у других четырех товарищей⁷. Те признали необходимым немедленно снять все с обеспамятевшего. Мы увидим, до чего они простерли эту заботливость облегчить его. Так мучили, терзали, переворачивали они, слава Богу, бесчувственного к этой новой для него ране

⁵ Этот брегет был подарен ему во время оно Ольгою Потоцкою, к которой он питал самую горячую и наделавшую много шума страсть.

⁶ До самой исповеди во все время этого последнего дня, даже при ужасных страданиях, граф много раз спрашивал меня: «Нашлись ли часы?»

⁷ Тут не было ничего, ни капли воды, ни полотенца, ни стакана, ни подсвечника — ни ложки, ни плошки.

страдальца и, совершив свое дело, скрылись, оставив тут жидка одного. Может быть, и, когда раздели графа, внезапно охвативший его холод комнаты способствовал скорейшему возвращению его к чувству.

Я не мог не верить жидку, но я не мог и не оскорбить его самым строгим обыском, которому подверг и все в комнатах до последнего угла.

Габерзанк не видел раны, но по ощупыванию, прислушиванию к движению воздуха в грудных сосудах, по расспросам о том, как я нес графа, и по наблюдению потока изливавшейся на меня крови доктор догадывался, что граф должен быть ранен в спину близ правого бока. На вопросы его раненый отвечал мало, неохотно, поворотиться он не хотел, и, когда доктор уверял, что перевязка раны облегчит его, он отвечал: «Не нужно... *c'est fini, je l'ai su du moment...*» * Доктор требовал послать в английский магазин за какою-то фармацевтической примочкою, но после долгих стараний оказалось, что послать некого. «*C'est un homme mort!*» ** — сказал мне Габерзанк, — я останусь здесь, но, уверяю вас, делать нечего; сила его и жизненность необычайны, всякий другой уже умер бы на месте».

Около четвертого часа, бегая беспрерывно, как отчаянный, сверху на улицу и в конюшни, я успел захватить какого-то кирасира, которого побудил не только влиянием аксельбанта и эполет, но угрозами и большою денежною наградой отнестись мою записку в дом военного генерал-губернатора. К четырем часам я был уже не один. Явились наши жандармы, полицейский офицер, фельдгегерь, два писца. Камердинер графа привез белье, постель, халат. Я мог послать по городу отыскивать медиков: Арендта, Буяльского, Буша и старшего военного домашнего доктора Петрушевского, проводшего с графом всю его боевую жизнь. У меня в сердце проснулась надежда, что теперь, сосредоточив все пособия, может быть, мы еще спасем его.

Граф позволил только подсунуть себе под голову маленькую подушку и покрыть себя халатом. Страдания его увеличивались с минуты на минуту, пароксизмы были то кратки, то очень продолжительны и до того страшны, что, изменяясь непостижимо в лице в одну секунду, он, чтобы не испустить стона, не произнести жалобы, кусал свою нижнюю губу, из которой лилась кровь. Он буквально откусил себе часть губы, так часто прибегал он к этому отчаянному средству в продолжение 14 часов своего последнего мучительного дня. Но он ни разу не выразил жалобы; сила его терпения превосходила всякое вероятие. Едва проходил пароксизм, черты лица его восстанавливались, больной казался снова свеж и силен. Он был погружен в постоянное размышление в спокойные между пароксизмами минуты, на лице его, видимо, было движение глубокой мысли, пересиливавшей страдание. По некоторым отрывистым словам можно было предполагать, что он считал все оконченным его смертью, в которой был уверен. Так один раз он сказал мне: «*On m'a acheve mais aussi...*

* «Конечно, я этого ожидал...»

** «Этот человек мертв».

этим и кончено... *n'est ce pas ?*... » В другой раз: «Я очень рад, что меня убили... *ils se contenteront de cela*», потом: «*Les misérables*»*, «чего им больше...», «теперь все кончено»...

До самой кончины он не спрашивал ни о чем, хотя пушечные выстрелы, очевидно, переменяли его первую уверенность. Он не произнес ни одного слова, ни одного звука жалобы. (...)

Начинало смеркаться; в комнате с небольшими и грязными окнами было уже довольно дурно видно. Из дома не догадались привезти подсвечников. Первой зажженной для графа свечой был взятый в конюшне сальный огарок, воткнутый в квасную бутылку.

Один за другим начали собираться медики, о которых я упоминал. Заключение их было по осмотре раненого одно и то же: «Непостижимо, как он не умер на месте; непонятно, как он свеж и силен». Не было употреблено никакого лекарства. Появилось уже много склянок, но от всего, что предлагали графу, он отказывался, говоря: «Напрасно, дело кончено». Собственно же, раны никто не видел, и не могли его упросить: «не нужно, не нужно», — повторял он спокойно.

Держа его руку в своих руках, я заметил, что на ней осталось только одно кольцо. На ней не было других, надетых им поутру. В частном действии четырех мошенников должно обвинять только их одних, но, признаюсь, сердце мое было смущено негодованием, когда я вспомнил, что русские, кто бы они ни были, могли в такую минуту ограбить таким образом человека, когда они видели его действие и слышали его слова на площади. Этого забыть невозможно.

Страшно тянулось время в непрерывных перемижках страданий несказанных, оканчивавшихся неслыханными победами над природою. Только кровь красною лентою струилась по временам из губы под врезавшимися в нее зубами. Облокотясь о бок дивана, понутив головы и глядя в лицо страдальцу, медики, видевшие в своей жизни столько подобных драм и привыкшие глядеть на них, отходили, изумленные этою.

В промежутках двух пароксизмов граф, медленно потирая левою рукою по груди, вдруг остановил ладонь около правого соска и, ощупывая что-то пальцем, произнес: «Что тут?» Буш подошел и с чувством особенной радости объявил, что тут остановилась пуля. Это, казалось, разлило надежду в операторах; они мгновенно окружили раненого и стали упрашивать его позволить вырезать пулю. «К чему?» — спросил он. «Это облегчит ваши страдания». — «Несколько более, менее — все равно la souffrance, *n'est rien*»**. «Но сделать все, что необходимо, — отвечали медики, — есть наша обязанность». — «Извольте... Исполнив свою, я не имею права запрещать вам исполнить вашу... делайте что нужно...»

Инструменты были немедленно приготовлены; несколько отодвинули диван, чтобы можно было обходить его со всех сторон. По

* «Меня прикончили, но также... не правда ли? ... они будут довольны этим... презренные негодяи».

** «Страдание, это пустяки».

новом осмотрении груди, после краткого латинского разговора между операторами они просили графа позволить накрыть ему глаза и поддержать голову. С улыбкою покачав головою, он отвечал: «Не нужно». Тогда, в то время как двое держали свечи, Арендт, засучив рукава, с инструментом в руке приклонился к груди. Сильно схватив его за руку, граф вдруг остановил удивленного оператора и, поводя кругом глазами, медленно спросил: «Петрушевский?» «Здесь», — отвечал старый его товарищ доктор. — «Подойди!» — Петрушевский, обожавший графа, расстроенный до невозможности, обливался слезами. «Ты плачешь?» — сказал граф, взглянув ему в лицо. — «Стыдно! А я сейчас придумал сделать тебе подарок... В пятидесяти сражениях не удавалось тебе видеть на мне раны; судьба справедлива ко всем... вот и рана... дарю тебе эту пулю, возьми ее сам... Это твое дело, вырежь!»

Петрушевский отирал глаза, руки его тряслись, он долго не мог оправиться. Наконец он взял инструмент. С чрезвычайной внимательностью, с заботливостью, в которой проявилось необыкновенное любопытство, совершенно прижав подбородок к груди, граф следил за руками оператора, и, когда тот, окончив взрезы, извлек щипцами пулю, раненый обеими руками схватил, сжал эти дымящиеся его кровью щипцы с стиснутой в них пулею и громко потребовал: «Огня, огня!»

Поднесли сколь можно ближе свечи. Бережно взял граф пальцами левой руки окровавленную пулю, принесшую смерть сквозь непечатую свинцом и железом грудь, и жадно осматривал ее, внимательно поворачивая во все стороны между свечою и глазами. Лицо его прояснилось благородною улыбкою, и вдруг, медленно осеняя себя крестом, гордо поглядывая на всех, он звонко, радостно, победно произнес в безмолвной, как могила, комнате: «О, слава Богу! эта пуля не солдатская⁸. Теперь я совершенно счастлив...» {...}

Я уже сказал, что во все время он ни слова не спросил о ходе дела. Он слышал, однако ж, шум бежавшего по улице войска (гвардейского экипажа), клики, при которых оно соединилось на площади с первыми бунтовщиками, но не спрашивал объяснения; очевидно, он обдумывал и соображал. Опытному его глазу было достаточно видеть то, что он видел до раны. Но что бы ни таилось в его соображении, вдруг раздался пушечный выстрел! Привычное к этому звуку ухо раненого не могло ошибиться в расчете места, где стояло орудие. Он впервые вскочил, поднял туловище, выдвинул его к окну, уперся руками в край дивана, широко открыл глаза и слушал, притаив дыхание. Другой, третий выстрел... «А!» — произнес он, — так было нужно... хорошо... теперь все будет кончено!..»

Без подробностей, о которых он все-таки не спрашивал, он понял главное, и с этой минуты глубокие размышления и задумчивость его исчезли почти совершенно. {...}

Вскоре прибыл флигель-адъютант А. А. Кавелин. Это, кажется, могло быть в семь или в начале восьмого часа. Он привез от государя собственноручное письмо и в первых же словах объявил, что государю императору угодно было повелеть передать

⁸ То была пистолетная злая пуля с хвостиком.

графу, чтоб письмо это он принял не инаково, как бы личное его величества посещение, остановленное в эту минуту лишь чрезвычайною важностью обстоятельств. По прочтении письма глаза графа, не пролившие ни одной слезы, наполнились ими. Он крепко жал руку Кавелину, и, когда тот передавал ему чувства государя, сожаление его величества о тяжелой его ране, граф отвечал: «Донесите государю, что я нимало не жалею о том... напротив, я чувствую себя теперь истинно счастливым... я умираю, исполнив свою святую обязанность».

Когда Кавелин уехал, граф приказал мне снова медленно прочесть письмо и, тотчас же взяв его левою рукою, прижал к сердцу.

Положение больного становилось, видимо, хуже, дыхание стеснялось, страшные боли учащались, наступала последняя его борьба. «Теперь уже, несомненно, он умирает», — сказал кто-то из докторов. Но с первой минуты зная, что час его пробил, он готовился встретить его не только как воин, но и как христианин. «Духовника моего! время!» — произнес он громко в священном молчании уже многолюдной комнаты. Вскоре явился духовник.

На замечание священника, не угодно ли, чтоб присутствующие удалились на время его исповеди, он отвечал спокойно: «Зачем?... Я хочу исповедоваться Богу перед людьми». Не допустив священника делать ему какие-либо вопросы, он признал себя зараженным всеми слабостями и пороками человека, винился в несправедливостях, в которые мог впасть множество раз во время жизни общественной, просил — да отпустят ему все обиженные и оскорбленные им, благодарил Бога, дозволившего ему не иметь никогда ни к кому ни глубокой вражды, ни злопамятства, и окончил словами: «Простите меня все и молитесь мне Богу!»...

Между тем время переступало за полночь. Почти двенадцать часов прошло с тех пор, как он был ранен, с тех пор, как он терпел свою ужасную пытку.

Началась агония... Граф вскакивал, притягивал к себе с чрезвычайною силой близстоявших, далеко разбрасывал лежавшие под его головой подушки, говорил громко, долго, без связи употребляя наиболее привычные ему слова и поговорки, потом, истомленный, опускался, как камень, в совершенной прострации сил, с прерывистым дыханием и хрипотою, знаменовавшими немедленную кончину.

Так повторялось не пять, но пятьдесят раз. «Вот конец», — говорили медики, недвижно глядевшие в потухшие глаза умирающего. Но умиравший внезапно оживал, глаза его зажигались снова, опять та же сила и те же движения. Благодаря Богу при этих страданиях уже не могло быть сознания их. В один из таких натисков смерти, когда дыхание едва-едва обнаруживалось лишь судорожным вздрагиванием груди и уст, голова Милорадовича, лоснившаяся от холодного выжатого на нее страданием пота, вдруг преклонилась, и все осталось неподвижно.

Это было около четверти третьего пополудни.

1849 г.

**Публикация и предисловие
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

ГОД В ГОСТЯХ

217

«Уже три дня, как я в «своем» доме. Пока все нормально. Знакомство с Америкой состоялось в Далласе в международном студенческом лагере, где проживало около тысячи студентов из различных стран. Из России — я один. Не знаю почему, но американцам я понравился. Мне даже пришлось выступить на большом концерте. Когда я спел песню про «Таню», меня заставили танцевать «Калинку-малинку». Мой номер прошел под сплошные аплодисменты и крики: «Russia! Russia! Russia!» Провожали меня из лагеря со слезами на глазах.

Посылаю фотографии, чтобы вы могли увидеть «мою американскую семью» и дом, где мне предстоит провести почти целый год. Меня здесь балуют, каждый день что-нибудь покупают. Любят, наконец.

Пока все хорошо!
Всем привет!»

Вот такое письмо получили родители, которые отправили своего сына за рубеж благодаря Национальному фонду «Интеркультура». С письмом я и появился в кабинете директора Фонда Юрия Николаевича Гусева.

— Юрий Николаевич, в последнее время у наших школьников появилась возможность проводить целый год в зарубежной семье. А может ли в такое непростое для России время русская семья принять подростка из-за рубежа?

— Почему бы и нет? Разве не интересно, когда у вас в доме живет подросток из Италии, Франции, Канады...

На одной странице

Сейчас нам особенно важно, чтобы как можно большее количество семей принимало иностранных ребят в своем доме. Это позволит увеличить число наших старшеклассников, выезжающих за рубеж России в качестве ее юных «послов».

— А кто конкретно занимается этими молодежными обмены?

Международная организация «AFS Межкультурные программы», созданная еще в 1947 году. С тех пор около шестидесяти стран — членов AFS осуществляют подобные обмены. Тысячи семей в этих странах принимают детей, которые на протяжении целого года живут в их домах и учатся в местных школах.

— Когда наша страна вступила в организацию AFS?

— В 1988 году мы направляли своих ребят за рубеж, но не принимали у себя детей из других стран. Тогда наша деятельность осуществлялась в рамках Госкомитета по образованию. После его роспуска встал вопрос о создании новой организации. При этом необходимо было сохранить налаженную программу, но уйти от прежней бюрократической структуры и государственного финансирования. Мы нашли удачный компромисс, создав Фонд «Интеркультура» — российский партнер AFS.

— Кто же финансирует деятельность Фонда, если государство вам не помогает?

— Ищем спонсоров и находим их. Заинтересованные в благотворительной деятельности предприятия и частные лица устанавливают стипендии. Появились и зарубежные спонсоры — община одного из шведских городов и фирма «Макдональдс». Мы же, со своей стороны, гарантируем проведение конкурса на демократиче-

ской основе с тем, чтобы он был доступен максимальному числу претендентов в оговоренном учителем регионе.

В принципе на Западе 98 процентов необходимых средств на осуществление программы поступает от частных лиц, родителей и самих детей, у нас часть денег выделяют предприятия, заводы, учреждения, дети сотрудников которых выезжают по линии Фонда «Интеркультура». В последнее время возрастает число частных предприятий, учреждающих стипендии для детей своих работников. Это не случайно, поскольку после годичного пребывания в зарубежных семьях некоторые ребята достаточно эффективно постигают особенности и принципы местного бизнеса и рано обретают самостоятельность, столь необходимую в наших условиях.

— Каков же размер стипендии Фонда и куда идут деньги?

— В первую очередь мы должны оплатить проезд стипендиата — это и есть львиная часть расходов, около 85 процентов. Так, например, если в 1992 году мы определили ее стоимость в 120 тысяч рублей, то проезд за океан — США или Канаду — составил около 100 тысяч рублей, а соответственно в Европу — 80 тысяч рублей. Обещанной 75-процентной скидки на транспортные расходы мы пока не дождались.

Оставшаяся часть денег идет на оплату поездок иностранцев по России и на медицинское обслуживание.

Сейчас Фонд переживает трудный период становления. Если раньше обмен достигал 150 пар в год, то теперь он значительно скромнее.

В прошлом году мы смогли организовать обмен около четырех десятков пар. Наши старшекласс-

стики поехали в Швейцарию, Италию, Францию, Норвегию, США. В свою очередь, мы принимаем иностранцев в Петербурге, Москве и Подмосковье, Краснодарском и Ставропольском краях.

Самое главное состоит в том, что Фонд сумел выжить в новых непростых условиях. Это стало возможным благодаря многим добровольцам. А наша штатная команда по России составляет девять человек. Но все они единомышленники, некоторые из них были стипендиатами Фонда, а теперь успешно работают у нас.

— Каким же образом можно принять участие в судьбе Фонда «Интеркультура»?

— Будем признательны всем, кто пожелает нам помочь. В этих целях мы и создали Национальный благотворительный фонд, который имеет расчетный счет № 100700380 в филиале Инкомбанка «Чистые пруды», корреспондентский счет 161502 в РКЦ ГУ ЦБ России, г. Москва, МФО 201791, участок 83, получатель Национальный благотворительный фонд «Интеркультура». Валютный счет №001070855/001073014 Инкомбанк, Москва, филиал «Чистые пруды», код S.W.I.F.T. BIC INKOSUMM, телекс 412345. Но мне хочется подчеркнуть, что будем также благодарны тем семьям, которые выражат желание принять у себя иностранцев, а также организациям и частным лицам, готовым оказать посильную помощь в организации приема и проживания иностранных школьников в своих регионах. Новых добровольцев ждем по адресу: 119882, Москва, Малая Пироговская, 1, МГПУ, AFS.

БОРИС МОСКВИЧЕВ

ЖЕНЩИНА-

Блюз

Ее называли величайшей белой женщиной, поющей черные кантри-блюзы. Она стала легендой еще при жизни.

Дженис Джоплин пела с надрывом, жила с надрывом, пила с надрывом. Она воплотила в себе идеал эмоциональной свободы. Певица без колебаний жертвовала красотой тона ради диких животных звуков, которые так великолепно сочетались со звериной грацией ее тела. Именно сила ее чувств превращала зрителей в безумцев. Эта сила исходила от нее, захлестывая зал. Дженис на сцене была похотливой и чувственной, непристойной и сексуальной. А голос звучал так, словно кто-то разрывал на части легкие. Крик стал ее торговой маркой.

Она отменяла всякую лирику, считая, что главное — «завести» зрителей, заставить их двигаться. И люди двигались. Вскрикивали с мест, ползали в проходах, танце-

вали на стульях, протягивали к ней руки.

Изящная в жизни, на сцене Дженис казалась крупной женщиной. Ступала тяжело, непристойно виляла бедрами, отвергала всякую грациозность. Носила бусы, браслеты на руках и на ногах, огромные шляпы и розовые перья в волосах.

Барон Уолман, издатель «Рэгз», фотографировавший Дженис для журналов «Роллинг Стоун» и «Ай», рассказывал: «Она одна из первых певиц с фантазией. Все ее костюмы делались специально для нее. Они, конечно, быстро рвались, но были очень красивыми, и Дженис много говорила о нарядах... Обсуждала ткани и как ей хотелось выглядеть, чтобы одежда выражала то, что она представляет на сцене».

Без сомнения, Дженис чувствовала все, что так грандиозно изображала. Это было очевидно

по тому, как она откидывала назад свои непослушные каштановые волосы, жонглировала микрофоном, как сверкали глаза, по гримасам, которые искажали ее подвижное лицо. Энергия кипела в ней и вырывалась наружу взрывной волной.

Певица буквально доводила себя до изнеможения во время концертов. «Я не представляю, как можно выступать иначе, — пояснила она однажды. — Обычно меня так захватывает уже первая песня, что я не могу остановиться; говоря по правде, мне хочется петь еще и еще...» Даже на репетициях работала с той же отдачей, и это поражало всех, но не в ее силах было сдерживать себя.

Песни Дженис Джоплин — всегда выход сексуальной силы. А ее партнером была публика. Дженис любила, ее хотели; тигрицу Дженис, орущую от восторга. Как-то она сказала писателю Нату Хентоффу: «Я — жертва своих внутренних страстей. Они мое несчастье, мне трудно обуздать их... Моя мать всегда хотела, чтобы я была как все. А мне никогда это не удавалось. И до того, как я стала петь с группой («Биг Бразер»), я просто разрывалась, а когда с вами такое происходит, случаются страшные срывы».

Чувства вырывались песней, как могучий ураган. Это ее стиль, и он создавал образ эдакого своего парня типа а-ну-ка-держись-мол-одцом-пока-можешь. Но имидж, который она сама поддерживала, — лишь грубый панцирь, закрывавший нежную душу. За ним прятался застенчивый и скрытный человек. Именно такой знали Дженис друзья.

На сцене ее самоуверенность казалась безграничной, но стоило ей покинуть зал, как она становилась напуганной, тихой, робкой, во многом наивной. Ее изнуряю-

щие представления — просто выброс накопившихся эмоций, обычно глубоко запрятанных.

Когда ее спрашивали, что она делает со своей жизнью, Дженис со смехом отвечала: «Делаю, что хочу. Развлекаюсь. Разве можно большого требовать от жизни». И любила повторять: «Что бы вам ни захотелось, постарайтесь получить это сегодня». То же самое отвечала тем, кто предупреждал, что излишества рано прервут ее карьеру. «Может быть, я и не протяну так долго, как другие певцы, но думаю, можно и сегодня сломаться, если беспокоиться о завтрашнем дне».

Ее увлечения сиюминутными радостями часто означали безразличие к здоровью. Совершенно не обращала на себя внимания, постепенно изматывая и убивая себя.

«Я ничего не хочу делать наполовину, — говорила она. — Мне двадцать шесть лет, и меня волнует только возраст двадцать шесть лет, а не девяносто пять. Я вовсе не собираюсь ждать, что мне воздастся через много лет. Мне все нужно сейчас... И когда я не смогу петь, тогда и начну беспокоиться. Может быть, нарожаю детей».

Для поклонников Дженис значила больше, чем рок-звезда. Ее имя для тысяч музыкальных фанатов звучало как магическое заклинание. Само слово «Дженис» означало аншлаг. В рок-бизнесе она была единственной женщиной, зарабатывающей за один концерт 50 000 долларов.

«Людам совершенно не нужно быть как я, петь как я, выглядеть как я, но теперь они мне платят 50 000 за вечер, чтобы я была как я. После того, как меня увидят в зале, может быть, у ребят возникнет мысль, что они могут быть самими собой и победить. Надо лишь начать так думать. Почув-

ствовать свою правоту и увериться в ней — и вы уже победили».

Дженис Лин Джоплин родилась 19 января 1943 года в маленьком городке Порт-Артур штата Техас. В детстве Дженис была очень одинокой и необщительной и казалась белой вороной. Сверстники не упускали возможности поиздеваться над ней. Ей никогда не было уютно и дома, но она оказалась не тем человеком, который сгорает со стыда, и, конечно, не собиралась меняться в угоду другим. Жители маленьких городов с их консервативными взглядами на жизнь, мораль и этику особенно болезненно воспринимают любые перемены, все, что может хоть немного вывести жизнь из привычного русла, и Дженис представляла угрозу для их спокойствия.

Первые Дженис узнала, что есть люди, подобные ей, когда стала слушать блюзы. Конечно же, Лидбелли, а потом Бесси Смит...

Первые несколько лет Дженис подражала Бесси Смит, которая стала ее идолом. Может быть, только благодаря ей Дженис начала петь. Летом 1970 года, перед смертью, Дженис купила памятник на могилу любимой певице. «Потому что у нее даже не было могильной плиты», — объяснила Дженис. На камне выбили надпись: «Величайшая в мире певица блюзов никогда не перестанет петь — Бесси Смит 1895—1937».

В детстве у Дженис было ангельское сопрано, каким поют в церковном хоре. Она заметила, что испытывает удивительное чувство свободы, когда пытается подражать негритянским модуляциям Бесси Смит. Убежденная в том, что ничто из того, что нравится, не может быть плохо, продолжала тренировать голос, развивая собственный стиль.

В семнадцать лет Дженис закон-

чила школу. В последующие пять лет поступала в четыре колледжа и бросала их. В Остинском университете штата Техас подружилась с музыкантами, исполнявшими фолк-бит. Они жили на первом этаже дома, который сами называли «гетто». Здесь она чувствовала себя в своей стихии: можно было расслабиться, не опасаясь неодобрительных взглядов и враждебности соседей. Еще не осознав богатства своих голосовых возможностей, Дженис пела в клубах фолк-музыки и барах Сан-Франциско. Выступала в белой рубашке и грязных синих джинсах. Неподвижно стояла на сцене и пела, не обнажая своих чувств.

Тогда она написала несколько песен, в том числе «Блюз черепах». Но ее никогда не привлекало сочинительство. Потом несколько лет путешествовала, пела, когда предоставлялась возможность, получала пособие по безработице.

Это было веселое время. Но в 1965 году она вернулась домой: годы скитаний, голод, наркотики и, наконец, трагический роман сломили ее.

«Я решила вернуться домой и исправиться, пойти в колледж и даже выйти замуж», — рассказывала Дженис. Она приехала в Техас, в последний раз попыталась остепениться, стать учительницей. Хотела, чтобы родители могли ею гордиться. Целый год жила дома, одевалась, как полагается добропорядочной девушке в Техасе, и училась в государственном технологическом колледже Ламар в Бимонте. Ее семья была счастлива.

Но от усилий вести себя примерно Дженис все время находилась в напряжении. Порт-Артур оказался неподходящим местом для Дженис. Ее настоящим домом стал Сан-Франциско — единственный

город, осознавший важность рок-н-ролла.

Все началось летом 1965 года, когда в течение трех месяцев в Неваде в салуне «Ред Дог» выступала группа «Шарлатанз». Они задали тон новому музыкальному стилю, который затем стал стилем жизни музыкальных групп. Теперь музыканты танцевали на сцене, одевались в причудливые костюмы викторианской эпохи, синтезировали рок-н-ролл из этнических глубин блюзов и народных песен. Они не были музыкальными группами в той форме, к которой мы привыкли: это были просто друзья, собравшиеся, чтобы поиграть ради собственного удовольствия. Они не помышляли ни о славе, ни о будущем. Самым показательным примером такого братства стали «Биг Бразер энд Холдинг Кампани».

Сэм Эндрю, Питер Элбин, Джеймс Гурли, а позднее Дейв Гетз в 1965 году оказались в местечке Пейдж 1090. Там жили музыканты, художники, писатели, поэты... Сэм вспоминает, как познакомился с Питером: «Он хотел создать группу, которая могла бы говорить со всеми детьми страны на их языке. А я подумал: что этот парень собирается делать, к чему он клонит?»

Еще одним обитателем Пейдж 1090 был приятель Дженис из Техаса Чет Хелмз, в то время руководитель группы «Фэмили Дог».

Чет увидел потенциал четверки, и при его поддержке группа попробовала вместе репетировать. Сэм Эндрю и Джим Гурли — гитары, Питер Элбин — бас-гитара и Дейв Гетз — ударные. Все шло прекрасно. Не хватало только одного — хорошей солистки. Чет рассказал о Дженис, которая, не дождавшись успеха в Сан-Франциско, вернулась в Техас.

Весной 1966 года Чет Хелмз

приехал в Порт-Артур. Дженис не пришлось долго уговаривать. Без всякого сожаления она ушла из колледжа, оставила семью и поехала в Хайт.

Калифорния середины 1960 годов. Бороды и длинные волосы. Просторная бесформенная одежда. Молодежь жила вне времени и не подстраивалась под стандарты, диктуемые модой, живя в очаровательном мире красоты и нищеты. Как приятно было вновь оказаться в Норт Бич, в коммуне хиппи, где вокруг такие же люди, как она, — непокорные. Эта молодежь понимала, что лучше заниматься любовью, чем войной, что многое из того, чему их учили в колледже, нужно забыть навсегда, что лучше быть непосредственными, общительными и веселыми, чем скрытными, расчетливыми занудами. Их новый мир сконцентрировался в четырех кварталах зданий с неоновыми вывесками магазинов, торгующих постерами, бижутерией, стеклянными бусами, картинами, подпольными журналами, фотографиями кинозвезд давно минувших дней, разноцветными шальями. Именно здесь «Биг Бразер» и Дженис объединились. Они переехали в Лагунитас, где долгими часами репетировали, и Дженис смогла узнать силу своих голосовых возможностей при помощи вибрирующих усилителей.

На концерте в июне 1966 года был первый триумф. Пошла молва о «группе с маленькой певицей» — белые певицы тогда редко исполняли рок. Но и после этого ее мало кто знал. Все привыкли к гитарным соло Джима Гурли. Он был в группе звездой, пока к ним не пришла Дженис, со временем ставшая центральной фигурой, и соло Гурли прекратились.

«Биг Бразер» предложили записать пластинку на студии «Мейн-

стрим» в Чикаго. Сэм Эндрю до сих пор считает это «провалом». Они сразу же помчались в Чикаго — сделка казалась такой привлекательной. Но они были еще очень молоды, непрактичны и наивны. Надеялись, что Чикаго примет их с восторгом, но репертуар группы ориентировался на музыку фолк, и местные хиппи их не признали — композиции оказались слишком самобытны. «Биг Бразер» со своей солисткой вернулись в Калифорнию. Увидев толпу у театра на Хайт-стрит, Дженис завопила: «Это наши люди!!!»

Вновь Сан-Франциско. «Биг Бразер» репетируют по три-четыре дня в неделю, что требовало огромной физической отдачи от рок-музыкантов. Летом состоялся первый международный фестиваль поп-музыки в Монтери, Калифорния. Это был настоящий праздник. Над сценой развевалось знамя, на котором было начертано: «Любовь, Цветы и Музыка». Три дня одни прекрасные певцы сменяли других. Блюзы, джаз, фолк, кантри, вестерн. Но умами зрителей завладела Дженис Джоплин.

«Биг Бразер» расшевелили публику. Зрители прыгали, хлопали, кричали. Дженис стояла на сцене, волосы растрепались на ветру, тело напряжено, как перед прыжком, глаза закрыты. Когда запела — ее голос разорвал пространство. Дженис пела блюз с неистовой страстью. Ничего подобного не видела и не слышала прежде белая публика. Она неистовствовала в экстазе. Это был блюз плюс. Плюс Джоплин с ее энергией, с ее чувственностью, силой, мощью. Певица околдовала зрителей, разбудила всех. После фестиваля у Дженис появилось несколько тысяч обезумевших фанатов.

«Роллинг Стоун» писал: «Вели-

чайшим музыкальным событием фестиваля поп-музыки в Монтери 1967 года стали «Биг Бразер энд Холдинг Кампани», их наэлектризованное выступление, доказавшее, что Дженис Джоплин, возможно, самый сильный женский голос всего поколения».

Фестиваль поп-музыки в Монтери превратил ее из уличной певицы в суперзвезду. Но несмотря на блеск и славу, она осталась милой и естественной женщиной-ребенком.

Дженис считала свой успех случайным везением, что не мешало ей радоваться популярности. Она была счастлива, когда винокуренный завод «Сазерн Камфорт» подарил ей цигейковую шубу в знак признания ее успехов.

Как только Дженис и ее группа получили высокую оценку на фестивале поп-музыки, студия «Мейнстрим» выпустила их пластинку. «Биг Бразер» сами не считали свой альбом удачным, но тем не менее его раскупили мгновенно, и фанаты остались очень довольны.

«Биг Бразер» стали выступать все чаще. К январю 1968 года они подписали контракт с Альбертом Гроссманом, тогда еще менеджером Боба Дилана. В феврале группа выступила в театре «Андерсон» на Второй Аvenues в Нью-Йорке. К апрелю Дженис и «Биг Бразер» записали свой второй альбом в «Коламбия Рекордз». В августе выступили в Филмор Ист и на фестивале фолк-музыки в Ньюкорне.

«Чип Триллз» со знаменитыми песнями Джоплин «Мяч и цепь», «Мир в моем сердце» и «Блюз черепах» вышел в сентябре 1968 года, пластинок продали на миллион долларов, диск стал золотым сразу после выпуска. А Дженис — величайшей звездой рок-н-ролла в Америке.

В сентябре 1968 года она в по-

следний раз выступила в Сан-Франциско с «Биг Бразер».

Уже через неделю после появления пластинки на прилавках магазинов Дженис оставила группу и начала искать других музыкантов. Еще задолго до того, как произошел раскол, ходили слухи, что разрыв неизбежен.

«Они не помогают словам, они либо убивают их, либо оставляют лежать дохлой рыбой, — говорила Дженис. — Мне нужна группа лучше — с самыми верхними вер username. И мне нужны низы — мне нужно очень много низов. Я хочу больше шума. Когда я пою рок, я хочу, чтобы он был громадным...»

Найти новую группу оказалось непросто. Но Дженис помог ее менеджер Альберт Гроссман. 18 декабря 1968 года он отправил Ника Гравенитса и гитариста Майкла Блумфильда в Сан-Франциско. Гравенитс вспоминает, что Дженис «не могла отличить хорошего ударника от плохого, приличного саксофониста от шелухи. Наверное, она ушла из «Биг Бразер» потому, что журналы и газеты писали: «Дженис Джоплин: выдающаяся, необыкновенная, такая, сякая. «Биг Бразер» дерьмо собаки». Так что, начитавшись таких отзывов, она просто свихнулась и решила, что должна уйти из группы».

Всего за несколько дней до официального выступления у группы даже не было названия. «Я думала назвать ее «Парад Дженис Джоплин», но никому не нравится», — говорила певица.

В новой группе звучало два рожа. Дженис хотела, чтобы эти инструменты добавили выразительности верхним нотам вокала. Она пыталась добиться большей проникновенности, большей выразительности густоты звука. В группу вошли Сэм Эндрю (из

«Биг Бразер») — гитара, Бил Кинг — орган, Маркус Дабльдэй — труба, Терри Клеменс — саксофон, Брэд Кемпбел — бас-гитара и Рон Маркович — ударные. Дженис гастролировала с ними до декабря 1969 года. Они дебютировали 21 декабря 1968 года в «Стэкс-Вольт Кристмас Шоу» в Мемфисе, Теннесси. И провалились. Не было даже аплодисментов. Все были в шоке. После Мемфиса Била Кинга и Маркуса Дабльдэя сменили Ричард Кермуд и Терри Хенсли. Группа пыталась найти новые формы.

В новом составе они выступили в Риндже, Нью-Хэмпшир, 9 февраля, но и тут не стали сенсацией.

К середине марта 1969 года дела не улучшились. Газеты писали: «Самое лучшее, что можно сделать, оставить эту группу и вернуться обратно к «Биг Бразер»... (если они ее примут)». Музыканты менялись, а группа так навсегда и осталась в тени, не достигнув магической силы «Биг Бразер». В ноябре 1969 года вышел альбом «Космические блюзы», получивший весьма противоречивые отзывы, хотя и признавалось, что «Дай мне силы, Господи», «Попробуй» и «Один хороший человек» содержат привлекательность индивидуальности Дженис Джоплин. Несмотря на это, слушатели обратили внимание, что ее голос стал терять волшебную силу, журналисты ехидно спрашивали, не теряет ли она голос. Дженис резко ответила: «Люди любят, когда певцы блюзов умирают; им не нравится, когда они поют рок — я пою рок, по крайней мере я так думаю».

Она была права. Дженис оставалась прежде всего певицей блюзов, а с этим связаны свои традиции: трудности, трагедия и ранняя смерть.

В середине апреля 1970 года

Дженис вновь появилась с «Биг Бразер энд Холдинг Компани» (туда еще вошел Ник Гравенитс, Сэм Эндрю тоже вернулся). Они стали выступать в прежнем стиле, столь полюбившемся всем. Официальное выступление состоялось в июне 1970 года во «Фридом Холле» в Лунсвилле.

Она вновь пела блюзы в своей неповторимой страстной манере, зрители поднялись со своих мест и двигались, танцевали, а ее энергия выплескивалась в зал несчетными волнами.

К сентябрю «Биг Бразер» почти закончил новый альбом, продюсером которого стал Пол Ротшильд. В него вошли песни, написанные Дженис. Они оказались более медленными, чем предыдущие, и когда альбом вышел под названием «Жемчужина» после ее смерти, то стал ей реквиемом.

Она умерла 4 октября 1970 года.

В смерти Дженис немало загадочного. Роберт Гордон, ее поверенный, рассказал, что она приходила к нему «в прошлый четверг» (1 октября) «по делу». Певица составила завещание. Гордон не придал этому значения. Ведь это было не в первый раз.

Сразу же после ее смерти пошли слухи: Дженис Джоплин убил какой-то парень из ревности, нет, ее убил рэкетир, да нет — ЦРУ! Эти слухи не смолкают до сих пор.

По официальной версии Дженис ввела чрезмерно большую дозу героина, от которой спустя несколько часов скончалась. Позднее консилиум психиатров пытался выяснить, сделано ли это намеренно.

«Я не знаю, сколько смогу петь. Может быть, до смерти».

Дженис умерла, когда в ее жизни вот-вот должны были произойти большие перемены. У нее появился первый в жизни постоянный парень Сет Морган, поразив-

ший тем, что заплатил за обед, в то время как обычно Дженис оплачивала обеды сама, даже если за столом находилась целая толпа. Она собиралась поехать с ним отдыхать, а после планировала гастроли с группой. Она была очень счастлива. Во всяком случае, так казалось.

Джон Карпентер, музыкальный издатель «Лос Анжелес Фри Пресс», видел Дженис в последний раз 28 сентября: «Она рассказывала о своем старике, сказала, что у нее теперь есть возлюбленный, казалась веселой, но что-то такое меня смутило... На ней было красное платье, а я спросил ее, что она здесь делает. Дженис сказала: «Я надела новое платье, потому что хочу хорошо выглядеть». Она была одна... К концу вечера заявила, что уезжает. Никто ничего не сказал, никто не предложил ее подвезти. Наконец я вызвал для нее такси, и она поехала домой одна».

Дженис часто говорила об одиночестве рок-звезды — все дни в дороге, бесконечная череда мотелей. «Одиночество бродит по моему дому, одиночество караулит меня за дверью. Самое худшее — это одиночество. Как-то уходят все старые друзья».

Седьмого октября тело Дженис Джоплин кремировали, согласно ее последней воле. Были только родственники.

Тринадцатого октября ее прах развеяли над морем. Церемонии не было.

Люди, хорошо знавшие Дженис, не удивились ее смерти. Питер Элбин считает, что ее смерть «естественна. Это было чем-то, что явилось частью ее пути. Она жила чужой жизнью, подобно людям, ставшим легендами, которые трагически погибли», — Билли Холидей, Бесси Смит.

Она принадлежала к такому типу людей. Вспоминая ее жизнь, вспоминая ее как певицу блюзов, действительно настоящих блюзов, скажу, что никто не может сравниться с ней по качеству исполнения, более того, по стилю жизни белой исполнительницы блюзов.

Ее личность была отражением блюзов. Она просто проживала блюзы в своей жизни, даже несмотря на то, что имела пару машин, большой дом, она была человеком-блюзом. Люди-блюзы встречают роковую смерть, у них роковой конец».

ТАТЬЯНА ШАШКОВА

(Публикация подготовлена по коллекционным материалам московского т/о «Диалог».)

Воспитание
в духе блюза

Мя музыканта Константина Никольского у многих ассоциируется с временем всеобщего «балдения» под музыку «Битлз». Это были годы, когда рок-музыка (дитя иноземной культуры) еще только пробивалась на отечественную сцену.

В начале семидесятых отслужив армию, Константин работал ассистентом звукооператора в телеобъединении «Экран» и только в 1974-м начал свой музыкальный путь — стал гитаристом группы Стаса Намина. Вспоминая, как они тогда жили, Константин рассказывает, что почти все выходные летом проводили в Парке культуры, набирали пива, усаживались на газон и целый день пели песни.

Никольский играл во многих коллективах. Среди них — «Атланты», «Цветы», «Фестиваль»... И, наконец, группа «Воскресенье», в репертуаре которой прозвучали песни, написанные Никольским задолго до прихода в группу: «Музыкант», «Ветерок», «Прощание с другом». Они принесли известность группе, но не их автору. «Воскресенье» тогда представляло собой коллектив без ярко выраженного лидера, который бы диктовал, что и как играть. Авторами песен были Алексей Романов (тогда еще студент архитектурного института) и Константин Никольский.

Выступления группы проходили полулегально. Играли на маленьких закрытых площадках, часто в подвалах. Билеты на такой концерт простому смертному достать было практически невозможно, так как продавались они только «своим», хорошо проверенным людям.

Эти времена совпали со смертью Высоцкого и Галича, с разгромом большинства диссидент-

ских кружков. На смену бардам-шестидесятникам пришла рок-музыка. Концерты и целые рок-фестивали проходили на частных квартирах и дачах, условия звукозаписи приближались к тем, в которых, по словам Артема Троицкого, «работали разведчики-радисты во время войны».

Существование «Воскресенья» в таких условиях стало невозможным. После того как группа дала последний «подпольный» концерт, к Алексею Романову нагрянули домой стражи порядка. Конфисковали всю аппаратуру, стоявшую дома, а самого на несколько месяцев упекли в тюрьму, решив продемонстрировать, что с остальными может случиться такое же.

Никольский сильно переживал этот инцидент, казнил себя за то, что ничем не может помочь другу. Но прошло какое-то время, Романова выпустили, Константин закончил эстрадное отделение Гнесинского училища. Никакой речи о концертной деятельности не могло быть. Худсоветы по-прежнему свирепствовали даже по отношению к так называемым профессиональным ВИА.

Можно было отложить гитару и зарабатывать на жизнь чем-то другим. Но Никольский уехал из Москвы работать гитаристом в группе «Галактика» при Калужской филармонии. Чуть позже вместе с приятелем целую зиму мотался по Брянской области, выступая со своими песнями в маленьких деревянных клубах.

Только в 1986 году, вернувшись в Москву, Константин получил приглашение участвовать в одной программе с «Браво» и «Рондо». Именно тогда он создал ансамбль «Зеркало Мира». Так называлась его песня, которую исполняла группа «Воскресенье». Но и судьба «Зеркала Мира» была недолговечной.

А несколько месяцев назад в Москве замелькали афиши с новым названием группы Константина Никольского — «Маленькие радости».

— Насколько стабильный состав у нынешнего коллектива?

— Я считаю, если есть работа, то и группа существует, нет работы — нет ансамбля. Сейчас работы стало больше и состав стабилизировался: Александр Кузьмичев — на бас-гитаре, Игорь Костиков — на барабанах, Михаил Шевцов — на клавишах, я — на гитаре и Аркадий Березовский — звукооператор. Сейчас мы работаем при объединении музыкальных ансамблей «Спрут», которым руководит Антонина Жмакова.

— Уже более пятнадцати лет вы профессионально занимаетесь музыкой. Но только теперь к вашему творчеству стали проявлять внимание средства массовой информации. Наконец-то выходит ваша сольная пластинка. Почему интерес возник именно сейчас?

— Думаю, скорее всего на радио и телевидении появились люди моего возраста, которые хорошо знали группу «Воскресенье». И они стараются по мере сил нас поддерживать.

— Какие песни вошли в вашу пластинку?

— Для слушателя они новые, но написаны давно, еще в 80-х. Я пишу очень мало, и там есть песни на стихи других авторов. На мой взгляд, пластинка получилась удачная.

— В одной из ваших песен есть слова: «Я сам из тех, кто спрятался за дверью...» Что это — пессимизм на почве несбывшихся надежд?

— Я написал эту песню в период сильнейшей депрессии. Казалось, все рушится. Распался оче-

редной ансамбль. Друзья покинули: Стас Намин, Саша Посев, Юрий Фокин, эмигрировавший в США. Он для меня был больше, чем друг. Я всегда прислушивался к его советам. Именно отъезд Юры толкнул меня написать эти строки.

— Между лирическим героем, который присутствует в каждой вашей песне, и тем музыкантом, который стоит на сцене и поет их, большая разница. Один — «печальный странник, бредущий по бездорожью», другой — реалист, иронизирующий по поводу всей этой «тоски и печали».

— Живой концерт — нечто большее, чем просто исполнение песен. Если зал тебя тепло принимает, если аппаратура не подводит, то поднимается настроение, я смеюсь и шучу. А в жизни я обыкновенный.

— Не кажется ли вам, что из репертуара нынешних молодых ушла некая духовность, присущая музыкантам вашего поколения?

— Раньше бит-группы собирались в основном из студенческой среды. А кто сегодня делает молодежную музыку? Тексты песен, мягко говоря, вообще никакие. Лишь бы только поразить слушателя и заработать кучу денег. Но эти деньги так же легко исчезают, как и появляются.

— Сегодня гастрольная деятельность в стране переживает не лучшие времена. Приходится платить большие налоги, арендовать залы и аппаратуру. Немногие знают, во сколько обходится одно такое выступление. Если не секрет, сколько вы получаете за концерт?

— Я обычно спрашиваю: «А сколько вы можете заплатить?» Но в среднем одно выступление коллектива стоит примерно тысяч 20—25. В нашей группе все полу-

чают поровну, так как мы выступаем нечасто...

— А если прибегнуть к уловкам профессионального шоу-бизнеса: найти спонсора, напечатать плакаты, снять пару клипов...

— В шоу-бизнесе царят определенные законы: во-первых, зависимость от того, кто дает деньги; во-вторых, постоянная борьба за популярность. И главное, что меня не устраивает, — большие площадки, на которых трудно общаться со зрителями.

Несколько лет назад выступал в одной программе с группами, играющими «металл». На концерте творилось что-то ужасное! Зрители срывались с мест, взбирались на сцену, тряслись как в падучей, с пеной у рта... Я сказал одному из ребят: «Милый, ты чего трясешься? Сядь, послушай, это же совершенно другая музыка!» Но если в маленьком зале можно справиться с подобным явлением, то на огромных площадках ситуация не поддается контролю. Приходится втягиваться и начинать «мочить». А мне это не нравится.

— Один из любимых ваших гитаристов, Марк Нопфлер, в одном интервью обмолвился, мол, «быть отцом для меня — больше, чем вся моя музыка. Все, что я сейчас делаю, я делаю для своих детей». А как у вас «уживаются» семья и работа?

— Семья и профессия никак у меня не связаны. Музыкой я занимаюсь давно, а женился достаточно поздно. Во всяком случае, стараюсь делать так, чтобы одно не было в ущерб другому.

— Константин, вы не хотели бы вновь объединиться с Алексеем Романовым и воссоздать группу «Воскресенье»?

— «Воскресенье» для меня закончилось в 1982 году. А сейчас, слава Богу, уже 1992-й. Тем более

у каждого из нас своя группа.

— Как, по-вашему, что такое рок-музыка?

— Многие считают, что это образ жизни. А для меня — возможность справиться с окружающей действительностью.

— Когда музыкальные критики пытаются определить стиль вашей музыки, часто употребляют термин «бард-рок». А как вы сами считаете, к какому из направлений вы тяготеете?

— Я называю это просто — песни.

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ

ТАТЬЯНА
СМЕРТИНА

РУССКИЙ

для боярынь-крестьянок

Тайны солений, маринадов.
Средства от хворей.

232

НАПУТНОЕ

Любезные, милые хозяйюшки-красавы! И судари добрые! Досель вам такая кухонная книга (именно так созданная) не попадалась. Да и откуда? Ее не было на свете. Многие в «Русском погребе» поразит, многое удивит, ведь вы привыкли к сухим, академическим кулинарным рецептам, при чтении которых начинает обволакивать голову сон, и половник, что звезда, из рук катится. Поэтому мне и захотелось, используя часть некоторых известных академических цифр, создать для вас живую книгу о кухонных женских тайнах. Итак, перед вами самая настоящая зеленая магия, самые вкуснейшие советы по всем заготовкам на зиму — на всякий спрос! На всякий вкус! Для всех бояр и любовных пар! В книгу входят разделы:

1. Солонина, копчения, колбасы.

Окорока копченые, балык и колбасы домашнего изготовления на все сорта и вкусы.

2. Огурцы, огурчики, огуречики.

3. Капуста! Зеленая чара, полная хруста...

4. Помидоры.

Различные помидорные таинства засола, а попутно — ворожба на помидорах, о которой никто не слышал.

5. Свекла и морковь, кабачки и патиссоны.

6. Перец и баклажаны, лук и чеснок.

А кроме того, милые сударыни и любезные судари, в каждый раздел входят главы из «Моего ведовства»: сподручные средства от многих хворей: язв, ран, ожогов, простуды, подагры, зубной боли, средства для красоты и омоложения, снадобья от выпадения волос и проч. Как готовить:

ПОГРЕВОК

и городских хозяюшек

**копчений и прочих заготовок
снадобья для красоты**

лешачье молоко, огненное молоко, легчайшую пудру и т. д. Мои авторские заговоры (это не фольклор!), которые очень действенны.

Желаю вам, милые сударушки и судари, увлекательного и полезного чтения!

СОЛОНИНА, КОПЧЕНИЯ, КОЛБАСЫ

За любое важное дело берись помолясь и перекрестясь!

соленая рыба

Надеемся, боярыни-крестьянки, хозяюшки милые, что ваш муженек, добрый хозяин, не будет с пустыми руками приходить с рыбалки. А если и с пустыми руками придет — подари поцелуй, если хозяин не во хмелю... Но это — присловье, а дело — впереди.

Лучше солить рыбу потрошеную (если это не нагсадная мелочь). Сгодится рыбка всякая. Чешую тоже не поленись, очисти. Затем обмой рыбу в проточной воде, пересыпь солью, уложи в кадочку, сверху — деревянный круг с гнетом. Если осыплешь густо солью — то она просаливается быстрее. А хочешь получить рыбу свежепросоленную, то соли бери не так густо и выдерживай рыбу недолго. Кадочку с соленой рыбой лучше всего храни в погребе на холоде.

солонина на долгое время

Значит, так: на один пуд (16 кг) мяса без костей бери 2—3 кг соли, 100 г селитры*. Соль с селитрой тщательно истолки и натирай этой

*В старину при копчении и засоле эта селитра всегда употреблялась. Но она — компонент необязательный. И внимание: техническую селитру, идущую для удобрений, использовать нельзя. (Здесь и далее примечания автора.)

смесью куски говядины. На дно чистой, прошпаренной кадочки (для мяса держи особую, как и для огурцов, грибов, капусты,— это очень важно!) сыпь слой соли и укладывай мясо, слоями пересыпая его душистой смесью истолченной. Для душистой смеси бери перец, имбирь, корицу, гвоздику, лавровый лист, чуток можжевельных ягод. Потом клади гнет и выноси кадочку в погреб.

солонина провесная

Говядину тщательно натирай смесью (32 части соли и 2 части селитры). Куски уложи плотно один к одному и один на другой. Натирай так мясо раз в неделю в течение четырех недель. После этого пусть мясо просохнет, для этого пересыпь его отрубями и вывесь в теплом месте для сушки. Через месяц солонина провесная готова, она долго хранится без порчи, но слегка плесневеет.

посол окорока

Такой посоленный окорок можно потом варить (солено-вареный окорок), можно коптить (сыркопченый), можно коптить и варить (ветчинный окорок).

Нежирную свинину выдержи на холоде сутки. Натри посолочной смесью: на 5 кг мяса — 1 стакан соли, 1 чайная ложка сахара, 1/4 чайной ложки селитры. Уложи окорока в кадочку, пересыпая оставшейся смесью, прижми деревянным кружком и выдержи в холодном месте неделю. Переверни мясо, чтоб нижние куски оказались сверху, и залей прокипяченным, процеженным и остуженным рассолом: на 10 л воды — 1,6 кг соли, 50 г селитры, 100 г сахара. Можно добавить гвоздику, душистый перец, лавровый лист. Положи снова кружок с гнетом. Каждые пять дней окорока перекладывай и рассол заменяй свежим. Солонина готова через 3—4 недели.

гуси соленые

Это если надобно сразу убрать всю стаю домашних гусей по какой-либо причине (нехватка кормов, например). Холодильник, ясно, не вмещает. А мороза еще нет. Есть один крестьянский выход.

Тушки гусей очисти, вымой в проточной воде, осуши полотенцем, разрежь каждую на 4 части, обваляй в мелко истолченных пряностях. Дно кадочки выложи лавровым листом, потом клади слой гусяного мяса, пересыпай солью с селитрой, и опять — слой лаврового листа, опять — слой гусяного мяса и т. д., пока кадочка не наполнится. Сверху еще обязательно покрой лавровым слоем, наложи гнет и вынеси в погребок. Через три-четыре недели гуси посолятся, их можно употреблять.

Очень вкусны эти гуси в борще или отваренные, если подать их еще с несладким соусом.

А расклад такой: на трех гусей — 100 г ягод можжевельных, 200 г селитры, 400 г соли, 100 г перца, 100 г лаврового листа, по вкусу — корицы, гвоздики, кардамона.

солонина обыкновенная

Соль и селитру тщательно перемешай и натри ею мясо. Укладывай куски в прошпаренную кадочку, пересыпая душистой смесью из сухих можжевельных ягод, перца, лаврового листа, кориандра и сахара. Чтобы

вкус у солонины был приятен, добавляй мелко изрубленной свеклы. Кадку держи на холоде, через неделю солонина готова.

На пуд говядины (16 кг) нужно 2 стакана сахарного песка, 800 г соли, 40 г селитры, 20 штук можжевельновых ягод.

А запасливый хозяин, чтоб хозяйюшка не ходила по лесу в поисках можжевельновых ягод, может вполне отвести клочок земли возле дома для можжевельника. Очень красиво посадить его возле крыльца или калитки.

Говорят, и нечистую силу отгоняет.

Только надо помнить, что горсть свежих можжевельновых ягод, съеденная разом, может вызвать отравление.

мясо впрок городской хозяйюшке

Нежирное мясо нарежь кусочками и обжарь на смальце на умеренном огне, помешивая деревянной лопаточкой (дерево к мясу всегда добрее, чем металл!). Когда растопленный смалец станет прозрачным, а мясо подрумянится, посоли по вкусу. Приправ не добавляй. Горячее мясо уложи в сухие прогретые стерилизованные банки и залей жиром (топлым смальцем), в котором оно обжаривалось, слоем 4—5 см. Когда смалец остынет, накрой банку плотной бумагой и храни в холодильнике или в холодном погребе.

Пришел гость — прыг да скок, чем угостить? Чем удивить? Можно и не скок, коль готово впрок. Пойдешь павой да и в зеркало успеешь заглянуть, локоны поправить.

филе из свинины в желудке

Внимание — деликатес! Забытая русская забава.

Свинину нарежь тонкими ломтями, добавь нарезанное кубиками сало 300—400 г. Мясо и сало взвесь и добавь на 1 кг смеси 20—25 г соли, 7 штук крупно истолченного перца, 5 г тмина. Хорошо размеси, набей в свиной желудок, зашей и прокопти.

Затем натри мелкой солью и держи между досками под грузом месяца, периодически перевортывая. Потом облей теплой водой, облей холодной водой и подвесь в прохладном, сухом месте, чтоб деликатес проявился и созрел.

Храни в холодильнике. Подавай на закуску.

И вот вам моя прибаутка:

— Ешь, Филя, филе в Филиппов день!

— Без графинчика и графини не могу.

балык

Чего? Балык, говорю. Раз про графиню вспомнили, надо и про балык.

Зачем? А хоть знать будем — рыба это или мясо? Сами не поедим, а знание потомкам передать обязаны. Рыба это! Осетринашка.

Лучшим крестьянским балыком считается осетровый. И чем осетр толще и жирнее, тем балык ценнее. Отдели толстые спинки очищенного и промытого осетра от острой хребтовой чешуи и уложи в чистое, пропаренное деревянное корыто, пересыпая солью и селитрой (на 400 г соли — 4 г селитры), накрой доской и придави гнетом. Через три дня балыки перекладывай, чтоб нижние оказались сверху, и перетирай

собственным рассолом. Вынимай, когда окончательно усолятся, развесь на солнце, чтоб провяли. Прокопти.

А каково на вкус? Ох, не выговоришь!

копчение рыбы

Лещ, карась, окунь, щука, линь, сазан и прочая рыбка! Удали внутренности, желчь не раздави. Промой в холодной проточной воде, лучше родниковой. Натри солью, чем соль мельче — тем лучше. Соль предварительно перемешай с душистыми пряностями: измельченным перцем, гвоздикой, лавровым листом, корицей. Натертую рыбу оставь на сутки в сухой таре в прохладном месте. Затем рыбу подвесь на крючки или перекладину в коптильню на сутки или двое, если рыба крупная.

копчение свинины

Из свиного окорока вырежь длинные куски толщиной 3 см, удали соединительную ткань, лишний жир. Затем смешай 1 кг соли с 1,5 г селитры (можно и без нее) и 1 столовой ложкой сахара. На 1 кг мяса — 75 г этой смеси. Натри мясо смесью и плотно уложи в деревянную кадку, пересыпая душистым и черным перцем, измельченным лавровым листом. На мясо положи кружок деревянный с гнетом и выдержи 10—12 дней. Затем вымочи мясо в холодной воде, избавляясь от избытка соли. Отцеди, подсуши чистым полотенцем и подвесь в коптильню, где копти 3—4 дня.

Копченое мясо выдержи сутки между двумя досками под грузом. Потом намажь его смесью толченого чеснока и острого красного перца, подвесь в марлевых стерильных мешочках в прохладном месте.

236

копчение бараньего окорока

Раньше крестьянам этого добра было не занимать. Вырежь окорок с костью. Соль, селитру, сахар нагрей на плите. Натри смесью окорок со всех сторон. Положи в кадку или горшок и засыпь остальной смесью. Дай полежать так 4 дня. Каждые сутки переворачивай и натирай рассолом. Если окорок крупный, то соли до 10 дней. Потом вынь из рассола, повесь на сквозняке, пусть проветривается сутки. Копти 8—10 дней. Можно и варить как ветчину. Копченый окорок домашнего изготовления невероятно вкусный!

На 10 кг баранины — 1 кг соли, 13 г селитры (можно и без нее), 1 столовая ложка сахара.

копчение языка

Опять — деликатес. Почему уж так сразу «не про нас!». И это дело можно осилить. Кстати, раньше это деликатесом и не считалось. Обычная крестьянская закуска.

Говяжьи языки натри солью, тмином, чесноком, лавровым листом, петрушкой, укропом, репчатым луком. Уложи в посуду и выдержи 7—8 дней, переворачивая и обтирая рассолом. Потом можно варить для холодной закуски или коптить 2—3 раза в холодном дыму.

На 10 кг языка — 1 кг соли, 1 столовая ложка сахара.

копченное сало

Чего улыбаетесь? «А вот это — мы еда-а-али!» Едали, да не такое. Нарезь сало прямоугольными кусками, уложи его в кадку или

эмалированную посуду. Свари рассол: на 1 л воды — 160 г соли, 6 горошин черного перца, 1—2 лавровых листа, 3—5 штук гвоздики, половина головки чеснока, разделенного на зубчики. Сними рассол с огня и охлади.

Залей рассолом сало на 16—18 дней, ежедневно переворачивая куски. Затем вынь сало, промой теплой водой, перевяжи куски шпагатом и подвесь на 1—2 дня, чтоб стекала. Затем копти в дыму опилок до образования темно-золотистого цвета. Горячее сало намажь красным перцем и толченым чесноком. Помести в мешочки из марли и подвесь в прохладном месте. В деревнях обычно вешают на чердаке.

Теперь можешь сказать: «Па-а-адумаешь — магазинный шпик! А вот мой шпик — царский шик!»

копчение утки и гуся

Птицу выпотроши, промой и натри солью с селитрой. На 1 кг мяса — 100 г соли, 13 г селитры (можно и без нее). Уложи птицу в деревянную кадку, если тушек много, или эмалированную посуду. Сверху прижми гнетом и выдержи трое суток, переворачивая ежедневно. Тушки копти в холодном дыму 7 суток, потом на ночь повесь на сквозняке. Можно перед копчением тушки обмазать отрубями, а после копчения отруби очистить.

Копченая птица очень нежная и вкусная. Копченая птица, поданная на девичнике и украшенная ярко-красными солеными помидорами с зеленью, сулит удачу невесте в кухонных делах. Первой почать это блюдо должна невеста, отведав крылышки.

колбаса по-крестьянски

1.

Изруби мелко 3 кг свинины средней жирности. Добавь на 1 кг мяса 22 г соли, 3 г душистого перца, 8 г черного перца. Смесь вымеси и оставь на ночь. На другой день набей фаршем узкие свиные кишки, перекручивая их через 10 см. Суши на сквозняке. Можно слегка прокоптить.

Храни в холодильнике. Употребляй холодной или горячей с гарниром из овощей. Одыми легкой зеленью укропа.

2.

Мелко нарежь 7—8 стеблей лука-порея и обжарь в 0,5 стакана смальца. Добавь 4—5 стручков мелко нарезанного острого красного перца, 3 кг мелко нарубленной свинины, соли и черного перца по вкусу. Смесь выдержи в течение ночи. Утром набей ею узкие свиные кишки, подвесь в сухом проветриваемом месте.

колбаса «пожалуй, сват!»

Пропивая невесту, можно выставить на стол эту закуску.

Пропусти через мясорубку две части свинины и одну часть говядины. На 1 кг фарша добавь 23 г соли, 6 г душистого перца, 6 г черного перца, 1 г селитры (можно и без нее), 4 г тмина. По желанию (если в самом деле будет пропивание невесты) можно добавить чуток измельченного высушенного острого перца. Вымеси, добавляя периодически по 2 столовые ложки белого вина. Смесь выдержи одну ночь.

Утром набей туго ею свиные, бараньи или говяжьи кишки, предвари-

тельно замоченные в воде. Сделай колбаски длиной 30 см, перевяжи с концов и подвесь для сушки. Через 2—3 дня начни периодически раскатывать скалкой и повторяй это в течение 10—12 дней.

Затем уложи колбаски между двух досок под грузом и выдержи несколько дней, следя, чтоб они не поломались. При появлении плесени колбаски погрузи в сильно соленую воду, отцеди и обсуши полотенцем. После сушки можно прокоптить дымом из опилок и сухих трав.

колбаса сырокопченая

Для нее нужны равные части нежирной свинины с грудинки или шеи и говядины от лопатки или задней ноги. Куски нарежь величиной с орех. На 1 кг мяса нужно 23 г соли, 3 г сахара, 0,5 г селитры (можно и без нее). Все это выдержи несколько часов в эмалированной посуде с наклоном, чтоб оттекала выделяющаяся жидкость. Затем пропусти мясо через мясорубку или мелко наруби рубакон. Добавь 10 г черного перца и тмина на 1 кг мяса. Вымеси и выдержи ночь в эмалированной посуде на холоде. На другой день набей фаршем широкие говяжьи кишки, перекручивая их через 40—45 см. Перевяжи концы нитками, проколи иглой, чтоб вышел воздух, и повесь в прохладном месте. В течение 10—15 дней время от времени раскатывай колбасу скалкой. Прокопти, затем суши 2,5—3 месяца. Эта колбаса долго хранится без холода.

колбаса по-хомуцки¹

Вкуснейшая вещь!

Мелко наруби рубакон или сечкой в деревянном корыте 2 кг нежирной свинины и 1 кг нежно-розового сала. На 1 кг фарша брось в корыто 1 чайную ложку соли, тмина, измельченного черного перца и 1/2 чайной ложки сахара. Вымеси и выдержи смесь ночь. На другой день набей ею узкие свиные кишки. Повесь для сушки на продувной чердак на несколько дней, периодически раскатывая колбаски скалкой.

Копти 4—5 часов можжевельником с чабрецом и мятой. Затем повесь в прохладном месте.

колбаса из кабанчика — оближешь пальчики

Пропусти два раза через мясорубку равные части жирной и нежирной свинины. На 2 кг мяса добавь 3 порезанных и обжаренных луковицы, добавь соли, перца черного, тмина, измельченные сухие стручки острого перца и один стакан бульона из костей. Вымеси и оставь на ночь. На другой день набей этим фаршем узкие свиные кишки, перевяжи и опусти в кипящую воду. Когда вода снова закипит, вынь, дай стечь и подвесь в сухом месте.

Колбасу подавай жареной или запеченной с гарниром. Особенно эта колбаса хороша запеченная в русской вольной печи.

Не забудь похвалить хозяйшку за еду боярскую!

невесткина закуска

Бывает, девушку выдают замуж на такую дальнюю сторону, где

¹ Хомут — деревня в Вятской области, умирающая деревня, где я проживала в свои детские годы. Хомуцкие советы еще не раз вам встретятся в этой книге (здесь и далее примеч. автора).

растет винограде зеленое. И бывает, начинает ее точить тоска. Тогда готовь невесткину закуску, она снимет все тяготы и прочим домашним безобидна.

Выбери жирные куски свинины из шеи или пашины. Промой легкие, сердце и почки. Свари их вместе с мясом в подсоленной воде, вынь, порежь на мелкие кусочки. Печень пропусти через мясорубку. Всё это уложи вместе в кастрюлю, добавь соли, тмина, душистого перца, чеснока и немного крови свиной, которая густит смесь и окрашивает. Фарш набей в широкие свиные кишки, нарезанные кусками, концы колбас перевяжи и уложи колбасы в широкую кастрюлю на отрезки стеблей виноградной лозы. Залей водой, чтоб колбаса погрузилась, и оставь на ночь. Рядом с кастрюлей оставь полынь — траву забвения: «Полынь, полынь, не просто лежи, а делай свое дело!»

Утром проколи колбасу иглой в нескольких местах, придави тарелкой и вари около часа на умеренном огне, изредка прокалывая колбасу иглой.

Готовую колбасу вынь, охлади, оботри чистым полотенцем и положи в холодное место. В холодную, морозную погоду такая колбаса хранится до трех недель, а если ее прокоптить, то она делается еще более стойкой.

Колбасу невестка должна испробовать натошак после рюмки наливки. Домашним можно подавать на холодную закуску с овощным гарниром. Можно подавать и горячую с гарниром.

На 1 кг колбасы: свинина — 500 г, чеснока — 30 г, сердце — 200 г, легкие — 200 г, почки — 200 г, кровь — 100 г, тмин — 10 г, перец — 5 г, соль по вкусу. Причем кровь надо заговорить: «Руда, руда красная, запекись! Тоска-печаль напрасная, изведись!»

колбаса «сотника»

Изруби мелко 3 кг свинины. Добавь 0,5 кг мелко нарезанного сала, 80 г соли, 2 головки толченого чеснока, 4 г селитры (можно и без нее), немного черного перца, 2—3 толченые гвоздички и 3/4 стакана воды. Вымеси и оставь на ночь. На другой день набей этой смесью узкие свиные кишки, сделай колбаски длиной 20 см, завяжи концы, просуши в продуваемом месте и прокопти.

Раньше одна бабушка утверждала, что если угостить такой колбасой сотника или урядника — он зла крестьянину не сделает. Вот бы нынче так-то!

кровяная колбаса

Свиные почки и половину легкого вместе с кусочками сала и небольшим количеством нежирного мяса провари 10 минут. Вынь из воды и мелко нарежь. Добавь нарезанного полосками сала, соли, душистого и черного перца и немного крови свиной. Вымеси и набей фарш в широкие свиные кишки. Перевяжи с двух сторон, проколи иглой и вари на слабом огне в воде, в которой варилось мясо. Кровяная колбаса готова, когда из места прокола вытекает не кровь, а прозрачный сок. Колбасу вынь, выложи на сито, дай стечь воде, затем придави гнетом.

Через 3—4 дня помести в прохладное место.

Кровяная колбаса, изготовленная дома, домашнюю вражду прекращает.

колбаса вятская

Изрежь мелкими кусочками легкое, сердце, почки, селезенку и немного кровяного мяса, взятого с шеи туши. Добавь на 1 кг смеси 25 г соли, 3 г черного перца и 10 г измельченной смеси мяты, чеснока, тмина и семян укропа. Вымеси и набей широкие свиные кишки так, чтобы получились колбасы в 1 кг. Перевяжи колбасы с двух сторон, проколи иглой, подвесь в сухом месте. Можно прокоптить.

Колбасу подавай вареной или жареной, с картошкой.

Норма: на 1 кг колбасы — 500 г свинины, 200 г почек, 200 г легкого, 200 г свиного сала, 50 г чеснока.

Вятские уверяют, что к такой колбасе хороша водочка Яранская — в Яранске делают, она слезу вышибает.

колбаса ямщицкая

Мелко изруби 2 кг мякоти свинины и 2 кг говядины, добавь 1 кг мелко нарезанного сала, 120 г соли, 15 г измельченного перца, 5 г селитры (можно и без нее), 20 г сахара и 3 г красного перца. Вымеси и набей не очень плотно узкие свиные кишки. Перекручивая кишки, оформи небольшие колбаски. Придави их доскою на столе (пусть столешница будет деревянной, без всяких пластиков и прочих премудростей!), положи груз и держи так два дня, затем суши 4—5 дней в продуваемом чулане и потом прокопти.

Ямщицкую колбасу подавай вареной или жареной, с квашеной капустой, картофельным пюре, отварной фасолью.

Вкусная колбаса получается, если при ее изготовлении напеваешь: «Степь да степь кругом...» И удивительно: подашь такую колбасу на закуску — гости начинают ямщицкие песни петь...

колбаски столичные

Такое столичное лакомство можно испробовать, не выезжая из деревни.

Возьми 2 кг измельченной и истолченной говядины и 4 кг свинины, добавь 1 кг мелко нарезанного сала, перемешай. На 1 кг смеси добавь 1 столовую ложку соли, 1 чайную ложку сахара, черный перец и тмин по вкусу. Все это вымеси, добавляя время от времени по столовой ложке воды. Выдержи одну ночь. Утром набей фарш в широкие свиные или говяжьи кишки, перекручивая их через 30 см. Перевяжи колбаски с двух сторон шелковой ниткой, проколи кое-где иглой и подвесь в сухом месте. Через пару дней раскатай скалкой. Высушенную колбасу заверни поштучно в бумагу, уложи в ящик и засыпь просеянной древесной золой (только не брикетовой!). Колбаса может так храниться целый год.

Смотри по телевизору столичные новости да поедай столичные колбаски. Заедут столичные гости — угости!

колбаски «замани свата!»

Возьми две части лопаточной свинины и одну часть говядины. Удали пленки, нарежь кусочками и добавь на каждый килограмм мяса по 23 г соли, 1 г сахара, 0,5 г селитры (можно и без нее). Уложи мясо в эмалированный бачок или ведро, поставь под наклоном на двое суток, чтоб сок оттек, затем пропусти мясо через мясорубку или изруби мелко сечкой.

Вымеси, добавь черного перца (3 г на 1 кг мяса), немного душистого перца и тмина. Туго набей в широкие говяжьи кишки, сделай колбаски длиной от твоих кончиков пальцев до локтя. Перевяжи с двух сторон красной шелковой ниткой, заговорив ее: «Нить красная, шелковиночка! Свяжи, нить, то, что не связалось!» Остатки ниток сожги в русской печи. Колбаски повесь в сухом месте и через пяток дней прокопти до калено-коричневого цвета, высуши.

А подавай свату так: сперва рюмочку на подносе, потом огурчики на подносе, а потом уже — заманные колбаски с укропчиком да чесноком и вареной картошкой. Так он не только исполнит что надо, он ввек не забудет!

колбаса богатырская

Меленько наруби 2 кг говядины и 2 кг свинины. Брось в фарш 90 г соли, 15 г черного перца, 10 г тмина, 7 г душистого перца. Вымеси и выдержи сутки в студеном месте, но чтоб не замерзло, не каменело от мороза.

Набей фарш в свиные или говяжьи кишки и подсуши пяток дней, подвесив в прохладном месте.

Богатырскую колбасу подавай жареной или печеной, с фасолью, картошкой, квашеной капустой, соленьями, горошком.

колбаса «эй, ухнем!»

Возьми 60 г свежего сыра, 2 кг свинины, 1,5 кг говядины. Все мелко изруби, измельчи, перемешай. Добавь 50 г соли, 24 г перца, 12 г гвоздики, 12 г корицы и снова вымеси фарш. Набей им свиные кишки и повесь в прохладном месте, часто поглядывая и обтирая чистым полотенцем. Чем дольше висят — тем лучше. Колбасу подавай отваренной, жареной. К ней — картошка, толченая, с маслом, соленья.

241

колбаса курячья или кроличья

Если не все хозяйшкы разводят телят и поросят, то и малая живность сгодится. Да и колбаса получается редкостная.

Мясо курицы или кролика отдели от костей, пропусти пару раз через мясорубку, добавь мелко нарезанного (можно магазинного) сала-шпик, по вкусу соли, перца. Вымеси. А вот свиные кишки придется у соседки выменять на яйца или кроличий пух. Кишки тщательно промой в проточной воде и туго набей приготовленным фаршем. Колбаски сразу отвари в подсоленной воде или лучше в бульоне от оставшихся костей.

Если хочешь долго хранить — то подкопти в холодном дыму. А если достанешь бараньи кишки — то у тебя получатся великолепные сосиски. Птичьи сосиски — деликатесы, но на Руси в купеческих кладовых не были редкостью.

колбаса из птицы заморской — индейки

В вятской стороне мало кто разводил эту птицу, да и на развод брали привозную.

Отдели мясо от костей, пропусти три раза через мясорубку. Добавь печень птицы, соль, специи по вкусу. Вымеси. Добавь сала-шпик, порезанного маленькими кубиками. Промытые в холодной воде свиные кишки туго набей этим фаршем и концы перевяжи. Кости индейки вари три часа, брось в бульон соль, луковцу, гвоздику, лавровый лист,

перец. Процеди бульон и снова поставь на огонь, пусть закипит. В кипящий бульон опусти осторожно колбасу и вари один час. Охлади, не вынимая из бульона. Храни в холодильнике.

закуска деревенская

Раньше в деревнях после убоя живности ничего не пропадало.

Очисти и промой свиную голову, ножки и немного шкурки. Залей свежей водой и вари, добавив по вкусу соль, пару листьев лавровых, пару гвоздичек и половину чайной ложки черного перца. Когда мясо начнет отваливаться от костей — вынь, охлади, отдели мясо и порежь его мелко. Добавь пару головок измельченного чеснока, 1 чайную ложку тмина и 1,5 стакана бульона. Фарш вымеси и набей им чисто вымытый свиной желудок, вывернутый наружу. Зашей, положи желудок в кастрюлю, на дно которой постели капустные листья или деревянную решеточку. Проколи желудок в нескольких местах, залей оставшимся бульоном, прикрой сверху тарелкой и вари на слабом огне пару часов.

Вынь, осторожно оботри, положи между двух досок и придави камнем.

Храни закуску в продуваемой кладовой не дольше двух-трех недель. На одну свиную голову и пару ножек — соль, перец по вкусу, 50 г чеснока.

Подавай с присловьем: «А вот вам на праздничек закуска, чтоб голова ясней была, ножки резво бегали! Князя такого не едали, цари такого не видали, пока в моей кухне не состряпалось! На красный стол подношу — вам на угощенье!»

242

ветчинная колбаска для Митеньки-подпаска

Свежую свинину нарежь полосками, чтобы сало перемежалось с мясом, натри солью с селитрой и толченым крупным перцем. Набей кишки туго, обвивая бечевой, и вывеси на воздух на 10—15 деньков, а потом прокопти 15—20 деньков.

На 1 кг мяса — соли по вкусу, 32 г селитры, 10 г перца.

колбаса копченая, дымом золоченная

Хороша на Руси копченинка, да рыжики, да осетринка! Ох...

Возьми 2 кг говядины без костей и жира и 1 кг свиного сала, мелко изруби, измельчи. Возьми на каждый кг этого фарша 32 г соли, 3 г селитры, 6 г толченого перца, размеси. Набей этим фаршем кишки и вывеси их в сухом, прохладном месте на десяток дней. Копти неделю.

копченая, закусочная, приманная

Возьми 1 кг свинины и 0,5 кг говядины, луку сырого и поджаренного в масле по 100 г каждого, 3 зубца чеснока, 25 г соли, 12 г селитры, 18 г перца. Все мелко изруби, вымеси и плотно набей этим фаршем свиные кишки, перевяжи, подвесь на свежем воздухе на три дня. Копти 2—3 недели.

Объедение!

колбаса для нежных молодушек

Сделай кашичу густоты сметаны из кипяченого молока и мякиша

белого хлеба. Очень мелко нарежь вырезки из курицы или какой-либо другой птицы и столько же нарежь свиного сала. Мясо вымеси с кашей хлебно-молочной, добавь мелко нарубленного и обжаренного в масле лука, несколько яичных белков, перемешай с перцем, солью и мускатным орехом. Набей свиные кишки и отварь.

Строгого расклада продуктов тут не бывает, а есть множество вариантов. Наличие мяса должно преобладать. Дерзайте, хозяйюшки!

колбаса болонская

Возьми в равных частях говяжьего сала, свиного шпика и телятины. Мелко изруби, добавь пряностей, соли, перца и набей фаршем толстую воловью кишку, проткнув ее в нескольких местах вилкой. Вари один час.

Так что и в Болонью ездить не надо. А если и ехать — так не за колбасой.

колбаса с капустой — когда мороз до хруста

Это русское изобретение. Крестьянин без капусты — что лошадь без хвоста.

Значит, так: измельчи говядину пополам со свиной, помести все в кастрюлю. Добавь кислую капусту, но прежде ее хорошенько отожми и высуши. Капусты надо вдвое меньше мяса. Еще добавь в кастрюлю соли, перца, луку, моркови, свеклы, картофеля. Поставь кастрюлю на водяную баню и все уваривай в собственном соку 2—3 часа. Готовую смесь охлади, хорошенько изруби и набей ею цилиндры из пергаментной бумаги, нынче такая редка — так можно плотную, лощеную, малопроемаемую подыскать, лишь бы не развалилась.

Ах, какие неповторимые щи получаются из такой колбасы! Наши прабабушки и прадеды и не такое умели и едали... Изба красна, печь тепла, хозяйюшка добра, похлебка дымится ароматно, а за окном — вятский мороз с ума сходит, не пронять ему такой избы! А сытый кот когтями валенок дерет — метели быть, сломится мороз.

а если пост, а колбаски хочется?

Однодневные посты можно и вытерпеть, а вот долгие... Но и тут у крестьян есть выход — колбаса постная. Для изготовления постной колбасы обрати внимание на совет, как готовить колбасу с капустой. А теперь вместо мяса бери свежую рыбу без костей.

Хм! Правда, в старину предпочтение отдавали стерляди (так вятские называют осетровую речную рыбу).

Городские хозяйюшки могут использовать магазинного карпа. Лишь кости надо отделять тщательно. Боярыни-крестьянки у рыбака пусть отбирают для покупки линей и щук.

А впрочем, всякая рыба сгодится. Было бы усердие.

чего бы такого остренького?

Можно и остренького. Чтoб гoсть закусил и крякнул. Колбаса мужицкая, чесночная!

Но прежде — потрудиcь. Возьми в равных частях свежей свинины и телятины. Мелко изруби и смешай с растертым чесноком (сколько его вытерпишь), толченым перцем, добавь по вкусу немного толченой

гвоздички, мускатного ореха, соли. Набей фаршем кишки толщиной в два пальца, перевяжи маленькими колбасками и отвари в воде или бульоне.

Хо-рро-шо-о пойдет!

сосиски обыкновенные

Надо сказать, что на Руси их раньше называли «бáрышнина колбаса», а моя бабушка Марья называла «лешьи пальчики».

Меленько изруби 600 г жирной говядины, 600 г свинины и 200 г говяжьего сала. Добавь одну чайную ложку толченого перца, столько же соли и половину чайной ложки горошкового перца. Потом все хорошенько смешай с одним стаканом мелкорубленого лука и начиняй фаршем тонкие кишки, перевязывая их. Эти сосиски перед употреблением надо жарить или отварить.

сосиски «бабья забава»

Возьми 400 г телятины и 800 г нежирной свинины. Хорошенько изруби, посоли, сбрызни толченым перцем, гвоздикой, мускатным орехом, добавь один стакан толченых белых сухарей, 400 г рубленого шпику и шесть рубленых луковиц. Начиняй тонкие свиные кишки в виде сосисок. Отвари. Прокопти.

Перед употреблением выдержи полчаса в кипятке.

Подавай с картошкой, квашеной капустой, солеными грибами. Если сосиски подает мужчина женщине, украсив их цветком из отваренной красной свеклы, — он хочет ее завлечь. А если наоборот, то женщина делает на тарелке кольцо из свежей зелени.

К парням и девушкам это не относится.

мудрости из кухонных разговоров

Присаживайся, гостенька дорогой, угощайся да послушай, о чем толкуем! Может, сгодится...

— Я вот такую копильню своей хозяйшкe устроил в дымоходной трубе! Прямо на чердаке. В этой трубе вешалки приделал с крючками, для небольших окороков, разумеется. Ну и заслоночку такую для регуляции дыма. В общем, не я первый... Только хозяйшкa печь должна топить слабеньким огнем, но сильно дымовитым. Лиственные деревья заготовил для дров, пихтовыми да еловыми топить не надо.

— А я не поленился, дальше пошел! Эдакую копильню на чердаке соорудил из кирпича, на шкаф похожа, метр на метр, а высота два метра. Ну и выход дыма сделал прямо в печной дымоход, а снизу тоже с дымоходом соединил, чтоб на проход шло. И задвижки приделал для регуляции дыма. Сват пришел, случайно полез на чердак: «Чего это у тебя?» — «Сейф». — «А почему кирпичный?» — «От радиации».

— Такое можно и не на чердаке! Моя хозяйшкa сказала: «Чего я буду лазить взад-вперед как йога!» Так я ради нее такую копильню во дворе поставил. Откуда, говоришь, дым? А печурку сделал внизу. Кирпича у меня для копильни не было, так я из досок сделал, лишь внутри железом обил. А сосед вон бочку приспособил, на кирпичи поднял, снизу все глиной обмазал — печурка под бочкой получилась. Но уж лучше всего мой кум сделал, обстоятельную копильню выстроил, чтоб и внукам хватило. Этот кум и поленицу складывает, что терем строит.

— А меня, мужики, моя хозяйка изругала! Ни то ни се не могу

сделать! Так она сама выход нашла. В русской печи и коптит. Но в основном рыбу. Горячее копчение получается. Устанавливает в печи несколько кирпичей, ставит противень, на него решетку деревянную и топит печь слабым, полуживым огнем... Щепками, старой соломой. Я ей втолковываю: мол, быстро прогорит! Так она опять сообразила, как сделать: сырыми опилками засыпает, у нее и чадит здорово. Градусов 50 получается, а жарче и нельзя — жир вытечет.

— Да, горячее нельзя. В настоящей-то коптильне градусов 20 должно быть. Я вот топлю свою дубом да ольхой. Ветками старой яблони. Самое лучшее — можжевельником. Ну, хоть изредка подкидывать. Да хорошо, когда ветки с ягодами. Да еще трав душистых добавить! А вот сырыми дровами топить — гиблое дело, у мяса вкус пропадает. И смолевыми нельзя. Тут надо на собственном опыте умудриться да наладиться.

хомутский способ копчения

Коптили в бане по-черному. Сговаривались в одной бане сразу несколько хозяев коптили. Во время копчения хозяева бани мылись по чужим баням, у всех по очереди, тогда ведь в каждом хозяйстве своя баня была.

А баня по-черному — готовая коптильня. Пока топишь — весь дым в баню. Когда у всех бани стали по-белому, тогда тоже коптили. Дым задвижками регулировали, чтоб в баню шел. В такой бане можно коптить сразу по многу больших окороков и колбас. Дружно тогда жили. А нынче в чужую баню кто пустит? Вон один надумал в своей бане коптить — так целый месяц не мылся, копченее окорока стал. Зачем так? Радости нет. Еда, приготовленная без радости, впрок не идет, вокруг нее злое сияние копится таким невидимым пухом черным. Еда с таким «пухом» вредна, хвори будит в человеке...

Моя бабушка утверждала, что если она возле коптильни веселые песни поет — копченина вкуснее бывает. Сперва смеялись над ней. А потом копченину пробовали, и смех пропал. Стали все на Хомуте бабкиным способом коптить.

245

МОЕ ВЕДОВСТВО

от зубной боли

Возьми ломтик сала (лучше свежего, кожного, охлажденного). А если сало соленое — оскреби от соли. Трижды дунь на него и осторожно положи ломтик на ноющее место между десной и щекой. Держи 15–20 минут, пока боль не затихнет.

Потом это сало даже кошке есть не давай (тем более сам не употребляй!), лучше в печи сожги: «Гори, ярьсь! Навеки растворяйся!»

от простуды, неотступного долгого кашля

Внутреннее свиное сало не одну хворь высосало. Нутрянка, свиной зор, утробнина.

Это сало с кишок, нежно-матового цвета, особого привкуса. Его ни в коем случае не растапливай на сковороде, а лучше

в вольной русской печи, не горячей, чтоб оно мягко таяло в кастрюле, но не шипело злобно. Топленое сало храни в холодильнике или погребе ледяном, обязательно в темноте.

Для детей — одну чайную ложку на стакан горячего молока, для взрослых — столовую. Пить горячее, глоточками, медленно, перед сном. А если днем, то на улице выходить нельзя.

Перед сном втирай это сало в грудь и спину досуха, смешав его предварительно с небольшой частью скипидара. Перед втиранием кожу наругай — разотри сухой суконной или шерстяной тряпкой. Можно смешивать это сало и с пихтовым маслом или облепиховым.

Точно так же можно применять медвежье сало, особенно хорошо барсучье.

от ран болячих, порезов жгучих — роковое средство

ЛЕШАЧЬЯ МАЗЬ: возьми одну столовую ложку свежего овечьего или козьего жира, половину столовой ложки соли, столовую ложку измельченного, пролежавшего зиму лука. Изотри, истолки в порошок. Возьми шарик мази, трижды дунь, трижды зашепчи: «Боль — на боль! Огонь — на огонь! Плоть — на плоть! Боль пройдет, огонь изгаснет, плоть затянется у раба Божьего (назови имя)».

Залепи рану, завяжи. Повязку надо держать сутки. Сперва боль усилится, взгорит, огонь на огонь пойдет! После второго применения — начнет гаснуть. После пятого — заживет полностью. Это средство в основном от ран застарелых, плохо заживающих.

А небольшие порезы кухонным ножом можно излечить так: перед сном в темноте делай поглаживания ладонью над раной, не касаясь. При этом представляй, что на твоей коже раны нет. Лучшие такое «видение исцеленной кожи» делай сильными толчками воображения, которые то гаснут, то ярко видятся. Сила воздействия зависит то ли от природных данных, то ли еще от чего-то... Реальное и мгновенное заживление.

куриный божок помогает

От очень сильных слаб утробы, расстройства живота...

Сними внутреннюю кожицу с куриного желудка, вымой, высуши и храни в чистой тряпочке про запас. Больному помоги так: мелко истолки сухую кожицу, возьми какой-нибудь ключ от замка или дверной, близко над порошком (не задевая) поводи ключом по часовой стрелке 7—10 раз. Затем порошок (половину чайной ложки) подавай с какой-нибудь кашей. На следующий день можно еще раз.

Особенно действенна кожица от черной курицы. Можно взять и от магазинной куры, только, городская хозяйка, бройлерами пренебреги.

от бледнотемноты, слабости, малокровия

В чистую чашечку (если свинья опоросилась) надои свиного молока. Оно очень целебно действует — тяготы и бессилие

снимает, омолаживает. Пей по утрам натощак. Очень тяжелых больных помогает выхаживать этот напиток.

молоко кикиморы

Это средство хорошо от сильного гриппа, остуды, болезней горла, хрипote.

Возьми 1 литр коровьего молока утренней дойки и на рассвете нарви молоденьких вершинок с еловых лап юных елок. Старайся рвать с почками, по весу надо 25—30 г. Отвари ветки в молоке, дай чуток настояться, процеди. За день надо все выпить в теплом виде. Веточки можно заменить незрелыми, очень зелеными еловыми шишками, тоже около 30 г на 1 литр молока.

В веточки наибольшую целебную силу кикимора вдыхает весной, майские хороши. А в еловые шишки — летом, в начале осени. Ветки отваривай 15 минут, а шишки в два раза дольше.

247

ОГУРЦЫ, ОГУРЧИКИ, ОГУРЕЧКИ

*В зеленой темнице
стая лебедей томится...*

милого ради огурчики в маринаде

Без огурцов крестьянский стол — что без царя престол. У нас такого малахита — полны кадочки налиты. У нас сядут за стол, хоть дряхлый дед, хоть добрый юнец — тут же глядят: а где огурец?

Свежие, крепкие огурцы вымочи три часа в воде, обмой, обдай кипятком, уложи в промытые с содой банки, перемежая мелко нарезанным чесноком, стручками красного перца. Можно добавить и душистого перца, корицы, гвоздики, бадьяна, лаврового листа, кориандра, зелени укропа, петрушки. Измельченные листья и корни хрена.

Затем залей огурцы кипящим маринадом. Стерилизуй, то есть выдержи банки в кипящей воде 8—13 минут, постелив на дно кастрюли тряпку или подложив решетку деревянную и прикрыв банки прокипяченными крышками. Затем закатай, поставь банки в таз вверх дном, накрой теплой влажной тряпкой и поливай банки через каждые три минуты сперва теплой водой, потом все холоднее и холоднее — это для того, чтоб остывали быстро. При таком остывании огурчики останутся хрустящими, ароматными.

Расклад такой: на трехлитровую банку огурцов — чеснока 3 г, укропа 30 г, еще 18 г хрена, 9 г петрушки, 3 г корицы, 12 штук гвоздики,

3 лавровых листа, 1 штуку красного перца. На трехлитровую банку идет 1,5 литра (примерно) маринада, в нем — 75 г соли и 75 г сахара, 8—9 см кубических уксуса. Или так: на 10 л воды — 1,5 л 6%-ного уксуса, 200 г соли, 200 г сахара, 20 г укропа.

огурцы, соленные в кадке

Огурцы из кадки всегда имеют особый вкус. Они ядренее, приманнее, у них дух огуречный — на всю избу.

Лучше всего солить в кадках липовых, дубовых, осиновых. Можно солить и в объемной эмалированной посуде.

Кадку вымой и прошпарь с можжевельником. Дно кадки выстели промытыми листьями черной смородины, листьями вишни, зеленью укропа, нарезанным чесноком, листьями хрена.

Промытые огурцы, чтоб не утратили изумрудный цвет, опусти на три секунды в кипящую воду и тут же облей сильно студеной водой. Затем укладывай в кадочку вертикально — носиками в небеса, послойно перемежая свежими листьями и душистыми приправами. Затем залей рассолом. Чтобы огурцы в кадке не всплывали, накрой их деревянным кругом и положи гнет, но так, чтобы он не плющил огурцы. Кадку обвяжи туго чистой тряпкой и храни в холодном погребе.

Рассол: на 1 ведро воды — 600 г соли, 50 г укропа, 5 г эстрагона, полстручка красного перца, 1 головку чеснока, корешок хрена. Можно при засолке добавлять кориандр, базилик, богородскую траву, мяту... Выставишь такие огурчики на стол — у гостей голова закружится от аромата.

*За огурчики, помидорчики
Меня милый целовал
В коридорчике!
А за черные брови —
Целовал при свекрови...*

соленые огурчики с водкой

Опять чисто русское изобретение наших прапрабабушек. Наверняка прапрадед и подсказал.

Огурцы, уложенные в кадочку, как описано мною выше, и переложенные пряно-душистыми смесями и листьями черной смородины, вишни, хреном, укропом, залей горячим прокипяченным рассолом: на 2,5 ведра родниковой воды — 1,5 столовой ложки квасцов, 6 стаканов соли и две бутылки водки. На другой день долей огурцы холодным раствором и забей кадочку, храни в холодном месте.

Ух, хороши огурчики! Мужичкий засол. Городская хозяйюшка заинтересовалась? Женская головюшка додумчива: выбери крепенькие красавчики огурчики, промой, обдай кипятком, уложи в стерилизованные банки, перемежая листьями черной смородины, хрена, душистым перцем, чесноком. Залей огурцы прокипяченным горячим рассолом, в него добавь водку и виноградный уксус. На другой день долей банки холодным рассолом и плотно закупорь, поставь в холодное место. На 10 литров воды — 500 г соли, 1 стакан уксуса, 3/4 стакана водки.

Агафьин засол, хомутский

Агафья — старушка с Хомута, царствие ей небесное! Была такая

чистенькая, тихая, богомольная. Солила огурчики своим способом, называла его ледяным. А имела она богатый ледник все лето. Итак, ледяной способ посола. Вода — царица великая. Наморозь в январе чистейшей родниковой воды, упрячь в ледник. Поспеют огурчики — выбери ядреные, один к одному молодчики, и залей их холодной родниковой водицей с ломаными кусками родникового льда, пяток часов выдержи — огуречная свежесть и ледяная чистота в одно сольются. В крепко пропаренную можжевельником кадочку уложи ледяные огурчики, перемежая их листьями черной смородины, мятной травой, богородской травой, укропом, майораном, кусочками корня хрена, зеленью петрушки. Уложенные в кадочку огурцы снова покрой травами и специями.

Залей горячим прокипяченным рассолом: на 1 ведро воды 600 г соли (можно добавить 0,5 л уксуса). Кадочку тут же унеси на ледник и вруби ее в лед. Через три дня долей охлажденным рассолом, забей кадочку и оставь во льду, укрыв ее сверху ветками можжевельника. Таких огурчиков мало кто едал! Ледяные, молодильные огурчики!

Марьян засол, хомуцкий

На Хомуте, конечно, было множество способов засола, но я поведаю о редком. Моя прабабушка Марья иногда так солила. Дед хвалился: «А наша бабка умеет всяко огурчики солить, умеет солить и в пузе домового!»

Садила Марья такие удивительные тыквы — два мужика в сени закатывали и кряхтели. Гладкие тыквы, медовые! Чтоб лучше росли, она над ними зашепты творила, руками над ними волховала. Отбирала одну, особую: «Вот эту домовую любит!» Дальше дед помогал: срезал у тыквы искусно вершину, выскребал нутро и в этот тыквенный бочонок, в «брюхо домового», Марья укладывала маленькие огурчики, пересыпала зонтиками укропа, листьями черной смородины, мяту бросала, чеснок, хреновые листья. Заливала холодным рассолом прокипяченным (на ведро воды — 600 г соли) и заговаривала: «Домовой, домовый! Следи за своим брюхом!» Накладывала срезанную вершину, залепляла воском. Тыкву сразу же выносили в ледник, обкладывали льдом.

249

молодушкин засол, соленые огурчики в банках

Средние, красивые огурчики уложи в банки, перемежая специями: укропом, измельченным чесноком, листьями хрена, листьями черной смородины, дубовыми листьями, листьями вишни, душистым перцем. Залей кипящим рассолом (на 1 литр воды — 60 г соли). Банки прикрой прокипяченными металлическими крышками и, не закатывая, оставь для брожения 7—10 дней. Затем долей огурцы холодным прокипяченным рассолом и закатай.

Или так: огурчики, залитые рассолом, оставь для брожения на 12 дней, затем уложи в простерилизованные банки со специями, прикрой крышками и простерилизуй, то есть поставь банки в кастрюлю с горячей водой (на дно кастрюли положи решетку деревянную или тряпку), и пусть вода в кастрюле кипит 7 минут, если банки литровые, и 15 минут, если банки трехлитровые. Вынь, закатай. Переверни вверх дном, пусть остывают. Такие огурчики будут храниться дольше.

Или так: мытые огурчики вымочи в воде три часа, уложив промытые

с содой и прошпаренные банки, перемежая специями, залей рассолом (на 1 литр воды — 60 г соли), накрой крышками, поставь банки в посуду с теплой водой на сутки. Потом рассол слей, доведи его до кипения и снова залей огурцы на 5 минут. Сделай так еще раз. Это называется двукратная заливка. Потом добавь лимонную кислоту (на 1 литр — 1 г) или добавь уксус (на 1 литр — 5 г). Банки закатай и переверни, пусть так остывают. Храни в прохладном месте. При таком засоле витамины лучше сохраняются.

В засолы, милая хозяйшка, можно добавлять измельченный чеснок, петрушку, мяту. Как тебе любо будет, и главное — что твоему хозяину понравится. Не пожалеешь, любезная!

соленые огурчики на любителя

ЧЕСНОЧНЫЙ ЗАСОЛ: для такого засола огурцов особый состав специй, а именно: 6 г истолченного чеснока, 1 г горького перца, 5 г мелко порезанного хрена, 5 г эстрагона, 40 г зелени укропа, 70 г соли на 1 кг огурцов.

ОСТРО-МУЖСКОЙ ЗАСОЛ: 4 г горького перца стручкового порезанного; 3 г толченого чеснока, 5 г хрена, 5 г эстрагона, 30 г зелени укропа, 70 г соли на 1 кг огурцов.

ПРЯНО-ЖЕНСКИЙ ЗАСОЛ: на 1 кг огурцов молоденьких, небольших — 2 г горького перца, 4 г толченого чеснока, 5 г хрена, 35 г зелени молодого укропа, 30 г листьев черной смородины, 10 г дубовых листьев, 3 штуки гвоздики, 60 г соли.

СЛАДКОПЕРЕЧНЫЙ ЗАСОЛ: на 1 кг огурцов — 250 г сладкого перца, 50 г зелени укропа, 5 г толченого чеснока.

ГОРЧИЧНЫЙ ЗАСОЛ: при таком засоле огурчики остаются крепкими, зелеными, имеют легкий привкус горчицы. Разведи в небольшом количестве кипяченой воды 4 г сухой горчицы на трехлитровую банку засола и добавь к обычному засолу.

огурцы приворотные

Молодые огурчики обдай кипятком и сразу облей холодной водой. Отвари капустные листья. Каждый лист зашепчи: «Как ты любишь обниматься, так бы и раб Божий (назови имя) со мной обнимался!» Пришептывая так, заверни бережно в каждый лист по огурчику. Уложи огурцы в промытые и прошпаренные банки, уложи плотно и красиво. Затем залей троекратно кипящим рассолом (залей на 5 минут, слей, доведи до кипения, опять залей и т. д.). После третьего раза закрой банку прокипяченной крышкой и закатай.

Рассол: на 1 литр воды — 50 г соли, 50 г сахара, 300 г яблочного сока (только приготовленного в домашних условиях).

Огурчики потом сама первая испробуй — хороши ли получились? Если удачен засол, подавай милому с мясным блюдом и солеными рыжиками. К этому виноградное вино.

А где растет виноградная лоза, там капустные листья можно заменить на виноградные. Но их отваривать не надо, лишь промыть.

огурцы святочные

Крепкие яблоки и огурчики обдай кипятком, уложи плотно в трехлитровые стерилизованные банки, пересыпая листьями лимонника (13

листочков). Трижды заливай кипящим рассолом (залей на 5 минут, слей, прокипяти рассол и опять залей на 5 минут...). После третьего раза накрой банки прокипяченными крышками и закатай.

Рассол: на 1 литр воды — 50 г сахара, 50 г соли.

Эти огурчики хороши в любое время, но лучше всего использовать такую заготовку в зимние Святки для девичьего угощения и гадания. Ставьте на поднос красивый рюмочку и тарелку, на которой огурчик и яблоко. Заманивайте гостя мужского рода (лучше всего кого-нибудь из родни, деда старого): «Отведай угощеньица из рук девичьих!» И подает поднос та, на которую загадано. Рюмочку-то выпьет, а чем закусит? Если яблоком — сбудется желание... Евино яблоко. А возьмет огурец — уплыл молодец!

огурцы резанные

Если нет красивых мелких огурчиков, а все переростки, то сделай такой посол: выбери негнилые, не очень желтые, вымой хорошенько, порежь аккуратно на кружочки толщиной 2—3 см. Уложи в промытые с содой и прошпаренные банки, перемежая листьями смородины, зеленью укропа, лавровым листом, измельченным чесноком, листьями хрена и травой мяты. Залей все горячим рассолом: на 1 литр воды — 15—20 г уксусной эссенции, 60 г соли. Накрой крышками, стерилизуй 10—15 минут, закатай. Лучше уж резанные огурчики, чем никакие. Лучше уж впрок, чем в долг.

огурцы свадебные

Чтоб новобрачным была удача, чтоб были они неразлучны до конца, на свадебный стол надо выставить несколько блюд, символизирующих единство разных сил, и чтобы вкусно было! Такие огурчики как раз подойдут: ошпарь вымытые огурцы кипятком, уложи в чистую стерилизованную банку, заливай троекратно кипящим раствором. После третьего залива закатывай. Раствор: на 1 литр тыквенного сока — 50 г соли, 50 г сахара, 300 г яблочного сока. Оба сока надо изготовить дома, магазинные не годятся.

засол огурцов без рассола

Есть и такая премудрость.

Приготовить прошпаренную с можжевельником кадочку (можно и большую эмалированную посуду). Снятые с грядки ровные, крепкие огурчики не мой, а тщательно протри тряпкой каждый огурчик. Дно кадочки посыпь солью толщиной в 1,5 см и плотно уложи огурчики в вертикальном положении, заполняя пустоты между ними солью, перемешанной с мелко изрубленным укропом. Сверху посыпь смесью. Плотнo укупорь и храни в холодном, но обязательно сухом месте. Огурчики сохраняют свежесть, аромат. Лишь перед употреблением вынутые огурцы выдержи сутки в студеной воде, часто ее меняя.

щавельный засол

Щавель у дорог, железнодорожных насыпей и вокруг фабрик не собирай, он ядовит, он впитал в себя и дым, и грязь, и токсичные отходы, он только с виду хорош. Лучше всего собирать щавель на вольных лугах. Или сажать у себя на грядке.

Вымытый щавель — 300 г — отвари в 800 г воды, вынь, протри сквозь сито, снова опусти в отвар, добавь 30 г сахара, 50 г соли. Огурцы ошпарь кипятком, уложи в простерилизованные банки и залей кипящей заливкой. Такой засол хорош для людей с пониженной кислотностью желудка.

а если огурцы горькие?

Не расстраивайся, хозяйюшка. Дело можно поправить.

Сделай так: отбери небольшие огурцы, промой, обрежь кончики и замочи огурцы на сутки в воде студеной — она горечь высосет. Потом каждый огурец оботри чистой тряпкой и уложи в простерилизованные банки, перемежая специями: черносмородиным листом, вишневыми листьями, хреном, укропом, чесноком, душистым перцем. Залей огурцы горячим прокипяченным рассолом (на 1 литр воды — 50 г соли), добавь сок красной смородины (на 1 литр рассола — 100 г) или лимонную кислоту (на 1 литр — 3—4 г), затем банки пастеризуй при 80 градусах полчаса, закатывай, переворачивай вверх дном, пусть остывают.

малосольные, хрустящие, закусочные

Сколько радости, когда на собственной грядке первый огурчик появится! А особенно в северной части Руси, где огурцы без парниковых укрытий и радения возле них и не растут! Сажала их моя бабушка на припеке у хлева да на пышной земельной перине — делала землю в несколько слоев с навозом ядреным, здоровым!

Малосольные, хлебосольные, хрустящие, заманящие! С укропчиком, чесноком... С рассолом целебным с похмельяца. Мужикам — на закуску, на забаву девицам!

Выбери нежные, светло-зеленые, небольшие огурчики. Промой, уложи в банку или эмалированное ведро, перемежая их душистыми специями — укропом, резаным чесноком, листьями черной смородины, вишневыми листьями, корнями и листьями хрена. Кто хочет поострее — можно и перчика добавить. Залей огурцы охлажденным рассолом: на 1 литр воды — 2—3 столовые ложки соли. Если огурцы в ведре — прижми их тарелкой, чтоб не всплывали. Если в банке — накрой пластмассовой крышкой. Огурцы будут готовы через два дня. Можно так засолить и в большой глиняной кринке.

А если кончики огурцов обрезать и залить огурцы горячим рассолом, то они усолеют через несколько часов — утром засолила, а вечером угощай! Да помногу не соли — через неделю у них свежий аромат пропадает.

девичья забава — огуречное варенье

Ну неужели можно? Можно: И гостей удивить, и домашних побаловать.

Возьми 1 кг вымытых, очищенных от кожуры огурцов, удали из них мягкую сердцевину с семечками. Возьми 500 г сахара, сок 1 апельсина, сок 1 лимона (кожуру от них не выбрасывай — сгодится!), еще возьми корицу, гвоздику, ваниль.

Опусти огурцы в кипящую воду и вари, пока не станут мягкими. Отцеди, оставив на сите огурцы, дай стечь воде. В отдельную посуду выдави сок из лимона и апельсина, добавь туда воды, чтобы раствора

стало объемом три стакана, всып туда сахар и вари сироп. Кожуру лимона и апельсина измельчи ножом и свари отдельно в малом количестве воды, добавив туда корицу и гвоздику. Процеди, отвар вылей в сироп. Добавь туда по вкусу ваниль или ванильный сахар. Засыпь в сироп огурцы и вари на медленном огне помешивая, пока они не станут прозрачными.

Уложи варенье в чистые простерилизованные банки, закрой прокипяченными крышками.

Сладостное варенье нежно-необъяснимого вкуса!

МОЕ ВЕДОВСТВО

лунное, отворотное варенье

Из овощей самую сильную связь с Луной имеют огурцы и капуста. Огурец, освещенный лунным светом, имеет тихое, едва видимое, зеленое сияние. Он сильно лунь впитывает.

От невыносимой любовной тоски есть средство — лунное варенье. Возьми варенье из огурцов (совет его изготовления мною описан выше). Дальше делай так: варенье в блюде выдержи ночь под полным лунным сиянием. Когда его Луна осветит, сразу зашепчи: «Луна-лунница, прозрачная девица! Помогни рабе Божьей (свое имя назови) от печали не убиться! Посей мои боли на лунном поле!» Утром это варенье съешь натощак — сердечная сухота ослабнет, любовное наваждение погаснет.

Варенье, настоящее под лунным молчанием.

от простудного кашля

От кашля средств много, но бери, хозяйюшка, что ближе под рукой, что на этот момент имеется. А поэтому ведай и такое средство.

Огуречный сок с медом: на $1\frac{1}{3}$ стакана огуречного сока 1 столовая ложка меда. Пей в теплом виде натощак три раза в день.

от лихорадки, от малярии

Высушенное огуречное семя мелко истолки, возьми одну столовую ложку истолченного, залей стаканом кипятка, отвари 10 минут, процеди. Пей по $1\frac{1}{3}$ стакана 4—5 раз в день.

Или так: высушенные огуречные цветы (только не пустоцветы!) — 1 столовую ложку завари стаканом кипятка, отвари 10 минут, добавь столовую ложку меда и столовую ложку калинового сока. Пей по $1\frac{1}{3}$ стакана 3 раза в день.

когда больна печень

Очень полезно есть свежие огурчики. А можно высушить огуречные стебли, измельчить и пить отвар этих стеблей: 1 столовая ложка на 1 стакан кипятка, кипятить 15 минут, процедить. Можно порезать пожелтевший огурец-переросток и заварить как чай, пить по 1 стакану в день в теплом виде.

средство от бессонницы

Перед сном выпей стакан медовой воды (1 столовая ложка меда на стакан кипятка) и наложи на лоб свежую кашицу из мелко порезанных свежих или соленых огурцов, ржаного или пшеничного хлеба, кислого молока и глины. Медовую воду пей в теплом виде, а кашицу держи на лбу 15—20 минут, при этом надо представить, что ты лежишь на душистом сене и полуденный ветерок над тобой веет. Мысленный заговор таков: «Плыву, плыву по реке сонной... Где конец — не знаю. Где начало — не ведаю...»

средства для красоты, отбеливания и от веснушек

ОГУРЕЧНАЯ НЕЖНОСТЬ: кашицу огуречной прохладной мякоти наложи на чистое лицо, держи 15—20 минут. Смой теплой водой. Освежает, белил, молодит. Если кожа нечиста и воспалена — перед наложением огуречной кашицы протри лицо настойкой или отваром календулы.

ОГУРЕЧНОЕ ВИНО: огурцы нарежь ломтиками, уложи в бутылку, залей водкой или разбавленным спиртом, выставь бутылку на две недели на солнце. Протирай этим настоем лицо.

ОГУРЕЧНАЯ ВОДИЦА: пять столовых ложек измельченного огурца залей 0,5 литра кипятка, настаивай 5 часов, процеди. Обильно протирай этим настоем лицо или умывайся.

ОГУРЕЧНАЯ ПУДРА: сделай кашицу из толченых огуречных семян, огуречного сока и рисовой пудры. Высуши, истолки в пыль — такая пудра и лечит и белил.

Раньше крестьянские девушки-красавицы пользовались здоровыми средствами для красоты, нынешней химии не знали. Хочется дать милым хозяйшкам попутно совет изготовления рисовой пудры.

Промытый рис замочи в холодной воде на 4—5 суток, ежедневно меняя воду, надо, чтобы рис разбух и легко разминался. Затем выложи рис в фарфоровую или фаянсовую посуду, разотри до кашицы, залей водой, взболтай, дай отстояться 5 минут. Отбеленную воду (в ней вся суть!) слей. Оставшийся на дне рис опять разотри, снова залей водой, снова взболтай, дай отстояться и отлей отбеленную воду... Делай так много раз, пока риса останется чуть-чуть на донышке, один жмых. Собранная отбеленная вода пусть отстоится, на дне будет нежный белый осадок. Воду слей, а осадок выложи на чистую тряпку и суши при комнатной температуре (в печи и на печи нельзя!).

Высушенную массу разотри — это чистейшая, нежнейшая, забытая рисовая пудра!

заговор для красоты

И еще совет. Готовь средства для красоты своей и пользуйся ими в тайне и одиночестве. Чтоб избежать сглаза, подсмеиванья. Изготовленные тобой снадобья для красоты — это еще половина

дела. Надо наделить эти снадобья энергетической, молодильной силой, которую чуяли наши прабабушки, то есть вдохнуть в них свое желание шепотом: «Сила земная, сила царская! Коснешься меня — не губи, а люби! Дай красы бесконечной, молодости вечной!» Тогда увидишь — года для твоего лица замедлятся, подруги удивятся.

Духовная чистота и краса лица неразделимы.

КАПУСТА! ЗЕЛЕНАЯ ЧАРА, ПОЛНАЯ ХРУСТА...

*Грустит красавица и дни, и ночи,
Пенные юбки по земле волочит...*

255

капуста квашеная — царица стола

Метель кольца вьет. Изба в снегах увязла. Но коль капуста есть в кадочках — весел мужик, улыбается бабочка, девка вскидывает бровь, ворожит на любовь. В избе — то щи дымятся так ароматно, что домовый из-под печи вылезает, то — вкуснейшие пироги-капустники пекутся, ребятишки спуют, горячие пироги тащат, с ладошки на ладошку перекидывают: «У-ух! У-у...вку-у-сно!»

Не проворонь белокочанную пору, хозяйшюка! Белые, крепкие кочаны мелко изруби, нашинкуй, перетри с солью: на 10 кг капусты 200 г соли.

Дно чистой, прошпаренной кадки или бочонка посыпь ржаной мукой или обмажь ржаным тестом, устели капустными листьями. Туго набей кадку рубленой капустой, уминая толкушкой. Угости кочерыжками и свежей толченой ребятишек. Для аромата в капусту добавляй морковку. Можно положить в марлевых узелках тмин и анис (семена).

Сверху все укрой капустными листьями. Да не забудь — положи деревянный кружок с гнетом — чистым, ошпаренным камнем. Капуста через несколько дней начнет кваситься, появится пена — помоги ей, проткни капусту в середине кадочки березовым чистым колом до дна — чтоб дух квасной выходил.

Постепенно пена исчезнет — капуста заквасилась. Храни на холоде. Да перед тем, как вынести, — укрой ее свежими капустными листьями.

капуста, квашенная по-хомутски

Прошпарь капустную кадочку. Белые, крепкие, сочные кочаны мелко порежь, нашинкуй и в корыте перетри руками с солью (на ведро капусты — горсть соли, горсть порезанной мелко моркови, столовую ложку укропа).

На дно кадки положи кусок ржаного хлеба, обмазанного медом, а потом все дно устели капустными листьями. Капусту утрамбуй в кадку, пересыпая ягодами клюквы или брусники. Добавь нарезанных дольками антоновских яблок, а если не уродились — то замени их ломтиками тыквы, это уж на вкус, кому как. Можно добавить и мяты. Капусту проткни скалкой в середине кадочки. Через сутки добавь свежей капусты, если она осела, прижми гнетом. Храни кадку в леднике.

Можно в капусту положить и разрезанные половинки маленьких кочанов. А можно на дно кадочки перед квашением положить очищенную целую свеклину. А еще некоторые на Хомуте квасили капусту с добавлением меда: на 1 кг капусты — 10 г меда.

способ моего деда

Дед мой очень увлекался солением грибов, у него и кадочки были особые: для рыжиков, для груздей, для волнушек. И вот он делал и такую заготовку.

Шинковал капусту, перетирал ее солью с резаной морковью, но соли брал меньше: на 1 кг капусты — 17 г. Добавлял в марлевых узелках семена тмина и аниса, укропа. Дальше делал, как обычно, — набивал капустой кадочку. Но после того, как капуста перебродит и заквасится, он добавлял туда мелких маринованных рыжиков, примерно на 1 кг капусты — 100 г.

Такой великолепный, царский засол, не знаю — едал ли кто, кроме хомутских?

капуста, квашенная с перчиком, чтоб лечить сердечки

Очисти кочаны, нашинкуй, перетри руками с солью, добавь специи. На ведро капусты — горсть соли, горсть измельченной моркови, столовая ложка укропа, столовая ложка тмина, 7 стручков измельченного болгарского перца, горсть сахара. Дно кадочки вымажи ржаным тестом, укрой капустными листьями, уложи капусту, приминая толкушкой, проткни в середине утрамбованную капусту скалкой, прикрой сверху капустными листьями.

Через два-три дня капуста пустит сок, подсыпь свежей, положи гнет, выставь в холодное место.

Вырежи из капустного листа сердечко, заквась с капустой. Угостишь потом милого. Улыбнется, молча съест — к добру. Начнет допытываться — зачем? Не раз поплачешь.

капуста с помидорками для барышень с оборками

Дочки чилимонятся — того не хочу, это не нравится. Девичье дело — капризное, девичья воля — короткая. На то они и девушки, чтоб ахали соседки, гордился отец, тосковал молодец. Где невеста в избе — там и капусту квасят изысканно.

Возьми штук пять крепких, белых, тугих кочанов. Режь каждый на четыре части с кочерыжкой, чтоб не рассыпались. Опустить в кипящую

воду на пять минут. Очищенный от семян и хвостиков перец тоже выдержи пять минут в кипящей воде.

Кабачок с кожурой, помидоры и морковь порежь кружочками, порежь крупно зелень, почисти зубчики чеснока.

Капусту, помидоры, кабачок и перец перемешай, уложи все в кастрюлю эмалированную или бачок, послойно перемежая зеленью, чесноком и морковью. Залей прокипяченным, охлажденным рассолом (на 1 литр воды — 2 столовые ложки соли), прикрой чистой тряпкой, наложи гнет и выдержи три дня при комнатной температуре — соленье готово. Вынеси на ледник или поставь, если кастрюля небольшая, в холодильник.

На пять средних кочанов — 1 кг сладкого перца, 1 кг помидоров, один небольшой кабачок, шесть средней величины морковок, две головки чеснока, много зелени петрушки, чуть поменьше — зелени укропа, еще можно добавить кинзы и — с ноготок — горького перца.

Такая заготовка необыкновенно вкусна! Кушай, девушка, можно и без хлебушка.

капуста малосольная

Капусту свежую нашинкуй, промой, затем опусти в кипящую воду и откинь на решето, облей студеной водой. Далее — соли и квась обычным способом. Через шесть дней капуста готова.

капуста маринованная

Меленько нашинкуй белые кочаны, перетри с солью (на 1 кг капусты — 1 столовая ложка соли). Капусту слегка отожми и уложи в банки, залей прокипяченным и охлажденным маринадом. Банки накрой пластмассовыми крышками, поставь в прохладное место. Через пяток дней капуста готова.

Маринад: на 1 кг капусты — 1 стакан уксуса, 3 стакана воды, 1 стакан сахара, чуток перца, 3 лавровых листочка.

капуста на листе смородинном

Любят на Вятке соленья с духом смородинным. Да и дух смородинный обожает Вятку — по лесам дикая смородина растет, крупнее садовой и душистее.

Разрежь небольшие крепенькие кочаны, опусти в кипящую подсоленную воду и отваривай 5—10 минут. На 1 кг капусты — 50 г соли.

Ветки черной смородины вместе со стеблями укропа отбей молотком, чтоб изомлели соком, уложи на дно кадки или эмалированной посуды. Затем укладывай капусту, перемежая ее специями — резаной морковью, дольками яблок, клюквой. Наверх — опять ветки смородины и укропа. Залей все водой, в которой варилась капуста. Укрой марлей, наложи деревянный кружок с гнетом. Выдержи два-три дня, снимая бродильную пену с капусты. Потом вынеси на ледник. Рассол должен покрывать капусту.

И всегда при хранении квашеной капусты поглядывай, хозяйюшка, в погреб. Если на капусте появится плесень — снимай ее, марлю кипятят, гнет заново ошпаривай кипятком.

Учитесь, доченьки, до медовой ноченьки. А грянут медовые — там науки новые!

капуста в банках для городской хозяйки

Если нет погреба и кадочки — не волнуйтесь, бабочки. Квасьте капусту любым способом, какой понравится, только сразу же после брожения ее надо перебрать, слегка отжать и уложить в простерилизованные литровые банки (больших банок избегайте). Дальше — залей капусту горячим прокипяченным рассолом (на 1 литр воды — 100 г соли), накрой прокипяченными металлическими крышками и стерилизуй банки в кастрюле с кипящей водой 30 минут, на дно кастрюли положи тряпку или решетку. Банки закатай. Переверни вверх дном, охлади. Такая капуста может храниться и в комнате продолжительное время.

А можно и так: перетертую с солью и морковью капусту уложи в простерилизованные банки и сразу закатай прокипяченными крышками, стерилизовать не надо, храни в холодильнике или в холодном месте.

луковая капуста

Крепкие кочаны нашинкуй, перетри с солью (на 1 кг капусты — 20 г соли), перемешай с измельченной морковью и мелко порезанным луком (на 1 кг капусты — 30 г моркови, 20 г лука). Добавь лаврового листа, черного перца-горошка, уложи капусту, уминая, в посуду, наложи гнет и выдержи три дня, протыкая ее деревянной палочкой, чтоб дух квасной выходил. Выдержи еще денек и отожми капусту от рассола, плотно уложи в простерилизованные банки. Рассол доведи до кипения и залей им капусту, накрой крышками, стерилизуй в кастрюле с кипящей водой, литровые банки — 10 минут, трехлитровые — 45 минут. Закатай.

258

скорая капуста

Квасим и так, квасим и сяк, а едим — одинаково. Одинаково, да за еду — похвальба разная. Кто охнет, кто вознегодует, а кто в щечку поцелует...

Ну, вот еще один способ — квашение в банках. Нашинкованную капусту, перетертую с солью и морковью, уложи в промытые с содой и прошпаренные банки «до плечиков», залей остуженной кипяченой водой, чтоб она была на пять сантиметров выше уровня капусты. Накрой банки чистыми тряпками, поставь в тазик на кухне на трое суток — лишний сок будет оттекать в таз. Затем выцеди сок из банок, раствори в нем сахар (на пятилитровую банку — 1 стакан сахара), снова залей капусту и поставь банки в холодильник. Скорая капуста, через полсутки она уже готова.

капуста «провансаль»

Для такой — возьми уже готовую квашеную капусту, лучше — квашеную кочанами, но можно и шинкованную. Квашеные кочаны разрежь на куски, потом добавь в капусту приправы: на 3 кг капусты — 400 г сахара, 300 г растительного масла, 250 г клюквы или брусники, 5 г порошка горчицы, 250 г маринованных слив (можно маринованных ягод винограда) и моченых, резанных на дольки яблок. Залей маринадом из-под слив — 200 г маринада на 3 кг капусты. Вместо маринада можно добавить по вкусу уксусной эссенции или лимонной кислоты. Все перемешай и уложи в посуду. Такая капуста дольше десяти дней не хранится.

соление цветной капусты

Капусту раздели на соцветия, промой в проточной водичке и плотно уложи в эмалированную кастрюлю или банки, залей прокипяченным охлажденным рассолом: на 5 кг цветной капусты — 2,5 литра воды, 200 г соли, 200 г уксуса. Выдержи капусту две недели при комнатной температуре — пусть перебродит, вынеси в прохладное место.

цветная капуста в банках

Капусту очисти, раздели на соцветия, ошпарь кипятком и охлади. Затем уложи в простерилизованные банки, залей кипящим рассолом, добавь уксуса (2 столовые ложки на 1 литровую банку), простерилизуй банки и закатай. В банке должно быть 60% капусты, 40% рассола. Рассол: на 1 литр воды — 20 г соли.

соленье аты-баты-демократы

Тут нужен перец красный и зеленый. Почисти его, удали семечки. Цветную капусту очисти, раздели на соцветия. Перец порежь полосками. Уложи в банку или эмалированную кастрюлю послойно: красный перец, зеленый перец, цветную капусту и опять — так же... Между слоями укладывай зелень петрушки. Залей прокипяченным остуженным рассолом: на 0,5 литра уксуса винного или яблочного — 0,5 литра воды, 80 г соли. Храни в прохладном месте.

маринованная, краснокочанная

Листы этого сорта капусты слегка фиолетовы. Красная капуста. Нашинкуй ее, как обычную, белокачанную. Уложи в простерилизованные банки и залей прокипяченным, остуженным маринадом: на 1 кг капусты — полстакана воды, 5 г соли, 15 г сахара, десяток горошин черного душистого перца, еще добавь лаврового листа, кусочек корицы, немного гвоздики. После заливки маринада добавь в банки уксус: на 1 кг капусты — полстакана уксуса. Через две недели капуста будет готова. Она хороша как салат, если добавить в нее растительное масло и зелень.

Можно краснокочанную капусту и квасить: на 5 кг капусты — 100 г соли и 100 г сахара.

Хранить маринованную и квашеную капусту лучше в ледяном погребе или в холодильнике. Но помногу ее заготавливать не стоит, она — для разнообразия, она — лишь прислужница белокачанной.

краснокочанная в банках

Нашинкованную красную капусту перетри с солью (на 1 кг капусты — 20 г соли). Пусть посолеет два часа. Затем уложи ее в простерилизованные банки, добавь лавровый лист, корицу, несколько горошин черного перца на каждую банку. Залей горячим маринадом: на 400 мл воды — 200 мл уксуса, 2 стакана сахара и соль по вкусу. Банки прикрой прокипяченными крышками, стерилизуй в кастрюле с кипящей водой полчаса, не забудь постелить на дно кастрюли тряпку или положить решетку. Банки закатай.

брюссельская в банках

Выбери крепенькие кочанчики 3—5 см в диаметре. Выдержи их в кипящей подсоленной воде 3 минуты, уложи плотно в чистые,

простерилизованные банки и залей подсоленной по вкусу горячей водой. Стерилизуй 40 минут. Закатай.

И брюссельская капуста, и краснокочанная, и цветная — хороши, но беды не будет, если их не сумела, милая хозяйюшка, впрок заготовить. Сперва насоли белокочанной кочочку — будут хороши и прочие повадочки. Крестьянский стол без традиционной квашеной — сирота. Не выставишь икрицу — никто не прогневится. Не выставишь капусту — «А на столе негусто!»

МОЕ ВЕДОВСТВО

таинственная

Ах, какие кочаны вырастали на Хомуте! Странно, но у меня в детстве бывала бессонница, которую я любила. Глянешь в лунную ночь в окно — капустная гряда светится нежной зеленью потусторонней. Видения бродят... Разве это капуста? Грустит красива и дни, и ночи, пенные юбки по земле волочит...

незаменимая

Капуста красоты прибавляет. Возлюби ее на своем столе пуще всех — будешь стройна вечно.

У кого сахарный диабет — очень полезна капуста. Хороша она и при атеросклерозе, желчнокаменной худой болезни.

260

Да и (хм!) младенчиков в капусте находят — а это великое дело! Вот он — лежит в лунных лапах-листах, вздымая розовые пятки и разбрасывая кулачки... Долгожданный! Загадка Вселенной. Вечная тайна. Земной сын.

капустная ворожба

Ах, капуста! Зеленая чара, полная хруста... На капустниках — дружеских вечерах-вечериночках действительна капустная ворожба. На блюде выложи тройную закуску — белокочанную капусту, цветную, красную. Каждую из них (это уж твоя тайна — какую именно?) зашепчи-загадай одним словом. Три слова, три загадки: любит, не любит, уважает. Или: придет, не придет, опоздает... и т. д. Именно — вдохни свою тревогу в капустные зелья, поверь — она в них останется. Подноси капусту милому по особому, не просто так. Подноси, как сердце подскажет. Что он сперва отведаст из тройной закуски — такой тебе твоя интуиция и еще какая-то сила знак подала... Не беда, если твою ворожбу все увидят, хуже — если тут же при всех откроешь-ся...

Проще пареной репы, проще квашеной капусты... А все простое — не так и просто в иные моменты...

от лютых ран, ожогов

Сорви свежие капустные листья на рассветной заре, ошпарь, измельчи сечкой в деревянном корытце с заговором таким: «Красным-красна заря! Я — о красном молю, зарёвые листья —

в кровь изрублю!» Затем изрубленные до кашицы листья смешай со свежим яичным белком и сразу же наложи на рану с едва слышным шепотом (можно и мысленно, смотря по обстоятельствам): «Заря, озарись! В лист вселись! Яриловым белком в рану вцепись, высоси яд... Будь заговор свят!»

Повязку меняй через шесть часов.

от мокнущей экземы

Сорви с гряды капустные листья, особенно хороши сорванные ночью, да еще лучше — если ночь лунная. Отвари листья в молоке, сделай кашу, смешай ее на одну треть с отрубями и в теплом виде налагай на тело, прикрой теплым, отваренным в молоке капустным листом, потом обвяжи шерстяной тряпкой. Сними повязку через два-три часа.

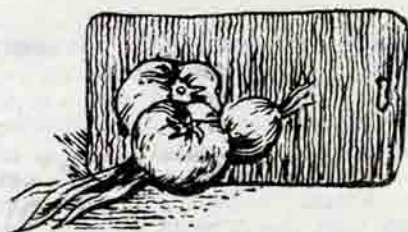
при язвенных болезнях

При язве желудка, хронических гастритах хорош капустный сок — по 0,5 — 1 стакану три раза в день в теплом виде, за час до еды. Пить в течение месяца. При больной печени тоже помогает.

при подагре

Когда мучают сильные боли, особенно ночью, — налагай на больное место свежие, только что сорванные, холодные, росистые капустные листья: «Лунный лист, зеленое поле, возьми мои боли!»

Боль утихает, гаснет.

ПОМИДОРЫ

*Странная девица!
Чем гуще темнеет —
Тем сильнее краснеет...*

помидорчики в маринаде, в пряной усаде

Под девичьи взоры — выставляй помидоры. Подноси муженьку, подноси и свату: красно на столе, значит, богато!

Для маринадов, хозяйюшка, выбери красивые помидоры, некрупные, можно недозрелые, розовые, молочной спелости, красные. Лучше — плотные, собранные недавно. Обмой, уложи в чистые банки, залей

прокипяченным и охлажденным маринадом. Если через 2—3 дня раствор помутнеет, слей, еще раз прокипяти, залей вторично и укупори банки. Маринад: на 1 стакан воды — 1 стакан уксуса, 1/2 чайной ложки соли, 1/4 стакана сахара, чуток перца, гвоздики, корицы.

зеленые, маринованные

Помидоры на севере Руси не всегда успевают вызреть, хоть и томятся порою в парниках. Но и зеленые в маринаде хороши, у них и вкус особый. Выбери мелкие, продолговатые. Обмой, уложи в простерилизованные банки, перемежая головками очищенного лука, стручками острого мелкоплодного перца, зеленью укропа, листьями хрена и смородины. Прижми сверху крестовиной из деревянных палочек и залей горячим маринадом: на 1 литр воды — 3 литра уксуса, 250 г соли, 350 г сахара, пяток лавровых листьев, десяток штук пряной гвоздики, еще добавь черного и душистого перца горошком.

Банки закупори и храни в прохладном месте.

соленые помидоры по-хомутски

Деревянную кадочку (липовую, дубовую) хорошенько промой и прошпарь с можжевельником. Помидоры промой и уложи в кадку рядами, перемежая укропом, богородской травой, хреновыми листьями, смородиновым листом и вишневым. При укладке кадку встряхивай, чтоб помидоры улеглись плотнее. Помидоры залей прокипяченным и охлажденным рассолом: на ведро воды (12 литров) — 700—800 г соли. Кадку накрой деревянным кругом, наложи легкий гнет и храни в прохладном месте. Усолеет через 40—50 дней.

Помидоры в чаше — красных девок краше. На соленья в кадке — и хилые падки! Соли, хозяйюшка, отведай после банюшки.

соленые помидоры в банках для городских молодухек

Покупаешь помидоры — бери плотные. Те, что мягки, много биты. Вымой, уложи в посуду слоями, припудривая сухой горчицей и перемежая измельченными листьями вишни, черной смородины, зеленью петрушки и пастернака, листьями хрена. Оставь на сутки. Затем залей рассолом: на 1,5 литра воды — 100 г соли, при варке добавь укроп, горький и душистый перец, лавровый лист. Наложь на помидоры легкий гнет, выдержи трое суток. Вынь помидоры, прополаскивая их в рассоле, и переложи в стерилизованные банки. Рассол пусть отстаивается три часа, затем его прокипяти и горячим залей помидоры, закатай. Банки переверни на крышки, пусть так остывают.

Подашь милому духмяно-красные — и соперницы не опасные.

помидоры в томатном соке, изысканно-нежные

Помидоры в сите опусти на 1—2 минуты в живой кипяток и сразу после кипятка опусти на 1—2 минуты в студеною воду. Помидорная кожица потрескается, ее легко сними руками или ножом. Затем уложи плоды в простерилизованные банки и залей изготовленным дома из помидоров кипящим томатным соком, посоленным по вкусу. Можно залить и просто горячим рассолом: на 1 литр воды — 1 столовая ложка соли. Уровень заливки — на 1 см ниже верхней кромки банки. Накрой помидоры прокипяченными крышками и стерилизуй в кипящей воде:

литровые банки — 35 минут, трехлитровые — 1 час. Закатай, переверни вверх дном — пусть остывают.

Такой посол помидоров нежен, вкусен, а помидорная заливка очень аппетитна, можно в нее при засоле добавлять и порезанный кольцами лук.

помидоры от Адама и Евы

Особый засол — помидоры, прикрытые виноградными листьями. Свежие, полурезлые помидоры вместе с зелеными звездочками черешков обмой и заверни каждый в свежий, промытый виноградный лист. Уложи в простерилизованные банки, перемежая зеленью укропа и (по желанию) стручками перца. Прижми крестовиной из деревянных палочек и залей прокипяченным, охлажденным маринадом: 5%-ный уксус, вскипяченный с горошком черного перца, лавровым листом, гвоздикой и солью по вкусу.

Банки закатай и храни в холодном месте.

с духом чесночка, угощай мужичка!

Помидоры духмяные, и спелые, и румяные! Соли в новолунье — будешь колдунья. Соли с приправой — будешь павой.

Помидоры опусти в кипяток на полминуты, затем уложи в простерилизованные банки, пересыпая чесноком (на трехлитровую банку помидоров — 300 г резаного чеснока). Трижды заливай кипящим раствором: залей на пять минут, слей, доведи до кипения и опять залей на пять минут. После третьей заливки банку быстро закатай прокипяченной крышкой. Остужай, перевернув вверх дном.

Раствор для заливки: на 1 литр яблочного сока, приготовленного в домашних условиях, — 5 столовых ложек соли и столько же сахара.

263

зеленые, соленые

Промытые зеленые помидорчики укладывай в эмалированную посуду или прошпаренную кадочку, пересыпая пряностями: зеленью укропа, мелко нарезанным хреном, вишневыми и черносмородинными листьями, чесноком, петрушкой. На 5 кг помидоров — 100 г пряностей. Заливай рассолом: на 5 кг помидоров — 3 литра воды, 150 г соли. Выдержи помидоры при комнатной температуре под легким гнетом две недели. Затем вынеси в погреб.

Если зимой очень переполошны куры в курятнике, начерти на дверях разрезанной половиной зеленого помидора крест и обе половинки закопай под порогом.

помидорная приправа

Очень она хороша, любезные хозяйшкы, для заправки щей, супов, соусов. Ко всем блюдам можно добавлять, чтоб еда была не пресная.

Спелые помидоры протри сквозь сито или нарежь ломтиками и толки толкушкой до кашицы. Соли по вкусу, или — на 1 литр массы помидорной 40 г соли. Доведи кашу до кипения и уложи в простерилизованные банки, накрой прокипяченными крышками и стерилизуй банки в кипящей воде 10—15 минут, закатай, переверни вверх дном, пусть остывают.

А можно и так: кашу кипятить 12—13 минут, помешивая, до исчезно-

вения пены. Горячую массу быстро разлей в простерилизованные банки, накрой прокипяченными крышками и сразу закатай, переверни вверх дном, укутай одеялом, пусть медленно остывают.

Помидорную приправу храни в прохладном, сухом месте.

помидоры с луком

Как же без лука? Без лука — скука. Хорош помидор — придет ухажер. А на луковый дух — жди сразу двух.

Вымытые помидоры опусти в кипяток на полминуты. Уложи в простерилизованные банки, густо перемежая луком, нарезанным кольцами. Залей кипящим раствором: на 1 литр яблочного сока, приготовленного в домашних условиях, — 3 столовые ложки сахара и столько же соли. Закатай, переверни банки вверх дном для охлаждения. Храни в прохладном месте.

где барышни влюбленные — засолы фасонные

Фасонные засолы едят, оттопырив мизинчик. Можно и глаза закатывать, только оба сразу.

Вымытые помидоры опусти в сите в живой кипяток на полминуты, уложи в стерилизованную трехлитровую банку, добавь 30 г листьев мяты и 30 г эстрагона. Троекратно заливай кипящей заливкой: залей на пять минут, слей, доведи заливку до кипения, опять залей на пять минут... После третьего залива немедленно закатай банку и переверни вверх дном, чтоб остывала. Заливка: на 1 литр воды — 300 г сока красной смородины, приготовленного в домашних условиях, еще 50 г меда, 5 столовых ложек соли.

томат-паста

Можно ее изготовить лучше магазинной, вкуснее и ароматнее.

Вымытые и спелые помидоры порежь и пропусти через мясорубку. Затем массу доведи до кипения и горячую протри сквозь сито, чтобы на нем остались семена и кожица. Массу снова уваривай в эмалированной посуде, пока помидорная каша не уменьшится на треть. Уваривай, помешивая, но не более 45 минут, и учти — масса пенится, посуду бери глубокую. Горячее пюре уложи в ошпаренные кипятком банки, накрой прокипяченными крышками и стерилизуй, смотря по величине банок — 25—40 минут и сразу закатай.

Очень душистая паста получается, если в нее перед увариванием добавишь сладкого перца, измельченную зелень петрушки и укропа, лавровый лист, гвоздику, корицу.

Пасту можно закрыть и пластмассовыми крышками, но тогда добавь в нее соль (10% к весу уваренных помидоров), а сверху залей тонким слоем горячего сала или прокаленным растительным маслом либо посыпь сухими толчеными листьями хрена. Храни в прохладном месте.

кетчуп

Такую приправу и сама сътопишь на славу! Название — мудренее дела. Селяне и раньше такое готовили, лишь называли это помидорной подливкой.

Сперва делай подливку (кетчуп) так же, как томат-пасту. А когда помидорная масса уварится на треть — добавь в нее пряности и коре-

нья: на 1 кг уварившейся массы — 20 г горчицы, 2 столовые ложки соли, 1/2 десертной ложки 8%-ного уксуса, 1/2 столовой ложки картофельного крахмала, щепот молотого и просеянного черного перца, душистого перца, гвоздики, корицы, можно и мускатного ореха. А еще — 1/2 кофейной ложки сладкого перца или слабжгучего, ломтик сваренной и раздавленной моркови, сельдерей, лук и петрушку.

Все тщательно перемешай, если густо — добавь отвара овощей. Доведи кетчуп до кипения и наполни им простерилизованные небольшие банки, сразу же закатай. Горячие банки переверни вверх дном на 10 минут, пусть остынут.

помидоры с крыжовником

Крыжовник промой, наколи каждую ягоду. Помидоры выдержи в кипятке полминуты, уложи в стерилизованную трехлитровую банку, пересыпая крыжовником. Три раза заливай одним и тем же кипящим рассолом на пять минут. После третьей заливки закатывай прокипяченной крышкой, переворачивай банку вверх дном, остужай, убирай на хранение в прохладное место. Рассол: на 1 литр воды — 5 столовых ложек соли и столько же сахара.

Вместо крыжовника можно положить в банку десяток листьев лимонника, но тогда рассол таков: на 1 литр яблочного сока, приготовленного в домашних условиях, — три столовые ложки сахара, столько же соли.

сладостные помидоры

Очень тонкий, нежный деликатес! Для милых жеманниц, дев-обманниц, женушек-молодушек и прочих лебедушек...

Когда, милая хозяйка, готовишь томат-пасту, то заодно готовь и сладостные помидоры, тут эта паста понадобится.

Помидоры розовые или зеленые, или красные выдержи в кипятке полминуты, затем обсыпь помидоры сахаром и уложи в простерилизованные банки, перемежая черносмородиновыми листьями, душистым перцем, корицей, гвоздикой. В кипящую томат-пасту добавь по вкусу сахар и залей помидоры. Банки простерилизуй и закатай.

зеленое варенье

Бывает, остаются у хозяйшки зеленые, мелкие помидоры — и ни туда ни сюда не годны. И вызреть уже не успеют. Чтоб не пропадали — можно сварить зеленое варенье, для задушевниц угощенье.

Отбери штук пятьдесят помидоров получше. Трижды отвари в трех водах, после каждой варки обмывая студеной водой. Потом сними с них кожицу, разрежь на половинки и вари в сахарном сиропе до сгущения: на литр воды — 1 кг сахара. Разлей горячее в банки и закатай. Переверни банки вверх дном, чтоб остывали.

помидорные гроздья

Что ж, хозяйюшка! Полон погреб заготовок, есть помидорчики всякие, и соленые, и в маринаде. И варенье зеленое есть! А на гряде — еще помидорные кусты с небольшими зелеными гроздьями помидоров. Была забота — станет забава. Не печалься, милая! Вырви целиком несколько помидорных кустов с оставшимися на них последними помидорами и подвесь к потолку в чулане или клетки, где температура ниже 0 граду-

сов не опускается, — помидоры медленно дозреют и долго не будут портиться. Детям на забаву, гостям — для аханья!

МОЕ ВЕДОВСТВО

при больной печени

Возьми полстакана сока свежих помидоров и смешай с полстаканом капустного сока или капустного рассола (без уксуса!). Пей три раза в день, лучше после еды. Перед питьем усиль снадобье заговором: «В меня, рабу Божью (имя) — сила, сила! Из меня, рабы Божьей — хворь, хворь! Аминь». Заговаривай без свидетелей, можно и мысленно, не менее трех раз и не более семи. Можно при этом ладонью со стакана снимать невидимую пену или сдувать ее. Пить нужно аккуратно в течение 1,5–2 месяцев. Способ медленный, но действенный. Это же самое средство можно использовать и при язвенной болезни.

от нарывов

Лучше всего взять свежий помидор, прямо с гряды, красный. Вымой, разрежь пополам, а лучше — разломи, чтоб нож своего духа не оставил на мякоти. В половинку помидора вложи свою духовную силу: «Студеница, охладная царица! Иди на огонь раба Божьего (имя), загаси знехуницу, высоси мертвицу, гони лихо-манницу! Пусть раб Божий (имя) не мается. Аминь». Наложив половинку помидора на нарыв, прикрой ошпаренным капустным или свекольным листом, обвяжи марлей. Через шесть часов сила у помидора иссякает.

для красы

ПОМИДОРНАЯ НЕГА: приготовь мякоть толченую свежего помидора, но так, чтобы ни металлическая терка, ни нож к этой мякоти не прикасались. Нанеси кашицу на чисто вымытое и обмягченное увлажняющим кремом лицо. Отдохни, отключись от действительности на 15–20 минут, погрузись в сладкие грезы, в которых ты — неотразима! В которых ты купаешь свой лик в белых, шелковистых лепестках... Затем помидорную негу смой теплой водицей, лик свой снова обмягчи кремом. Посвежеешь, кожа понежнёт, отбелится.

При этом действе избегай соглядатаев.

при детской хилости, ослабленности

Когда ребенок мал, ослаблен болезнью, хил и не очень-то пьет рыбы жиры, его можно отпаивать помидорной сладостью, особым сиропом. Хорош этот сироп и для взрослых, изможденных хворями.

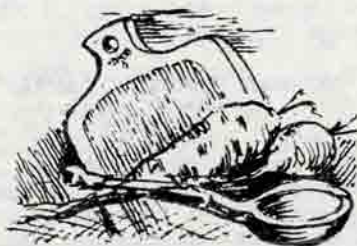
Красные, спелые помидоры выдержи в живом кипятке полминуты, затем протри их сквозь сито, чтоб отделить кожицу. В полученный сок добавь сахар, растворяй его, размешивая деревянной ложкой. На 1 литр сока — 2 кг сахара. Сироп не кипятить, а сразу разлей в простерилизованные бутылки, добавляя в каждую по дольке лимона, закрой прокипяченными пробками, храни в холодильнике.

Когда даешь сок ребенку — разбавляй его по вкусу кипяченой водой и добавляй лимонного сока, тоже по вкусу.

При использовании всех помидорных советов надо учитывать, что у некоторых людей бывает аллергия к помидорам — помидорная золотуха, и про это надо ведать.

ОТ ЛЕГКИХ ОЖОГОВ

Сильно обожглась на кухне, хозяйюшка? Тут же делай скорую мазь: смей помидорную мякоть с облепиховым маслом и нанеси на ожог. На ночь сделай повязку с этой мазью. Только не пользуйся пластырем при этом! Через два-три дня ожог исчезнет.

СВЕКЛА И МОРКОВЬ, КАБАЧКИ И ПАТИССОНЫ

267

*Кадок — целый взвод,
Варенья рдеют ярко.
Вот она идет —
Владычица, хозяйка!*

свекла и морковь в маринаде

Не у всех хозяйюшек есть подполье, где красносочная свекла и налистая целебностью морковь хранятся свежими всю зиму. Да и крестьянской хозяйюшке заготовки сгодятся для разнообразия стола, быстрого приготовления винегретов, салатов и как суповая заправка.

Свеклу вымой, отвари, остывшую — очисти и порежь ломтиками. Уложи в простерилизованные банки, залей горячим маринадом и закатай прокипяченными крышками. Переверни банки вверх дном, чтоб остывали. Маринад: на 1 стакан воды — 1 стакан столового уксуса, столовая ложка сахара, 1/2 чайной ложки соли, несколько лавровых листочков, черный перец горошком, корица, гвоздика.

Точно так же можно мариновать морковь, лишь предварительно опусти ее в кипящую воду, отвари 5 — 10 минут, смотря по величине морковок.

свекла с приправами

Выбирай! Приправа — для всякого нрава. Хоть с вишней, хоть с хреном — научу мгновенно...

С ХРЕНОМ: Отваренную почти до готовности, очищенную и порезанную ломтиками свеклу уложи в простерилизованные банки, пересыпая

тертым (металлических терок избегай!) хреном, и залей маринадом, как указано выше. Хрен — 10% к весу свеклы.

С ЯГОДАМИ: Укладывая свеклу в банки, пересыпь ее ягодами черной смородины (4 части свеклы, 1 часть смородины), или ягодами вишни (5 частей свеклы, 1 часть вишни), затем залей маринадом.

С ЯБЛОКАМИ: Свеклу перемежай с дольками кислых яблок (5 — 10% к весу свеклы), залей горячим маринадом: на 1 литр воды — 10 г уксуса, 30 — 50 г соли, 100 г сахара, корица, гвоздика, душистый перец.

Банки прикрой крышками и стерилизуй в кипящей воде 15 — 20 минут, закатай.

квашеная свекла — соком намокла

Свеклу вымой, очисти от кожицы, 1/5 часть плодов порежь на ломтики, уложи в стерильные банки или эмалированную посуду, залей теплой кипяченой водой (на 1 кг свеклы — 2 литра воды). Брось в каждую банку по корочке ржаного хлеба, дай перебродить в теплом месте. Когда брожение закончится — вынеси в холодное место.

соленая свекла в банках

Свеклу замочи на 20 минут, вымой и отвари 20 минут, охлади в отваре, очисти от кожицы, ополосни холодной водой, порежь ломтиками и уложи в банки, залей кипящим рассолом, накрой крышками, стерилизуй в кипящей воде 40 — 45 минут, закатай. Банки переверни вверх дном, чтоб остывали. Рассол: на 1 литр воды — 20 — 30 г соли.

свекольный сок

Свеклу вымой, очисти, ополосни кипяченой водой, нарежь ломтиками и уложи в эмалированную посуду, пересыпая сахарным песком (400 г песка на 1 кг свеклы), выдержи 30 часов, чтоб отделился сок. Затем слей сок через марлю в стерильные банки, закатай прокипяченными крышками и храни в холодильнике не более месяца. Для долгого хранения банки пастеризуй в горячей воде до 85 градусов, затем закатывай.

свекольный квас

Русь не превзойдена в сортах квасов. Все они целебны и все они забыты. А жаль... Квас клюквенный, малиновый, лимонный, земляничный, вишневый, рябиновый, грушевый... Господи! Не перечислишь. Ну, вот хотя бы свекольный, самый простой.

Красную свеклу промой, очисти и сырую порежь. Затем залей кипяченой водой, обвяжи посуду чистой тряпкой и дай свекле настояться 3—5 дней. Квас готов! Пей да добавляй свежей кипяченой водички, пока свекольный вкус не иссякнет. Выдержи селедку в таком квасе несколько минут — вкус она приобретет нежнейший. Такой квас и для окрошки годен.

квашеная морковь — и такую сготовь!

Ах, морковь, девичья любовь! Для белых зубов, снежно-молодых, жемчужовых... Готовь и впрок морковный шелк, чтоб щеки бархотели, хвори отлетели.

Помой морковь, очисти, порежь кубиками или как тебе любо. Уложи

в простерилизованные банки, залей остуженным, прокипяченным рассолом (на 1 литр воды — 40 — 50 г соли), прикрой небольшим гнетом и выдержи банки в комнате для брожения 5 — 10 дней, снимая пену и промывая деревянный кружок из-под гнета кипяченым раствором соли. Потом банки закрой и храни в холодильнике.

морковь в рассоле

Морковь вымой, почисти, порежь, выдержи в кипящей воде 5 минут, обдай холодной водой и уложи в прошпаренные и промытые с содой банки, залей рассолом (на 1 литр воды — 2 столовые ложки соли), накрой прокипяченными крышками и стерилизуй в кастрюле с кипящей водой один час, постелив на дно кастрюли тряпку или положив решетку. Банки закатай, переверни вверх дном, дай остыть. Храни в прохладном месте. Хороша такая морковь для салатов, винегретов, приправ, соусов.

Если морковь не очень сладкая — добавь к ней, перед тем как залить рассолом, тертые яблоки. На 1 литровую банку — пол-яблока.

морковь с луком — средство от разлуки

Вот попробуй, попробуй — от тоски помогает, морковный огонь с луковым пересекается...

Очищенную морковь и мелкий очищенный лук порежь кольцами-колечками: «Лук, горький лук, избавь меня от мук!» Уложи в простерилизованные банки, залей кипящим раствором, закатай прокипяченными крышками, переверни вверх дном, чтоб остывали. Раствор: на 1 литр воды — 50 г сахара, 30 г соли, 2 столовые ложки уксуса яблочного или 3 г лимонной кислоты, 1 столовая ложка семян тмина или кориандра.

морковь с яблоками

Кислые яблоки и морковь вымой, порежь, уложи в простерилизованные банки и залей кипящим раствором: 0,5 литра воды, 0,5 литра яблочного сока, изготовленного в домашних условиях, 100 г растительного масла, 1 столовая ложка кориандра. Накрой прокипяченными крышками и закатай.

морковь духмяная

Морковь и корни петрушки вымой, почисти, порежь, выдержи в кипятке полминуты, уложи в простерилизованные банки и залей кипящим раствором: 0,5 литра воды, 0,5 литра яблочного сока, изготовленного в домашних условиях, 100 г растительного масла, 1 чайная ложка тертого чеснока, 10 г черного перца. Банки закатай прокипяченными крышками и переверни вверх дном, чтоб остыли. Храни в прохладном месте.

морковь с облепиховым соком

Такая заготовка целебна. Она хороша и для малых деток, и больных, ослабленных людей.

Вымытую морковь протри на терке, только — не металлической! Добавь облепиховый сок и сахар (на 1 кг моркови — 200 г сахара и 200 г облепихового сока). Перемешай и кипяти 20 минут, кипящую массу разлей в стерильные банки, прикрой прокипяченными крышками

и стерилизуй в кипящей воде 10 минут. Закатай, банки переверни вверх дном, чтоб остыли.

Вместо моркови можно взять ломтики очищенной тыквы или кабачка. В заготовку можно сахар и не добавлять.

кабачки кумачовые

Кабачки порежь кружочками, уложи в чистую трехлитровую банку, простерилизуй паром (трубочкой, надетой на носик кипящего с водой чайника, второй конец — опущен в банку). Трехлитровая стерилизуется 15—20 минут, литровая — 10 минут. Залей кабачки кипящим раствором: 1 стакан сока красной свеклы, 1 стакан домашнего яблочного сока, 1 стакан растительного масла, 3 г лимонной кислоты или 2 г аскорбиновой кислоты, 1 столовая ложка семян укропа. Закатай прокипяченной крышкой, переверни вверх дном, чтоб банка остыла.

А можно сделать не кумачовую заливку, а зеленую: 1 стакан яблочного сока, 1 стакан воды, 1 стакан растительного масла, 30 г сахара, 30 г соли и 50—60 г тертого чеснока.

тройная заготовка

Вымытые кабачки, морковь, яблоки порежь, как тебе любо, и красиво уложи в чистую банку, простерилизуй горячим паром, как указано выше, и залей кипящим раствором: 0,5 литра воды, 0,5 литра яблочного сока, изготовленного в домашних условиях, 50 г меда или сахара, 30 г соли, 3 г лимонной кислоты или аскорбиновой, 10 листочков лимонника. Банку накрой прокипяченной крышкой, закатай.

патиссоны в маринаде

Выбери средние патиссоны с нежной кожицей, вырежь плодоножку у каждого плода, затем промой патиссоны и выдержи в кипятке пять минут, облей холодной водой, крупные порежь на доли. Уложи в стерилизованные банки, перемежая и пересыпая мелко порезанной зеленью петрушки, мяты, укропа, измельченным хреном, сельдереем, чесноком, стручковым красным перцем. Залей горячим маринадом и стерилизуй в кипящей воде (литровые банки — 10—15 минут). Закатай.

На литровую банку — 500 г патиссонов, 10—15 г укропа, стручок красного перца, 4—5 зубчиков чеснока. Маринад: на 10 литровых банок патиссонов — 3,5 литра воды, 300 г соли, 0,5 литра 6%-ного уксуса.

вкуснейшее ассорти — в магазинах не найти

Возьми, милая хозяйшюшка, кабачки, патиссоны или тыкву — 1 кг, 0,5 кг помидоров, корней петрушки с зеленью 200 г, репчатого лука 200 г и соль по вкусу. Овощи промой, порежь красиво, добавь 200 г воды и вари в эмалированной кастрюле 40 минут, быстро разложи в стерильные банки, накрой прокипяченными крышками и закатай. А можно вместо кабачков взять 500 г моркови и 500 г корней пастернака.

Зайдет милый друг — угостишь, а не зайдет — не загрустишь.

икра кабачковая, заморская!

Если осетровая икра надоест (хм!), можно и кабачковую на стол выставить. А уж дома изготовленная — очень вкусна! Ешь, похваливай да еще наваливай!

Кабачки вымой, порежь на кружки, обжарь в масле. Отдельно обжарь помидоры и лук. Обжаренные кабачки мелко порежь или истолки. Все овощи перемешай, добавь по вкусу соль и молотый перец. Массу доведи до кипения и кипящую быстро разложи в стерильные банки, накрой прокипяченными крышками, стерилизуй в кипящей воде: литровые — 100 минут, пол-литровые — 75 минут. Сразу закатай, переверни вверх дном, чтоб остыли, вынеси в прохладное место, банки могут храниться до весны.

На 500 г кабачков — 300 г красных помидоров, 200 г репчатого лука. Готовить — забота, хоть тяжел денек — будет легок годок. Полны кадушки — веселы старушки, домовою не гневится и ухажер стучится.

МОЕ ВЕДОВСТВО

от высокого давления

Свежий сок красной свеклы смешай пополам с медом и пей по 1 столовой ложке семь раз в день. Перед питьем дохни на сок с силой, а потом сделай рукой овальное движение, словно снадобье в шар заключаешь. А когда сильно сдавит виски — сделай крутой, густой отвар из сушеных груш и сушеной свеклы (5 частей груш, 1 часть свеклы) и в виде примочки наложи на лоб на 1 — 2 часа, обвяжи сухой тряпкой, полежи спокойно.

от зубной боли

Когда ничего иного нет, возьми два кусочка сырой свеклы, зашепчи: «Рдяница-свеклица, всоси мою боль — жгучую, колючую, вертучую... Лишь ты охладил, лишь ты освободил! Аминь». Обложи больную десну с обеих сторон ломтиками свеклы и держи 15 — 20 минут, боль утихнет.

от насморка

Промывай нос отваром свеклы с добавлением меда (30% меда), а после промывки делай точечный массаж от насморка. У кого огненные ладони — можно этот массаж делать не прикасаясь. Если в день сделать так 12 раз, то на второй, третий день все проходит.

при болезнях селезенки, диабете, малокровии

Когда больна селезенка — пей свежий свекольный сок в теплом виде по полстакана 3 раза в день за час до еды. Перед тем как пить из стакана — делай взглядом бережный крест на поверхности сока. Так же пей сок свекольный при диабете, но по 1/4 стакана, и при малокровии по 1/2 — 1 стакану.

от ангины

Натри (только не на металлической терке!) полтора стакана свеклы, плесни туда 1 столовую ложку уксуса, пусть свекольная каша изомлеет соком, настоится. Затем через марлю отожми сок и положи им горло — очень хорошо помогает. Точно так же можно использовать и морковный сок.

ОТ СИЛЬНОГО КАШЛЯ

Смешай свежий сок моркови (можно сок редьки, репы) пополам с медом и пей по одной столовой ложке семь раз в день. Или: отвари тертую морковь в молоке (3 столовых ложки морковной кашицы на 1 стакан молока) и пей по 1 стакану 3 — 4 раза в день. Шепот над питьем от кашля таков: «Гортанная перещица-свербежица, покинь раба Божьего (имя). Да пусть твоя удавка измодеет, а плоть моя помолодеет. Аминь». Если нечаянно прольешь зашептанное — остаток не пей, а готовь снабдобе заново.

ОТ КОЖНЫХ ЯЗВ

Сделай кашку из свежей свеклы или моркови и налагай на язву, сверху прикрой ошпаренным свекольным листом, обвяжи тряпкой, затем надо один час высидеть при лунном свете, чтоб лунь освещала повязку. Когда лунная синева осветит — трижды, вышепчи в нее свою силу заговором, наклонясь над больным местом или наложив ладонь: «Белая лунь, лунь, лунь! Немочь с раба Божьего (имя) сдунь, сдунь, сдунь! Обели бельную, облей светлыню, лепестково сомкни! Аминь». Повязку снимай утром. Когда это делает сильная ведунья — язва к утру исчезает. А вообще курс лечения — до двух недель.

ИЗ СВЕКОЛЬНЫХ ТАИН

Любезная хозяйюшка, когда свеклу отвариваешь — не соли водицу, свекла будет вкуснее. А чтобы она при варке сохранила свой огненный цвет — брось в воду немного сахара или подлей полстакана хлебного кваса. Перед варкой хвостики и черешки не обрезай, лучше — промой почище. И никогда не запекай свеклу на металлическом противне — вкус будет нехорош, дух металла враждует с этим корнеплодом. И еще — свекольные блюда, изготовленные в полнолуние, всегда вкуснее, ароматнее, нежнее.

ПЕРЕЦ И БАКЛАЖАНЫ, ЛУК И ЧЕСНОК ДА ЗЕЛЕНИ ПУЧОК...

Богаты молодки —
Солят самородки!

перец в маринаде на постном масле

Без батюшки-перца куда нам деться? В меру перчи, в меру горчи. А совсем-то пресно — не интересно. А и дева без перца — не обожжет

сердца. Смирёна молодушка, да есть перчика кадушка.

Значит, так. Перец вычисти от внутренних семян. Ну, конечно, сладкий красный перец! Промой, затем опусти в живой кипяток на 2—3 минуты, облей студеной водой, уложи в стерильные банки, плотно уминая и перемежая специями: на 10 кг перца — горсть вишневых листьев, несколько корешков сельдерея, пучок зелени петрушки, три головки чеснока, 15—20 лавровых листочков. Перец залей растительным маслом (на 10 кг перца — 20 г масла), а затем залей прокипяченным и охлажденным маринадом: на 10 кг перца — 7 литров воды, 630 г соли, 700 г уксуса. Оставь перец в комнате для брожения на 10—12 дней, затем банки закатай прокипяченными крышками, вынеси в холодное место. Такую заготовку можно делать и в эмалированной посуде.

перец по-городскому

Вымытый и очищенный красный сладкий перец выдержи в кипятке 2—3 минуты, обдай холодной водой, отожми и плотно, сплющивая, уложи в стерильные банки, перемежая специями: зеленью укропа, петрушки, чесноком, хреном, черным горошковым перцем, лавровым листом. Затем залей горячим маринадом: на 1 литр воды — 60 г соли, 15—20 г уксуса, чуток корицы и гвоздики, банки стерилизуй 35—55 минут, закатай прокипяченными крышками, переверни вверх дном, чтоб остывали.

Или так: перец, уложенный в стерильные банки со специями, залей маринадом кипящим: на 1 кг перца — 750 г воды, 2 столовые ложки сахара, 2 столовые ложки соли и 5 г лимонной кислоты. Банки прикрой прокипяченными крышками и стерилизуй в кипящей воде 15—20 минут, смотря по объему банки.

Закатай, переверни.

перец в кадочке пряной укладочки

Вымытый и очищенный от семян и плодоножек перец по одной штучке опускай в горячий маринад: на 1 кг перца — 200 г столового уксуса, 50 г растительного масла или оливкового, 5 г соли, 6 столовых ложек сахара, горький и душистый перец, лавровый лист, зелень петрушки и укропа, чеснок. Через пять минут перец выложи на сито и выдержи так сутки. Уложи в прошпаренную кадочку или эмалированную посуду, перемежая измельченным чесноком, горьким и душистым перцем, лавровым листом, мелко нарезанной зеленью укропа и петрушки. Накрой чистой белой тканью, прижми деревянным кружком с гнетом и оставь на 3—4 дня в комнате.

Вынеси в погреб. Через две недели — перец готов! И вкусен и холоден!

перец в рассоле

Вымытый и очищенный от семян перец опусти в кипяток на три минуты, обдай холодной водой и уложи в стерильные банки поплотнее, добавив черного перца горошком и чеснока. Залей прокипяченным и охлажденным до 70 градусов рассолом (на 1 литр воды — 5 г соли), накрой прокипяченными крышками, стерилизуй в кипящей воде 10—15 минут, затем банки закатай.

Или делай так: вымытый и очищенный перец уложи в эмалированную посуду, начиная его и пересыпая смесью (на 1 кг перца — 70 г соли, 100 г сахара), выдержи сутки в комнате. Затем переложи перец в стерильные банки, залей соком, что образовался при выдержке, уплотни и залей растительным прокипяченным маслом, чтоб сверху получился слой в 3 см. Банки закупорь и храни в холодильнике.

перец боярский

Пробуйте, боярыни! Славное блюдо — и ублажает, и исцеляет, и свежести прибавляет.

Вымытый и очищенный от семян перец, кабачки промытые (или патиссоны) порежь кольцами в 1 см толщиной, добавь дольки яблок с вырезанной сердцевинкой — все это опусти на пять минут в кипящий раствор: 1 часть меда, 1 часть яблочного уксуса или яблочного сока, изготовленного в домашних условиях, 1 часть воды. На 1 литр такого раствора — 3 столовые ложки соли. Затем овощи уложи в стерильные банки, залей этим же кипящим раствором, накрой прокипяченными крышками, закатай и переверни банки вверх дном, чтоб остыли. Такую вкуснятину не стыдно подать, будет довольна боярская знать.

В такой заготовке, когда берешь для раствора 1 часть воды, можно половину ее заменить растительным маслом.

перец с начинкой

Ой, хороша закуска! Такой перец один раз попробуешь — долго будешь вспоминать. Да подавай с улыбкой, да подплывай рыбкой, да шуткою потешь, да черной бровью режь!

А заготовка такова. Вымытый и очищенный от семян перец, но не изрезанный, опусти на 3 минуты в кипящую воду. Затем перцовые «стаканчики» наполни начинкой: на 10 кг перца — обжаренной моркови 8 кг, обжаренного пастернака 400 г, обжаренных корней сельдерея 200 г, корней петрушки обжаренных 200 г, обжаренного репчатого лука 1100 г, зелени укропа 100 г, соли 200 г.

Перец с начинкой уложи в стерильные банки, накрой прокипяченными крышками, простерилизуй и закатай. Вынеси на холод.

икра из перца

Перец очисти от семян, выдержи в кипящей воде 8 минут, пропусти через мясорубку или протри сквозь сито из нержавеющей стали. Затем перцовое пюре доведи до кипения и, помешивая, кипяти пять минут. Сразу же разложи в стерильные пол-литровые банки, накрой прокипяченными крышками и стерилизуй один час, потом закатай.

Такой перец можно и в супы, и в соусы добавлять, вкуснейшая приправа. Попробуй, пава!

баклажаны в маринаде

Нам сказали: баклажаны употребляют только Жанны. Да такие баклажаны употребляют все Иваны!

Баклажаны промой, очисти от кожицы, порежь кружками, посоли (на 1 кг баклажанов — 50 г соли), положи на эмалированный противень с наклоном, чтоб горечь стекла. Через два часа вымой холодной водой и выдержи в кипящем маринаде частями около 8 минут. Маринад: 50 мл

воды, 5000 мл уксуса, 10—15 г соли. Откинь баклажаны на сито, охлади и уложи в стерильные банки, пересыпая зеленью петрушки, укропа, измельченным чесноком, кусочками лаврового листа, горошком черного перца, и полей немного вскипяченным и охлажденным растительным маслом. Сверху в банки положи белой хлопчатобумажной ткани и налей растительного масла слоем 2 см. Банки закрой пластмассовыми крышками, храни в сухом, прохладном месте.

баклажаны или сладкий перец квашеные

Баклажаны (или перец) промой, удали плодоножки (у перца удали семена) и выдержи в кипящей воде 1/2 минуты. Затем уложи в стерильные банки или в кадку, перемежая веточками укропа и эстрагона. Залей рассолом: на 1 литр воды — 7 столовых ложек соли. Если баклажаны или перец в кадке, то сверху положи деревянный кружок с гнетом.

Сладкий зеленый перец можно солить и с огурцами.

баклажаны фаршированные в маринаде

Что ж, готовь на всякий вкус, хозяйюшка! На магазины — надежи мало! Будет и в магазинах, да не так, как готовит Зина... Не так, как Марьюшка! А уж если возьмется Дарьюшка... Ух!

В общем, приготовь баклажаны к маринаду, как указано выше (баклажаны в маринаде). После того, как горький сок оттек и баклажаны промыла в холодной воде, опусти их в кипящую воду на 3 минуты, чтобы обмякли. Затем наполни начинкой баклажанные «стаканчики»: смесью из мелко порезанной моркови, петрушки, укропа, измельченного чеснока, горошинами душистого и черного перца. Разрезы сожми и обмотай листьями и веточками сельдерея. Начиненные баклажаны уложи в стерильные банки и залей горячим маринадом: на 3 литра воды — 3 литра уксуса, 500 г соли. Банки закупорь, храни в прохладном месте.

лук маринованный

Хорош лучок, золотистый бочок. Крестьянский стол без лука — скука. Про лук есть очень много и народных поговорок, но я, как и во всей этой книге, дарю вам прибаутки из своих сундуков. Из сундуков не запечных, а из хрустальных, сердечных!

Без храма слепа сторонка, без лука бедна котомка. Это разве мужичок, коль не пробовал лучок! Над луком пореви — полегчает в любви. При горькой разлуке — ворожи на луке.

А вот, любезная красавица-хозяйюшка, луковый совет. Очисти лук от шелухи, ошпарь луковицы кипятком, охлади студеной водой и уложи в стерильные банки, залей горячим маринадом: на 1 литр воды — стакан уксуса, 50 г соли, 50 г сахара. Банки стерилизуй 25 минут, закупори. Хорош такой лучок и в салатах, и к мясным блюдам. Пряности при маринаде лучше не использовать, чтоб дух луковый был посильнее.

квашеный чеснок

Очищенный чеснок вымочи в воде 3—4 часа, ополосни и уложи зубчики в банки или эмалированную посуду, перемежая соцветиями укропа. Залей прокипяченным и охлажденным рассолом: на 1 литр воды — 50 г соли, 25 г столового уксуса. Чеснок выдержи в комнате для брожения десять дней. Храни в холодильнике или в холодном погребе.

чеснок соленый

Очищенный чеснок вымачивай трое суток, меняя воду. Уложи в стерильные банки, добавь душистый перец и лавровый лист, залей прокипяченным и охлажденным рассолом (на 1 литр воды — 100 г соли), накрой прокипяченными крышками и стерилизуй 5—15 минут, закатай, переверни банки вверх дном, чтоб остыли.

зелень

Петрушку, укроп, сельдерей и любую другую зелень промой, уложи в стерильные банки, залей маринадом: на 1 литр воды — 1 стакан 6%-ного уксуса, 50 г соли, 50 г сахара. Банки стерилизуй 30 минут, закатай. А еще — перья зеленого лука промой, обсуши, перетри с солью (на 1 кг зелени лука — 200 г соли), умни в банки, залей слегка растительным маслом — храни в холодильнике или погребе. Ну вот, милая хозяйка, полон погребок — не страшен годок!

МОЕ ВЕДОВСТВО

от желчнокаменной болезни

Возьми две столовые ложки семян укропа, трижды дунь на них с трех сторон: «Дева-вихрица, помоги исцелиться рабу Божьему (имя). Выдуй хвори, немочи, ослабы, лихоманы и сглазы! Аминь». Залей семена двумя стаканами кипятка, отваривай 15 минут. Давай пить больному по 1/2 стакана 4 раза в день в течение трех недель, ни разу при этом (шепотом) заговором не пренебреги.

Отвар семян укропа целебен и при пониженном артериальном и внутриглазном давлении. А еще хорошо его пить молодке, кормящей младенца, — молока прибавится и дитя будет спокойнее ночами.

при камнях в почках

Пей отвар сухих цветков фасоли: 1 столовая ложка на стакан кипятка. Или делай отвар створок стручков фасоли: заливай кипятком (1:10), кипятить 15 минут. Пей по 1/2 стакана 3 раза в день за полчаса до еды. Хорошо этот отвар сделать пополам с листьями черники. Причем действие и заговор такой же, как на семена укропа.

Это же средство применяй при подагре, сахарном диабете и ревматоидных артритах.

от незаживающих ран, ожогов

Сделай порошок из зерен фасоли и посыпай им раны, ожоги. Можно смешать этот порошок с облепиховым маслом. Или мелко порежь и раздави в кашу лук, заверни в марлю и прикладывай к ране огненный комок. Этот комок прикладывай к больным местам и при ревматоидном артрите, но в этом случае, сделав повязку и после нее, снимай ладонью над больным местом черную, невидимую пену. Снимай то плавно, то резко и бросай ее на тряпку, которую специально держи для этого и через месяц выбрасывай или сжигай.

от сильного кашля, коклюша

ОГНЕННОЕ МОЛОКО: порежь 10 луковиц мелко, истолчи 1 головку чеснока, все это отвари в молоке до мягкости, добавь сока мяты и липового меда. Трижды обнеси вокруг снадобья огонь (зажженную лучину) с таким заговором: «Царь-огонь-огнище, высуши, выпали перхоту у раба Божьего (имя). Пусть огонь войдет в огонь и погаснет огнищей! Аминь». Пусть огненное молоко настоится часок, затем процеди. Принимай по столовой ложке весь день.

от мозолей

Когда невыносимо натрет вилами или граблями ладонь, когда она сильно саднит — вымочи луковую шелуху в уксусе и наложи слой истолченной шелухи на мозоль, завяжи на ночь. Повтори так несколько ночей.

от растяжения жил

На крестьянской работе и такое случается. Толченый лук, кашку, смешай с сахарным песком наполовину, намажь этой мазью тряпку, приложи к больному месту и обвяжи на ночь.

при склерозе мозга

Хорошо при этой немочи пить спиртовую настойку лука. А еще хорошо такое снадобье: стакан сока лука смешай со стаканом меда. Пить — по столовой ложке 3 раза в день за час до еды и 2 часа спустя после еды. Курс — 2 месяца. Сделай перерыв на две недели и повтори курс.

при выпадении волос

Возьми 1/4 стакана убойной свиной или телячьей крови, вымажи у себя одну прядку волос, остальную кровь после заката вылей на землю с таким пришептом: «Царь-Велес! Лохматиче, волосатиче! Пей рудицу, помоги оволоситься! Чтоб росли волоса, как темные леса! Чтоб шелковели, как твои метели! Внемли мне, рабу Божьему (имя). Аминь». Тут же свою голову вымой и сразу после мытья готовь такое снадобье: 1 часть коньяка, 4 части лукового сока и 6 частей отвара корней репейника. Периодически натирай этой смесью голову, результат очень хорош.

узорное полотенце

Имей в своем доме обережное полотенце — ослепительно-белое, вышитое тобою по концам яркими нитками и особым обережным узором: елочки, женские фигурки с лошадьми, крестики... Все это — особые знаки. Повесь полотенце в красном углу под иконами. Оно приносит в дом женское счастье, лад, уют, доброту. Когда сильно горе, вымой лик родниковой водой и утрись концом полотенца — полегчает. Болеет кто в доме — утри его этим полотенцем, хворь начнет отступать. Сын в армию уходит — оботри ему бережно лик и головушку материнским этим полотенцем. Младенца внесла в дом — вытри ему глазки чистой бельню, чтоб смотрел на мир по-доброму, чтоб видел свое Отечество и сердцем и душою!

Хлеб-соль дому Вашему! Крест святой и поклон — на красный угол Вашей светлой избы. Аминь.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных задач международного конкурса составления шахматных миниатюр «Смена-93». Те композиторы, которые хотят увидеть свои задачи напечатанными в журнале, должны скорее посылать их в редакцию, не дожидаясь окончательного срока.

Публикуем также правильные ответы на задачи, помещенные в «Смене» № 10 за 1992 г. Быстрее других справились со всеми этими заданиями В. Давиденко из Казани, М. Дерябин из г. Ленинска Кзыл-Ординской обл., И. Некрасов из Архангельска, В. Симонов из Самары, В. Станкевич из Челябинска, Н. Чистяков из Омска и М. Шворин из Харькова.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

«Смена» № 10, 1992

64. С. Веселенчук. 1. Kd1? Cd4!, 1. Kd5? Ca5!, 1. Kc4!

65. А. Зарх. 1. Kf3? Kpe4!, 1. Cc2!

66. В. Мельниченко. 1. Фd4!

67. В. Солдатов. 1. Kpc2? Кра5!, 1. Kc7? Кра3!, 1. Kb4!

68. О. Ковбаса. 1. Фе8!

69. Е. Беляев. 1. Фh2!

70. С. Бородавкин. 1. e3 fe 2. fe, 1...f3 2. Kpe7!

71. В. Антипов. 1. Cd7? Фc7, Фf6 2. Cc7, Cf6, 1...Кра8! 1. Cb7! Фd6, Фf6 2. Лc6, Лс6

72. В. Самило. 1. Cc2! bc 2. Фf5!

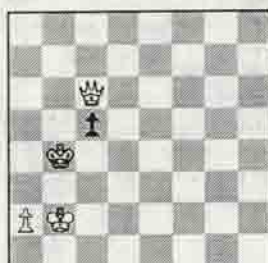
73. В. Иванов и Н. Шишкин. 1. Cd4 Kph5 2. Ce3, 1...Kpf4 2. Fg2, 1...Kph6 2. Cf6, 1...Kph4 2. Фf5

74. А. Каргаполов. 1. Лd6 Лb4 2. c4 Лc4 3. Kd2 Kpe5 4. Kc4 Kpe4 5. f3x

75. В. Кириллов. а) 1. 1. Ле5 Kpd8 2. Kpd6 Kpc8 3. Kpc6 Kpb8 4. Ле4 Кра7 5. Ле8 Кра6 6. Ла8х
б) 1. Лf7 e3 2. Ле7 Kpd8 3. Kpd6 Kpc8 4. Kpc6 Kpb8 5. Ле3 Кра7 6. Ле8 Кра6 7. Ла8х

13. О. САКС

п. Таляй Магадинской обл.

Мат в 2 хода

14 А. ШАХНАЗАРЯН

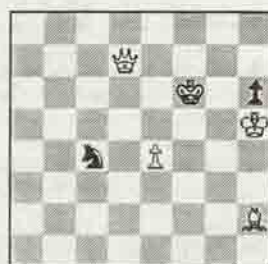
Керчь

Мат в 2 хода

15. Н. ЗИНОВЬЕВ

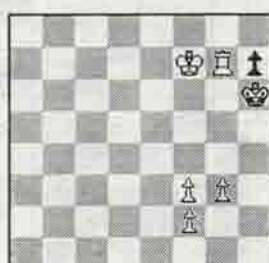
г. Усть-Каменогорск

Мат в 2 хода

16. С. ТКАЧЕНКО

с. Приазовское
Запорожской обл.

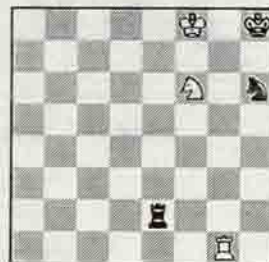

Мат в 2 хода

б) б.Лф3, в) б. Сф3, г) б. Кф3

17. А. АМАНБАЕВ

г. Сатпаев, Казахстан

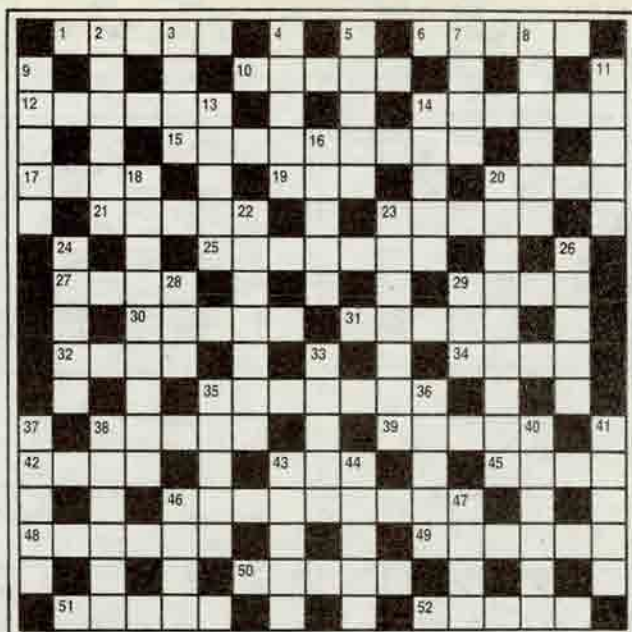
Мат в 3 хода

18. Л. ГРОЛЬМАН

Казань

Мат в 3 хода

1. Писательница-сатириконка, в честь которой были выпущены духи с ее именем. 6. Название бурдюка в поэме М. Лермонтова «Кавказский пленник». 10. Оса-парализатор, нападающая только на медведей. 12. Дерево, чье дупло служило тюрьмой в одном из северных городков Австралии. 14. Город, где в Альберт-холле ежегодно восемь тысяч человек публики вместе с профессионалами исполняют «Мессию» Генделя. 15. «Первая любовь революции». Подпись его отца стоит на золотом аттестате В. Ульянова. 17. Француженка, ехавшая на своем автомобиле по Булонскому лесу с «ужасающей» скоростью — тридцать километров в час, что и стало причиной введения 14 августа 1883 года первого в мире закона о правилах уличного движения. 19. Палач. 20. Представитель северного народа, впервые встретившегося с русскими в XII веке. 21. «Я на всякие ... готов, но не сам говорю я струной: только формы воздушных перстов облегаю звончатой волной» (А. Фет, «Золотые арфы»). 23. Страна, где в 1978 году нашли самую большую в мире глыбу нефрита весом тридцать тонн. 25. Первый хан первого Болгарского царства. 27. Отец поэта А. Майкова по отношению к первой русской актрисе Т. Тропольской. 29. «Если пасмурен день, если ночь не светла, если ветер осенний бушует, над душой воцаряется ум, бездействуя, вяло тоскует» (Н. Некрасов «Рыцарь на час»). 30. Русский тенор, автор статей и воспоминаний

об А. Рубинштейне. 31. Ученый, отказавшийся от профессорской должности в Цюрихском университете в пользу А. Эйнштейна. 32. Начало волнения. 34. Простонародье (по В. Ключевскому). 35. Мировоззрение, утверждающее примат веры над разумом. 38. Римский осадный дом на колесах. 39. Заячий след на снегу. 42. Ближневосточное дерево с твердой и ароматной древесиной. 43. Пояс дзюдоиста. 45. Уральское название речного омута, где зимует красная рыба. 46. Японский «дом с красными коврами». 48. Автор оперы «Ричард Львиное Сердце», романс из которой П. Чайковский использовал в «Пиковой даме». 49. Датский ученый. 50. «Всех больше надоедал Ермошке... Мыльников, который ежедневно являлся в кабак» (Д. Мамин-Сибиряк. «Золото»). 51. Итальянский музей, где хранится архив Ф. Брунеллески. 52. Событие, которое приближается, если вокруг корабля вьются самые маленькие из качурок.

По вертикали.

2. Шотландский танец. Его исполняли под аккомпанемент волынки. 3. Предмет одежды. Без него артиста в тридцатые годы не брали в Московский театр оперетты. 4. Австрийский экономист, утверждающий: «Рыночную систему так же нелепо называть несправедливой, как и Солнечную систему». 5. Стержневой символ армянского хачкара. 7. Кормить на ... (до отвала). 8. Поэма де ла Мотт Фуке. Ее высоко ценил З. По, подозревавший, что она автобиографична. 9. Действо, которым, по старинной поговорке, «слышит» собака. 11. Картина А. Венецианова, где на руке у героини сидят две бабочки. 13. Пушной зверь, сильным беспокойством предсказывающий грозу. 14. Немецкий химик, установивший, что жиры и углеводы служат для организма своего рода топливом. 16. Крупное судно, ходившее по Волге до середины XIX века. 18. Одно из русских названий ноября. 20. «Бледный конь Апокалипсиса» (С. Цвейг. «Вчерашний мир»). 22. «Установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»). 23. Самая близкая к науке религия. 24. Богиня подземного мира в мифологии острова Сулавеси. Когда она чешется, случаются землетрясения. 26. Предмет рокировки. 28. Первый сборник Сергея Городецкого. 29. Воткнутый в землю предмет. Скифы поклонялись ему как богу битв. 33. Самое большое дерево Африки. 35. Участник национально-освободительного движения в арабских странах. 36. Город, где жил И. Гутенберг. 37. Любимая собака Пилата в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». 38. Французский философ, говоривший о «величии страсти и воли». 40. Должность знаменитого винозаводчика П. Смирнова в Дворцовых соборах и церквях. 41. Беда, которая, по Н. Бердяеву, «во многом походит на революцию». 43. Материал, из какого была кружка А. Шенье. Он пил из нее чай в тюрьме Консьержери. 44. Старинное название аркана, укрюка. 46. Предмет, каким древние славяне стегали зверей, людей, растения, изгоняя злых духов и одновременно возбуждая силы здоровья, жизни и роста. 47. Набор вопросов, способных показать, чего стоит человек.

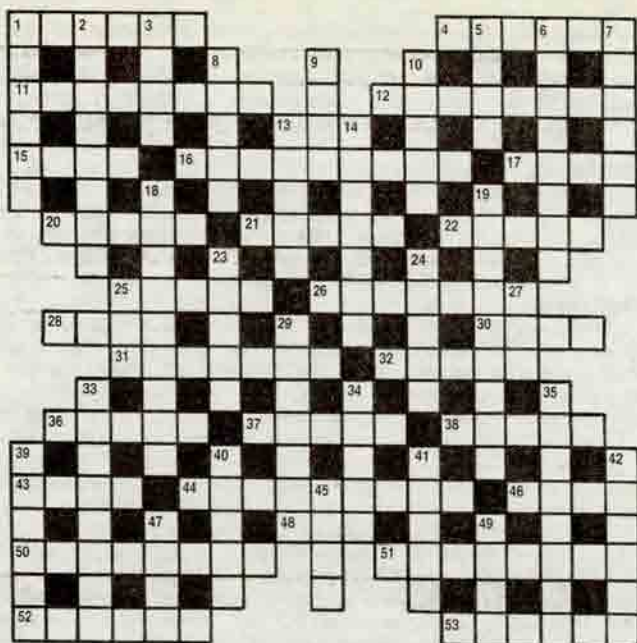
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

3. Ним. 5. Шип. 9. Голод. 10. Хурум. 11. Евангелие. 12. Гоген. 14. Аргон. 15. Фарси. 16. ...Штраубе. 22. Мамардашвили. 23. Шафран. 25. Рял. 26. Успех. 27. Покаяние. 30. Движение. 31. Алмаз. 32. Поло. 36. Яринцы. 37. Схимничество. 40. Цимоман. 41. Зарод. 44. Литий. 46. Взрыв. 47. Идеология. 48. Дуэль. 49. Здгар (Дега). 50. Хна. 51. Том.

По вертикали.

1. Молот. 2. Жозеф. («Чума»). 3. Новоспасский. 4. Манн. 5. Шкентель. 6. Приказ. 7. Бурре. 8. Купол. 13. Накры. 14. Абраарак (Марокко). 17. Юмор. 18. Омма-тидий. 19. Звбея. 20. Бренность. 21. Энке. 24. Тоталитаризм. 28. Ненцкий. 29. Глима. 30. Дьяк. 33. Осов. 34. Ахматова. 35. Чехов. 38. Воздух. 39. Титус. 40. Цилле. 42. Дзюдо. 43. Рысак. 45. Зонт.

КРОССВОРД
Составила
Л. МИТИНА,
Архангельск

По горизонтали.

1. Спортивный снаряд, созданный в XIII веке и названный «осью Аполлона». Сейчас первый экземпляр — в Музее спорта в Париже. 4. Разновидность шрифтов, разработанная в подражание почерку Петрарки. 11. Художник С. Левицкий по занятию в Париже, где он открыл ателье, покинув Россию в 1859 году. 12. Самоцвет. В коллекции русского генерала В. Асташева была превосходная вставка весом более трех золотников. 13. Дерево, символ долголетия. 15. Имя известного провокатора Азефа. 16. Озеро в Венесуэле, над которым построен самый длинный в мире мост. 17. Женская одежда. 20. Единственное водяное растение, для которого грязная вода лучше чистой. 21. Абстракционист, снискавший на Западе славу «самого великого французского художника после Пикассо». 22. Пряность из лимонной или апельсиновой корки. 25. Змея, высживающая яйца. 26. Звание, которое английская королева может присвоить придворному поэту. 28. Потеря, убыток. 30. Свечение вокруг головы святого на иконах, картинах. 31. Древнегреческий математик, олимпийский чемпион в кулачном бою. 32. Разведка. 36. Шерстяная ткань с густым ворсом. 37. Мудрая птица во многих мифах мира. 38. «Лошадиная фамилия» у А. Чехова. 43. Эстетическая и эмоциональная потребность не только людей, но и многих зверей, птиц. 44. Самый «новозеландский» цветок. У нас он голубой, а там — белый, желтый, кремовый. 46. Территория с одинаковыми природными признаками. 48. «Гений, ..., характер народа

проявляются в его пословицах» (Ф. Бэкон). 50. Растение, чутко реагирующее на загрязнение атмосферы. 51. Восьмой месяц французского республиканского календаря. 52. Плод, в котором, по выражению восточного поэта, застыли капли крови влюбленных. 53. Физик, чье имя всегда на устах у электриков.

По вертикали.

1. Заседатель участкового суда в Германии. 2. Замок около селения, где в 1613 году родился человек, ставший прообразом одного из мушкетеров. 3. Северная птица с самым «теплым» пухом. 5. Административно-территориальная единица в старой России. 6. Город в Англии, где идут самые древние механические часы в мире. 7. «Искусство света и тьмы». Первые образцы появились в XIII веке в храмах Сен-Дени и Сен-Шапель в Париже. 8. Пищевой продукт, которому в Южной Чехии, где он был впервые получен, стоит памятник. 9. Степень родства. 10. Деталь шляпы. Она красовалась на голове парижских дам в XIII веке. 13. Картина Рембрандта, попавшая в Эрмитаж в 1772 году благодаря Д. Дидро и князю Д. Голицыну. 14. Французский писатель, сказавший: «Слава — товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо». 18. Дальневосточная лиана, у чьих ягод тонкий аромат ананаса. 19. Противоположность естественности и простоты в поведении. 23. Самец-тетерев. 24. Жанр древнерусской церковной музыки. 25. Английский поэт, справедливо заметивший: «Приходить в гнев — значит, вымещать на себе ошибки другого». 27. Дерево, чья древесина не коробится и не гниет в воде. 29. Пищевой продукт, из которого в Германии делали грампластинки. 33. Кукла в кукле. 34. Растение, сопутствующее человеку. Там, где оно растет, можно смело разводить огород. 35. Фамусов — Петрушке: «Достань-ка календарь, читай не так, как ..., а с чувством, с толком, с расстановкой» (А. Грибоедов. «Горе от ума»). 39. Одна из ученых специальностей Андре Ампера. 40. Район Великобритании, откуда родом знаменитый кот из «Алисы в Стране чудес». 41. Система образования, выучка. 42. Французский актер, молодость которого прошла в Лондоне. 45. Крупный английский композитор XI—XII веков. Велика его роль в развитии музыки для верджинела. 47. Летнее пастбище в Крымских горах. 49. Единственная женщина в парусном спорте, ставшая олимпийской чемпионкой. В ее честь учрежден приз «Дракон».

203

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

3. Юбка. 6. Эпос. 10. Зернь. 11. Хорей. 12. Жаирзиньо. 13. Ходок. 15. Ясырь. 16. Рондо. 17. Макосса. 18. Лук... 23. Бортмеханик. 24. Подлог. 27. Июль. 28. Устой. 30. Златогор. 32. ...вор. 34. Цикламен. 35. Гарун. 36. Жабо. 39. Наирит. 40. Понедельник. 43. Кот. 45. Батарея. 46. Горит. 48. Пилос. 50. Сатир. 51. Трубнонос. 52. Щегол. 53. Чурек. 54. Енол. 55. Такт.

По вертикали.

1. Ледоруб. 2. Юниор. 4. Брандмейстер. 5. Аура. 6. Эпитафия. 7. Ольхон. 8. «Докса». 9. Гетры. 14. Кость. 15. Ясность. 19. Коллекция. 20. Жаров. 21. Флегматик. 22. Огурцов. 25. Гиацинт. 26. Элеутерококк. 29. Йог. 31. Канифас. 33. Ранец. 37. Волейбол. 38. Льюис. 41. Колизей. 42. Шадрин. 44. Лицей. 45. Богор. 47. Табун. 49. Форт.

ЗОРЕМА МЗЮКОВА

Александр СМИРНОВ

Судьба скульптора Александра Смирнова складывалась нелегко и во многом необычно. Он успешно закончил юридический факультет МГУ и десять лет проработал по специальности, совмещая работу с увлечением: вырезал из дерева маски, рельефы. Это продолжалось бы долго, если бы случай не привел его в студию известного московского скульптора и педагога Олега Яновского. Перед Смирновым встала дилемма: или юриспруденция, или искусство. И тут решающую роль сыграл Олег Яновский, который воспитал многих талантливых скульпторов. Уроки мастера многому научили Александра и прежде всего умение точно выражать свои замыслы.

Первые работы скульптора были отлиты в свинце, в скороварке, случайно найденной на помойке. Вспоминая об этом периоде, он в шутку называет его «тя-

285

Мастерская

Несение креста.

желым, свинцовым, серым». Неприятательные уличные сценки, выхваченные острым, наблюдательным взглядом, предоставляли художнику мотивы его ранних скульптурных композиций. Так, прохожий, несущий на плече свернутый ковер, вдвое превосходящий его рост, стал поводом для создания «Восточного мотива».

Постепенно Смирнов переходит от «случайных прохожих» к образам людей творческих. В сферу его внимания попадают А. Рублев, Н. Гоголь, А. Пушкин, П. Чайковский, С. Рахманинов. Непросто было воплотить в мелкой пластике эти, казалось бы, хрестоматийные образы. Но скульптор, прекрасно владея иконографическим материалом, сумел найти новые пути решения, отступив от канонов и утвердив свой взгляд на привычных для нас кумиров.

Наиболее плодотворный период у Смирнова связан с работой над религиозной темой. Художник увидел тут возможность прикоснуться к самой Истине. А путь к Истине, по мнению художника, — высшая цель искусства. Идеи, заложенные в библейском цикле, непреходящи. Скульптор предстает тут не просто иллюстратором, а философом, ищущим ответы на волнующие проблемы. Христианские заповеди в творчестве скульптора обретают новое самобытное воплощение.

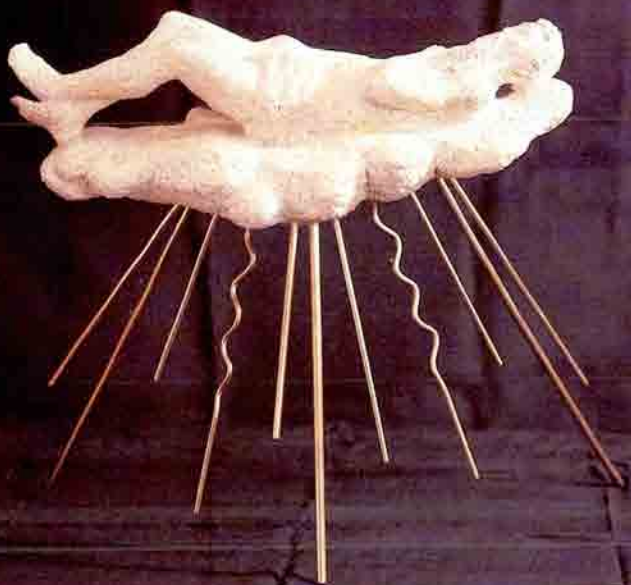
Каждая скульптура религиозного цикла — это притча, которую зритель должен истолковать по-своему, доверяясь своей интуиции.

Материализуя в образно-аллегорической форме библейские идеи, Смирнов показывает суть и истоки добра и зла, жертвенности и порока. Его герои попадают в самые невероятные, не свойственные реальности ситуации, взятые скорее из мифа или легенды. Богатая

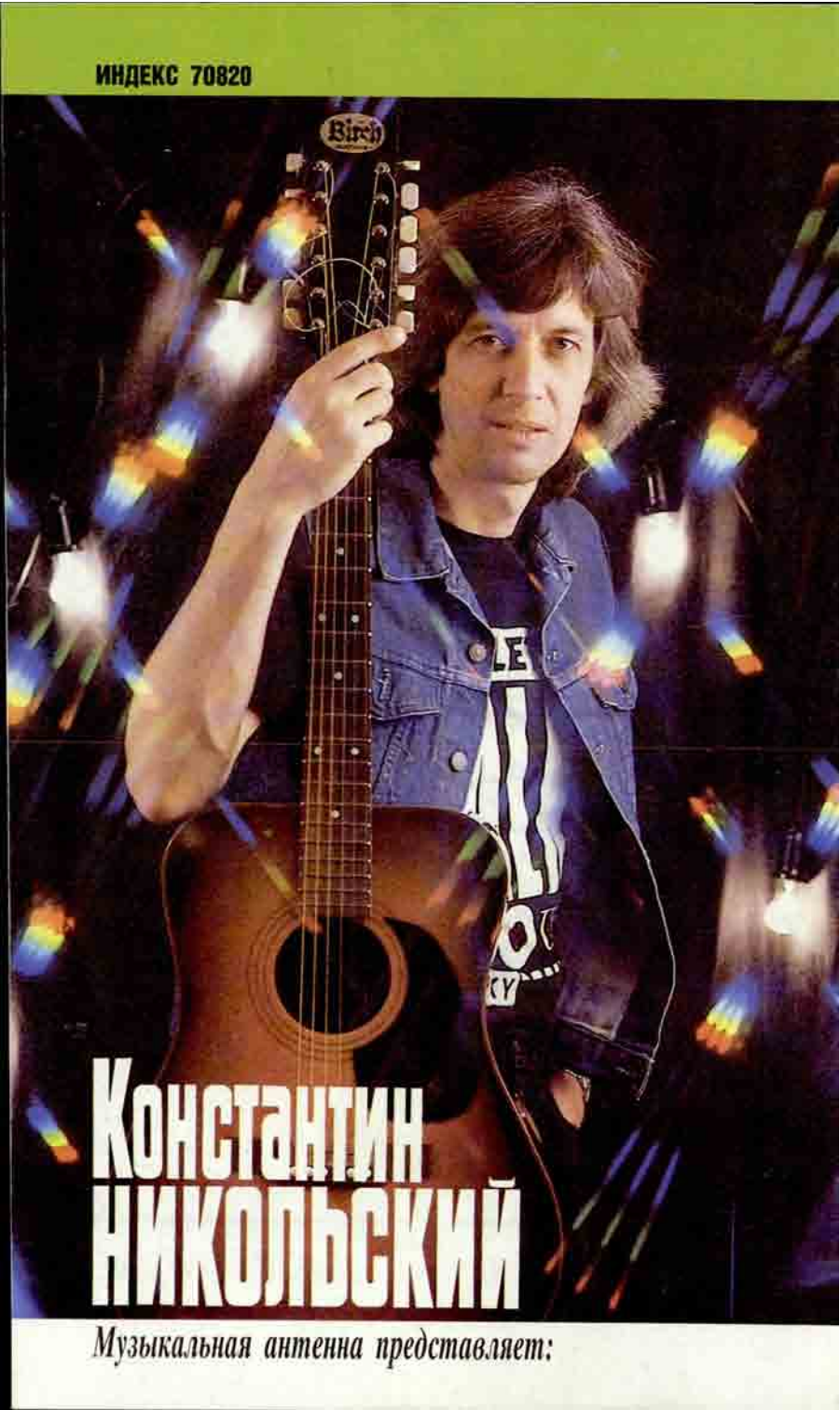
фантазия, занимательная острота и ирония свойственны лучшим работам религиозного цикла: «Иона», «Икар», «Искушаемый».

Тема гибели и возрождения, кары и покаяния проходит через весь цикл, особенно в скульптурах «Ной», «Иона», «О всех и за всех».

Накопленный опыт и профессионализм позволили Александру Смирнову проявить себя и в монументальной скульптуре. Исходными образцами послужили его станковые скульптуры А. Рублева и А. Невского, которые были задуманы как модели будущих памятников. Однако специфика новых, твердых материалов диктовала свои условия и привела к более монолитным формам, соответствующим городской среде. Скульптура Андрея Рублева органично вписалась в ансамбль площади перед драмтеатром в Нижнем Новгороде, а памятник А. Невскому установлен в одном из скверов Твери...

ИНДЕКС 70820

Константин Никольский

Музыкальная антенна представляет: